На правахъ рукописи

Михаилъ Хвостовъ
Профессоръ Казанскаго Университета

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ

ЛЕКЦІИ

читанныя въ Казанскомъ Университетѣ и на Казанскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ

Изданіе 2-е дополненное

КАЗАНЬ
Изданіе Книжнаго Магазина **Маркелова** и **Шаронова**
1917

Поправка.

На стр. 278 строки 29—37 слѣдуетъ читать такъ: „Относительно происхожденія этого произведенія выставлялось много гипотезъ, разбирать которыя здѣсь я не буду, скажу только, что нѣкоторые находили въ этомъ олигархическомъ трактатѣ позднѣйшія демократическія интерполяціи; другіе доказывали, что въ текстъ, написанный умѣреннымъ аристократомъ, внесены замѣтки крайнимъ олигархомъ (покойный проф. А. Н. Шварцъ). Трактатъ относится къ послѣднимъ десятилѣтіямъ V вѣка, но, вѣроятно. основная часть его написана до 424 г.“.

На правахъ рукописи

Михаилъ Хвостовъ
Профессоръ Казанскаго Университета

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ

ЛЕКЦІИ

читанныя въ Казанскомъ Университетѣ и на Казанскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ

Изданіе 2-е дополненное

КАЗАНЬ
Изданіе Книжнаго Магазина **Маркелова** и **Шаронова**
1915

Казань. Типо-литографія Императорскаго Университета. 1915.

I. Методы исторіи и общій обзоръ источниковъ по исторіи Греціи.

Историческая работа распадается на двѣ стадіи: описательную и объяснительную. Описательная стадія сводится къ возстановленію фактовъ, объяснительная къ ихъ истолкованію или объясненію. Методы описательной исторіи могутъ быть сгруппированы слѣдующимъ образомъ. 1) Прежде всего нужно собрать источники для возстановленія фактовъ. Эта стадія работы — собираніе и систематизированіе матеріала—называется *эвристикой*. 2) Далѣе идетъ стадія, именуемая *герменевтикой* (или интерпретаціей), которая имѣетъ цѣлью истолковать смыслъ собранныхъ источниковъ. 3) Далѣе въ собранномъ матеріалѣ историкъ долженъ отдѣлить достовѣрное отъ недостовѣрнаго. Это будетъ *критика*. И, наконецъ, 4) четвертая стадія описательной работы сводится къ возстановленію фактовъ. Это—*реконструкція*.

I. *Эвристика* заключается въ собираніи и расположеніи матеріала. Разсмотримъ, какимъ матеріаломъ источниковъ мы можемъ пользоваться для греческой исторіи.

1) *Языкъ* даетъ обильный матеріалъ для возстановленія фактовъ прошлаго. По исторіи языка можно возстановить нѣкоторые факты изъ жизни народа доисторической эпохи. Такова задача одного изъ отдѣловъ сравнительнаго языковѣдѣнія— *лингвистической палеонтологіи*. Доказано, что нѣкоторыя группы языковъ происходятъ отъ одного общаго языка. Если родственные языки имѣютъ какіе нибудь общіе корни, то изъ этого можно сдѣлать выводъ, что соотвѣтствующія имъ понятія были извѣстны народу, говорившему на первоначальномъ языкѣ. Нужно замѣтить, что родство языковъ не означаетъ обязательнаго родства народовъ. Въ исторіи языковъ новѣйшаго времени мы видимъ, что часто разные народы говорятъ на языкахъ другой расы, напримѣръ, часть русскихъ финновъ говоритъ

на русскомъ языкѣ; евреи въ Европѣ говорятъ на языкѣ той страны, гдѣ живутъ; галлы въ эпоху Римской имперіи говорили на латинскомъ языкѣ и т. д. Но родство индоевропейскихъ языковъ указываетъ на существованіе въ древности народа, говорившаго на индо-европейскомъ праязыкѣ. Группа этихъ языковъ (большая часть европейскихъ и часть азіатскихъ) происходитъ отъ одного праязыка. Путемъ сравненія корней этихъ языковъ мы можомъ возстановить, каковъ былъ уровень культуры праарійцевъ,—народа, говорившаго на индо-европейскомъ праязыкѣ. Такъ, если мы знаемъ, что обозначеніе льна имѣетъ общій корень въ этой группѣ языковъ (греч.—λίνον, лат.—linum, герм.—Lein, слав.—**льнъ**), то значитъ, что понятіе о льнѣ существовало у арійцевъ до ихъ раздѣленія. Но не только лингвистическая палеонтологія даетъ цѣнный матеріалъ для историка. Языкъ открываетъ намъ пути и для другихъ выводовъ. Напр., изученіе распространенія греческихъ діалектовъ проливаетъ свѣтъ на исторію разселенія греческихъ племенъ, на ихъ передвиженіе и т. п. Такимъ образомъ, изученіе данныхъ языка освѣщаетъ древнѣйшія историческія эпохи.

2) Другая группа источниковъ—это *вещественныя данныя*. Эти данныя изучаетъ *археологія*. По отношенію къ греческой исторіи вещественные памятники играютъ важную роль. При изложеніи курса на нихъ придется часто останавливаться. Они особенно важны для доисторическихъ эпохъ, но нерѣдко ими приходится пользоваться и для эпохи уже исторической. Изъ такого рода памятниковъ мы должны поставить на первомъ мѣстѣ утварь, оружіе, орудія, одежду. Особенно цѣнные памятники этого рода, относящіеся къ древнѣйшему періоду греческой исторіи, были открыты *Шлиманомъ*. Шлиманъ, думая открыть гомеровскую культуру, произвелъ цѣлый рядъ раскопокъ на мѣстахъ, фигурирующихъ въ гомеровскихъ поэмахъ: на мѣстѣ древней Трои, въ Микенахъ, Орхоменѣ, Тиринѳѣ и др. Эти раскопки даютъ матеріалъ для заключенія относительно экономическаго и культурнаго уровня данной эпохи. О раскопкахъ Шлимана подробнѣе будетъ идти рѣчь ниже. Данныя Шлимана были позднѣе дополнены раскопками Иванса (Evans) и др. на о. Критѣ.

Другую группу археологическаго матеріала представляютъ *остатки построекъ*. Сюда относятся, напр., остатки дворцовъ, открытые тѣми же Шлиманомъ, Ивансомъ и др. Они указываютъ на существованіе сильной политической власти, повидимому, царской.

Третья группа вещественныхъ памятниковъ—*гробницы*. Всѣ народы очень консервативны въ способѣ погребенія. Поэтому, если мы встрѣчаемъ совершенно одинаковые способы погребенія, то мы нерѣдко можемъ заключать, что эти погребенія принадлежатъ одному народу.

Въ особую группу слѣдуетъ выдѣлить *монеты*. Ихъ наличность указываетъ на существованіе денежнаго обмѣна. Характеръ валюты, монетная единица указываютъ на сферу обмѣна данной страны. По монетамъ можно возстановить хронологическую послѣдовательность династій, царей. Многія династіи Азіи послѣ эпохи Александра Македонскаго можно было опредѣлить только по монетамъ. Находки греческихъ монетъ въ Азіи указываютъ на распространеніе тамъ греческой культуры. Нахожденіе монетъ какого-либо государства въ отдаленной мѣстности является указаніемъ на торговыя сношенія этихъ странъ.

Важное значеніе для историка имѣютъ *памятники искусства*. Многаго изъ жизни греческихъ обществъ мы не знали бы, если бы не имѣли остатковъ произведеній искусства. Они знакомятъ насъ съ культурнымъ уровнемъ общества и съ его религіозными представленіями.

Какъ идетъ работа *по отысканію* археологическихъ данныхъ?

Теперь всѣ культурныя общества затрачиваютъ большія деньги на раскопки. Особенно щедро въ этомъ отношеніи было германское правительство. Въ Передней Азіи, Месопотаміи (на мѣстахъ ассиро-вавилонской культуры), въ Греціи и Италіи германскіе ученые производили раскопки. Въ Аѳинахъ и Римѣ существуютъ отдѣленія Германскаго Археологическаго Института. Особенно важныя раскопки сдѣланы нѣмцами въ Олимпіи и Пергамѣ. Найденныя въ Олимпіи древности оставлены въ Греціи. Изъ Пергама большая часть матеріала вывезена въ Берлинъ. Раскопки, кромѣ Германіи, производятся также греческимъ правительствомъ и Англіей. Послѣдняя производила ихъ между прочимъ на Кипрѣ, Критѣ и особенно въ Египтѣ. Какъ извѣстно, послѣ завоеванія Александра Македонскаго Египетъ обратился въ эллинистическое государство, а затѣмъ и римскую провинцію. Тамъ производятся систематическія раскопки Англійскимъ Обществомъ Изслѣдованія Египта. Въ Англіи большинство такихъ работъ ведется на общественныя средства. Сѣверо-американцы тоже приняли участіе въ раскопкахъ въ Греціи (теперь въ Америкѣ усилилось изученіе древ-

нихъ языковъ). Франція производила раскопки въ Греціи—въ Дельфахъ и на о. Делосѣ, а отчасти въ Египтѣ. Австрійскій Археологическій Институтъ производилъ обслѣдованіе М. Азіи. Россіей производятся раскопки на мѣстахъ греческихъ черноморскихъ колоній — въ Крыму (Херсонесъ, Пантикапей-Керчь и проч.), въ Ольвіи (около устья Юж. Буга). Академикъ Латышевъ пріобрѣлъ европейскую извѣстность изданіемъ греческихъ надписей, найденныхъ на югѣ Россіи.

3) Третья группа источниковъ—это *переживанія*. Такъ называются обычаи и учрежденія, потерявшіе свое реальное значеніе, но продолжающіе существовать. Это такой же остатокъ старины, какъ, напр., сосуды, или другіе вещественные памятники. Уже Аристотель обращалъ вниманіе на переживанія. Онъ говоритъ, напр., о странной системѣ выборовъ архонтовъ въ Аѳинахъ. Каждая фила выбирала кандидата по жребію и потомъ уже изъ этихъ кандидатовъ выбирались архонты—тоже по жребію. Какой смыслъ этой двукратной жеребьевки? Аристотель приходитъ къ выводу, что это переживаніе, имѣвшее, однако, прежде реальный смыслъ. Сначала въ первой стадіи производились настоящіе выборы, а жеребьевка примѣнялась только во 2-ой стадіи, но потомъ выборы были отмѣнены вовсе, тѣмъ не менѣе двѣ стадіи были сохранены, хотя въ обѣихъ примѣнялась жеребьевка.

Другой примѣръ касается исторіи эфората въ Спартѣ. Сторонники эфората въ Спартѣ въ III в. до Р. Х. утверждали, что эфоратъ есть учрежденіе столь-же древнее, какъ и царская власть. Противники же его, въ числѣ которыхъ былъ царь Клеоменъ III, старались доказать, что эфоратъ—позднѣйшее учрежденіе. Въ подтвержденіе они ссылались на слѣдующія соображенія. Въ эпоху царя Клеомена III сохранился старый обычай, по которому царь могъ не являться на первый и второй вызовъ эфоровъ; лишь на третій вызовъ царь былъ обязанъ явиться. Въ этомъ Клеоменъ видѣлъ переживаніе, которое означало то, что прежде царь совсѣмъ не являлся по приглашенію эфоровъ. Отсюда Клеоменъ дѣлалъ выводъ, что царская власть въ Спартѣ болѣе древняго происхожденія, чѣмъ государственная власть эфоровъ. Такихъ переживаній въ греческомъ государственномъ правѣ было много, и они представляли интересъ уже для древнихъ историковъ.

4) Четвертая группа источниковъ—*народныя преданія* и *народная поэзія*. У римлянъ народный эпосъ былъ слабо развитъ. У грековъ дѣло обстояло иначе. Главный матеріалъ для

исторіи такъ наз. греческаго средневѣковья (1000—700 г. до Р. Х.) даетъ народный эпосъ, хотя дошедшій до насъ не въ чистомъ своемъ видѣ, а подвергшійся обработкѣ. Это—поэмы Гомера. Кромѣ гомеровскихъ поэмъ, дошло до насъ очень много миѳовъ и сагъ въ болѣе поздней передачѣ. Изъ нихъ историки старались извлечь чисто-историческій фактическій матеріалъ. Думали, что въ основѣ многихъ миѳовъ и сагъ лежатъ историческія событія. Однако использовать этотъ матеріалъ такимъ путемъ удалось въ очень малой степени. Это еще, конечно, не означаетъ, что миѳы не имѣютъ для исторіи значенія. Англійскій историкъ Греціи Гротъ говорилъ, что хотя изъ миѳовъ нельзя извлечь много свѣдѣній объ историческихъ событіяхъ, однако они имѣютъ большое значеніе для историка, ибо они сами исторія, такъ какъ, возникши на извѣстной стадіи развитія народа, миѳы отражаютъ его культурный уровень, его духовную жизнь (ср. ниже стр. 13 с.).

5) *Письменные источники.*

А) Здѣсь прежде всего я назову *надписи*, изученіемъ которыхъ занята *эпиграфика*. Сохранились надписи: на стѣнахъ, на черепкахъ посуды, на постаментахъ статуй, но особенное значеніе имѣютъ надписи, помѣщенныя на особыхъ доскахъ—деревянныхъ (на таковыхъ были написаны законы Солона, въ подлинникѣ да насъ не дошедшіе), металлическихъ и особенно на каменныхъ плитахъ (стелахъ).

Древнѣйшія греческія надписи относятся къ 7—6 вв. Такова надпись греческихъ наемниковъ египетскаго царя Псамметиха I (650 г.) или Псамметиха II (нѣсколько позже, ок. 600 г., но, во всякомъ случаѣ, не позднѣе начала VI в. до Р. Х.). Надпись сдѣлана этими воинами въ Абу-Симбелѣ (въ Нубіи). Не специалистъ, пожалуй, можетъ придти къ выводу, что надписи даютъ мало историческаго матеріала. Но такое заключеніе было бы глубоко ошибочнымъ. Содержаніе надписей чрезвычайно разнообразно.

а) На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить *законы* и постановленія разнаго рода, изданные или единоличной властью, или вотированные народнымъ собраніемъ. Постановленія народнаго собранія назывались *псефисмами*. Такія надписи даютъ подлинный текстъ закона или постановленія въ моментъ его изданія. Однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ подобнаго рода являются *Гортинскіе законы*, открытые въ 1884 г. итальянскимъ ученымъ Альберомъ (Halbherr). Они относятся къ VI в. до Р. Х. и содержатъ кодификацію гражданскаго права гор. *Гортины*

на о. Критѣ. Здѣсь мы знакомимся съ имущественными отношеніями, строемъ семьи, положеніемъ рабовъ, косвенно — съ экономическимъ строемъ.

б) Другой группой надписей являются *памятники международнаго права*: тексты союзныхъ договоровъ, протоколы разбирательствъ путемъ третейскаго суда и т. п.

в) Затѣмъ слѣдуютъ различныя *финансовыя надписи*, напр., смѣты построекъ, счета, отчеты должностныхъ лицъ объ общественныхъ постройкахъ, иногда съ указаніемъ цѣнъ. Бёкъ написалъ свою работу „О государственномъ хозяйствѣ въ Аѳинахъ“, основываясь почти всецѣло на надписяхъ. Организація государственныхъ займовъ, платежей по государственному долгу рисуется надписями. Надписи даютъ матеріалъ для экономической исторіи—именно говорятъ о высотѣ цѣнъ, стоимости рабочихъ рукъ, о примѣненіи вмѣстѣ съ рабскимъ трудомъ свободнаго труда и т. п.

г) надписи слѣдующей категоріи—*списки должностныхъ лицъ, жрецовъ, хореговъ* и т. п. кажутся намъ чрезвычайно сухими, но съ ними приходится считаться. Дѣло въ томъ, что по годамъ архонтовъ или другихъ должностныхъ лицъ датировались событія и документы. По спискамъ должностныхъ лицъ можно возстановить хронологическія даты.

д) Еще болѣе сухими съ перваго взгляда представляются *посвятительныя надписи* (содержаніе обычно таково: „Такому-то богу тогда то за такое то лицо воздвигнута данная стела“). Какъ теперь существуетъ обычай воздвигать иконы или другіе приношенія святымъ, такъ и древніе греки имѣли обыкновеніе воздвигать богамъ стелы (каменныя плиты) и статуи, чтобы привлечь на себя или кого-либо другого милость боговъ. Спрашивается, какой же интересъ могутъ представлять эти памятники? Они оживаютъ въ связи съ другимъ историческимъ матеріаломъ. Дѣло въ томъ, что они даютъ намъ матеріалъ по исторіи религіи. Мы видимъ, напр., изъ такихъ памятниковъ, какъ культы восточныхъ боговъ въ Римской Имперіи проникаютъ далеко на западъ. Такіе памятники проливаютъ свѣтъ и на политическія и экономическія отношенія. Римскіе легіоны состояли изъ самыхъ разнообразныхъ національныхъ элементовъ. Вмѣстѣ съ собой солдаты приносили свои культы, и посвятительныя надписи даютъ свѣдѣнія о расположеніи и составѣ римскихъ войскъ. Еще большую роль въ распространеніи культовъ сыграли купцы. Такимъ образомъ, по распространенію культовъ можно судить о распространеніи торговли. Иногда въ этихъ надписяхъ бываютъ біографическія свѣдѣнія.

е) Имѣютъ значеніе надписи *почетныя*, воздвигнутыя городами или отдѣльными лицами въ честь какихъ либо людей. Научное значеніе ихъ однородно съ вышеуказанными посвященіями богамъ и съ нижеслѣдующей категоріей надписей.

ж) Важны *надгробныя надписи*, какъ содержащія иной разъ біографическія свѣдѣнія или дающія матеріалъ для заключеній объ общественныхъ группировкахъ, напр., о распредѣленіи общества по филамъ и демамъ. Надгробныя надписи подобно посвятительнымъ и почетнымъ даютъ матеріалъ и о разселеніи національностей.

з) Дошли очень цѣнныя надписи, относящіяся къ гражданско-правовымъ отношеніямъ (договоры: купли-продажи, займа, ссуды, залога; залоговыя надписи на камняхъ, поставленныхъ на заложенныхъ земельныхъ участкахъ (ὅροι) и т. п).

Интересъ къ надписямъ пробудился въ эпоху Возрожденія. Однимъ изъ первыхъ собирателей ихъ явился Чиріако Анконскій (XV в.), который собиралъ ихъ, но не обработывалъ. Систематическая обработка надписей ведется съ XIX в., главнымъ образомъ, Берлинской Академіей наукъ. Въ 20 гг. XIX в. Бёкъ начинаетъ изданіе „Corpus inscriptionum Graecarum" (Собраніе греческихъ надписей) по географическимъ областямъ. Трудную, но важную область филологіи составляетъ чтеніе надписей, такъ какъ многія изъ нихъ дошли до насъ въ испорченномъ видѣ, и ихъ часто трудно возстановить. Отрасль филологіи *эпиграфика* (наука о надписяхъ) помогаетъ разобраться въ надписяхъ. Значительной частью нашихъ знаній въ области древней исторіи мы обязаны именно этой наукѣ. Съ 70-хъ годовъ XIX в. Берлинская Академія начала выпускать новое изданіе надписей, которое теперь носитъ названіе „Inscriptiones Graecae". Въ свою очередь, Французская Академія издаетъ надписи изъ Дельфъ и Делоса. Вѣнская Академія издаетъ малоазійскія надписи (Берлинская Академія ведетъ также изданіе латинскихъ надписей).

Б) Около 35 лѣтъ тому назадъ было обращено вниманіе еще на одну группу письменныхъ источниковъ для греческой исторіи.

Это—*папирусы* съ греческими текстами. Папирусъ—растеніе, произраставшее въ Нильской дельтѣ; стебель папируса раздѣлялся на тонкія полоски, которыя склеивались, прессовались, и получалось нѣчто въ родѣ бумаги желтоватаго цвѣта. Первый греческій текстъ на папирусѣ былъ доставленъ въ Европу въ 1778 г. (Charta Borgiana). Въ первыя три четверти

XIX в. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Зап. Европы появились коллекціи греческихъ папирусовъ (въ Лондонѣ, Парижѣ, Туринѣ, Берлинѣ). Этихъ коллекцій было немного. На нихъ сосредоточили свое вниманіе рѣдкіе спеціалисты, многаго извлечь изъ этихъ раннихъ коллекцій не удалось.

Позднѣе—къ концу 1870-хъ гг.—въ *Вѣнѣ* удалось пріобрѣсти очень обширную коллекцію греческихъ папирусовъ, которая и до сихъ поръ еще не вполнѣ издана. Эта коллекція одна изъ самыхъ цѣнныхъ, извѣстность которой, однако, долго была не такъ велика, благодаря тому, что изъ нея было издано только очень немного текстовъ. По имени лица, давшаго средства на пріобрѣтеніе этой коллекціи, она называется коллекціей эрцгерцога Райнера.

Совсѣмъ иначе пошло дѣло въ 80-хъ гг., когда англичане предприняли рядъ спеціальныхъ экспедицій въ Египетъ для розысканія греческихъ папирусовъ. Съ 90-хъ гг. и другія государства стали организовывать подобныя экспедиціи. Теперь образовались большія коллекціи папирусовъ въ Лондонѣ, Оксфордѣ, Парижѣ, Лиллѣ, Берлинѣ, Лейпцигѣ, Страсбургѣ, Женевѣ, Римѣ, Флоренціи и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Въ настоящее время количество, пріобрѣтенныхъ въ Египтѣ, греческихъ папирусовъ считается тысячами.

Сохраненію древнихъ папирусовъ въ Египтѣ способствовалъ климатъ—очень сухой. Важно и то обстоятельство, что много поселеній, существовавшихъ въ греко-римскомъ Египтѣ, было потомъ занесено пескомъ, и остатки древности, въ томъ числѣ папирусы, сохранились здѣсь въ очень хорошемъ видѣ. Напротивъ, мы почти не имѣемъ папирусовъ изъ такого важнаго центра, какъ Александрія, т. к. тамъ старые слѣды были сглажены послѣдующими поколѣніями и позднѣйшими постройками. Небольшое количество папирусовъ изъ Александріи находится теперь въ Берлинѣ, но эти тексты, написанные въ Александріи, найдены не въ самой Александріи, а въ мѣстечкѣ Абусиръ-эль-Мелекъ (эти папирусы послужили матеріаломъ для картонажей, въ которые заключались муміи).

Содержаніе папирусовъ очень разнообразно. Здѣсь найдено много текстовъ древнихъ авторовъ. Наиболѣе крупной находкой была *Аѳинская политія Аристотеля*, найденная въ 1890 г. въ коллекціи папирусовъ, пріобрѣтенной Британскимъ Музеемъ въ Лондонѣ. Это одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ по исторіи Аѳинъ. Кромѣ того, найдены отрывки многихъ другихъ авторовъ. Почти въ каждомъ новомъ изданіи папирусовъ есть

отдѣлъ, гдѣ содержатся отрывки вновь найденныхъ литературныхъ произведеній, а также находится много отрывковъ уже ранѣе извѣстныхъ произведеній.

Для общихъ историковъ очень интересны тѣ документы, на которые меньше обращаютъ вниманія историки литературы: это документы, относящіеся, какъ къ дѣятельности правительства, такъ и частныхъ лицъ. Значеніе этихъ памятниковъ очень велико по слѣдующимъ причинамъ.

Во-первыхъ, Египетъ послѣ Александра Великаго сталъ играть очень важную роль въ экономической и чисто-культурной жизни той эпохи. Папирусы, такимъ образомъ, освѣщаютъ жизнь одного изъ самыхъ большихъ государствъ, гдѣ была распространена греческая культура. При Августѣ Египетъ сталъ римской провинціей. Въ это время онъ продолжалъ быть важнымъ культурнымъ центромъ; важенъ онъ былъ и въ экономическомъ отношеніи: онъ былъ житницей государства; здѣсь была широко развита промышленность; черезъ Египетъ шли транзитные пути на востокъ.

Во-вторыхъ, очень немногія страны древняго міра можно такъ подродбно изучить, какъ Египетъ, съ помощью папирусовъ. Египетъ былъ типичной провинціей греко-римскаго міра и поэтому, изучая его администрацію, экономическія отношенія, культурный уровень, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, по аналогіи знакомимся съ подобными явленіями въ остальномъ греко-римскомъ мірѣ. Конечно, въ Египтѣ было много своеобразнаго, но, все-таки, о характерныхъ чертахъ другихъ странъ того времени, въ общемъ, мы можемъ заключать по аналогіи съ Египтомъ. Такимъ образомъ, значеніе папирусовъ сводится къ тому, что, изучая Египетъ, мы косвенно знакомимся съ другими странами той эпохи.

Наконецъ, важное значеніе папирусы имѣютъ съ соціологической точки зрѣнія. Для соціолога важно слѣдить за развитіемъ общества на протяженіи многихъ вѣковъ. Въ этомъ отношеніи Египетъ очень интересенъ. Нѣтъ почти ни одного общества, которое мы можемъ изучать на протяженіи такого долгаго періода времени, какъ Египетъ, за исторіей котораго мы можемъ слѣдить на протяженіи болѣе 5000 лѣтъ. Въ частности греческіе папирусы являются однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи Египта на протяженіи 1000 лѣтъ: начиная съ Александра, они исчезаютъ лишь послѣ арабскаго завоеванія.

Приходится считаться съ тѣмъ, что содержаніе нелитературныхъ папирусовъ очень разнообразно. На папирусахъ со-

хранилось много законодательнаго матеріала. Къ этой категоріи папирусовъ относятся, напр., тѣ, которые содержатъ податные законы царя Птоломея Филадельфа—объ организаціи обложенія и правительственныхъ монополій; законъ объ амнистіи Птоломея IX Эвергета II и т. д. Затѣмъ на папирусахъ сохранилась громадная административная переписка, донесенія должностныхъ лицъ, ихъ распоряженія. Мы видимъ административную жизнь египетской деревни и египетскаго города. Третья группа папирусовъ -- это документы финансоваго характера — податные списки, переписка по сбору податей Затѣмъ юридическіе документы частнаго характера: купчія крѣпости, брачные договоры. Наконецъ, важное значеніе имѣетъ частная переписка самаго разнообразнаго характера: между родственниками, пригласительныя письма—на свадьбы, на обѣды и т. д. По этимъ даннымъ мы можемъ нарисовать себѣ картину тогдашняго египетскаго общества. Иногда частная переписка содержитъ любопытныя бытовыя черты: такъ, напр., сохранилось письмо мальчика къ отцу съ жалобой, что отецъ его не взялъ въ Александрію и съ просьбой купить подарокъ; упражненія школьника — съ ошибками и т. п.

Исписанные папирусы играли, по миноваціи надобности, очевидно, роль нынѣшнихъ бумажныхъ отбросовъ. Они шли на разныя подѣлки. Много найдено папирусовъ въ гробницахъ, ибо папирусы употреблялись въ этомъ случаѣ на картонажи для мумій людей и священныхъ животныхъ. Эти картонажи расклеиваются изслѣдователями и дешифрируются.

Чтеніе дошедшихъ до насъ папирусовъ затруднительно вслѣдствіе скорописи, малограмотности и изорванности. Особую отрасль филологіи составляетъ *папирологія*. Изъ папирологовъ особенно извѣстны въ Англіи—Гренфелль (Grenfell) и Хентъ (Hunt), во Франціи—Жугэ (Jouguet), въ Германіи—Вилькенъ (Wilcken).

В) Кромѣ папирусовъ въ Египтѣ найдено много надписей на черепкахъ (*ὄστρακα*; *ὄστρακον*—по греч. черепокъ). На нихъ писались документы второстепенной важности, напр., расписки объ уплатѣ налоговъ. Отрасль филологіи, изучающую надписи на черепкахъ, обыкновенно теперь называютъ *остркологіей*.

Г) *Авторы*. Сюда относятся какъ литературные разсказы о прошломъ—сочиненія историковъ,—такъ и вся прочая литература: поэты эпическіе, лирическіе и драматическіе, философы, ораторы и т. п. Эти произвдеенія, во-первыхъ, сами по себѣ представляютъ живые историческіе факты: комедія Аристофана,

рѣчь Демосѳена произвели въ свое время болѣе или менѣе значительное историческое дѣйствіе. Но велико также значеніе различныхъ литературныхъ произведеній и съ другой стороны: они сообщаютъ намъ сплошь да рядомъ данныя о событіяхъ прошлаго, въ особенности же о бытѣ, воззрѣніяхъ, вѣрованіяхъ данной эпохи. Объ историческомъ значеніи гомеровскаго эпоса мы уже говорили и будемъ говорить ниже подробнѣе. Лирическіе поэты даютъ также часто очень цѣнный историческій матеріалъ. Напр., лирики Солонъ (кон. VII и нач. VI в. до Р. X.) и Ѳеогнидъ (вторая половина VI в. до Р. X.) даютъ неоцѣнимый матеріалъ для изученія классовой борьбы VI в. до Р. X Произведенія трагиковъ характеризуютъ намъ міросозерцаніе общества, а иногда даютъ свѣдѣнія и о политическихъ теченіяхъ. Напр., трагедія Эсхила „Персы“ рисуетъ намъ настроеніе аѳинскаго общества послѣ побѣдъ надъ персами. Комедіи Аристофана даютъ въ высшей степени цѣнный матеріалъ какъ для характеристики борьбы партій въ Аѳинахъ, такъ и для изученія деталей будничной жизни аѳинянъ. Политическія рѣчи *ораторовъ* содержатъ массу данныхъ для возстановленія фактовъ политической исторіи данной эпохи, а судебныя рѣчи ораторовъ-адвокатовъ даютъ главный матеріалъ для изученія греческаго гражданскаго права, рисуя въ то же время намъ детали обыденной жизни и въ частности экономическихъ отношеній эпохи. Произведенія философовъ, рисуя намъ міросозерцаніе эпохи, въ то же время сообщаютъ намъ много данныхъ для характеристики быта (напр., діалоги Платона).

Наибольшее значеніе для современнаго историка Греціи изъ числа произведеній классической литературы имѣютъ, конечно, сочиненія греческихъ историковъ. Детальнѣе болѣе крупныхъ историковъ я охарактеризую въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ изложенія: понять міросозерцаніе историка гораздо легче въ связи съ изображеніемъ той эпохи, когда жилъ данный историкъ. Въ настоящій моментъ я очерчу развитіе греческой исторической литературы лишь въ общихъ контурахъ.

Интереса къ своему прошлому не существуетъ у совершенно примитивныхъ народовъ; зарожденіе этого интереса есть всегда показатель значительной культурности. Первые проблески исторической мысли у грековъ можно видѣть въ греческихъ миѳахъ и сагахъ: здѣсь мы видимъ попытки объяснить происхожденіе различныхъ племенъ, родовъ и поселеній по большей части путемъ установленія связи ихъ возникновенія съ тѣми или другими богами и героями. Въ эпоху греческаго

средневѣковья, при господствѣ аристократіи, особенно развиваются генеалогическія сказанія, въ которыхъ аристократическіе роды связываютъ себя со своими мнимыми божественными предками. Въ греческомъ эпосѣ: въ гомеровскихъ поэмахъ, въ поэмахъ Гесіода и др.—эти миѳы и саги о происхожденіи племенъ, родовъ и поселеній отразились въ весьма широкихъ размѣрахъ. Кромѣ того, древніе миѳы и саги дошли до насъ, часто въ очень измѣненномъ видѣ, въ произведеніяхъ позднѣйшихъ греческихъ поэтовъ, историковъ и др. писателей. Приблизительно съ VIII вѣка рядомъ съ этой областью народнаго и отчасти индивидуальнаго творчества, гдѣ работала болѣе народная фантазія, чѣмъ народное размышленіе,—является и другая исторіографическая струя, вызванная практическими государственными потребностями: въ болѣе культурныхъ государствахъ Греціи появляются списки высшихъ должностныхъ лицъ, смѣнявшихся ежегодно; при отсутствіи опредѣленной эры такіе списки были вызваны необходимостью: только путемъ обозначенія именъ должностныхъ лицъ даннаго года можно было датировать документы международнаго, государственнаго и частнаго права. Такъ, въ Спартѣ около 754 г. появляются списки эфоровъ, въ Аѳинахъ около 682 г.—списки архонтовъ и т. п. На празднествахъ въ Олимпіи и другихъ мѣстахъ съ VIII вѣка (въ Олимпіи съ 776 г.) ведутся списки побѣдителей на играхъ. Эти списки послужили впослѣдствіи хронологической основой для позднѣйшей исторіографіи. Но въ то время, какъ въ Вавилоніи, Ассиріи, Римѣ, въ средневѣковыхъ обществахъ изъ погодныхъ списковъ, составлявшихся для тѣхъ или другихъ цѣлей, развились лѣтописи,—въ Греціи въ болѣе древнее время этого, повидимому, не случилось.

Настоящими родоначальниками греческой исторіографіи являются такъ называемые *логографы*. Такъ принято называть въ современной наукѣ писателей VI и V вв. до Р. Х., впервые занявшихся систематической обработкой сказаній о прошломъ греческихъ племенъ. Это направленіе получило свое начало въ греческихъ (іонійскихъ) поселеніяхъ М. Азіи, гдѣ вообще зародилась греческая наука въ связи съ быстрымъ экономическимъ и культурнымъ ростомъ этой области. Сочиненія логографовъ извѣстны намъ лишь въ отрывкахъ. Логографы, комбинируя миѳы и саги, стремились возстановить прошлое греческихъ племенъ и городовъ, допуская сверхъестественный элементъ въ своемъ изложеніи, хотя нѣкоторые изъ нихъ (Гекатей Милетскій) пытались раціонализировать,—истолковывать

миѳы болѣе правдоподобнымъ образомъ, но настоящая историческая критика у нихъ отсутствуетъ. У болѣе позднихъ логографовъ (напр., у Гелланика Лесбосскаго во 2-й половинѣ V вѣка) можно констатировать уже въ болѣе значительномъ объемѣ настоящій историческій матеріалъ: это тамъ, гдѣ они изображали недавнее прошлое городовъ и племенъ (Гелланикъ изобразилъ исторію Аѳинъ въ своей „Аттидѣ“, исторію Аргоса—въ „Жрицахъ Геры“); въ позднѣйшей логографіи замѣтно стремленіе къ болѣе точной хронологіи, основанной на спискахъ должностныхъ лицъ и т. п. (такъ, Гелланикъ въ исторіи Аргоса пользуется списками жрицъ Геры, а въ исторіи Аѳинъ—списками архонтовъ). Однако, главнымъ образомъ, свой матеріалъ логографы черпали изъ устной традиціи. Устная традиція является основнымъ источникомъ и для *Геродота*, который вообще находится въ тѣсной связи съ логографіей. Этотъ писатель, жившій около 485—425 г., описалъ первые годы греко-персидскихъ войнъ съ обширнымъ введеніемъ, содержащимъ изображеніе предшествующихъ судебъ Востока и Греціи; у него очень силенъ миѳическій элементъ и очень мало критики собраннаго матеріала (онъ не идетъ далѣе довольно наивнаго раціонализированія). Но Геродотъ отличается даже отъ позднихъ логографовъ (Гелланикъ писалъ нѣсколько позднѣе его), во-первыхъ, тѣмъ, что его интересъ сосредоточивается по преимуществу на болѣе близкихъ къ его времени, а, слѣдовательно, и болѣе достовѣрныхъ событіяхъ; во-вторыхъ, Геродотъ задался болѣе широкой цѣлью, чѣмъ логографы: въ извѣстномъ смыслѣ слова его можно назвать первымъ всемірнымъ историкомъ, ибо онъ, желая изобразить борьбу грековъ съ варварами, дѣлаетъ обзоръ предшествующей исторіи Персіи, Вавилоніи и Ассиріи, Египта и греческихъ государствъ. Далѣе, у Геродота мы видимъ уже и извѣстную философію исторіи: по его представленію, все подчинено судьбѣ и *Немесидѣ, которыя* караютъ чрезмѣрно возвысившихся или совершившихъ злодѣянія. Сверхъестественное вмѣшательство въ историческія событія Геродотъ допускаетъ вполнѣ.

Громадный шагъ впередъ сдѣлала греческая историческая мысль въ лицѣ *Ѳукидида,* описавшаго исторію Пелопоннесской войны до 411 г. Онъ лишь на одно поколѣніе моложе Геродота (ок. 459—396 г. до Р. Х.), но его историческое міросозерцаніе рѣзко отличается отъ міросозерцанія Геродота. Причина такого различія заключается не только въ индивидуальныхъ особенностяхъ ума Ѳукидида, но, главнымъ образомъ, въ

томъ переворотѣ въ культурной жизни грековъ, какой имѣлъ мѣсто послѣ греко-персидскихъ войнъ. Θукидидъ является *основателемъ научной исторіографіи*: мы видимъ у него осторожность въ выборѣ источниковъ (пользованіе свидѣтельствами очевидцевъ, документами), въ значительной степени—критическое отношеніе къ нимъ, устраненіе сверхъестественнаго элемента въ объясненіи событій и сознательное стремленіе къ установленію причинной связи между ними. Θукидидъ *критиченъ, реаленъ и прагматиченъ*.

Послѣ Θукидида греческая исторіографія въ общемъ движется по руслу, проложенному этимъ геніальнымъ человѣкомъ. Но въ ней появляются и нѣкоторыя новыя теченія.

Конецъ V вѣка и начало слѣдующаго внесли въ греческую исторіографію новую струю,— именно *политическія тенденціи*, которыя у Геродота и Θукидида сказывались въ болѣе слабой степени. Конечно, тенденціозностью отличаются не всѣ историческія произведенія этого времени. Но въ весьма многихъ отражается политическая борьба эпохи. Дѣло въ томъ, что съ конца Пелопоннесской войны во многихъ государствахъ Греціи, въ особенности въ Аθинахъ, а также и въ Спартѣ, обострилась борьба изъ-за формы государственнаго строя, тѣсно связанная съ соціальной борьбой. При этомъ стало появляться много памфлетовъ, отстаивающихъ партійныя точки зрѣнія. Къ этой литературѣ относится, напр., памфлетъ о государственномъ устройствѣ Аθинъ, неправильно приписываемый Ксенофонту. Къ этому же литературному теченію въ извѣстной мѣрѣ принадлежалъ публицистъ и профессоръ *Исократъ*, подъ вліяніемъ котораго находились многіе историческіе писатели. Соціально-политическая литература оказала значительное воздѣйствіе на исторіографію: слѣды этого воздѣйствія мы находимъ у историка Эфора (ученика Исократа), у Аристотеля и др.

Крупнѣйшими историками, писавшими въ IV в., являются Ксенофонтъ, Θеопомпъ и Эфоръ. *Ксенофонтъ* въ своей „Греческой исторіи" продолжаетъ Θукидида, начиная изложеніе съ 411 года, на которомъ остановился этотъ послѣдній. Будучи менѣе талантливымъ, менѣе образованнымъ и болѣе узкимъ по міросозерцанію, чѣмъ Θукидидъ, онъ слабѣе послѣдняго и въ области критики и въ области причиннаго истолкованія событій. Въ его сочиненіяхъ рѣзко пробиваются его политическія симпатіи. Въ значительной части своей „Греческой Исторіи" и въ „Анабасисѣ" онъ болѣе *мемуаристъ*, чѣмъ историкъ. Другимъ продолжателемъ Θукидида былъ *Θеопомпъ* въ „Исторіи

Греціи“ (тоже съ 411 г.); его „Филиппики“ давали очень подробный разсказъ о событіяхъ эпохи Филиппа Македонскаго. И Ѳеопомпъ тенденціозенъ: его аристократическія симпатіи были замѣтны въ его сочиненіяхъ. Къ сожалѣнію, послѣднія извѣстны намъ лишь въ отрывкахъ (недавно найденъ въ Египтѣ большой отрывокъ историческаго сочиненія, въ которомъ большинство изслѣдователей признаетъ часть „Греческой исторіи“ Ѳеопомпа).

Эфоръ является первымъ греческимъ историкомъ, написавшимъ *общую исторію грековъ*; его сочиненіе оказало весьма сильное вліяніе на послѣдующую исторіографію, но, къ сожалѣнію, и отъ него имѣются лишь отрывки.

Особую группу среди историковъ этой эпохи представляютъ такъ наз. *аттидографы*,—составители Аттидъ, т. е. хроникъ Аттики. Древнѣйшая Аттида, сколько намъ извѣстно, была составлена въ концѣ V в. до Р. Х. логографомъ Гелланикомъ Лесбосскимъ. Этотъ родъ историческихъ произведеній получилъ особенное развитіе въ IV и III вѣкахъ (Андротіонъ, Филохоръ, Истръ и др.). Аттиды были, повидимому, расположены по годамъ (согласно списку архонтовъ) и содержали очень много свѣдѣній по исторіи аѳинскихъ учрежденій.

Очень видное мѣсто въ развитіи греческой исторической мысли, какъ и въ развитіи греческой науки вообще, занимаетъ *Аристотель*. Этотъ мыслитель, между прочимъ, задался цѣлью изучить типы существующихъ государственныхъ организацій и условія ихъ измѣненій. Партійныя политическія построенія первой половины IV вѣка или утопіи въ духѣ Платона его не удовлетворяли; онъ пожелалъ поставить науку о человѣческомъ обществѣ и государствѣ на болѣе эмпирическую почву. Для этой цѣли онъ собралъ свѣдѣнія не менѣе, чѣмъ о 158 греческихъ и отчасти варварскихъ государствахъ: это—такъ называемыя „*Политіи*“. Отъ нихъ дошли отрывки. Но одна „*Политія*“, а именно „*Аѳинская*“, т. е. *сочиненіе* „*О государственномъ строѣ Аѳинъ*“, около 25 лѣтъ тому назадъ открыта почти въ полномъ видѣ въ Египтѣ въ свиткахъ папируса и въ 1891г. опубликована Кеніономъ. Это въ высшей степени важный памятникъ для изученія исторіи Аѳинъ. Первая половина его представляетъ исторію аѳинскихъ государственныхъ учрежденій съ древнѣйшихъ временъ до возстановленія демократіи послѣ окончанія Пелопоннесской войны, а вторая—изображаетъ государственный строй Аѳинъ въ эпоху Аристотеля. Аристотель пользуется сочиненіями предшествующихъ историковъ (Геродота, Ѳукидида), включая и аттидографовъ, и болѣе,

чѣмъ слѣдуетъ,—политическими памфлетами конца V и первой половины IV вѣка; кромѣ того, Аристотель пользуется археологическими памятниками и косвенными методами (напр., переживаніями). Употребляя съ извѣстными ограниченіями современный терминъ, можно сказать, что „Аѳинская политія“ Аристотеля— это первая исторія Аѳинъ съ соціологической точки зрѣнія.— Другой важный для историка трудъ Аристотеля—„Политика“. Это обобщеніе тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыя собраны въ „Политіяхъ“. Здѣсь Аристотель выясняетъ понятіе о государствѣ, классифицируетъ государственныя формы, изслѣдуетъ условія ихъ измѣненій и строитъ въ значительной степени на эмпирическихъ основаніяхъ планъ идеальнаго государства. Помимо массы фактическаго матеріала, сочиненія Аристотеля сыграли важную роль въ дальнѣйшей исторіографіи, внеся новые принципы въ изученіе измѣненій государственныхъ формъ (вліяніе Аристотеля замѣтно не только на его ближайшихъ ученикахъ, но и на позднѣйшихъ историкахъ, напр., Полибіи).

Эпоха Александра Македонскаго весьма расширила *этнографическій* кругозоръ грековъ. Если уже у Геродота и Эфора замѣтенъ интересъ къ негреческимъ народностямъ, если въ началѣ IV в. греческій врачъ при персидскомъ дворѣ *Ктесій* пишетъ исторію Персіи, то тѣмъ болѣе растетъ этотъ интересъ послѣ походовъ Александра. Эти событія вызвали къ жизни богатую историческую литературу.

Періодъ послѣ Александра (эллинистическій) характеризуется пышнымъ расцвѣтомъ самыхъ разнообразныхъ отраслей научнаго знанія. Научнымъ центромъ дѣлается Александрія. Въ это время появляется рядъ *хронологическихъ работъ* (Димитрія Фалерскаго въ концѣ IV вѣка, Эратосѳена въ первой половинѣ III вѣка и др.).

Греческая исторіографія въ эллинистическій періодъ выходитъ, такимъ образомъ, изъ предѣловъ стараго греческаго міра. Въ частности, она пышно расцвѣтаетъ въ *Сициліи* (*Тимей* во 2-й половинѣ IV и первой половинѣ III в.).

Эта эпоха очень богата и *мемуарной* литературой: появляются мемуары царя Пирра, ахейскаго стратега Арата и др. Чрезвычайно богатая историческая литература III вѣка давала массу фактическаго матеріала, хронологически и литературно, почти беллетристически (напр., у Филарха, историка III в., описывавшаго современныя ему событія) обработаннаго, но особенно крупныхъ—съ точки зрѣнія развитія исторической мысли—произведеній въ III вѣкѣ не появлялось.

Такое произведеніе является во II в.; это—сочиненія *Полибія*, жившаго около 205—125 г. до Р. Х. Изъ извѣстныхъ намъ греческихъ историковъ онъ ближе всѣхъ подходитъ къ Ѳукидиду. Замѣтно на немъ и вліяніе Аристотеля. Но тѣ методы критическаго отношенія къ матеріалу, какіе мы видимъ у Ѳукидида и въ меньшей степени у Аристотеля, тѣ пріемы реконструкціи фактовъ прошлаго и ихъ причиннаго истолкованія, какіе были выработаны обоими этими писателями, — Полибій примѣнилъ къ гораздо болѣе широкой темѣ, чѣмъ его предшественники: онъ поставилъ себѣ задачей написать исторію завоеванія побережья Средиземнаго моря римлянами, захватывая своимъ изложеніемъ (въ 40 книгахъ) событія съ I-й Пунической войны до покоренія Греціи и Карѳагена римлянами. Это—строго прагматическое изложеніе, основанное на обширномъ—въ общемъ объективно представленномъ — матеріалѣ. Къ сожалѣнію, оно дошло до насъ лишь частично.

Греческая исторіографія послѣ Полибія развивается въ предѣлахъ Римскаго государства. Въ обшемъ ея представители сохраняютъ широту географическаго и историческаго кругозора, отмѣчающую уже Полибія. Это вполнѣ гармонируетъ съ тою историческою обстановкою, которая ихъ окружала: Римское государство поглощало въ себя все болѣе и болѣе народовъ, окружавшихъ бассейнъ Средиземнаго моря; знакомство съ этими народами расширялось. Широту кругозора сохранили продолжатели Полибія: Посидоній (стоическій философъ, родившійся около 135 г.) и Страбонъ (географъ, современникъ Августа), доведшіе изложеніе всемірной исторіи (конечно, въ тогдашнемъ узкомъ смыслѣ слова), первый—до диктатуры Суллы, а второй — до 30 г. до Р. Х. Универсальностью отличаются и менѣе даровитые всемірные историки I в. до Р. Х. [1]), ведшіе свое изложеніе съ древнѣйшихъ временъ,—*Николай Дамасскій* и *Діодоръ Сицилійскій*. Близко къ нимъ подходитъ и всемірный историкъ, жившій при Августѣ, *Трогъ Помпей*, писавшій на латинскомъ языкѣ и дошедшій до насъ въ сокращеніи *Юстина*.

Авторъ „Исторической библіотеки" (*Βιβλιοθήκη ἱστορική*) *Діодоръ Сицилійскій* (I в. до Р. Х.) давалъ бы намъ матеріалъ для всей греческой исторіи, но изъ 40 книгъ его произведенія до насъ дошли полностью лишь первыя 5 книгъ, содержащія исторію Востока и греческіе миѳы, а затѣмъ книги 11—20, заключающія въ себѣ описаніе событій съ нашествія Ксеркса до ближайшихъ преемниковъ Александра Македонскаго.

---

[1]) Явившіеся въ значительной мѣрѣ компиляторами.

Отъ остальныхъ книгъ дошли лишь отрывки. Исторія Греціи у Діодора переплетается съ исторіей Рима (о значеніи Діодора, какъ источника для римской исторіи, см. въ моихъ „Лекціяхъ по римской исторіи"). Много мѣста отведено у Діодора исторіи Сициліи. Порядокъ изложенія у Діодора хронологическій (по олимпіадамъ, годамъ архонтовъ и консуловъ). Въ основѣ разсказа Діодора, поскольку рѣчь идетъ о греческой исторіи, лежитъ Эфоръ, но Діодоръ пользовался также Геродотомъ, Ѳукидидомъ и др.

Наконецъ, въ числѣ источниковъ, относящихся къ разнымъ періодамъ греческой исторіи, приходится назвать еще „Параллельныя жизнеописанія" Плутарха. Плутархъ интересуется въ своихъ біографическихъ работахъ не столько точнымъ возстановленіемъ фактовъ прошлаго, сколько психологіей и моральной оцѣнкой своихъ героевъ. Онъ очень мало критиченъ, но за то даетъ очень много матеріала, почерпнутаго имъ изъ предшествующей греческой и латинской исторической литературы. Къ греческой исторіи относятся слѣдующія біографіи, написанныя Плутархомъ: біографіи Тесея, Ликурга, Солона, Аристида, Ѳемистокла, Кимона, Перикла, Никія, Алкивіада, Лисандра, Агесилая, Діона (сиракузскаго государственнаго дѣятеля 4-го в. до Р. Х.), Тимолеонта (тоже), Пелопида, Демосѳена, Фокіона, Александра Великаго, Эвмена, Димитрія Поліоркета, Пирра, Агиса III, Клеомена III, Арата (стратега Ахейскаго союза III в. до Р. Х.), Филопемена (стратега того же союза жившаго въ III—II в. до Р. Х.).

Изъ болѣе поздней исторической литературы эпохи Римской имперіи слѣдуетъ отмѣтить *хронографы*. Этотъ родъ историческихъ произведеній начинаетъ развиваться съ III в. по Р. Х., примыкая, впрочемъ къ работамъ такого же типа эллинистической эпохи (Эратосѳенъ и др.). Изъ хронографовъ эпохи Римской имперіи слѣдуетъ здѣсь отмѣтить *С. Юлія Африкана* (III в. по Р. Х.) и церковнаго историка *Евсевія Кесарійскаго*, жившаго въ IV в. по Р. Х.

Вотъ тѣ предварительныя свѣдѣнія, которыя я считаю нужнымъ сообщить въ началѣ курса изъ области *гевристики* греческой исторіи.

Теперь я скажу нѣсколько словъ объ интерпретаціи источниковъ, ихъ критикѣ и реконструкціи фактовъ прошлаго.

II. Филологъ Блассъ говоритъ объ интерпретаціи текстовъ со стороны языка (sprachliche), содержанія (historische) и формы (technische).

Послѣдній видъ интерпретаціи насъ не касается, потому что онъ относится къ области по преимуществу литературной и главнымъ образомъ къ художественнымъ произведеніямъ.

Что касается интерпретаціи по содержанію, то весьма важно отмѣтить въ текстѣ авторовъ субъективный и объективный моменты: толкуя автора, мы сначала должны уяснить себѣ, какъ онъ самъ представлялъ себѣ дѣйствительность, а затѣмъ, —какова была изображенная имъ дѣйствительность на самомъ дѣлѣ. Иногда дѣло еще болѣе осложняется: приходится различать искреннее мнѣніе автора относительно изображаемаго лица или обстоятельствъ отъ того, какое выражено въ его произведеніи. Цезарь—въ дѣйствительности, Цезарь—въ письмахъ Цицерона и Цезарь въ болѣе откровенныхъ письмахъ Цицерона къ Аттику рисуется весьма различно (примѣръ у Blass'a).

III. Методы *критики* въ существѣ дѣла сводятся къ слѣдующему. Историкъ долженъ умѣть отличить *подлинныя* сочиненія отъ подложныхъ. Такъ, напр., Ксенофонту приписывалось сочиненіе о государственномъ строѣ Аѳинъ (*Ἀθηναίων πολιτεία*); теперь доказано, что это сочиненіе принадлежитъ не Ксенофонту, а одному или нѣсколькимъ неизвѣстнымъ авторамъ. Аристотелю приписывалось сочиненіе по экономическимъ вопросамъ (*Οἰκονομικά*); въ настоящее время доказано, что въ дошедшемъ до насъ видѣ оно не принадлежитъ Аристотелю. Доказана подложность нѣкоторыхъ діалоговъ Платона. Часто въ подлинныхъ сочиненіяхъ бываютъ позднѣйшія вставки (интерполяціи), сдѣланныя позднѣйшими редакторами или переписчиками, или чтобы пояснить мысль автора (при чемъ часто они при этомъ ее искажаютъ), или даже, чтобы ее исправить или дополнить (такія интерполяціи вскрыты, напр., въ *Ἀθηναίων πολιτεία* Аристотеля). Иногда, напротивъ, позднѣйшіе редакторы и переписчики выпускаютъ изъ текста мѣста сознательно или безсознательно. Иногда встрѣчаются безсознательныя повторенія со стороны автора, редактора или переписчика (диттографія).

Опредѣливъ *подлинность* текста и его частей, равно какъ личность автора, необходимо опредѣлить *время и мѣсто появленія* даннаго произведенія. Опредѣленіе происхожденія даннаго памятника называется *внѣшней критикой*.

Затѣмъ слѣдуетъ *критика внутренняя*, т. е. опредѣленіе степени *достовѣрности* сообщаемыхъ въ произведеніи свѣдѣній. Нужно опредѣлить вліяніе въ этомъ отношеніи личности автора, той среды, къ которой онъ принадлежалъ и т. д. Въ

этой области руководящимъ методомъ является сопоставленіе между собой различныхъ источниковъ.

IV. *Методы реконструкціи.* Когда источники собраны (эвристика), истолкованы (интерпретація) и критически провѣрены (внѣшняя и внутренняя критика), историкъ можетъ приступить и къ самому возстановленію фактовъ прошлаго (реконструкція). Здѣсь сущность работы заключается въ соединеніи критически провѣренныхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ различныхъ источниковъ, въ одну цѣльную картину. Но въ изученіи древнѣйшихъ эпохъ сплошь да рядомъ источники (особенно послѣ ихъ критической очистки) оказываются недостаточными. Тогда приходится прибѣгать къ болѣе сложнымъ методамъ, изъ которыхъ важнѣйшими являются: *методъ ретроспективный и методъ аналогіи.* Первый состоитъ въ заключеніи отъ явленій позднѣйшихъ, болѣе извѣстныхъ эпохъ къ явленіямъ ранняго, менѣе извѣстнаго времени. Такимъ методомъ, напр., произведено изслѣдованіе Филиппи (Philippi) объ организаціи аѳинскаго гражданства (дѣленія по филамъ, фратріямъ и пр.): авторъ изучаетъ явленія болѣе поздняго времени и отсюда старается освѣтить скудный матеріалъ, относящійся къ предшествующимъ эпохамъ. *Методъ аналогій или сравнительный* основанъ на томъ соображеніи, что явленія въ жизни извѣстнаго общества, о которомъ имѣются скудныя свѣдѣнія, можно освѣтить путемъ наблюденій надъ явленіями въ жизни другого общества, которое находится или находилось въ подобныхъ же условіяхъ существованія и на томъ же уровнѣ развитія, какъ и первое, но о которомъ имѣется больше свѣдѣній, чѣмъ о первомъ. Этотъ методъ требуетъ большой осторожности въ пользованіи имъ: отмѣчая черты сходства между сравниваемыми обществами, не слѣдуетъ упускать изъ виду и чертъ различія. Неудачное примѣненіе метода аналогій привело, напр., Лавелэ (Laveley) и др. къ тому, что они нашли у грековъ общинное землевладѣніе, между тѣмъ позднѣйшая критика (Ф. де-Куланжа, Пёльмана и др.) показала ошибочность этого заключенія.

V. *Объяснительная исторія.* Въ началѣ своего развитія исторія довольствовалась простымъ разсказомъ о прошломъ (по Bernheim'у, „*реферирующая*“ исторія). Но позднѣе историки расширили свою задачу: къ *описательной* исторіи, съ методами которой мы познакомились выше, присоединилась *исторія объяснительная*, имѣющая цѣлью причинное объясненіе историческихъ событій. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было появленіе *прагматической исторіи*, т. е. попытокъ вывести

факты послѣдующіе изъ отдѣльныхъ фактовъ предшествующихъ, причемъ истоoикъ пользовался гл. обр. психологическимъ методомъ (истолковывалъ мотивы дѣйствій историческихъ лицъ) и при этомъ преслѣдовалъ практическія цѣли: моральное или политическое поученіе. Послѣдняя ступень въ развитіи объяснительной исторіи—это появленіе *исторіи соціологической*, цѣль которой объяснить отдѣльные факты въ жизни общества не только изъ отдѣльныхъ предшествующихъ фактовъ, но и изъ общихъ соціологическихъ положеній (природа страны, ростъ народонаселенія, вліяніе сосѣдей, потребности индивидовъ, составляющихъ общество, и дѣятельность этихъ индивидовъ, направленная къ удовлетворенію ихъ потребностей, формы общественной организаціи, уровень знаній въ обществѣ, степень сознательнаго воздѣйствія общества на свою структуру). Зачатки соціологической исторіи можно найти еще въ древней исторіографіи (напр., у Θукидида, Аристотеля и Полибія), но на твердыя основы эта форма исторической науки начала становиться лишь въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка.

II. Новая исторіографія въ области греческой исторіи.

Мы познакомились съ общимъ характеромъ описательной и объяснителной исторіи и съ основными группами источниковъ для греческой исторіи. Теперь намъ нужно познакомиться съ тѣмъ, какъ обработывались эти источники въ новое время, какъ развивалась описательная и объяснительная исторія по отношенію къ изученію греческихъ обществъ въ новое время.

Исторіографія можетъ прогрессировать въ различныхъ направленіяхъ: 1) открываются дотолѣ неизвѣстные источники; 2) совершенствуются методы интерпретаціи, критики и реконструкціи источниковъ; 3) освѣщаются стороны жизни народовъ, на которыя прежде не обращалось вниманія; 4) объясненіе историческихъ событій дѣлается болѣе глубокимъ (переходъ отъ реферирущей исторіи къ прагматической и отъ прагматической къ соціологической).

Развивается историческая наука въ тѣсной связи съ жизнью. Можетъ быть, ни одна наука не отражаетъ на себѣ въ такой степени вліяніе жизни, какъ исторія. Вліяніе жизни на исторіографію сказывается какъ въ области описательной, такъ и въ области объяснительной исторіи. Чѣмъ больше прогрессируетъ

умственное развитіе общества вообще, тѣмъ тщательнѣе собираются и истолковываются источники, тѣмъ тоньше становится историческая критика, тѣмъ совершеннѣе дѣлаются методы реконструкціи. Усложненіе общественной жизни заставляетъ обратить вниманіе на тѣ стороны жизни, которыя по своей обыденности казались ранѣе не заслуживающими его: напр., экономическіе перевороты 19 вѣка обратили вниманіе историковъ на значеніе экономическаго фактора въ жизни обществъ, обострившаяся классовая борьба привлекла вниманіе къ соціальной исторіи. Экономическій факторъ дѣйствовалъ въ обществахъ съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ человѣческія общества, но, пока жизнь подъ вліяніемъ этого фактора не подвергалась рѣзкимъ перемѣнамъ,—роль этого фактора мало замѣчалась: экономическая жизнь представлялась столь обыкновенной, что, казалось, въ исторіи не стоило о ней и говорить. Однако въ моментъ экономическихъ переворотовъ эта сторона общественной жизни показала свое значеніе, и съ тѣхъ поръ историки заговорили о ней.— Наконецъ, и глубина анализа историческихъ факторовъ нерѣдко получается въ результатѣ размышленій надъ событіями текущей жизни. Задумываясь надъ событіями текущей жизни, историкъ усматриваетъ такую зависимость явленій, какой онъ прежде не замѣчалъ, и вотъ онъ ищетъ подобной же зависимости явленій и въ прошломъ (напр., когда вскрылось вліяніе современнаго экономическаго строя на политическія событія, стали спрашивать: да не было ли такой зависимости и въ прошломъ).

Въ средніе вѣка интересъ къ греческой исторіи на Западѣ Европы почти исчезаетъ. Даже въ Византіи, гдѣ работа въ области древней исторіи продолжалась, интересъ сосредоточивался болѣе на исторіи Римскаго государства, близкаго византійцамъ по его непосредственной исторической связи съ ихъ государствомъ. Таковы, напр., хроника *Георгія Синкелла* IX в. по Р. Х., очеркъ всемірной исторіи *Зонары* (XII в.) и многіе другіе труды. Зато много цѣннаго матеріала по исторіи Греціи содержатъ, съ одной стороны, справочные словари византійскаго времени (труды такъ называемыхъ *лексикографовъ*, напримѣръ, словари патріарха *Фотія* (IX в.), *Свиды* (X в.) и др.), съ другой—сборники извлеченій изъ древнихъ писателей, при чемъ и изъ такихъ, которые до насъ не дошли; такова такъ называемая „Библіотека“ патріарха Фотія, гдѣ сохранились извлеченія изъ утраченныхъ книгъ Ктесія, Діодора Сицилійскаго и многихъ другихъ; такова энциклопедія, составленная въ X в. по повелѣнію императора Константина VII Порфиророднаго (здѣсь отрывки изъ Полибія, Діодора и др.) и проч.

Работа надъ возстановленіемъ фактовъ греческой исторіи возобновилась съ эпохи возрожденія, когда въ виду измѣнившихся экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ условій жизни въ западно-европейскомъ обществѣ появились новыя интеллектуальныя потребности. Въ средѣ высшихъ классовъ части дворянъ и горожанъ, имѣвшихъ много досуга, проявляются интересы высшаго порядка. Эти классы не были всецѣло поглощены борьбой за существованіе, и у нихъ явилась возможность удовлетворять высшія духовныя потребности. Такъ какъ средневѣковая наука не удовлетворяла этихъ новыхъ потребностей, то интеллигентное общество обратилось къ древней классической литературѣ. Начинается изученіе древнихъ авторовъ.

Развитіе современной науки почти во всѣхъ ея областяхъ ведетъ свое начала отъ эпохи возрожденія. Наша наука—исторія—тоже стала развиваться съ того же времени. Развитіе новѣйшей исторіографіи въ области греческой исторіи можно раздѣлить на *3 періода*: 1) съ эпохи возрожденія до второй половины XVIII вѣка, 2) со 2-ой половины XVIII вѣка до 80-хъ годовъ XIX вѣка, 3) съ 80-хъ г. XIX в. до нашего времени.

Гуманисты въ области древней исторіи ограничивались пересказомъ въ болѣе или менѣе художественной формѣ того матеріала, который давали произведенія древнихъ авторовъ. Начиная съ Петрарки и до половины XVIII в. господствуетъ узко-филологическое направленіе. Исторія носитъ чисто-описательный характеръ. Дальше интерпретаціи памятниковъ историки не идутъ, ограничиваясь филологическимъ ихъ толкованіемъ и пересказомъ. Какъ явленіе очень характерное для той эпохи, слѣдуетъ отмѣтить крайнюю идеализацію классической древности. Типичнымъ для этого времени является громадное собраніе сочиненій разныхъ авторовъ XVI и XVII вѣковъ, сдѣланное филологомъ Гроновіемъ (Gronovius) въ 13 фоліантахъ, изъ которыхъ каждый даже трудно поднять. Называется этотъ трудъ Thesaurus graecarum antiquitatum. Полное заглавіе занимаетъ всю первую страницу. Оно читается такъ: „Сокровище греческихъ древностей. Здѣсь содержатся изображенія знаменитыхъ мужей и женъ, о коихъ есть какое-либо упоминаніе въ греческихъ и латинскихъ памятникахъ, въ какой бы мѣстности міра они ни заслужили себѣ память будь то за исторію, будь то за подвиги, будь то за изобрѣтенія или потому, что дали свои имена мѣстностямъ; точно также здѣсь содержатся достопримѣчательности различныхъ странъ,

кои упоминаются у древнихъ или высѣчены на камняхъ или мѣди. Все это извлечено изъ достовѣрныхъ документовъ и расположено въ хронологическомъ порядкѣ съ присоединеніемъ краткаго описанія всѣхъ отдѣльныхъ достопримѣчательностей, кои можно познать и изучить по отношенію къ жизни или свойствамъ лицъ. Причемъ по разнымъ случаямъ перечисляются и объясняются монеты, камни, надписи, а также мѣста авторовъ". Этотъ трудъ появился въ свѣтъ въ 1697—1702 г. Здѣсь пересказывается матеріалъ, извлеченный преимущественно изъ древнихъ авторовъ, почти безъ критической провѣрки. Такова, напримѣръ, вошедшая въ это собраніе работа *Уббо Эммія*, представляющая изъ себя очеркъ греческой исторіи. Сначала авторъ разсказываетъ здѣсь миѳы, затѣмъ пересказываетъ Геродота, Ѳукидида и Ксенофонта,—одного за другимъ. Такимъ образомъ первый періодъ исторіографіи характеризуется *узко-филологичскимъ* направленіемъ при отсутствіи исторической критики. Другая черта въ произведеніяхъ гуманистовъ—*идеализація древности.* Древніе греки и римляне въ ихъ изображеніи не простые люди, а герои. Это преклоненіе передъ древностью замѣтно на каждой страницѣ трудовъ гуманистовъ. Въ своей идеализаціи нѣкоторые гуманисты проявляли даже наивность. Такъ, напр., Чиріако Анконскій (см. выше стр. 9), отправляясь на востокъ, возносилъ молитвы о благополучномъ возвращеніи Меркурію. Петрарка цѣловалъ рукопись Гомера, не будучи въ состояніи ея прочитать, такъ какъ не зналъ греческаго языка. Особое положеніе въ этомъ періодѣ исторіографіи занимаетъ *Скалигеръ* (Scaliger, 1540—1609), своими хронологическими изысканіями установившій хронологическую канву греческой исторіи.

Съ послѣднихъ десятилѣтій XVIII вѣка начинается новый періодъ въ исторіографіи древней Греціи. Извѣстную роль въ этомъ отношеніи сыграли событія французской революціи, какъ извѣстно, вообще поднявшія въ Европѣ интересъ къ изученію прошлаго; это, конечно, отразилась и на изученіи древней исторіи. Основными особенностями второго періода новой исторіографіи въ области греческой исторіи можно считать:

1) *Увеличеніе матеріала источниковъ*, 2) развитіе *критическаго* отношенія къ этому матеріалу, 3) *прагматическое* направленіе (изслѣдованіе причинной связи событій) и 4) сравнительно большій *реализмъ* въ изображеніи античнаго міра (хотя идеализація классическаго міра встрѣчается еще во многихъ трудахъ).

1) Только въ этотъ періодъ столь важный историческій источникъ, какъ надписи, сталъ эксплуатироваться въ полной степени: началось систематическое разыскиваніе греческихъ надписей, ихъ систематическое истолкованіе и изданіе (появленіе собранія греческихъ надписей: „Corpus Inscriptionum Graecarum“, изданнаго Берлинской Академіей Наукъ, главнымъ образомъ, по почину *Бёка* (Böckh), который далъ и одну изъ первыхъ систематическихъ работъ по экономической исторіи древности, написанную преимущественно на основаніи надписей: „Государственное хозяйство аѳинянъ“, 1817). 2) Не меньшее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что въ этотъ періодъ греческой исторіографіи источники начинаютъ подвергаться строгой критикѣ для опредѣленія степени ихъ достовѣрности; появляется множество работъ, стремящихся опредѣлить первоисточники (часто не сохранившіеся) дошедшихъ до насъ древнихъ писателей; тщательно собираются фрагменты сочиненій писателей, которые полностью до насъ не дошли („Fragmenta historicorum graecorum“ *Мюллера*); возстанавливается въ главныхъ чертахъ литературная и научная физіономія историковъ, какъ дошедшихъ до насъ, такъ даже и тѣхъ, отъ сочиненій которыхъ сохранились только отрывки. Въ развитіи исторической критики отправными точками послужило появленіе такихъ работъ, какъ изслѣдованіе о происхожденіи гомеровскихъ поэмъ *Вольфа* (Prolegomena ad Homerum“ 1795 г.) и работы въ области древней (главнымъ образомъ, римской) исторіи *Г. Б. Нибура*; методы, установленные Нибуромъ для римской исторіи, не могли не отразиться и на изученіи исторіи греческой. 3) Въ связи съ общимъ характеромъ исторіографіи XIX вѣка и въ области греческой исторіи усматривается стремленіе, не ограничиваясь простымъ описаніемъ прошлаго, по возможности найти причинное соотношеніе событій, другими словами, вносится *прагматическая* точка зрѣнія въ историческое изложеніе въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ прежде. Привлеченіе болѣе широкаго матеріала источниковъ, болѣе критическое отношеніе къ нимъ, сравнительно большее вниманіе изслѣдователей къ явленіямъ соціальной и экономической жизни грековъ, въ связи съ общимъ болѣе реальнымъ характеромъ міросозерцанія европейскихъ обществъ второй половины XIX вѣка (развитіе естественныхъ наукъ),—все это повело къ тому, что прежняя идеализація классической старины постепенно стала уступать мѣсто *реализму* въ изображеніи ея: въ трудахъ этого времени освѣщаются реально мотивы, направлявшіе политическія партіи и

ихъ вождей, вызывавшіе столкновенія государствъ и т. п. Однако, все еще преобладаетъ интересъ къ политической и культурной исторіи, явленія же экономическія и соціальныя мало изучаются.

Изъ отдѣльныхъ историковъ этого времени назову слѣдующихъ.

Въ началѣ этого періода мы встрѣчаемъ три выдающихся имени: во-первыхъ, имя *Винкельмана* (Winkelmann), главное сочиненіе котораго „Geschichte der Kunst des Altertums (1764 г.) относится въ сущности къ области греческаго искусства, но имѣетъ значеніе для исторіи Греціи вообще. Онъ далъ первую исторію древняго искусства и указалъ на связь его съ общимъ состояніемъ культуры. Онъ непосредственно изучилъ вещественные памятники и своимъ трудомъ—результатомъ этого изученія—пробудилъ интересъ къ классической старинѣ.

Вольфъ—авторъ „Пролегоменъ къ Гомеру“—критически отнесся къ Гомеру и показалъ, что его поэмы сложились изъ отдѣльныхъ пѣсенъ. Хотя эта идея высказывалась и раньше, но не проявила широко своего вліянія. Теперь же произведеніе Вольфа вызвало переворотъ въ исторіографіи, пробудивъ критическое отношеніе не только къ Гомеру, но и къ другимъ источникамъ.

Третье имя, съ которымъ мы встрѣчаемся при изученіи начала 2-го періода исторіографіи,—это вышеупомянутый *Августъ Бёкъ* (Böckh), ученикъ Вольфа.

Труды *Карла Отфрида Мюллера*—ученика Бёка—стоятъ въ тѣсной связи съ новыми успѣхами исторіографіи въ началѣ XIX вѣка.

Въ XVIII в. мы видимъ въ дѣятельности нѣкоторыхъ представителей просвѣщеннаго абсолютизма, главнымъ же образомъ въ эпоху французской революціи попытки пересоздать общественный строй на началахъ разума. Неудача этихъ попытокъ привела къ разочарованію. Появилось сознаніе, что въ народной жизни есть элементъ, дѣйствіе котораго нельзя устранить, реформируя жизнь на чисто-раціоналистическихъ началахъ. Это—сила инерціи. Она коренится въ народной психологіи, въ „народномъ духѣ“. И поэтому-то сразу передѣлать общество нельзя. Создалось ученіе о томъ, что каждый народъ имѣетъ свой „народный духъ“, опредѣляющій исторію даннаго народа. Такая идея господствуетъ у многихъ представителей исторіографіи начала 19 вѣка. Она отразилась въ философіи исторіи Гегеля и нѣкоторыхъ его послѣдователей.

Въ связи съ этимъ ученіемъ о „народномъ духѣ“. который опредѣляетъ исторію даннаго народа, стоитъ новое направленіе въ исторіографіи. Представители этого направленія полагали, что народный духъ опредѣляетъ исторію, но не порождается ею. Новое направленіе отличается консервативнымъ характеромъ, стоящимъ въ связи съ разочарованіемъ въ революціонныхъ идеяхъ. Оно сыграло видную роль въ развитіи исторической науки, заставивъ обратить вниманіе на жизнь широкихъ народныхъ массъ, въ частности на поэзію и религію. Представителемъ этого направленія въ греческой исторіографіи былъ *Карлъ Отфридъ Мюллеръ*. Его сочиненіе: „Исторія эллинскихъ племенъ и городовъ“ имѣло цѣлью выяснить особенности каждаго греческаго племени. Но Мюллеръ успѣлъ издать лишь два тома, посвященные минійцамъ и дорянамъ. Это сочиненіе теперь устарѣло, но въ свое время заставило обратить вниманіе на внутреннюю жизнь націй, преимущественно на духовную жизнь широкихъ народныхъ массъ.

Теперь обратимся къ представителямъ греческой исторіографіи въ *Англіи*.

Въ Англіи общественная жизнь уже въ XVIII вѣкѣ была очень развита, по крайней мѣрѣ, такъ обстояло дѣло въ отношеніи высшихъ слоевъ населенія. Англійское общество сроднилось съ парламентомъ, и участіе общества въ политической жизни страны сразу отражается на англійской исторіографіи. Здѣсь все время чувствуется живая политическая мысль, чего вовсе незамѣтно въ германской исторіографіи конца XVIII и первой половины XIX в., ибо въ Германіи политическое сознаніе общества въ это время только зарождалось. Это и положительная и отрицательная сторона англійской исторіографіи.

Первое научное сочиненіе по исторіи Греціи, появившееся въ Англіи, это сочиненіе *Митфорда* (1784—94). Оно вышло во время французской революціи. Значительная часть англійскаго общества отнеслась къ революціи отрицательно. Въ этомъ отношеніи сыграла роль, прежде всего, исторически сложившаяся къ тому времени вражда Англіи къ Франціи. Самый характеръ революціи не гармонировалъ даже съ настроеніемъ англійскихъ либераловъ. Стремленіе къ ломкѣ стараго порядка казалось значительной части англійскаго общества фантастическимъ. Тѣмъ болѣе отрицательнымъ было къ ней отношеніе англійскихъ консерваторовъ. Митфордъ былъ консерваторъ (тори) и очень критически относился къ событіямъ во Франціи, что и отражается на его исторіи Греціи. Онъ—сторонникъ Спарты и высту-

паетъ противъ демократизма. Онъ собралъ много источниковъ, былъ знатокомъ ихъ и вліяніе его сказалось на послѣдующихъ историческихъ работахъ, но обработанъ у него матеріалъ тенденціозно. Однако сочиненіе это было написано блестяще. Джонъ Стюартъ Милль, несмотря на свой радикализмъ, такъ изображаетъ впечатлѣніе, произведенное на него сочиненіемъ Митфорда, когда онъ читалъ его въ ранней юности. „Не отрываясь, я прочелъ „Грецію“ Митфорда. Отецъ, предостерегая меня отъ аристократическихъ предразсудковъ этого писателя, обращалъ мое вниманіе на то, что Митфордъ подбираетъ факты для того, чтобы оправдать тиранновъ и очернить народныя учрежденія. Отецъ разбиралъ трактуемые вопросы, объясняя ихъ примѣрами изъ греческихъ ораторовъ и историковъ. Онъ такъ удачно выполнилъ это, что при чтеніи Митфорда мои симпатіи невольно становились въ разрѣзъ съ симпатіями автора и я могъ до извѣстной степени съ нимъ не соглашаться. Этотъ антагонизмъ не уменьшалъ однако удовольствія, съ которымъ я постоянно приступалъ къ чтенію книги“.

Съ 30-хъ гг. 19 в. въ Англіи произошла реакція по отношенію ко взглядамъ Митфорда. *Терлуоль* (Thirlwall, History of Greece, 1835—38 гг.) относится иначе къ политическому развитію Греціи. Онъ — демократъ. Большинство англійскихъ историковъ принимало активное участіе въ политической жизни страны, и рѣдкіе изъ нихъ могли отрѣшиться отъ внесенія своихъ политическихъ убѣжденій въ историческій трудъ. Они пользовались фактами политической исторіи Греціи для освѣщенія вопросовъ современности.

Работу Thirlwall'я затмило сочиненіе *Джорджа Грота*— „Исторія Греціи“ (History of Greece), вышедшее въ 1846—1856 гг. Обстоятельства жизни въ высшей степени помогли Гроту освѣтить греческую исторію лучше, чѣмъ то могли сдѣлать его предшественники. Онъ тоже былъ хорошо знакомъ съ классиками: уже въ молодости онъ читалъ ихъ въ подлинникѣ. Но личная жизнь его сложилась такъ, что онъ оказался въ состояніи особенно хорошо разбираться въ явленіяхъ политической жизни. По профессіи онъ былъ банкиромъ (въ Англіи нерѣдкое явленіе— ученые въ средѣ практическихъ дѣятелей). Дж. Гротъ принималъ непосредственное участіе въ политической жизни, стоя на лѣвомъ флангѣ либеральной партіи. Это близкое знакомство съ экономической и политической жизнью сослужило ему полезную службу. Знакомство съ порядками парламентской жизни способствовало гораздо болѣе глубокому пониманію греческой исторіи.

чѣмъ это было возможно для его предшественниковъ. Занятія въ области банковаго дѣла давали Гроту реальное представленіе о явленіяхъ экономическихъ.

Кромѣ того, положительной чертой въ трудѣ Грота является его прекрасное знакомство съ значительной частью новѣйшей исторіографіи.

Гротъ прежде всего критиченъ, особенно по отношенію къ древнѣйшему періоду греческой исторіи. Миѳы онъ излагаетъ, но не стремится извлечь изъ нихъ фактической основы въ виду безнадежности такихъ попытокъ. Въ предисловіи къ 1-му тому онъ по этому поводу говоритъ: „Если меня спросятъ, почему я не поднялъ завѣсы, за которой скрывается картина, то я отвѣчу словами живописца Зевксиса, который на подобный же вопросъ, обращенный къ нему по поводу его превосходной картины сказалъ: Да вѣдь этотъ занавѣсъ и есть сама картина“. Этимъ Гротъ хочетъ сказать, что для историка интересенъ самый миѳъ, какъ выраженіе народнаго міросозерцанія извѣстной эпохи, извлечь же изъ него историческій матеріалъ онъ считаетъ невозможнымъ. Критически относится онъ и къ матеріалу, сообщаемому источниками также о другихъ періодахъ.

Таковы достоинства Грота въ области описательной исторіи.

Въ области объяснительной исторіи нужно считаться съ тѣмъ, что, ближе стоя къ политической жизни, Гротъ изображаетъ вполнѣ реально и политическую жизнь Греціи. Детальное и реальное изображеніе политической жизни Греціи—главное достоинство „Исторіи Греціи“ Грота.

Но при всѣхъ крупныхъ достоинствахъ и преимуществахъ трудъ Грота страдаетъ и цѣлымъ рядомъ недостатковъ. Онъ не удержался отъ идеализаціи Греціи. Правда, греки у него реальны, но онъ идеализируетъ аѳинскую демократію. Онъ является какъ бы *апологетомъ ея*, защищая ее отъ нападокъ Митфорда и другихъ. Несмотря на свой радикализмъ, Дж. Гротъ—типичный англійскій либералъ своего времени. Онъ полагаетъ, что достаточно создать либеральныя учрежденія,—и соціальныя бѣды будутъ устранены. Поэтому онъ какъ бы не замѣчаетъ, что въ аѳинской демократіи были рѣзкія классовыя противоположности, была борьба, угнетеніе. Пёльманъ съ этой точки зрѣнія строго критикуетъ „Исторію“ Грота, но для времени Грота положительная сторона его труда, безъ сомнѣнія, преобладала. Онъ наложилъ отпечатокъ на всѣ послѣдующія поколѣнія историковъ Греціи. Трудъ его очень детальный: онъ

написалъ 12 томовъ, при чемъ охватилъ лишь время до Александра Великаго включительно. Эпоху послѣ Александра Гротъ находилъ менѣе достойной изученія.

Въ Германіи въ ближайшее десятилѣтіе послѣ Грота явилась „Греческая Исторія“ *Эрнста Курціуса* (1814—1896). Она вышла въ свѣтъ въ 1857—67 гг. Авторъ является ученикомъ и продолжателемъ К. О. Мюллера. Курціусъ выпустилъ свою „Исторію Греціи“ послѣ Грота и стоитъ на другой точкѣ зрѣнія. Въ критикѣ онъ слабѣе Грота, легковѣрнѣе своего предшественника. Онъ пытается возстановить факты по легендамъ, потому то его построенія часто рушатся, но зато у него рядъ достоинствъ въ описательной исторіи. Курціусъ большой знатокъ природы Греціи, поэтому данную сторону онъ освѣщаетъ полнѣе, чѣмъ другіе. Курціусу принадлежитъ особое сочиненіе о Пелопоннесѣ, основанное на личномъ изученіи его природы.

Если перейдемъ къ области истолкованія фактовъ, то и здѣсь приходится отмѣтить, какъ отрицательныя, такъ и положительныя стороны. Въ области истолкованія политической жизни Курціусъ ниже Грота, но зато онъ хорошо изображаетъ культурную жизнь. Эти части его труда не устарѣли до сихъ поръ (такъ, напр., глава о вѣкѣ Перикла въ изображеніи Курціуса до сихъ поръ въ общемъ сохраняетъ свою цѣнность).

Наконецъ, однимъ изъ видныхъ представителей греческой исторіографіи 2-го періода является *Максъ Дункеръ* (1811—1886), написавшій „Исторію древности“ (Geschichte des Altertums) въ девяти томахъ (вышла въ періодъ отъ 1852—1886 гг.). Его сочиненіе по задачѣ шире работъ его предшественниковъ. Первые 4 тома посвящены исторіи Востока, послѣдніе пять—исторіи Греціи до Пелопоннесской войны. Главная заслуга Дункера —наиболѣе полное собраніе матеріала. Даже Гротъ не собралъ столько матеріала, какъ Дункеръ, хотя Низе указываетъ въ своей статьѣ, что Дункеръ часто заботится болѣе о количествѣ матеріала, нежели о качествѣ: онъ не всегда критиченъ. Дункеръ ставитъ въ связь факты греческой исторіи съ исторіей Востока. До него никто не дѣлалъ этого такъ полно.

Третій и послѣдній періодъ греческой исторіографіи, начало которому можно вести съ 80-хъ годовъ, характеризуется: 1) дальнѣйшимъ расширеніемъ матеріала источниковъ, 2) господствомъ исторической *критики*, для развитія которой много уже было сдѣлано въ предшествующій періодъ, 3) расширеніемъ кругозора историковъ, 4) укрѣпленіемъ *реализма* и полнымъ

устраненіемъ идеализаціи въ изображеніи древне-греческой жизни.

1) Въ этомъ періодѣ производятся систематическія раскопки въ различныхъ областяхъ греческаго міра: въ европейской Греціи, на островахъ Архипелага и Адріатики, въ М. Азіи, въ Южной Италіи и проч. Раскопки *Шлимана*, производившіяся на рубежѣ двухъ періодовъ исторіографіи въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, открыли цѣлый новый циклъ ранней греческой исторіи, о существеніи котораго прежде можно было только подозрѣвать на основаніи гомеровскихъ поэмъ. Дополненіемъ къ этимъ даннымъ послужили раскопки, ведшіяся уже въ началѣ 20-го вѣка англичанами и итальянцами на *Критѣ*. Почти всѣ культурныя націи производили въ послѣднія десятилѣтія раскопки въ различныхъ мѣстахъ греческаго міра: нѣмцы (Олимпія, Пергамъ и проч.), французы (Дельфы, о. Делосъ), австрійцы (Эфесъ и др. мѣстности М. Азіи), итальянцы (Критъ), англичане (о. Мелосъ, Критъ и проч.), русскіе (греческія колоніи въ южной Россіи), американцы, греки. Раскопки дали обширный археологическій матеріалъ и множество цѣнныхъ надписей. Для изученія эллинистическаго періода громадное значеніе имѣли раскопки въ Египтѣ, производившіяся преимущественно англичанами (особенно *Гренфеллемъ* и *Хентомъ*), а также нѣмцами и французами. Эти раскопки дали множество греческихъ *папирусовъ*, освѣщающихъ исторію эллинистическаго государства Птолемеевъ, создавшагося въ Египтѣ, и, кромѣ того, предоставившихъ ученому міру рядъ произведеній древне-греческой литературы, которыя до того времени были утрачены („Аѳинская политія“ *Аристотеля*).

2) Работа надъ анализомъ источниковъ продолжается и въ этотъ періодъ, переходя иногда въ чрезмѣрный скептицизмъ (Белохъ), но по большей части не идя далѣе здороваго *критицизма*.

3 и 4) Но, что *особенно важно*, то это—необыкновенное расширеніе кругозора историковъ и связанное съ этимъ укрѣпленіе реализма. Кругозоръ расширяется въ разныхъ направленіяхъ: а) въ трудахъ по исторіи Греціи все болѣе замѣтна *обще-историческая точка зрѣнія*: исторія Греціи разсматривается не изолированно, а въ тѣсной связи съ исторіей остального древняго міра, особенно въ связи съ древнимъ Востокомъ (во 2-мъ періодѣ труды, трактовавшіе исторію Греціи съ этой точки зрѣнія, напр., трудъ Дункера, были исключеніемъ); кромѣ того, для пониманія явленій греческой

исторіи большую роль начинаетъ играть сопоставленіе явленій греческой исторіи съ явленіями исторіи средневѣковой и ранней новой; б) расширяется кругозоръ историковъ и въ *этнографическомъ* отношеніи: все болѣе начинаютъ изучать исторію второстепенныхъ греческихъ племенъ, не сосредоточиваясь исключительно на исторіи крупныхъ государствъ (Аѳинъ, Спарты).

в) Важное явленіе въ исторіографіи послѣдняго времени— это *хронологическое расширеніе* сферы изучаемыхъ фактовъ греческой исторіи.

До 3-го періода большинство историковъ Греціи интересовалось исторіей этой страны лишь до Александра Великаго. Этотъ взглядъ выразилъ Гротъ въ предисловіи къ своей „Исторіи Греціи". „Послѣ Александра, говоритъ Гротъ, политическая жизнь Греціи становится уже и ничтожнѣе; она теряетъ интересъ для читателя и болѣе не вліяетъ на судьбы міра. Въ самомъ дѣлѣ мы можемъ указать лишь два или три событія, въ частности революціи Агиса и Клеомена въ Спартѣ, которыя являются одновременно и поучительными и трогательными; но въ цѣломъ періодъ, простирающійся съ 300 г. до Р. Х. до покоренія Греціи Римомъ, не представляетъ самъ по себѣ никакого интереса и имѣетъ цѣну лишь постольку, поскольку помогаетъ намъ понять предшествующіе вѣка. А помимо этого среди грековъ этой эпохи имѣютъ значеніе лишь отдѣльныя личности, выступавшія въ качествѣ философовъ, учителей, астрономовъ и математиковъ, литераторовъ и критиковъ, медиковъ-практиковъ и т. п. Во всѣхъ этихъ почетныхъ сферахъ дѣятельности, особенно въ великихъ философскихъ школахъ греки являются еще свѣточами римскаго міра. Однако, какъ общества, греки утратили самостоятельную орбиту и превратились въ спутниковъ своихъ могущественныхъ сосѣдей".

Такова точка зрѣнія Грота. Она рѣшительно не вѣрна. Историкъ долженъ изучать общество на всемъ протяженіи его эволюціи, и чѣмъ полнѣе будетъ изученіе, тѣмъ больше будетъ матеріала для соціологическихъ заключеній. Съ этой точки зрѣнія важно не только общество вліятельное, но и общество малозначительное. Кромѣ того, эллинистическій періодъ важенъ и съ всемірно-исторической точки зрѣнія: это періодъ формированія большихъ государствъ, изъ которыхъ позднѣе создалась Римская имперія и учрежденія которыхъ могущественно повліяли на строй имперіи; въ этотъ періодъ изъ смѣшенія греческой культуры и культуръ восточныхъ образовалась новая

эллинистическая культура, характеризуемая пышнымъ развитіемъ науки и появленіемъ новыхъ формъ въ искусствѣ; эта культура легла въ основу и культуры римской.

Правда, еще во второмъ періодѣ *Дройзенъ* въ своей „Исторіи Эллинизма“, вышедшей въ 30-хъ гг. XIX в. и переизданной въ 1877—78 гг., далъ очеркъ исторіи Греціи послѣ Македонскаго періода; но его работа посвящена исключительно политической исторіи, изслѣдованію экономической, соціальной и культурной жизни онъ почти не отводитъ мѣста.

Въ 3-мъ періодѣ является цѣлый рядъ историковъ эллинистическаго періода. Этому способствовало, между прочимъ, открытіе множества греческихъ папирусовъ. *Магаффи* (Mahaffy), профессоръ въ Дублинѣ, написалъ два сочиненія по исторіи Птолемеевъ, гдѣ онъ касается преимущественно политической исторіи; въ другихъ своихъ сочиненіяхъ („Греческая жизнь и мысль со времени Александра до римскаго завоеванія“; „Серебряный вѣкъ греческаго міра“; „Прогрессъ эллинизма“) Магаффи освѣщаетъ и культурную жизнь Греціи. Освѣщаютъ культурную сторону жизни эллинистическаго Востока и другіе историки. Во Франціи *Буше-Леклеркъ* (Bouché-Leclercq) издалъ 4-хъ-томное сочиненіе по исторіи Птоломеевъ (Histoire des Lagides, 1903—1907). Въ Германіи „Греческая Исторія (Griechische Geschichte, 1886—94) *Гольма* (Holm) охватываетъ и исторію эллинистическаго періода, доводя изложеніе до битвы при Акціумѣ. *Керстъ* (Kaerst) издалъ 1-й томъ „Исторіи эллинистическаго періода“ (эпоха Александра В.).

Ю. Белохъ—профессоръ Римскаго университета—довелъ свою „Griechische Geschichte“ въ третьемъ томѣ до начала столкновеній съ римлянами (конецъ III в. до Р. Х.).

Такимъ образомъ, явился цѣлый рядъ историковъ эллинистическаго періода. Теперь мы знакомимся съ исторіей греческихъ обществъ въ полномъ видѣ, а ранѣе изученіе прекращали въ то время, когда эллины переходили на дальнѣйшую ступень развитія.

г) Наконецъ, расширеніе кругозора историковъ произошло и въ сферѣ *соціологической*: прежде историки занимались по преимуществу политической исторіей, теперь они равномѣрно освѣщаютъ всѣ стороны жизни. Изучена *природа Греціи*; изучено вліяніе этого фактора на исторію древней Греціи. Въ 3-мъ періодѣ выдающимися изслѣдователями въ этой области являются *Нейманъ* и *Парчъ* (Neumann und Partsch), занимавшіеся изученіемъ физической географіи Греціи и вліянія природы на

эволюцію греческихъ обществъ. Здѣсь собранъ богатый метеорологическій матеріалъ, обращено вниманіе на то, какъ измѣнилась природа Греціи сравнительно съ древностью, какъ вліяла природа на исторію. Это—лучшее, что было написано о вліяніи природы Греціи на исторію грековъ. Въ этой же области работалъ *Филиппсонъ* (Philippson, Das Mittelmeergebiet, 1904; есть рус. пер.). Въ 1913 г. явилось въ свѣтъ произведеніе *Понтена* (Ponten), посвященное тоже природѣ Греціи, превосходно иллюстрированное (Die griechischen Landschaften).

Изучалась статистика *народонаселенія* Греціи, движеніе его; этими вопросами занялся *Белохъ*. Онъ собралъ всѣ мельчайшія данныя о количествѣ населенія греческихъ государствъ въ разное время. (Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt, 1886). Иногда въ своихъ методахъ онъ чрезвычайно остроуменъ. Напримѣръ, ему извѣстно количество потребляемаго хлѣба въ данной области. Белохъ беретъ это количество, дѣлитъ на цифру хлѣба, потребляемаго въ среднемъ индивидуумомъ, и получаетъ такимъ образомъ приблизительную цифру населенія. Или, напримѣръ, намъ извѣстенъ характеръ природы страны, степень культуры; отсюда Белохъ дѣлаетъ заключеніе о степени густоты населенія данной области. Однимъ словомъ, это сочиненіе Белоха дѣлаетъ эпоху въ исторіографіи Греціи.

Рядъ поправокъ къ вычисленіямъ Белоха внесъ *Эдуардъ Мейеръ* (его статья въ Forschungen zur alten Geschichte и въ 3-мъ изданіи словаря Handwörterbuch der Staatswissenschaften подъ словомъ Bevölkerung).

Въ настоящее время тщательно изучается также *вліяніе культурныхъ сосѣдей* Греціи, особенно народовъ Востока.

Цѣлый рядъ сочиненій посвященъ *экономической исторіи* Греціи, какъ, напримѣръ, работы *Гиро*: (Guiraud) „Исторія земельной собственности въ Греціи“, „Исторія промышленности въ Греціи“. Сюда относится трудъ *Франкотта* (Francotte) о греческой промышленности. Изучается греческое право (Beauchet „Исторія гражданскаго права въ Аѳинахъ“). Соціальной борьбѣ въ Греціи посвящено сочиненіе *Пёльмана*: „Исторія античнаго коммунизма и соціализма“ (нов. изд.: „Исторія соціальнаго вопроса въ древности“) и сборникъ аналогичныхъ статей подъ заглавіемъ: „Aus Altertum und Gegenwart.

Что касается исторіи культуры, то имѣется множество сочиненій по исторіи религіи (капитальное сочиненіе Rohde: Psyche), литературы, философіи (Целлеръ, Виндельбандъ). Такимъ образомъ, всѣ стороны жизни древней Греціи затронуты и освѣщены.

Французскій историкъ *Ф. де Кулянжъ* (Fustel de Coulanges), извѣстный своими превосходными изслѣдованіями по исторіи ранняго средневѣковья, еще въ 1864 г. издалъ сочиненіе (La cité antique, перев. по русски: „Гражданская община древняго міра“), въ которомъ выяснилъ, какую тѣсную связь имѣло греческое и римское государство съ религіей, гл обр. съ культомъ предковъ. Въ развитіи этой идеи Ф. де Кулянжъ односторонен, но его блестящее изложеніе тѣмъ не менѣе подчеркиваетъ значеніе важнаго фактора въ исторіи античнаго государства.

Чтобы закончить очеркъ исторіографіи, остановимся на разборѣ нѣсколькихъ общихъ сочиненій по исторіи Греціи, вышедшихъ въ 3-ій періодъ греческой исторіографіи.

Къ произведеніямъ этого рода относится „Греческая Исторія“ упомянутаго уже автора—*Ю. Белоха* въ 3-хъ томахъ *). Белохъ—нѣмецъ по происхожденію, профессоръ римскаго университета. Онъ пишетъ и по нѣмецки, и по итальянски. Первое изданіе первыхъ двухъ томовъ его труда есть и въ русскомъ переводѣ (М. О. Гершензона). Белохъ отражаетъ успѣхи новѣйшей исторіографіи, охарактеризованные выше. Онъ критиченъ: не пользуется ни однимъ источникомъ, не подвергнувъ его критической обработкѣ. Критическую работу онъ производилъ во множествѣ журнальныхъ статей, и это критическое отношеніе къ источникамъ проглядываетъ во всѣхъ 3-хъ томахъ его греческой исторіи. Съ этимъ же связывается и его главный недостатокъ. Иногда онъ становится гиперкритиченъ, переходя въ своемъ скептицизмѣ границы должнаго, часто онъ отвергаетъ традицію безъ достаточныхъ основаній. Напримѣръ, всѣмъ извѣстна роль, которая приписывается дорійскому завоеванію, т. е. движенію сѣверныхъ племенъ на югъ въ XII—XI вв. до Р. Х. Белохъ признаетъ преданіе объ этомъ движеніи домысломъ позднѣйшихъ грековъ. Часто на мѣсто преданія и источниковъ онъ ставитъ свои гипотезы и склоненъ слишкомъ довѣрять имъ.

Если мы перейдемъ къ области объясненія фактовъ Белохомъ, то увидимъ у него полный реализмъ: греки у него вполнѣ сведены съ театральныхъ подмостковъ, на которыхъ

---

*) Первый и второй томъ появились уже во второмъ изданіи, причемъ перваго тома теперь вышло двѣ части (первое изданіе этихъ томовъ появилось въ 1893—97 гг.; второе въ 1912—1914 г.; 2-й части второго тома до начала войны еще не появлялось; третій томъ въ 2 частяхъ появился въ 1904 г.).

они стояли въ періодъ гуманизма. У него они—обыкновенные люди, хотя и развившіе высшую культуру, но только потому, что такъ сложились историческія условія.

Затѣмъ соціологизмъ Белоха проявляется въ примѣненіи обще-исторической точки зрѣнія. Онъ самъ хорошо знакомъ съ исторіей среднихъ вѣковъ и новаго времени и изучаетъ греческое общество въ связи съ исторіей всеобщей. Все время передъ его глазами стоятъ общества другихъ временъ: не отождествляя греческое общество съ другими, онъ его съ ними сравниваетъ. Мы видимъ, читая Белоха, какъ много у грековъ общаго съ эволюціей другихъ народовъ. Что-же касается его кругозора въ смыслѣ обширности подвергаемаго изслѣдованію матеріала, то онъ стоитъ на высотѣ современныхъ научныхъ требованій: онъ хронологически расширилъ изслѣдованіе. Гротъ, какъ мы видѣли, довелъ свою работу до Александра,—Белохъ 3-й томъ посвящаетъ эпохѣ отъ Александра до римскаго вмѣшательства въ дѣла Греціи. Онъ широко захватываетъ и этнографическій матеріалъ: исторія Аѳинъ и Спарты у него рисуется на фонѣ исторіи другихъ государствъ. Ему принадлежитъ, какъ мы видѣли, монографія по исторіи народонаселенія древняго міра; Белохъ слѣдитъ за экономической эволюціей древняго міра, характеризуетъ соціальныя отношенія, политическую эволюцію, международное положеніе Греціи; устанавливаетъ тѣсную связь между политической, экономической и культурной исторіей. Вотъ характерныя черты Белоха.

Другое крупное сочиненіе общаго характера даетъ Эдуардъ *Мейеръ* (E. Meyer) подъ заглавіемъ „Исторія древности (Geschichte des Altertums, 1884—1902). 1-ый томъ этого капитальнаго труда посвященъ древнему Востоку. Мейеръ занялся его переработкой, и въ 1907—9 г. онъ издалъ второе изданіе I тома, а въ 1910—13 г. уже третье. Однако во второмъ и третьемъ изданіи изложеніе настолько разрослось, что охватываетъ исторію Греціи лишь до XVI в. до Р. Х. Сюда включенъ впрочемъ обзоръ Эгейскаго періода греческой исторіи. II-ой томъ въ большей своей части посвященъ исторіи Греціи до персид. войнъ, отчасти исторіи Востока и Рима. III-й т.— исторіи Греціи до 446 г.—до Перикла. IV-й т.—эпохѣ Перикла и Пелопонесской войнѣ. V-й томъ обнимаетъ эпоху отъ 404 г. до завоеваній Филиппа Македонскаго.

Мейеру свойственны достоинства Белоха, но онъ чуждъ недостатковъ послѣдняго. У Белоха мы видимъ крайній скептицизмъ къ традиціи и довѣріе къ своимъ гипотезамъ. Мейеръ

критиченъ, но его рѣдко можно упрекнуть въ гиперкритикѣ; въ выводахъ онъ очень остороженъ. Другія достоинства Белоха (широта историческаго кругозора, вниманіе къ исторіи второстепенныхъ греческихъ государствъ, освѣщеніе жизни обществъ во всей ея полнотѣ, т. е. не только политическихъ, но и экономическихъ, и соціальныхъ, и культурныхъ явленій) свойственны Эд. Мейеру не въ меньшей, если не въ большей степени, чѣмъ Белоху.

Небольшую сводную работу представляетъ сочиненіе *Пёльмана* — „Очеркъ Греческой исторіи" (переведено по русски подъ ред. проф. С. А. Жебелева). Эта работа Пёльмана входитъ въ рядъ учебниковъ для изученія древняго міра, издаваемыхъ мюнхенскимъ профессоромъ Иваномъ Мюллеромъ. Въ эту же серію учебниковъ входитъ учебникъ по римской исторіи Низе. Пёльманъ шире Низе: онъ даетъ сжатый сводъ результатовъ, какіе дала наука по греческой исторіи, причемъ касается соціально-экономическихъ явленій въ гораздо большей степени, чѣмъ Низе. Изложеніе сухо, но при краткости изложенія иначе и не можетъ быть. Пёльманъ отражаетъ въ своей книгѣ главныя свойства 3-го періода исторіографіи. Онъ критиченъ и осторожнѣе даже Мейера. Историческій процессъ онъ освѣщаетъ широко, не касаясь, впрочемъ, явленій духовной культуры.

Слѣдуетъ отмѣтить сочиненіе *Бузольта* („Греческая Исторія"—Griechische Geshichte). Это очень обширный трудъ: 4 большихъ тома заканчиваются исторіей Пелопоннесской войны. Онъ разносторонне разсматриваетъ греческую исторію,—много мѣста отводитъ экономической и соціальной исторіи, но онъ лишенъ талантливости Мейера и Белоха. Его работа—сводная: это—сводъ всего матеріала источниковъ. У него болѣе мѣста занимаютъ примѣчанія, чѣмъ текстъ. Въ этихъ примѣчаніяхъ сопоставлены почти всѣ данныя источниковъ, такъ что, руководствуясь его трудомъ, можно проработать по источникамъ всѣ главные вопросы исторіи Греціи. Очень полно представлены у Бузольта и существующія по разнымъ вопросамъ мнѣнія различныхъ новыхъ ученыхъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о своеобразномъ сочиненіи *Буркгардта*—его „Греческой культурной исторіи" (Griechische Kulturgeshichte, 1898—1902), изданной Oeri (Эри). Буркгардтъ былъ профессоромъ Базельскаго университета. Онъ извѣстенъ цѣлымъ рядомъ историческихъ монографій. Извѣстна его монографія, посвященная времени Константина В. Громадной извѣстностью пользуется его „Чичероне"—научный путе-

водитель по художественной Италіи. Въ высшей степени цѣнно его сочиненіе по исторіи итальянскаго гуманизма. Уже послѣ его смерти вышла его „Греческая культурная исторія". Въ основѣ этого труда лежатъ университетскія лекціи Буркгардта: въ этомъ его достоинства и недостатки —живость изложенія, но въ то же время неравномѣрность. Сочиненіе сразу обратило на себя вниманіе, но отношеніе къ нему ученыхъ было довольно различное: этотъ трудъ Буркгардта вызвалъ, пожалуй, извѣстное разочарованіе. Нѣкототорые историки, напримѣръ Мейеръ, отнеслись къ нему отрицательно. Недостатокъ труда сводится къ тому, что авторъ часто игнорируетъ новую ученую литературу. Упрекаютъ его и за игнорированіе надписей. Таковы отзывы части критики. Но мнѣ кажется, что болѣе правильно относятся къ Буркгардту другіе ученые. Нужно считаться съ тѣмъ, что Буркгардтъ—знатокъ древнихъ авторовъ, перечитавшій массу классиковъ, знатокъ искусства,—не могъ не дать чего либо новаго. Отрицать значеніе надписей и новой литературы нельзя и, конечно, игнорированіе и того и другого—недостатокъ Буркгардта, но у Буркгардта сила въ другомъ: въ глубокомъ и непосредственномъ знакомствѣ съ авторами и съ произведеніями античнаго искусства. Въ своемъ трудѣ онъ передаетъ то впечатлѣніе, какое произвело на него изученіе авторовъ и памятниковъ искусства. Его задача—дать типъ грека въ измѣненіи въ исторіи. Работа дѣлится такъ: 1-й томъ посвященъ государству, 2-й—религіи, 3-й—искусству, литературѣ, наукѣ и философіи. 4-й томъ содержитъ характеристику грека, какъ типа, въ различныя эпохи. Буркгардтъ мало касается экономики, но у него есть масса оригинальныхъ замѣчаній, особенно по исторіи государства, религіи и искусства.

Я долженъ еще отмѣтить прекрасныя работы харьковскаго профессора *В. П. Бузескула.* Ему принадлежатъ два важныя изслѣдованія: „Периклъ" (1889) и „Аѳинская политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ" (1895). Его „Введеніе въ исторію Греціи" (1-е изд. 1903 г., 3-е изд.—1915 г.) представляетъ живой и очень полный обзоръ источниковъ и литературы по исторіи Греціи. Его „Исторія аѳинской демократіи" (1909) даетъ прекрасно написанную и всестороннюю исторію Аѳинъ съ древнѣйшихъ временъ до начала эллинистическаго періода. Слѣдуетъ обратить вниманіе на сборникъ статей В. П. Бузескула: „Историческіе этюды" (1911) и на его книгу: „Античность и современность" (2-е изд., 1914).

Профессору Московскаго Университета *Р. Ю. Випперу* принадлежать интересныя „Лекціи по исторіи Греціи“ (1-е изд. 1905 г., 3-е 1909 г.). Эти лекціи съ пользой и интересомъ прочтутся лицами, уже оріэнтированными въ греческой исторіи, такъ какъ содержатъ оригинальныя построенія автора, однако не всегда принятыя въ наукѣ.

Для знакомства съ греческой исторіографіей въ бóльшихъ подробностяхъ я могу отослать къ сочиненю *Wachsmuth'*а, Einleitung in das Studium der alten Geschichte (1895), особенно же къ названному выше русскому сочиненію харьковскаго профессора *В. П. Бузескула*, Введеніе въ греческую исторію, изд. 3-ье, Петроградъ, 1915.

III. Періоды древне-греческой исторіи.

Исторію древней Греціи можно раздѣлить на слѣдующіе 5 періодовъ: 1) *Эпоха Эгейской культуры*, когда на европейскомъ и азіатскомъ побережьѣ и островахъ Эгейскаго моря впервые развивается значительная культура; строго говоря, эта эпоха представляетъ изъ себя рядъ историческихъ процессовъ, въ которыхъ играетъ роль не только греческое, но, вѣроятно, и догреческое населеніе данной географической области; эту эпоху можно считать до извѣстной степени *до-исторической*, ибо познаемъ мы ее по преимуществу на основаніи археологическаго матеріала; поскольку можно судить по косвеннымъ указаніямъ, эта эпоха начинается приблизительно за 3000 лѣтъ до Р. Х. и тянется до конца 2-го тысячелѣтія до Р. Х. 2) *Греческое средневѣковье*; собственно въ этотъ періодъ начинается греческая исторія, освѣщенная памятниками языка; этотъ періодъ въ новѣйшей исторіографіи получилъ такое названіе, ибо основныя явленія въ общественномъ и государственномъ укладѣ его во многомъ напоминаютъ строй средневѣковой Европы (преобладаніе натуральнаго хозяйства; феодализмъ, господство землевладѣльческой знати, зависимое положеніе значительной части низшихъ классовъ; религіозная окраска духовной культуры); періодъ этотъ охватываетъ приблизительно эпоху съ XI до VII в. до Р. Х. 3) *Періодъ классической или городской Греціи* (господство *полиса*, какъ формы соціальной жизни). Этотъ періодъ начинается экономическимъ и связаннымъ съ нимъ соціальнымъ переворотомъ, охватившимъ значительную часть греческихъ поселеній и уничтожившимъ здѣсь по-

степенно старые феодальные порядки; характерной особенностью этого періода является интенсивное развитіе городскихъ центровъ. Государство-городъ (*πόλις*)—типическая форма общественной организаціи этого времени. Въ культурномъ отношеніи этотъ періодъ характеризуется разложеніемъ древнихъ религіозныхъ представленій, появленіемъ „свѣтской“ науки и философіи, пышнымъ расцвѣтомъ разныхъ видовъ искусства въ городскихъ центрахъ. Однако, развитіе городовъ въ разныхъ мѣстностяхъ Греціи совершалось неодинаково быстро: въ то время, какъ побережье и острова Эгейскаго моря, равно какъ большинство греческихъ заморскихъ колоній, были рано (съ конца VIII в.) захвачены этимъ переворотомъ, другія области (особенно, на сѣверѣ и западѣ Европейской Греціи) сохраняли средневѣковой строй почти въ теченіе всего даннаго періода. Хронологически этотъ періодъ охватываетъ время приблизительно съ VII по вторую половину IV вѣка до Р. Х. Его можно раздѣлить на два отдѣла: а) первый отдѣлъ (приблизительно VII—VI вѣка)—крушеніе средневѣковыхъ порядковъ и развитіе городского строя, б) второй отдѣлъ (прибл. V и первая пол. IV в.)—расцвѣтъ городского строя, когда, однако, начинаютъ намѣчаться и болѣе сложные типы государственной организаціи. 4) *Эллинистическій періодъ* есть время, когда появляются болѣе сложныя формы экономической жизни (широкое развитіе обмѣна); *полисъ*, какъ государственная форма, разлагается, и его мѣсто заступаютъ новыя государственныя организаціи, зачатки которыхъ имѣлись, впрочемъ, уже въ предшествующемъ періодѣ; это по преимуществу или федеральныя республики или болѣе или менѣе значительныя монархіи. Въ культурномъ отношеніи этотъ періодъ характеризуется, главнымъ образомъ, широкимъ распространеніемъ греческой культуры за предѣлы классической Греціи, развитіемъ спеціальныхъ наукъ. Хронологически этотъ періодъ охватываетъ приблизительно время съ конца IV по начало II в. до Р. Х. 5) *Періодъ римскаго владычества*, являющійся, въ сущности, завершеніемъ эллинистическаго періода: развитіе обмѣна въ сферѣ экономической жизни тѣсно связываетъ прямо или косвенно область Эгейскаго моря съ остальнымъ бассейномъ Средиземнаго моря, включая и западную его часть; одновременно съ этимъ экономическимъ объединеніемъ происходитъ и объединеніе политическое, которое въ результатѣ ряда сложныхъ историческихъ процессовъ завершается включеніемъ греческихъ обществъ въ составъ Римскаго государства. Эллинистическая культура

прочно утверждается на Западѣ. Хронологически этотъ періодъ начинается съ начала II в. до Р. Х. (греческія государства на югѣ Италіи и въ Сициліи перешли въ руки римлянъ еще въ III в. до Р. Х.). Съ этихъ поръ судьбы Греціи тѣсно связаны съ судьбами поздней Римской республики, а затѣмъ Римской имперіи.

IV. Природа Греціи и ея соціально-историческое значеніе.

Человѣческое общество есть совокупность индивидовъ, находящихся во взаимодѣйствіи. Общество не остается неизмѣннымъ. Что является причиной этихъ измѣненій?

Первымъ могущественнымъ факторомъ общественной эволюціи, съ которымъ приходится считаться, о какомъ бы обществѣ ни шла рѣчь, это—природа, среди которой живетъ общество. Дѣйствію этого фактора подвержены, какъ самыя примитивныя общества, такъ и самыя культурныя. Совершенно ложно утвержденіе, будто культурныя общества менѣе зависятъ отъ природы, чѣмъ первобытныя: зависимость остается очень значительной, но только она не столь непосредственна. Культурный человѣкъ подобно первобытному долженъ защищать себя отъ вредныхъ силъ природы и приспособлять для удовлетворенія своихъ потребностей ея благотворныя силы. Все, чѣмъ человѣкъ удовлетворяетъ свои потребности, онъ и въ культурномъ состояніи получаетъ отъ той же природы.

Большое вниманіе по отношенію къ изученію воздѣйствія природы на человѣка проявляли уже древніе писатели (Ѳукидидъ, Платонъ, Аристотель, Полибій), а позднѣе Боденъ, Монтескье и Вольтеръ, затѣмъ Гердеръ (1744—1803), но научный характеръ ей придали въ XIX в. Карлъ Риттеръ, Мечниковъ, Реклю и Фридрихъ Ратцель. Теперь отрасль науки, изучающая эти явленія, называется обычно *антропогеографіей*.

Обычно въ сочиненіяхъ по физической географіи географическіе факторы разсматриваются въ такомъ порядкѣ: опредѣляется положеніе данной страны на земномъ шарѣ, далѣе расматривается распредѣленіе моря и суши, географическое строеніе страны (почва) и форма поверхности, климатъ, орошеніе, флора и фауна. Такой порядокъ удобенъ потому, что въ началѣ стоятъ основныя данныя, а въ концѣ—производныя, являющіяся ре-

зультатомъ взаимодѣйствія первыхъ: климатъ есть результатъ взаимодѣйствія 1) астрономическихъ явленій,—обнаруживающихся такъ или иначе въ силу того или иного положенія страны на земномъ шарѣ (холодный, умѣренный, жаркій пояса), 2) того или иного распредѣленія суши и моря, 3) той или другой формы поверхности. Орошеніе есть результатъ главнымъ образомъ климата (количество и распредѣленіе водъ) и формы поверхности (мѣсто осадковъ, направленіе рѣкъ). Наконецъ, флора и фауна суть результатъ распредѣленія суши и моря, формы поверхности, почвы, климата и орошенія.

Но когда мы имѣемъ въ виду не объясненіе природы страны, а тѣхъ результатовъ, которые получаются отъ воздѣйствія природы на человѣческія общества, болѣе пригодной является нѣсколько иная классификація географическихъ факторовъ. Нужно сначала расмотрѣть тѣ факторы, которые ранѣе всего и болѣе всего вліяли на человѣка. Таковы: климатъ, ґеологическое строеніе страны (почва), флора и фауна, далѣе орографія и рѣчная система; гораздо позднѣе сказывается непосредственное вліяніе распредѣленія моря и суши. Разсмотримъ всѣ эти географическіе элементы примѣнительно къ древней Греціи и ихъ роль въ ея исторіи.

Греція расположена въ умѣренномъ поясѣ сѣвернаго полушарія и притомъ въ болѣе теплой его части. Средняя годовая температура въ Аѳинахъ$=+17,3^{0}$, средняя температура января$=+6,4^{0}$, іюля$=+27^{0}$. Такимъ образомъ Аѳины лежатъ на одной изотермѣ съ Палермо и Мурсіей (Испанія) и почти на одной—съ Лиссабономъ (гдѣ климатъ еще мягче). Но благодаря неравномѣрному вліянію моря и распредѣленію горъ, въ отдѣльныхъ частяхъ Греціи замѣчаются своеобразныя климатическія особености. Острова Архипелага и Іоническаго моря, благодаря болѣе значительному вліянію моря, еще мягче по климату, чѣмъ Аттика. Напротивъ, сѣверные берега Архипелага уже отличаются болѣе суровымъ климатомъ (зимою здѣсь бываютъ значительные морозы, лѣтомъ—жара). Еще разнообразнѣе климатическія отношенія въ материковой части Греціи. Уже въ Бэотіи климатъ имѣетъ болѣе континентальный характеръ, чѣмъ въ Аттикѣ. Въ возвышенной части Аркадіи зима значительно продолжительнѣе и суровѣе, чѣмъ въ Аттикѣ. Въ Эпирѣ зимою бываютъ морозы до-10^{0} и даже дважды втеченіи 6 лѣтъ наблюдали-17^{0}. Вѣчныхъ снѣговъ горы Греціи не знаютъ. Однако зимою снѣгъ лежитъ даже на высокихъ горахъ Крита (съ начала ноября по конецъ апрѣля). На вершинахъ центральнаго Пело-

поннеса снѣгъ держится еще дальше (до средины іюля и даже иногда до начала августа), а въ Сѣверной Греціи, гдѣ вліяніе моря менѣе значительно, еще въ августѣ можно найти не только на Олимпѣ, но и на Камбунійскихъ горахъ и Пиднѣ значительное количество снѣга, а зимой снѣжныя массы дѣлаютъ переходъ черезъ эти горы очень труднымъ, а для армій прежняго времени—невозможнымъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ Греціи на небольшомъ протяженіи (къ югу отъ Крита проходитъ 35-я сѣверная параллель, а Константинополь лежитъ на 41° широты, слѣдовательно все пространство, на которомъ главнымъ образомъ, протекала древне-греческая исторія простирается съ юга на сѣверъ немногимъ болѣе, чѣмъ на 600 верстъ) замѣчается значительное разнообразіе температуры: въ мѣстностяхъ ближе расположенныхъ къ морю (прибрежныхъ и болѣе низкихъ) климатъ мягче, чѣмъ въ мѣстностяхъ внутреннихъ.

Столь же разнообразно и распространеніе атмосферныхъ осадковъ въ Греціи. Въ этомъ отношеніи западныя части Греціи находятся въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ восточное ея побережье, особенно Аттика. Эти послѣднія мѣстности горами прикрыты отъ тучъ, идущихъ съ Средиземнаго моря, и въ силу этого въ Аѳинахъ среднимъ числомъ 45 дождливыхъ дней въ году (если принимать во вниманіе дни съ маленькими дождиками—то 73 дня), между тѣмъ какъ на Іоническомъ морѣ (Корфу) насчитываются 104 дождливыхъ дня. Изъ этого видно, что восточная Греція, особенно Аттика и Арголида, въ меньшей степени Лаконія, лѣтомъ прямо страдаютъ отъ бездождья, между тѣмъ какъ западныя части страны получаютъ значительное количество атмосферныхъ осадковъ. Нужно для полноты характеристики добавить, что у насъ на сѣверѣ пасмурныхъ дней болѣе, чѣмъ дождливыхъ, въ Греціи—наоборотъ. Тамъ, если небо дѣлается облачнымъ, почти всегда слѣдуетъ проливной дождь. Эта особенность природы сообщаетъ южанину извѣстную жизнерадостность настроенія: грекъ не испытываетъ того сквернаго, кислаго ощущенія, которое часто приходится на долю неврастеничному сѣверянину осенью и даже лѣтомъ, когда сверху нависли сѣрыя облака, вокругъ туманъ, а подъ ногами слякоть. Южный дождь налетитъ, прольется иной разъ страшнымъ ливнемъ, но зато—кончился дождь,— и опять съ неба весело сіяетъ солнце, и всякое живое существо чувствуетъ бодрость и свѣжесть.

При всѣхъ вышеописанныхъ модификаціяхъ климатъ Греціи въ общемъ приходится признать мягкимъ (умѣренно теплымъ).

Въ начальныхъ стадіяхъ развитія человѣческое общество больше всего подчиняется вліянію климата и почвенныхъ условій: отъ климата зависятъ тѣ или иныя потребности человѣческаго организма, почвенныя условія вмѣстѣ съ климатомъ создаютъ животный и растительный міръ, служащій для удовлетворенія этихъ потребностей. Поэтому я скажу сейчасъ нѣсколько словъ о почвѣ, флорѣ, фаунѣ и геологическихъ богатствахъ Греціи.

Греція не можетъ похвастаться особеннымъ плодородіемъ почвы. Тучная почва получается главнымъ образомъ или благодаря вывѣтриванію нѣкоторыхъ горныхъ породъ, или благодаря дѣйствію рѣкъ, приносящихъ плодоносныя частицы. Въ Греціи мало мѣстностей, въ которыхъ наблюдалось бы первое явленіе. Шиферъ, мергель и т. п.—сравнительно рѣдко попадаются въ Греціи (южная часть Эвбеи; *Μεσογαῖα* въ восточной Аттикѣ). Въ Аттикѣ плодоносный слой очень тонокъ, попадаются обнаженныя известковыя плѣшины—*φελλεῖς*. Гораздо больше въ Греціи плодородныхъ мѣстностей, образовавшихся благодаря осадкамъ при устьяхъ рѣкъ, или благодаря тому, что здѣсь нѣкогда существовали водоемы со стоячей водой, гдѣ осаждались на дно плодородныя частицы, или же, наконецъ, благодаря современнымъ водоемамъ, которые разливаясь, доставляютъ плодородный илъ окружающимъ ихъ мѣстамъ (Копаидское озеро въ Бэотіи, нѣкоторыя мѣстности въ Ѳессаліи). Изъ плодородныхъ рѣчныхъ долинъ назову долину Сперхея въ Ѳессаліи, Ахелоя—въ Акарнаніи, Пенея—въ Элидѣ, Памиса—въ Мессеніи, Эврота—въ Лаконіи, мѣстность около Сикіона и Коринѳа (ахейскіе ручьи), долину Кефиса (Элевсинская долина) въ Аттикѣ.

Въ плодородныхъ мѣстностяхъ Греціи произростаютъ хлѣбныя растенія (пшеница, ячмень), оливковыя деревья, смоквы, виноградъ и всѣ почти фруктовыя деревья умѣреннаго климата. При тщательной обработкѣ и на менѣе плодородной почвѣ въ Греціи произрастаютъ эти растенія, благодаря мягкости здѣшняго климата.

Вотъ, въ какихъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ началась эволюція греческаго общества. Какіе же получились результаты отъ взаимодѣйствія всѣхъ этихъ условій?

Грецiя находится въ умѣренномъ климатѣ и, слѣдовательно, греки должны были испытать на себѣ всѣ результаты этого обстоятельства, т. е. имѣть постоянный стимулъ къ борьбѣ съ природой, но *не быть угнетенными* этой борьбой. Какъ извѣстно, такiя климатическiя условiя всегда являлись могущественнымъ двигателемъ культурнаго развитiя, но такое наблюденiе слишкомъ обще. Взглянемъ на вопросъ детальнѣе. Теплый климатъ является причиной того, что человѣкъ здѣсь нуждается въ гораздо меньшемъ количествѣ пищи, чѣмъ сѣверянинъ. Южанинъ въ значительной степени вегетарiанецъ, такъ какъ онъ мало нуждается въ жировыхъ веществахъ. Старинный путешественникъ Tournefort говоритъ: „Гдѣ оселъ умеръ бы съ голоду, тамъ грекъ можетъ быть сытымъ". И дѣйствительно, бѣдному аѳинянину было достаточно для дневного пропитанiя имѣть ячменный хлѣбъ или кисель изъ ячменной муки, пригоршню оливъ или пару луковицъ, иной разъ еще нѣсколько смоквъ. Мясной пищи потребляли въ послѣ-гомеровской Грецiи не особенно много даже богатые люди. Если что прибавляли къ растительной пищѣ въ большомъ количествѣ, такъ это рыбу: богатый классъ потреблялъ сорта рыбы изъ Понта, Босфора и Геллеспонта, а бѣдняки мѣстную мелкую рыбу и соленую рыбу съ сѣвера. Обычнымъ напиткомъ служило простое мѣстное вино, стоившее очень дешево: во время Перикла за 2—3 драхмы (80 коп.—1 р. 20 коп.) можно было купить метретъ вина (40 литровъ, около 50 бут.). Дешевизна эта становится еще замѣтнѣе, если принять во вниманiе, что вино пили разбавленное съ водою (по большей части, 1 часть вина на 3 части воды). Даже въ богатыхъ классахъ роскошь въ пищѣ никогда не достигала такихъ размѣровъ, какъ въ Римѣ. Она выражалась въ томъ, что богатый человѣкъ наслаждался болѣе тонко приготовленными блюдами изъ рыбы, ѣлъ пшеничный хлѣбъ вмѣсто ячменнаго и т. п. (жители плодородной Бэотiи были всегда предметомъ зависти для жителей Аттики, т. к. имѣли возможность ѣсть пшеничный хлѣбъ). Однимъ словомъ, роскошь заключалась не столько въ увеличенiи количества пищи или существеннаго измѣненiя ея состава, сколько въ выборѣ болѣе тонкихъ въ вкусовомъ отношенiи сортовъ (напр., преобладаетъ и въ кругахъ богачей рыба надъ мясомъ, растительная пища—надъ животной).

И не только добыванiе пищи облегчалъ греку мягкiй климатъ страны. Онъ дѣлалъ для него нетрудной борьбу съ природой и въ другомъ отношенiи. Греку не нужно было такъ

много силъ тратить на защиту себя отъ холода путемъ созданія себѣ теплаго жилища и платья. Рѣдкость дождливыхъ дней давала аѳинянину возможность оставлять безъ крыши значительную часть своего жилища, строить непокрытые театры и т. п. Значительную часть времени грекъ проводилъ подъ открытымъ небомъ, что въ немалой степени способствовало развитію въ немъ общественныхъ интересовъ и общительности вообще.

Но если такимъ образомъ климатическія условія облегчали греку борьбу съ природой (температура),—то съ другой стороны они все же не устраняли необходимости этой борьбы (бездождье), а скудость почвы въ значительной части Греціи (Аттика) вела къ тому, что борьба эта требовала иной разъ значительнаго напряженія силъ. Малое количество атмосферныхъ осадковъ въ значительной части Греціи повело къ тому, что греки очень дорожили водою, и уже въ гомеровскія времена были знакомы съ искусственнымъ орошеніемъ полей (Ilias XXI, 257—262).

„(Такъ) ороситель земли направляетъ прозрачныя воды
„Отъ родника темно-струйнаго къ пышно-цвѣтущему саду,
„Ходитъ съ лопатой въ рукахъ, очищая канавы отъ сора;
„Ровъ наполняется быстро, и камушки съ шумомъ катятся.
„Свѣтлыя воды журчатъ и бѣгутъ по наклонному ложу,
„Въ бѣгѣ своемъ обгоняя того, кто, трудясь, ихъ проводитъ"

У Алкиноя былъ садъ, о которомъ говориться (Odys., VII. 129—131).

„Два тамъ источника были: одинъ обтекалъ, извиваясь,
„Садъ, а другой передъ самымъ порогомъ царева жилища
„Свѣтлой струею бѣжалъ, и граждане въ немъ черпали воду"

Скудость почвы заставила рано подумать грековъ о болѣе тщательной ея обработкѣ. Какъ мы увидимъ позднѣе при раз-

смотрѣніи экономическихъ отношеній древнѣйшей Греціи, уже въ эпоху Гомера и Гесіода (VIII—VII вв. до Р. Х.) въ Греціи существовало довольно развитое сельское хозяйство.

Итакъ природа заставляла древнѣйшаго обитателя Греціи бороться съ собою, но въ то же время дѣлала эту борьбу вполнѣ посильной. Такое положеніе оказалось въ высшей степени благотворнымъ для развитія греческой культуры. Грекъ долженъ былъ изощрять свой умъ и имѣлъ въ то же время достаточный досугъ, достаточный запасъ силъ для этой работы, чего не было бы, если бы онъ жилъ въ болѣе суровомъ климатѣ или, напротивъ, въ тропической странѣ, гдѣ все ему давалось бы почти даромъ. Можно сказать, что въ холодныхъ странахъ природа для человѣка злая мачиха, въ тропическихъ—мать-баловница, а для грека природа была матерью-воспитательницею.

Разнообразіе особенностей различныхъ частей Греціи, какъ мы увидимъ ниже, тоже было въ высшей степени благотворно для греческой культуры, такъ какъ создавало рядомъ очень различные типы культуры, благотворно вліявшіе одинъ на другой.

Такъ какъ мы уже коснулись природныхъ богатствъ Греціи, то, чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, я скажу немногое еще о геологическихъ богатствахъ этой страны. Греція была въ высшей степени богата металлами, и эти богатства сосредочивались почти исключительно въ восточныхъ областяхъ и на островахъ. Это обстоятельство сыграло немалую роль въ быстротѣ культурнаго развитія этихъ частей Греціи. Особенно много добывалось здѣсь желѣза (Лаконія, Аттика, острова). Всѣмъ извѣстны серебрянные рудники Лавріона. На Сифносѣ (одинъ изъ Цикладскихъ островов), на Ѳасосѣ, на сѣверѣ у Пангея (во Ѳракіи за Халкидскимъ полуостровомъ) и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ находили золото. Напротивъ, мѣдью Греція была бѣдна: мѣдную руду добывали лишь около города Халкиды на Эвбеѣ. Уже рано Греція стала нуждаться въ привозной мѣдной рудѣ. Необходимо еще упомянуть о мраморѣ, которымъ такъ богата Греція (особенно о. Паросъ и кряжъ Пентеликонъ въ Аттикѣ) и который сыгралъ такую важную роль въ развитіи греческаго искусства, именно скульптуры и архитектуры.

Мы познакомились съ вліяніемъ климата и природныхъ богатствъ на греческое общество. Теперь намъ придется обратить вниманіе на другіе географическіе факторы, роль которыхъ явственно сказывается на сравнительно болѣе позднихъ ступе-

няхъ развитія, но это не мѣшаетъ этимъ факторамъ класть весьма значительный отпечатокъ на эволюцію общества.

Прежде всего обратимъ вниманіе на значеніе рельефа страны, т. е. на орографію Греціи.

Самаго поверхностнаго взляда на карту Греціи достаточно, чтобы замѣтить множество горныхъ хребтовъ, во всѣхъ направленіяхъ изрѣзывающихъ страну. Эти горные хребты въ исторіи Греціи сыграли двоякую роль. Одни изъ нихъ создавали крайній сепаратизмъ или по крайней мѣрѣ партикуляризмъ отдѣльныхъ частей Греціи; другіе долгое время служили весьма надежнымъ брустверомъ, защищавшимъ Грецію съ сѣвера, т. е. съ единственной стороны, гдѣ она не защищена моремъ,—отъ сѣверныхъ сосѣдей и вообще отъ нападенія съ сѣвера.

Горныя цѣпи, хотя по большей части и удобопроходимыя, тѣмъ не менѣе затрудняли сообщеніе между очень близко расположенными одинъ отъ другого поселками. Это обстоятельство и было одной изъ причинъ того, что въ Греціи долго держался своеобразный типъ государства: греч. πόλις—городская община. Каждый поселокъ въ Греціи жилъ болѣе или менѣе обособленной самостоятельной политической жизнью. Сплошь да рядомъ эти государства-общины были необычайно малы. Напр., на маленькомъ островѣ Аморгѣ, равномъ 127 кв. кил. (ок. 20 X 6 верстъ), находилось 3 самостоятельныхъ государства. Если ужъ необходимость вынуждала нѣсколько общинъ соединиться, то лишь въ немногихъ случаяхъ это соединеніе превышало 3—4 общины. Въ маленькой Доридѣ образовался Триполисъ, позднѣе Тетраполисъ. Это государство было такъ бѣдно, что жителей его называли „голодными дорійцами“; тѣмъ не менѣе они весьма гордились своей независимостью. Очень хорошей иллюстраціей для греческаго партикуляризма служитъ аркадскій синойкизмъ, образовавшійся въ 4 в. до Р. Х. изъ 40 аркадскихъ общинъ. Несмотря на то, что этотъ синойкизмъ могъ бы послужить для аркадянъ очень хорошимъ оплотомъ противъ враговъ, однако, нѣкоторыя общины можно было удержать только силой въ этомъ соединеніи.

Всѣ народы начинали свое историческое существованіе, образуя мелкія общины или союзы. Однако многіе съ развитіемъ культуры объединялись въ значительныя соединенія. Что касается грековъ, то мы видимъ, что природныя условія страны поддерживали въ нихъ сепаратизмъ. И не только въ вышеозначенномъ смыслѣ горы вліяли на развитіе сепаратизма: ихъ вліяніе въ этомъ отношеніи оказывалось еще болѣе широкимъ.

Три стимула ведутъ человѣческія общества къ образованію большихъ государственныхъ соединеній. Общества могутъ объединяться, потому что въ извѣстный моментъ этого требуютъ экомическія потребности: защита общихъ экономическихъ интересовъ Эти интересы могутъ быть весьма различны. Древнихъ египтянъ заставили соединиться совмѣстныя работы надъ регулированіемъ Нила. Развивающійся обмѣнъ можетъ потребовать единой государственной власти для защиты торговыхъ интересовъ па протяженіи всей территоріи, занятой обществомъ, равно, какъ часто и въ областяхъ, занятыхъ другими обществами. Этимъ путемъ завершилось объединеніе Франціи въ концѣ среднихъ вѣковъ, объединеніе Германіи въ 19 в.

Общество можетъ быть приведено къ объединенію и инымъ путемъ: напряженная борьба съ внѣшними врагами можетъ заставить общество искать спасенія въ болѣе прочной консолидаціи. Такъ объединилось Московское государство; такъ объединилась въ концѣ среднихъ вѣковъ христіанская Испанія, напрягавшая всѣ силы для борьбы съ маврами.

Наконецъ, объединеніе можетъ совершиться путемъ насилія со стороны одного общества надъ другимъ. Но такое соединеніе можетъ быть прочнымъ лишь въ случаѣ, если завоеватели во много разъ превосходятъ своими силами или культурой побѣжденныхъ (нѣмцы и прибалтійскіе славяне въ XI—XIII вв.). Разъ этого нѣтъ налицо, насильственно составленное соединеніе будетъ держаться лишь въ томъ случаѣ, если позднѣе выступаетъ одинъ изъ вышеотмѣченныхъ объединительныхъ стимуловъ: или интересы самозащиты противъ враговъ, буде такіе являются общими и для побѣдителей, и для побѣжденныхъ, или общіе тѣмъ и другимъ экономическіе интересы.

Греція была поставлена географическими условіями въ такое положеніе, что перечисленные объединительные стимулы долгое время отсутствовали, а потомъ, когда эти стимулы появились, ихъ роль въ теченіе значительнаго періода ослаблялась. И главное значеніе здѣсь играли горы. Онѣ не только, какъ мы видѣли, вызывали раздробленность: нѣтъ, онѣ устраняли или ослабляли стимулы къ объединенію. Дѣло въ томъ, что Греція, какъ мы уже сказали, съ трехъ сторонъ окружена моремъ, только на сѣверѣ она примыкаетъ къ материку, но здѣсь ее защищаетъ отъ сѣверныхъ сосѣдей рядъ горныхъ хребтовъ, идущихъ въ направленіи съ запада на востокъ.

Ихъ не менѣе пяти. На сѣверѣ проходитъ цѣпь Камбунійскихъ горъ (1000—1500 метровъ), примыкающихъ къ Олимпу

(2985 метровъ, т. е. почти 3 версты). Здѣсь существуетъ единственная проѣзжая дорога, начинающаяся въ ущельѣ Пенея и идущая главнымъ образомъ не по лѣвому—ближайшему къ Македоніи—берегу Пенея, а по правому, такъ какъ лѣвый берегъ по большей части состоитъ изъ крутыхъ обрывистыхъ склоновъ Олимпа. Однако и на правомъ берегу ширина дороги по большей части равна лишь 5—7 метрамъ, мѣстами лишь 4, а кое-гдѣ необходимо было искусственно высѣкать въ скалахъ дорогу. Кромѣ этой дороги, изъ Македоніи въ Грецію вели 3 пути, доступные только пѣшеходамъ, да вьючнымъ животнымъ. Вторая защитительная линія представлена хребтомъ, именовавшимся Отрисъ (Ὄθρυς), который отдѣляетъ Ѳессалію отъ долины Сперхея. Здѣсь существуетъ довольно удобный проходъ, въ настоящее время именуемый Фурка (высота 800 метр.) и который грекамъ было легко защитить. Однако греки на эту защитительную линію обращали сравнительно мало вниманія, такъ какъ южнѣе шла горная цѣпь, которую особенно удобно было защищать. Это—была Эта (Οἴτη) съ прилегающими хребтами, гдѣ находится знаменитый Ѳермопильскій проходъ, который, какъ извѣстно, Ксерксу удалось взять лишь благодаря измѣнѣ (въ настоящее время вслѣдствіе наносовъ Сперхея видъ Ѳермопилъ измѣнился). Но и въ средней Греціи мы находимъ горныя защитительныя линіи. Это Киѳеронъ и Парнесъ, отдѣляющіе Аттику отъ Беотіи. Проходы здѣсь или очень круты, или легко защитимы, такъ какъ мѣстами проходятъ черезъ узкія defilé. Пятая защитительная линія важна для защиты Пелопоннеса не менѣе, чѣмъ Камбунійскія горы для защиты сѣверной Греціи и хребетъ Эта съ Ѳермопильскимъ проходомъ—для средней. Это—хребетъ Геранія (Γεράνεια), достигающій въ серединѣ 1370 метр. (гора Makriplagi) и пересѣкающій Истмъ отъ моря и до моря въ наиболѣе широкой его части. Здѣсь существовала дорога для вьючныхъ животныхъ, настолько узкая, что они рисковали обрушиться, особенно при сильномъ вѣтрѣ. До временъ императора Адріана, расширившаго эту дорогу, эти мѣста были постояннымъ мѣстопребываніемъ разбойниковъ.

Такъ была защищена Греція своими горами отъ вторженія враговъ съ сѣвера. Это обстоятельство имѣло весьма существенное историческое значеніе, потому что устраняло двѣ изъ важныхъ причинъ объединенія: дѣлалось излишнимъ объединеніе для самозащиты, такъ какъ сама природа служила защитой, и устранялось долгое время насильственное объединеніе извнѣ, благодаря тѣмъ же природнымъ условіямъ. А когда яви-

лась потребность въ экономической связи между отдѣльными частями Греціи (въ виду развивающагося обмѣна) сепаратистическія и партикуляристичскія тенденціи до такой степени вкоренились въ характеръ грековъ, что новыя экономическія потребности они пытались удовлетворять федеративными соединеніями и далѣе долго не шли.

Описанныя выше горныя защитительныя линіи сыграли историческую роль еще и въ другомъ отношеніи, тоже въ смыслѣ поддержанія мѣстнаго сепартизма. Какъ мы видѣли, главныхъ защитительныхъ линій въ Греціи было пять, и находились онѣ въ разныхъ частяхъ страны. Эта многочисленность защитительныхъ линій имѣла слѣдствіемъ то обстоятельство, что каждая группа народностей заботилась главнымъ образомъ о защитѣ ближайшаго къ ней горнаго бруствера, вслѣдствіе чего даже въ случаѣ опасности со стороны враговъ, грозящей всѣмъ грекамъ, соединеніе этихъ группъ достигалось съ большимъ трудомъ. Извѣстна та рознь, какая обнаружилась во время нашествія Ксеркса между пелопоннесцами, желавшими сосредочить оборону около Истма, и народами средней Греціи, особенно аѳинянами, которые находили нужнымъ оберегать и среднюю Грецію.

Какъ правильно замѣтилъ Neumann, именно эта раздробленность Греціи, вызванная географическими условіями, а вовсе не упадокъ военнаго духа погубили политическую самостоятельность греческихъ государствъ.

Если съ одной стороны горныя защитительныя линіи играли роль въ томъ смыслѣ, что способствовали сепаратизму мѣстностей, то съ другой—онѣ имѣли важное культурное значеніе, создавши для грековъ на долгое время *возможность спокойно развиваться* и вырабатывать высшую культуру. Даже македонскіе завоеватели не могли упрочитъ въ Греціи свое владычество надолго, и нужна была мощь Римскаго государства, чтобы преодолѣтъ всѣ природныя преграды.

Для нѣкоторыхъ обществъ, напримѣръ, для древне-египетскаго, для ассиро-вавилонскаго, для китайскаго, для русскаго, для германскихъ большое значеніе имѣла *рѣчная система*, гидрографія данной мѣстностей: по рѣкамъ селились люди, привлекаемые природными богатствами хорошо орошенныхъ мѣстностей; рѣки служили связующими путями между различными областями. Греція въ этомъ отношеніи была въ гораздо менѣе благопріятномъ положеніи. Правда, мы видѣли, что рѣчныя долины Греціи обладали болѣе плодородною почвою и бо̀льшимъ

запасомъ влаги, чѣмъ большинство другихъ мѣстностей. Но, говоря вообще, значеніе рѣчныхъ системъ въ Греціи невелико. Дѣло въ томъ, что 1) рѣкъ мало, 2) онѣ недлинны, 3) онѣ почти несудоходны. Ахелой въ Акарнаніи былъ судоходенъ не далѣе, чѣмъ до Стратоса; по Алфею въ Элидѣ въ эпоху Плинія суда ходили лишь на 9 километровъ вверхъ отъ устья, по Памису въ Мессеніи на 2 километра. Такимъ образомъ рѣки въ Греціи не могли играть той роли, какую онѣ играютъ на болѣе обширныхъ пространствахъ.

Теперь обратимъ вниманіе на то вліяніе, какое оказало *море* на исторію греческихъ обществъ. Я отношу разсмотрѣніе этого вопроса къ концу географическаго обзора Греціи, потому что море стало оказывать непосредственное вліяніе на жизнь греческаго общества позднѣе, чѣмъ климатъ, почва, флора и фауна, горы. Дѣло въ томъ, что на первыхъ ступеняхъ развитія всякое общество довольствуется продуктами окружающей его природы, не выходя за предѣлы доступныхъ материковыхъ мѣстностей. Въ этотъ періодъ море оказываетъ, конечно, вліяніе на жизнь общества, но косвенно: вліяя въ томъ или другомъ отношеніи на климатическія условія. Такое косвенное вліяніе моря мы уже разсмотрѣли. Непосредственно море на раннихъ ступеняхъ развитія общества можетъ вліять развѣ въ томъ смыслѣ, что оно доставляетъ нѣкоторые сорта пищи (рыба, раковины). Положеніе мѣняется, когда человѣкъ выходитъ изъ первоначальнаго приниженнаго положенія по отношенію къ природѣ, когда у него является больше энергіи и предпріимчивости. Онъ тогда рѣшается пускаться въ море для того, чтобы воспользоваться природными дарами сосѣднихъ странъ и культурными богатствами тамошнихъ жителей, и здѣсь море начинаетъ вліять на жизнь общества, уже болѣе непосредственно. Въ Греціи это вліяніе было значительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Чтобы понять это, необходимо бросить взглядъ на отношеніе суши и моря въ Греціи.

Всѣмъ извѣстно, что Греція обладаетъ весьма развитой береговой линіей. Лучше всего развитіе береговой линіи Греціи видно изъ слѣдующаго соображенія. Если бы то количество суши, которое приходится на Грецію, включая Эпиръ, Өессалію, Цикладскіе острова и острова Іоническіе, не считая Крита (всего около 82,000 кв. килом.), имѣло форму круга, то береговая линія равнялась бы 950 килом. На самомъ дѣлѣ это количество суши имѣетъ крайне неправильную форму, вслѣдствіе чего береговая линія равна 3100 килом., т. е. болѣе, чѣмъ въ 3 раза

больше, чѣмъ она была бы при правильной формѣ того же количества суши. Изрѣзанность береговой линіи, какъ извѣстно, сильно облегчаетъ морскія сношенія, особенно на первыхъ ступеняхъ развитія. Переѣзжая отъ мыса къ мысу, отъ одного берега бухты или залива къ другому, первобытный человѣкъ привыкаетъ къ морю и не боится его. Если къ этому добавить множество острововъ, лежащихъ у береговъ Греціи и дающихъ во многихъ мѣстахъ возможность ни на минуту не терять изъ виду сушу, то станетъ вполнѣ понятнымъ то обстоятельство, что греки уже въ древнѣйшее время сдѣлались мореплавателями. „Изъ Аѳинскаго Акрополя, говоритъ Neumann, видны не только острова Сароническаго залива, но и горы на противоположномъ берегу Пелопоннеса; Пагасейскій заливъ, окруженный горами, имѣетъ видъ горнаго озера, а Коринѳскій—представляется узкой лентой—уже, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, ибо кажется, что высшія стѣны горъ съ обѣихъ сторонъ почти сходятся. При такихъ обстоятельствахъ было бы совершенно невѣроятно, если бы жители одного берега не возымѣли весьма рано желанія знать, что такое находится на противоположномъ берегу и что можно тамъ получать“. Вліяніе удобнаго сообщенія между различными странами, какъ сухопутнаго, такъ тѣмъ болѣе морского, на ростъ культуры,—общеизвѣстно.

Нужно, однако, сказать, что и въ отношеніи вліянія моря не всѣ части Греціи находятся въ одинаковомъ положеніи: восточный берегъ имѣетъ гораздо болѣе развитую береговую линію, чѣмъ западный; на востокѣ гораздо больше близлежащихъ острововъ, чѣмъ на западѣ, и это было одной изъ существеннѣйшихъ причинъ, тормозившихъ развитіе культуры на западѣ и способствовавшихъ ея росту на востокѣ: Этолія, Акарнанія и другія западныя области сильно отстали въ своемъ культурномъ развитіи отъ Аттики, Мегаръ, Арголиды и другихъ восточныхъ странъ и острововъ Архипелага.

Говоря о вліяніи моря на греческую культуру, мы должны нѣсколько словъ сказать *и о воздушныхъ теченіяхъ* Греціи, благопріятствовавшихъ мореплаванію. Я упомяну здѣсь вѣтры, дующіе ежедневно днемъ съ моря къ сушѣ (освѣжающій бризъ), ночью съ суши на море (теплый вѣтеръ). Періодичность эта, какъ извѣстно, происходитъ отъ неравномѣрнаго нагрѣванія суши и моря. Такіе періодическіе вѣтры были очень важны для недалекихъ экскурсій на близъ лежащіе острова. Еще важнѣе былъ періодически дувшій въ іюлѣ и августѣ сѣверный вѣтеръ, игравшій очень важную роль въ исторіи черноморскихъ колоній:

этотъ вѣтеръ давалъ увѣренность колонистамъ въ томъ, что они всегда будутъ имѣть правильное сообщеніе съ метрополіей; также онъ имѣлъ большое значеніе въ хлѣбной торговлѣ съ сѣверомъ. Наоборотъ, южный вѣтеръ, дувшій часто зимою, своею порывистостью былъ скорѣе вреденъ для мореплаванія. Вообще зимнія бури заставляли грековъ пріостанавливать на нѣсколько мѣсяцевъ навигацію.

Мы познакомились съ вліяніемъ климата, почвы, естественныхъ богатствъ, горъ, рѣкъ и моря на греческое общество. Теперь я обращу вниманіе на совокупное дѣйствіе всѣхъ этихъ факторовъ, вызвавшихъ къ жизни одно явленіе, которое представляется особенно характернымъ въ жизни греческихъ обществъ. Я имѣю въ виду *разнообразіе* культурныхъ типовъ въ Греціи. Мы видимъ здѣсь Аѳины—промышленно-торговое государство съ высоко развитой духовной жизнью; Спарту—земледѣльческое государство съ солдатскимъ міросозерцаніемъ, узкими духовными интересами гражданъ; Коринѳъ—во многомъ напоминающій Аѳины; Бэотію съ своимъ зажиточнымъ крестьянствомъ; малоразвитое крестьянство Этоліи и другихъ западныхъ областей; полупастушеское горное населеніе Аркадіи; подвижное торговое населеніе острововъ и малоазійскихъ колоній;—однимъ словомъ всѣ оттѣнки разнообразныхъ культурныхъ типовъ и перечислить трудно. Въ основѣ этого разнообразія лежатъ географическія условія.

Мы видѣли, что по климату Греція распадается на много областей; почвенныя условія, рѣчная система тоже весьма разнообразны: холодныя зимы въ сѣверныхъ горахъ и въ Аркадіи и благодатный климатъ приморскихъ и островныхъ странъ, бездождныя восточныя области и хорошо орошенныя западныя; плодородная Бэотія, плодородныя долины рѣкъ и безплодная Аттика—таковы, какъ мы видѣли, контрасты, встрѣчающіеся въ Греціи на небольшомъ пространствѣ, совсѣмъ рядомъ. Мы видѣли, что и воздѣйствіе моря на культуру было весьма различно въ разныхъ частяхъ Греціи: материковыя области въ родѣ Аркадіи, области съ малоизрѣзанными берегами въ родѣ Бэотіи и западныхъ областей, наконецъ, области съ крайне развитой береговой линіей въ родѣ Аттики—подвергались въ своемъ культурномъ развитіи очень различному воздѣйствію моря; въ Аттикѣ морскія сношенія, а въ связи съ этимъ и морская торговля должна была развиваться болѣе, чѣмъ въ Бэотіи или западныхъ областяхъ. Естественно, что при разнообразныхъ гео-

графическихъ условіяхъ и типы культуры получились очень различные. Горы, разобщавшія мѣстности между собою, еще болѣе способствовали тому, что культура каждой мѣстности развивалась самостоятельно.

Такое разнообразіе типовъ культуры имѣло въ высшей степени благотворное вліяніе на общее культурное развитіе Греціи. При близости обществъ съ различной культурой одного къ другому эти общества легко могли обмѣниваться своими культурными богатствами и такимъ образомъ способствовать взаимно культурному росту другъ друга. Нужно обратить къ тому же вниманіе на то обстоятельство, что по большей части горы, раздѣлявшія области, были всетаки доступны, а масса заливовъ, бухтъ и острововъ дѣлало въ очень многихъ мѣстахъ удобнымъ морское сообщеніе между областями. Благодаря этому, культурный обмѣнъ могъ совершаться въ Греціи очень интенсивно. И такъ было въ дѣйствительности.

Мы разсмотрѣли основныя черты физической географіи Греціи и постарались выяснить вліяніе этихъ природныхъ условій на исторію греческаго общества. Подведемъ итоги.

1) Климатическія условія Греціи способствовали быстрому росту культуры, заставляя греческія общества бороться съ природой, но въ то же время дѣлая эту борьбу вполнѣ посильной.

2) Въ этомъ же направленіи дѣйствовали и почвенныя условія въ Греціи.

3) Орографія Греціи способствовала развитію мѣстной обособленности, дробя Грецію на мелкія области и въ то же время устраняя опасность со стороны внѣшнихъ враговъ, которые, явившись при другихъ обстоятельствахъ, могли бы побудить грековъ соединиться. Но, если съ одной стороны эта безопасность отъ внѣшнихъ враговъ препятствовала объединенію Греціи, то съ другой—она способствовала въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ послѣдовательному, рѣдко чѣмъ нарушаемому росту культуры.

4) Развитіе береговой линіи и благопріятныя воздушныя теченія рано стали вліять на развитіе морскихъ сношеній, столь благотворныхъ въ культурномъ отношеніи.

5) Разнообразіе климатическихъ и почвенныхъ условій, разобщенность мѣстностей (благодаря горамъ), различное вліяніе моря на различныя мѣстности—все это повело къ тому, что въ Греціи выработались весьма разнообразные типы культуры,

которые, вліяя другъ на друга, этимъ также способствовали быстрому росту греческой цивилизаціи.

Такимъ образомъ, уже разсмотрѣніе перваго изъ основныхъ факторовъ общественной эволюціи въ примѣненіи къ греческимъ обществамъ—а именно природы—въ значительной степени объясняетъ намъ, почему маленькій народецъ, совершенно теряющійся на картѣ земного шара, обнаружилъ такой быстрый и такой многообразный культурный рость.

V. Первобытныя индо-европейскія основы.

Въ высшей степени желательно, приступая къ изученію эволюціи какого-либо общества въ данныхъ географическихъ условіяхъ, познакомиться предварительно съ тѣмъ культурнымъ запасомъ, какой это общество имѣло до поселенія въ данной мѣстности. Тогда, будучи знакомы съ географической средой и съ культурой поселенцевъ, мы будемъ имѣть ясное представленіе объ отправномъ пунктѣ въ эволюціи даннаго общества.

Прежде всего является вопросъ: какіе источники мы имѣемъ для рѣшенія поставленной нами задачи, т. е. для опредѣленія культурнаго состоянія грековъ при поселеніи ихъ на Балканскомъ полуостровѣ? Источниками здѣсь служатъ: прежде всего такъ называемая „лингвистическая палеонтологія“; во-вторыхъ, фольклоръ—народныя легенды; въ третьихъ, археологическія и антропологическія данныя и, наконецъ, заключенія отъ послѣдующихъ эпохъ. Нужно замѣтить, что недостаточность источниковъ заставляетъ въ этомъ вопросѣ ограничиться лишь приблизительными выводами. Мы не можемъ на основаніи перечисленныхъ источниковъ опредѣлить въ точности характеръ культуры грековъ въ моментъ ихъ поселенія въ Греціи. Больше даныхъ мы имѣемъ, чтобы опредѣлить — да и то лишь въ общихъ чертахъ — культурный уровень грековъ при ихъ отдѣленіи отъ совокупности индо-европейскихъ народовъ.

Сколько нибудь подробно изучить обстоятельства, сопровождавшія это отдѣленіе и водвореніе грековъ на югѣ Балканскаго полуострова,—мы при теперешнемъ уровнѣ науки не можемъ.

Еще Джонсъ и Аделунгъ въ концѣ 18 в. указывали, а Боппъ въ 30-хъ годахъ 19-го доказалъ, что большая часть языковъ Европы, а также санскритскій и древне-иранскіе языки имѣютъ въ корняхъ словъ и въ своемъ строеніи большое сходство между собою. Это наблюденіе легло въ основу новой науки:

сравнительнаго языкознанія или лингвистики. Уже нѣкоторые изъ первыхъ сравнительныхъ языковѣдовъ (Авг. Вильг. Шлегель) обратили вниманіе на то, что путемъ сравненія языковъ и опредѣленія корней, общихъ родственнымъ языкамъ, можно опредѣлить и тотъ запасъ понятій, который существовалъ у народа, говорившаго на праязыкѣ, давшемъ основу индо-европейской группѣ языковъ. Въ 1845 г. явилась работа *Kuhn*'а: „О древнѣйшей исторіи индо-германскихъ народовъ", положившая основу особой отрасли сравнительнаго языкознанія: лингвистической палеонтологіи. Позднѣе появилась работа француза Пиктэ (*Pictet*, Les origines indo-européennes ou les Aryas primitifs. Essai de paléontologie linguistique. Paris, 1859—63; 2-е изд.—1877). Лингвистическая палеонтологія ставитъ своей задачею опредѣлить на основаніи извѣстнаго лексическаго матеріала той или другой группы родственныхъ языковъ основныя черты культуры, существовавшей у народовъ, говорящихъ на этихъ языкахъ, въ то время, когда они жили по сосѣдству и говорили на одномъ общемъ праязыкѣ.

Первое время на эту отрасль языкознанія возлагали преувеличенныя надежды относительно изученія до-историческихъ временъ. Въ настоящее время этотъ медовый мѣсяцъ новой науки прошелъ. Болѣе глубокій анализъ съ одной стороны фактовъ языка, съ другой — фактовъ антропологическихъ, археологическихъ и историческихъ показалъ, что далеко не всегда общность названія какого-либо предмета въ различныхъ языкахъ указываетъ на то, что этотъ предметъ былъ извѣстенъ нашимъ предкамъ еще до ихъ раздѣленія на отдѣльныя племена. Сплошь да рядомъ оказывается, что общность названія предмета въ разныхъ языкахъ явилась потому, что предметъ сталъ извѣстенъ одному какому нибудь народу, а этотъ народъ ознакомилъ съ нимъ другіе, причемъ вмѣстѣ съ понятіемъ къ другимъ народамъ перешло и имя. Однимъ словомъ, въ настоящее время ясно, что лингвистическая палеонтологія должна считаться съ данными антропологіи, археологіи и исторіи, чтобы ея выводы обладали значительной долей достовѣрности. Однако это вовсе не устраняетъ ея значенія въ изслѣдованіи доисторическихъ временъ.

Очень осторожнымъ изслѣдователемъ индо-европейской первобытной культуры является *О. Шрадеръ*, главное сочиненіе котораго: „Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія" (Sprachvergleichung und Urgeschichte) въ 1906—1907 г. вышло 3-мъ совершенно переработаннымъ изданіемъ. Къ сожалѣ-

нію, русскій переводъ этого сочиненія сдѣланъ съ нынѣ устарѣлаго 1-го изданія.

Имѣется теперь болѣе популярная и краткая работа Шрадера: „Индоевропейцы“ (1911; рус. пер. подъ ред. проф. А. Л. Погодина, Спб., 1913).

Почти всѣ изслѣдователи теперь согласны въ томъ, что значительная часть народовъ, говорящихъ на индо-европейскихъ языкахъ, составляла нѣкогда одинъ народъ (индо-европейскій или индо-германскій пранародъ; его называли также праарійцы). Прежде родину этого народа искали въ Азіи. Въ сущности тутъ произошло нерѣдкое въ исторіи науки недоразумѣніе Всѣ были согласны, что индо-европейцы происходятъ изъ Азіи, но сколько либо опредѣленныхъ доказательствъ этого не имѣли, и даже самый вопросъ о необходимости доказательствъ не вставалъ вполнѣ опредѣленно. Если нѣкоторые и подыскивали доказательства, то они всѣ вращались 1) около предполагаемой наибольшей древности санскрита сравнительно съ другими индо-европейскими языками, особенно же 2) около того соображенія, что на востокѣ культура развилась ранѣе, чѣмъ на западѣ, и потому здѣсь де нужно искать и родины культурныхъ народовъ. 3) Rhode (1820) искалъ аргументовъ въ пользу азіатскаго происхожденія индо-европейцевъ еще въ легендахъ Зендъ-Авесты, по которымъ родина арійцевъ находилась въ Бактріи (область Аму-Дарьи). Но эти и подобные аргументы оказались при дальнѣйшемъ изслѣдованіи очень слабыми. Такъ называемая древность санскрита объясняется тѣмъ, что этотъ языкъ до насъ, современныхъ людей, дошелъ въ его древней формѣ, а западные индо-европейскіе языки извѣстны намъ въ сравнительно позднемъ видѣ, такъ что архаизмъ санскрита вовсе не доказываетъ его пріоритета по времени образованія сравнительно съ западными индоевропейскими языками. Легенды Авесты никоимъ образомъ не могутъ считаться надежными источниками по вопросу о происхожденіи всѣхъ индо-европейцевъ, а раннее развитіе высокой цивилизаціи на востокѣ логически нисколько не связано съ опредѣленіемъ родины первобытныхъ индо-европейцевъ. 4) Пиктэ и другіе искали аргументовъ въ пользу азіатскаго происхожденія арійцевъ (именно изъ Бактріи) въ лингвистической палеонтологіи: они пытались доказать, что географическія понятія (названіе временъ года, понятіе о морѣ, названія животныхъ и растеній), существовавшія въ индо-европейскомъ праязыкѣ, соотвѣтствуютъ какъ разъ географіи прикаспійскихъ областей Окса, т. е. Аму-Дарьи (Бактріи). Но потомъ оказалось, что эти аргументы могутъ быть истолкованы и въ совершенно иномъ смыслѣ.

Уже въ 50-хъ годахъ стали выражаться сомнѣнія въ правильности азіатской гипотезы. *Лэтэмъ* (Latham) и др. стали высказываться за то, что родину индо-европейскихъ народовъ нужно искать *въ Европѣ*. Позднѣе азіатская гипотеза подверглась серьезному разбору со стороны О. Шрадера. Послѣдній склоняется къ гипотезѣ о европейскомъ происхоженіи арійцевъ, а именно ищетъ ихъ родину *въ области, лежащей къ сѣверу и западу отъ Чернаго моря* со включеніемъ нѣкоторой части Дунайскаго бассейна.

Аргументы склоняющіе Шрадера къ рѣшенію проблемы о родинѣ индо-европейцевъ въ означенномъ смыслѣ, въ главныхъ чертахъ слѣдующіе.

1) Имѣющіяся у насъ данныя относительно *разселенія*, какъ азіатскихъ, такъ и европейскихъ арійцевъ говорятъ въ пользу движенія первыхъ къ востоку и юго-востоку изъ указанныхъ мѣстностей, а послѣднихъ къ югу, западу и юго-западу (это движеніе заняло цѣлый рядъ вѣковъ). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что основную части скиѳовъ, жившихъ на югѣ Россіи и въ киргизско-туркменскихъ степяхъ вплоть до Ирана за нѣсколько вѣковъ до Р. Х., Шрадеръ, на основаніи лингвистическихъ и другихъ данныхъ считаетъ арійцами и полагаетъ, что они были тѣмъ звеномъ, которое соединяло арійцевъ Ирана съ арійцами Европы.

2) Данныя лингвистической палеонтологіи рисуютъ намъ *природу* родины индо-европейцевъ именно такой, какую мы находимъ въ областяхъ, расположенныхъ къ сѣверу и западу отъ Чернаго моря. Такъ мы видимъ, что индо-европейцы знали отчетливо два и—самое большее—три времени года, именно зиму и лѣто: какъ разъ различіе этихъ временъ года отчетливо замѣтно въ южной Россіи, весна —здѣсь коротка, а осень сливается частью съ лѣтомъ, частью съ зимою. Индо-европейцы знали ледъ и снѣгъ, что также соотвѣтствуетъ климату этихъ мѣстъ. Знакомство съ моремъ и солью по крайней мѣрѣ западныхъ арійцевъ также соотвѣтствуетъ мѣстности около Чернаго моря. Флора и фауна, извѣстныя первобытнымъ индо-европейцмъ, указываютъ или на южно-русскія степи или на лѣсныя области, примыкающія къ этимъ степямъ съ запада. Степной мѣстности соотвѣтствуетъ и то обстоятельство, что по даннымъ лингвистики у индо-европейцевъ преобладало скотоводство. Появленіе же рядомъ со скотоводствомъ начатковъ земледѣлія преимущественно у западныхъ индо-европейцевъ соотвѣтствуетъ тому, что на западѣ степи южной Россіи переходили въ лѣсныя

области, гдѣ сила обстоятельствъ вынуждала отъ скотоводства перейти къ земледѣлію.

3) Есть много основаній думать, что индо-европейцы не только разселялись изъ означенной выше мѣстности, но именно здѣсь и развилась искони ихъ культура (т. е. они не были пришельцами въ этой мѣстности). Это видно а) изъ того, что какъ разъ означенныя мѣстности не были охвачены ледниками въ ледниковый періодъ, предшествовавшій современной геологической эпохѣ. б) Въ этихъ мѣстахъ можно наблюдать непрерывный переходъ отъ палеолитической эпохи къ неолитической. в) Въ настоящее время все больше обнаруживается сходство индо-европейской семьи языковъ съ угрофинской; это сходство также очень удобно объяснить, если мы примемъ за родину индо-европейцевъ югъ Россіи.

Теперь обратимся къ вопросу, какова была культура индо-европейцевъ.

Въ своей основѣ эта культура была культурой неолитическаго періода (эпохи шлифованныхъ каменныхъ орудій). Почти всѣ свѣдѣнія объ оружіи у индо-европейцевъ указываютъ на издѣлія изъ камня или кости, напримѣръ, германское sahs (ножъ) —близко къ латинскому—saxum—камень. Большая часть названій оружія—позднѣйшаго происходжденія. Однако индо-европейцы уже были знакомы *съ мѣдью*, которую употребляли въ чистомъ видѣ, а не въ видѣ бронзы. Мѣдь означалась въ праязыкѣ словомъ *aj-os (санскр. áyah, лат. aes, гот. aiz). Изъ мѣди изготовлялись, напримѣръ, топоры (древнеинд. paraçú = греч. πέλεκυς). Знакомство съ мѣдными топорами можетъ быть вышло изъ Месопотаміи, ибо на сумерійскомъ языкѣ (сумерійская культура предшествовала по времени вавилонской) топоръ назывался balag.

Главнымъ занятіемъ индо-европейцевъ было скотоводство, но у западной вѣтви ихъ, какъ показываютъ данныя языковѣдѣнія, было уже довольно развито и примитивное земледѣліе, между тѣмъ какъ у восточной вѣтви существовали лишь зачатки послѣдняго. Какъ домашнихъ животныхъ, индо-европейцы имѣли рогатый скотъ (корову и быка), овцу, и, вѣроятно, козу и собаку. Что касается свиньи, то ее знали западные индо-европейцы, жившіе, какъ мы видѣли, въ болѣе лѣсной мѣстности, между тѣмъ какъ восточные съ домашней свиньей не были знакомы. Несомнѣнно знакомство индо-европейцевъ съ лошадью, но спорно, знали ли они лошадь, какъ домашнее животное. Въ остаткахъ древнѣйшихъ поселеній Европы встрѣчаются кости быка, овцы, козы, собаки, свиньи и лошади.

Изъ земледѣльческихъ растеній *западные* индо-европейцы были знакомы съ ячменемъ, пшеницей, просомъ, льномъ, а также съ бобами и макомъ. Ржи и овса индо-европейцы, повидимому, не знали. Выше названныя растенія не только были извѣстны западнымъ индо-европейцамъ, но они умѣли ихъ и воздѣлывать: терминъ „пахать", „плугъ", „сѣять", „косить", „молоть" — сходны въ большей части языковъ европейской группы. Напротивъ, терминовъ, относящихся къ земледѣлію и сходныхъ въ языкахъ, какъ европейской, такъ и азіатской группы и даже въ различныхъ языкахъ одной азіатской группы,—очень мало, изъ чего слѣдуетъ, что восточная вѣтвь индо-европейцевъ, живя въ степной мѣстности, была до своего отдѣленія отъ остальныхъ арійцевъ и даже до своего раздѣленія на иранцевъ и индусовъ мало знакома съ земледѣліемъ. Такого рода различіе между восточными и западными арійцами вполнѣ естественно въ виду географическаго различія мѣстности занятой первыми (степь) и послѣдними (степь, чередующаяся съ лѣсомъ, или лѣсъ). Извѣстно, что у первобытныхъ народовъ переходъ отъ скотоводства и охоты къ земледѣлію вызывается лишь нуждою. Это случалось по большей части тогда, когда въ поискахъ за пастбищами народъ достигалъ лѣсистой области, непригодной для скотоводства. *)

Это обстоятельство играло роль въ области, занятой западными индо-европейцами, но сказывалось крайне слабо въ безпредѣльныхъ степяхъ юго-восточной Россіи и ближайшей части Азіи.

Одѣвались арійцы въ шкуры животныхъ, особенно домашнихъ (овечьи). Но данныя языковѣдѣнія, равно какъ и археологическія, заставляютъ думать, что арійцы были знакомы уже съ плетеніемъ, съ тканьемъ и съ валяніемъ шерсти. Ткали они, какъ шерстяныя, такъ и льняныя волокна.

Они умѣли строить хижины, но, вѣроятно, довольно непрочныя, изъ дерева, вѣтвей, соломы, можетъ быть, изъ глины. Археологическія данныя показываютъ, что у индо-европейцевъ встрѣчались круглыя хижины, подобныя юртамъ кочевниковъ. По характеру постройки хижины должны были напоминать дома, упоминаемые въ древне-индійской литературѣ (въ Атар-

---

*) Конечно, и другія причины могли заставить переходить къ земледѣлію: падежъ скота въ суровую зиму или отъ болѣзней; вліяніе сосѣдей, которые останавливали движеніе для поисковъ пастбищъ.

ваведѣ), выстроенные исключительно изъ дерева. Могли онѣ напоминать и свайныя постройки Швейцаріи и Верхней Италіи, сдѣланныя изъ жердей и плетеныхъ прутьевъ, вымазанныхъ глиной.—Есть основаніе думать, что у нихъ были и землянки, встрѣчающіяся въ древне-иранской Авестѣ и упоминаемыя Ксенофонтомъ у армянъ (Anab., IV, 5, 25).

Изъ средствъ передвиженія индо-европейцы знали телѣгу (понятія „колесо", „ось" и проч. имѣлись у индо-европейцевъ) и гребную лодку (вѣроятно, однодревку). Парусныхъ судовъ они не знали, и вообще навигаціонное искусство у нихъ, повидимому, было очень слабо развито.

Такова была матеріальная культура индо-европейцевъ. Говоря вообще, она очень сходна съ той степенью культуры, какая рисуется археологическими данными Европы для эпохи поздняго неолитическаго и ранняго бронзоваго вѣка. Такова культура этого времени на юго-западѣ Россіи. Особенное сходство съ культурой индо-европейцевъ, какъ она рисуется по даннымъ лингвистики, можно найти въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи и Верхней Италіи (террамары).

Что касается общественнаго строя индо-европейцевъ, то данныя лингвистики показываютъ, что они жили патріархальными семьями, во главѣ которыхъ стоялъ отецъ. Данныя сравнительнаго правовѣдѣнія даютъ основаніе думать, что отецъ (скр. pitár, авест. pitar, армян. hair, греч. πατήρ, лат. pater, ирл. athir, готск. fadar) имѣлъ неограниченную власть въ семьѣ. Браки заключались покупкой или похищеніемъ, что явствуетъ изъ всеобщности этихъ формъ брака у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ въ древнѣйшія времена. Существованіе полигаміи у богатыхъ людей Ригведы, въ древнѣйшей Персіи и въ древней Германіи дозволяетъ думать, что полигамія встрѣчалась и у праарійцевъ.

Сопоставленіе свѣдѣній, имѣющихся у насъ относительно древнѣйшаго общественнаго строя различныхъ народовъ индоевропейскаго происхожденія (славянъ, германцевъ, кельтовъ, грековъ, римлянъ, индусовъ и др.),—даетъ право заключить, что отдѣльныя семьи, по большей части связанныя общимъ происхожденіемъ, объединялись въ *роды* или *кланы* (genus, γένος, Sippe). Эти кланы чтили общаго родоначальника, были связаны обязанностью мстить другъ за друга; на войнѣ члены клана становились вмѣстѣ. Они владѣли сообща землей. При переходѣ къ осѣдлости кланы и селились вмѣстѣ, въ силу чего понятіе клана стало совпадать съ понятіемъ деревня (санскр. viç, греч.

Fix—(въ словѣ *τριχα-Fικες*), лат. vicus, древнесл. **вьсь** и проч. Во главѣ клана стоялъ старѣйшина (санскрит. viç-pâti древне-иранск. vîs-paiti, литовск. wiêsz-pats).

Могли образовываться и болѣе значительныя соединенія. чѣмъ родъ или кланъ, а именно *племя*, во главѣ котораго стоялъ царь (вѣроятно, сначала выбиравшійся на племенномъ собраніи): санскр. râjan, лат. rex, ирланд. ri. Нѣкоторыя деревни защищались валами и рвами, причемъ строили ихъ на возвышенныхъ мѣстахъ. Это такъ называемыя *городища* (санскрит. pur=греч. *πόλις*=литовск. pilis).

Религіозныя вѣрованія первобытныхъ индо-европейцевъ можно пока возстановить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что религія ихъ, какъ вообще религія первобытныхъ народовъ, проникнута была *анимизмомъ*. Первобытный человѣкъ знаетъ только самого себя и себѣ подобныхъ. Желая истолковать окружающую его природу, отъ которой онъ зависитъ, дикарь исходитъ изъ того, что онъ знаетъ о себѣ: вся природа, все ея движеніе, вся ея жизнь истолковывается имъ такъ, какъ истолковывается его собственное движеніе, его собственная жизнь. Вездѣ онъ видитъ *одушевленіе*, *душу*. Понятіе же о душѣ, какъ о движущемъ и животворящемъ началѣ, создается подъ вліяніемъ постоянныхъ наблюденій надъ сномъ и смертью: живой, движущійся человѣкъ въ теченіе сна на время, а при смерти — навсегда дѣлается неподвижнымъ и безжизненнымъ. Дикарь заключаетъ отсюда, что движущее, животворящее существо, бывшее въ человѣкѣ или животномъ. удалилось на время или навсегда. Это и есть *душа*. Присутствіемъ такихъ душъ дикарь объясняетъ жизнь и движеніе во всей природѣ. Вся природа населена душами, *демонами*. Дикарь чувствуетъ свою зависимость отъ этихъ демоновъ природы. Особенно выдающіеся по своей формѣ, величинѣ и т. п. предметы, снискиваютъ особое почитаніе со стороны дикаря: это—*фетиши*, которые имѣютъ особую связь съ міромъ демоновъ. Души умершихъ людей тоже пользуются почитаніемъ, въ особенности *души предковъ*. Лишь постепенно изъ массы деменовъ выдѣляются *индивидуальные боги*, первоначально олицетворяющіе наиболѣе крупныя явленія природы. Выработанная миѳологія создается много позднѣе и главнымъ образомъ въ высшихъ слояхъ народа (особенно среди жрецовъ): въ вѣрованіяхъ широкихъ массъ всегда мало системы.

Относительно первобытныхъ индо-европейцевъ спеціалисты, главнымъ образомъ путемъ сравнительнаго изученія примитив-

ныхъ религій, а отчасти и данныхъ лингвистики (О. Шрадеръ) пришли къ выводу, что 1) у индо-европейцевъ существовало *почитаніе умершихъ* особенно предковъ, 2) у нихъ существовало обоготвореніе явленій природы, особенно *неба* (санскрит. dêvá=латин. deus, лит. diêwas, ирл. dia, древне-норв. tívar; также санскрит. dyâûs, греч. *Δι-ός*, латинск. Iu-piter) и *земли*. Есть основаніе думать, что индо-европейцы имѣли уже понятіе о культѣ (жертвоприношенія). Жертвы приносилъ отецъ семейства или вождь, но можно думать, что уже появились спеціалисты по вѣдовству, по ритуалу (кудесники).

Теперь остается поставить вопросы: 1) что повело индоевропейцевъ къ разселенію съ ихъ первоначальной родины? и 2) какимъ путемъ греки проникли на Балканскій полуостровъ?

Что касается перваго вопроса, то, конечно, на него можно дать только гипотетическій отвѣтъ.

Приходится считаться съ тѣмъ, что только горькая нужда заставляетъ народы покидать родину. И праарійцы двигались, конечно, въ поискахъ за пастбищами для скота. Западная вѣтвь ихъ, занимавшаяся на ряду со скотоводствомъ также и земледѣліемъ, при экстенсивности послѣдняго тоже должна была медленно двигаться въ поискахъ за неистощенными землями. Напоръ же восточныхъ кочевниковъ ускорялъ по временамъ это движеніе. Такъ арійцы постепенно разселялись изъ своей прародины на востокъ и юго-востокъ въ Азію и на западъ въ среднюю и южную Европу.

Въ числѣ западныхъ племенъ были и *греки*, постепенно дошедшіе до Балканскаго полуострова и занявшіе южную окраину послѣдняго. Цѣлый рядъ аргументовъ говоритъ за то, что греки пришли въ Элладу и Пелопоннесъ съ сѣвера, двигаясь черезъ Эпиръ. Эпиръ считался самими греками (Аристотель въ Meteorol. I, 353 a) „родиной Эллады" (*ἀρχαῖα Ἑλλάδος*). Здѣсь въ Додонѣ находилось древнѣйшее національное святилище грековъ. Самое названіе: эллины—можно связать съ греческимъ родомъ въ Додонѣ: *Ἑλλοί* или *Σελλοί*. Римское названіе эллиновъ (graeci) идетъ изъ Эпира: такъ назывались жители средняго Эпира. Отсюда по преданію вышли ѳессалійцы и доряне.

Далѣе мы увидимъ, что и археологическія данныя заставляютъ насъ искать родину грековъ на сѣверѣ, и рядъ археологическихъ аргументовъ говоритъ, что наиболѣе вѣроятной ихъ родиной является мѣстность, обозначенная изысканіями О. Шрадера.

VI. Сосѣди грековъ въ древнѣйшее время и ихъ вліяніе на развитіе греческой культуры.

Дальнѣйшей задачей представляется изслѣдованіе вопроса о сосѣдяхъ грековъ, оказывавшихъ свое культурное вліяніе на греческія общества на раннихъ ступеняхъ ихъ развитія.

Древняя Греція—это небольшой клочекъ земли, составлявшійся изъ островoвъ, южной части Балканскаго полуострова и западнаго побережья М. Азіи. Въ то время, когда приходится предполагать появленіе грековъ въ этихъ мѣстахъ,—вокругъ уже существовали большія культурныя государства, съ ролью которыхъ въ судьбахъ Греціи приходится считаться. Таковы были государства: Египетское, хеттитскія царства, финикійскіе города, Ассирія, Вавилонія. Ассиро-Вавилонское вліяніе имѣло мѣсто только черезъ посредство сирійскихъ и мало-азійскихъ народностей: хеттиты и финикіяне, позднѣе персы служили здѣсь главными передаточными пунктами.

а) *Египетское вліяніе.* Въ то время, когда начинается сколько-нибудь достовѣрная исторія Греціи, въ Египтѣ гибнетъ Среднее царство, начинается и тянется эпоха Новаго царства,—періодъ отъ 1600 до 1000 г. до Р. Х. Предшествующая эпоха (ок. 2500—1600 г.) характеризуется, какъ періодъ египетскаго феодализма. Египетъ распадался на мелкія государства, находившіяся въ слабой связи между собою и слабомъ повиновеніи фараону. Преобладало натуральное хозяйство, хотя обмѣнъ уже зародился. Феодальный строй, и распри привели къ тому, что Египетъ сталъ добычей завоевателей съ востока (гиксосы). Въ эпоху 13 династіи начинается ослабленіе государства; 14—17 династіи — періодъ упадка (владычество гиксосовъ). Съ 17 династіи—Египетъ начинаетъ возрождаться. Происходитъ крушеніе феодализма и созданіе бюрократически-военной монархіи (Новое Царство—1580—1100 г. до Р. Х.). Въ борьбѣ съ варварами Египетъ объединяется, укрѣпляется и затѣмъ выходитъ за свои предѣлы. Здѣсь идетъ рѣчь не только

о движеніи на югъ, но и о движеніи на сѣв.-востокъ. Такая завоевательная политика проводится, главнымъ образомъ, при 18 династіи. Это—эпоха высшаго расцвѣта Египта. Рядъ царей предпринимаетъ походы въ Сирію. Тутмосъ I доходитъ до Евфрата, но удержаться здѣсь ему не удается и онъ вынужденъ вернуться назадъ. Завоеванія Тутмоса III успѣшнѣе: онъ утверждаетъ границу на Евфратѣ. При Аменхотепахъ (Аменофисахъ) III и IV (ок. 1410—1350 г.) мы можемъ съ большой полнотой наблюдать развитіе дипломатическихъ сношеній съ Азіей. На глиняныхъ плиткахъ, найденныхъ въ Египтѣ въ мѣстечкѣ Эль-Амарна, открыто много писемъ, написанныхъ на вавилонскомъ языкѣ клинообразными письменами. Ихъ обиліе поразило ученыхъ. Спеціалисты по ассиріологіи нашли, что въ этой перепискѣ содержатся письма разныхъ правительствъ Передней Азіи къ Аменхотепу III и Аменхотепу IV. Переписка указываетъ на сношенія Египта съ египетскими вассалами въ Финикіи и Сиріи, съ хеттами (царство Митани), съ Вавилоніей и Ассуромъ. При 19 династіи замѣтно стремленіе удержать владѣнія въ Азіи, но этому препятствуетъ Хеттское царство. Рамсесъ II выдерживаетъ борьбу съ хеттскимъ царемъ, конецъ которой (послѣ битвы при Кадешѣ на рѣкѣ Оронтѣ) положенъ договоромъ (этотъ договоръ дошелъ до насъ). Хетты кладутъ предѣлъ движенію египтянъ на востокъ.

Уже въ эпоху Средняго Царства сношенія Египта съ областью Эгейскаго моря несомнѣнны, хотя можно предполагать сношенія и болѣе раннія. Въ эпоху 18 и 19 династій эта связь упрачивается. Въ надписяхъ Тутмоса III упоминаются критяне (кефтіу). Раскопки въ бассейнѣ Эгейскаго моря дали предметы съ именемъ Аменхотепа III. Эти находки свидѣтельствуютъ о существованіи обмѣна между Египетской монархіей и Греціей эпохи микенской культуры. Затѣмъ, въ Египтѣ найдены черепки сосудовъ, отмѣченныхъ чертами микенскаго художественнаго стиля: ясное указаніе на фактъ существованія обмѣна между названными странами. При 19-ой династіи Египту пришлось бороться съ ливійцами и съ сѣверными воинами, названными въ надписяхъ Шардана, Шакуруша, Туруша, Данауна и Акаиваша. Нѣкоторые ученые думаютъ, что Шакуруша—это Сицилійцы, Шардана—Сардинцы, Туруша—этруски, но другіе полагаютъ, что указанныя названія соотвѣтствуютъ мѣстностямъ М. Азіи. Весьма обосновано мнѣніе, что Акаиваша равнозначуще „ахейцамъ“, а Данауна—

„данайцамъ“. Въ изображеніяхъ этой эпохи есть воины, напоминающіе по своему виду воиновъ микенскаго періода. Мернепта наноситъ имъ ударъ.

Уже въ эпоху 20-й династіи Новое Царство слабѣетъ (XII в.) и постепенно гибнетъ. (ок. 1100 г. до Р. Х.). Устанавливается господство жрецовъ и воиновъ (21 и 22 династіи). Мы увидимъ, что въ Греціи приблизительно въ это же время падаетъ микенская культура (начиная съ пол. XIII в.). Для Египта наступаютъ смутныя времена. Этими смутами пользуются эѳіопы, жившіе къ югу отъ Египта, и ихъ царь Шабака завоевываетъ Египетъ (25-я династія). Положеніе 25 династіи тоже не особенно прочно. Ок. 670 г. ассирійцы подчинили Нижній Египетъ своей власти. Конечно, въ смутныя времена 20—25 династій (XII—VII вв.) сношенія Египта съ Греціей слабы, какъ это видно изъ возникшихъ въ это время гомеровскихъ поэмъ (см. ниже).

Ассирійское господство въ Египтѣ продолжалось лѣтъ двадцать. Оно было свергнуто княземъ города Саиса (въ Дельтѣ)—Псамметихомъ I. Новая (26-я) династія царствуетъ вплоть до 525 г.—до завоеванія Египта Камбизомъ. Въ эту эпоху въ Египтѣ развивается большая греческая колонія Навкратисъ, много грековъ находится на службѣ у фараона.

Таковы отношенія между Греціей и Египтомъ. Есть, слѣдовательно, несомнѣнныя данныя о сношеніяхъ между этими странами еще въ эгейскій періодъ, потомъ съ XII в. сношенія слабѣютъ, но съ половины VII и въ VI вѣкѣ при 26-й династіи онѣ вновь дѣлаются тѣсными. Столь раннія сношенія Греціи со страной, обладающей древней культурой, были однимъ изъ факторовъ быстраго развитія греческой культуры.

б) *Хеттитская культура.* Мѣстами распространенія такъ называемой хеттитской или хеттской культуры были: М. Азія—преимущественно южныя области (Киликія), также восточныя (Каппадокія), — сѣверная Месопотамія, сѣверная Сирія. Слѣды ея находятъ и западнѣе въ Лидіи. Границей ея вліянія, полагаютъ, было Эгейское море, хотя предѣлъ этого вліянія точно невыясненъ и до сихъ поръ. Весьма вѣроятно, однако, что греки въ періодъ Микенской культуры ближе всего подходили къ хеттамъ. Много слѣдовъ хеттской культуры сохранилось въ М. Азіи; свѣдѣнія о ней даютъ также изслѣдованія въ сѣверной Месопотаміи и сѣверной Сиріи.

На этотъ хеттскій циклъ восточной культуры долго не обращали вниманія. Въ настоящее время изслѣдованія въ М. Азіи повели къ открытію слѣдовъ ея, заключающихся, главнымъ образомъ, въ остаткахъ построекъ и скульптуры и надписяхъ, сдѣланныхъ особыми гіероглифами, непохожими на египетскіе. Надписи эти собраны, но до сихъ поръ еще не истолкованы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ знаковъ, истолкованныхъ, впрочемъ, проблематически. Однако въ 1905 г. въ дер. Богазкёи въ М. Азіи были найдены глиняныя дощечки съ текстомъ, написанномъ на вавилонскомъ языкѣ или на хеттскомъ языкѣ, но вавилонскими письменами. Оказалось, что это дипломатическая переписка хеттскаго царя. Вавилонскія письма прочитаны.

Открытые слѣды непохожи ни на памятники греческой, ни на памятники египетской и ассиро-вавилонской культуры. Уже въ половинѣ 2-го тысячелѣтія до Р. Х. хеттская культура была довольно развита, слѣдовательно, начало ея развитія слѣдуетъ отнести къ еще болѣе раннему времени.

Хетты упоминаются въ Библіи.

Въ табличкахъ Эль-Амарны, содержащихъ дипломатическую переписку Аменхотеповъ III и IV съ властителями М. Азіи (конца XV и начала XIV вѣковъ) говорится о хеттахъ. Въ надписяхъ Эль-Амарны выступаетъ, какъ мы видѣли, хеттское племя „Митани“. Позднѣе хетты вступаютъ въ столкновеніе съ фараонами: происходитъ битва при Кадешѣ и разграниченіе сферы вліянія Египта и хеттовъ (19-я егип. династія). Сѣверная Сирія отходитъ къ хеттамъ. Хетты уже настолько сильны, что Египетъ долженъ идти на серьезныя уступки. Между примирившимися сторонами заключается союзъ.

Позднѣе вліяніе Хеттскаго царства уменьшается, но города, основанные ими,—Кадешъ на Оронтѣ и Кархемышъ на Евфратѣ—продолжаютъ существовать (Кархемышъ палъ отъ ассирійцевъ въ 717 г.).

Происхожденіе хеттской культуры неясно. Сейсъ находилъ сходство ея съ ассиро-вавилонской: характеръ барельефовъ, орнаменты (крылатые львы, боги, изображаемые стоящими на животныхъ):—все это напоминаетъ ассиро-вавилонскую культуру, но есть и различія. Они, въ общихъ чертахъ, таковы: 1) другой типъ людей, изображаемыхъ на памятникахъ хеттской культуры—приземистые люди съ некрасивымъ профилемъ; 2) различенъ характеръ одѣянія: короткая туника съ короткими рукавами, башмаки съ загнутыми носками, остроконеч-

ная шапка—одѣяніе не ассиро-вавилонское; 3) въ орнаментахъ тоже много своеобразнаго; характерны геммы съ рисункомъ, окруженнымъ однимъ или нѣсколькими концентрическими кругами; 4) хеттскіе гіероглифы не имѣютъ ничего общаго съ клинописью. Улавливаетъ Сейсъ и вліяніе Египта, хотя и менѣе замѣтное, чѣмъ ассиро-вавилонское: изображеніе сфинксовъ напоминаетъ египетскихъ; на горѣ Сипилѣ найдено изображеніе сидящей богини въ египетскомъ стилѣ. Но сходство это не такъ велико, чтобы можно было говорить о происхожденіи хеттской культуры отъ той или другой изъ цикла древнихъ культуръ.

Найдено нѣсколько крупныхъ хеттскихъ надписей и много мелкихъ, надписи—гіероглифическія. Характеръ написанія отличается отъ египетскаго: здѣсь чаще—горельефъ, а въ Египтѣ изображенія знаковъ—вырѣзанныя. Въ Египтѣ изображаются чаще цѣлые животныя или люди, у хеттовъ только головы или другія части людей и животныхъ. Число открытыхъ знаковъ превышаетъ 200. Значеніе ихъ еще не выяснено. Ключемъ для толкованія найденныхъ надписей должны послужить дошедшія до насъ надписи на хеттскомъ языкѣ, сдѣланныя клинообразно.

Нѣкоторые предметы крито-микенской эпохи на островахъ Эгейскаго моря напоминаютъ хеттскіе: таковы двойные топоры и т. п. На острова Эгейскаго моря хеттская культура проникала, хотя степень ея вліянія на грековъ еще не выяснена. Однако мы должны учесть и это вліяніе.

c) *Финикійское вліяніе на грековъ*—одинъ изъ наиболѣе сложныхъ вопросовъ. Сами греки преувеличивали это вліяніе. Финикіяне были имъ наиболѣе извѣстны изъ восточныхъ народовъ. У нихъ греки нашли высокую культуру. Поэтому когда у грековъ въ эпоху греческаго средневѣковья возникъ вопросъ о происхожденіи греческой культуры, — источникъ ея сами греки стали искать въ восточныхъ областяхъ, гдѣ, какъ они знали, культура была весьма древняя. Прежде всего они остановили свое вниманіе на наиболѣе знакомомъ имъ въ то время культурномъ народѣ: финикіянахъ; на этой почвѣ у грековъ создалось мнѣніе, что греческая культура—финикійскаго происхожденія. Такимъ образомъ, финикійская культура представлялась типомъ культуры, легшимъ въ основу греческой. Это мнѣніе перешло и въ новую науку. Однако теперь доказано, что у финикіянъ самостоятельной культуры не было: ихъ культура—результатъ смѣшенія куль-

туръ ассиро-вавилонской и египетской. Финикіяне занимали небольшое пространство, и здѣсь были лишь торговые центры. Потомъ ученые изъ одной крайности перешли въ другую: въ наукѣ явилось новое направленіе, преуменьшавшее вліяніе финикіянъ. Белохъ въ своихъ работахъ стремится ослабить представленіе о ихъ вліяніи, отрицаетъ значеніи финикійской колонизаціи въ Греціи и считаетъ миѳы, въ которыхъ фигурируютъ финикіяне, произведеніемъ позднѣйшихъ греческихъ историковъ. Въ настоящее время устанавливается среднее теченіе, представителемъ котораго является Пёльманъ. Ранняя греческая культура не выводится изъ финикійской, но не отрицается финикійская колонизація побережья Греціи и нѣкоторыхъ острововъ Эгейскаго моря, хотя врядъ-ли эта колонизація была велика: навѣрное, это были маленькія торговыя факторіи, основанныя группами финикійскихъ купцовъ. Доказательствомъ этого является существованіе культовъ финикійскихъ божествъ въ прибрежныхъ и островныхъ поселеніяхъ Греціи, напримѣръ, культа Астарты на островѣ Киѳерѣ, замѣненный потомъ культомъ Афродиты: культъ Мелькарта (Геракла) въ Коринѳѣ и проч. Въ исторіи религіи обычно явленіе, когда культъ боговъ распространяется вслѣдъ за купцами. Въ томъ же смыслѣ говоритъ названіе рѣки *Ἰάρδανος* (Iорданъ) въ Элидѣ и на Критѣ, горы *Ἀταβύριον* (Ѳаворъ) на Родосѣ, мѣстности Мелитэ въ Аѳинахъ и т. п. Всѣ эти имена напоминаютъ названія, встрѣчающіяся въ Финикіи и Палестинѣ. Множество греческихъ легендъ упоминаетъ о финикійскихъ купцахъ и поселенцахъ. Дѣлать прочныхъ завоеваній финикіяне по своей малочисленности и чисто торговому характеру не могли.

Раннія свѣдѣнія о финикійскихъ городахъ въ Азію имѣются отъ XV—XIV вв. до Р. Х. въ эль-амарнской перепискѣ. Въ этихъ свѣдѣніяхъ фигурируютъ Тиръ, Сидонъ, Библъ, Арвадъ, имѣющіе каждый своего князька; города эти зависятъ отъ Египта (вассальная зависимость въ эпоху 18 династіи). Финикійскіе городскіе князья въ XII в. освобождаются отъ египетскаго ига, но скоро попадаютъ подъ власть Ассиріи. Упадокъ Ассиріи въ XI в. ведетъ къ тому, что Финикія и Палестина освобождается. Въ это время Тиръ, гдѣ утвердилась династія Хирама (X в.), занимаетъ центральное мѣсто среди финикійскихъ городовъ (это эпоха Давида и Соломона въ Палестинѣ). Въ это же время начинается созданіе финикійскихъ факторій на островахъ Эгейскаго моря, на Кипрѣ (городъ Китіонъ). Къ этому-же времени относится преданіе объ основаніи Карѳагена.

Уже въ IX в. снова усиливается вліяніе Ассиріи, и Финикія вновь попадаетъ въ зависимость отъ нея: даже Тиръ вынужденъ былъ платить дань. Этимъ и кончается самостоятельное существованіе Финикіи. Позднѣе Финикія входитъ въ составъ Ново-Вавилонскаго царства (605—539 г. до Р. Х.), и, наконецъ, происходитъ персидское завоеваніе. Только въ теченіе одного вѣка Финикія развивается самостоятельно. Финикійская колонизація шла далеко на западъ: и въ Сициліи, и въ сѣверной Африкѣ, и въ Испаніи были финикійскія факторіи.

Итакъ культурные остатки, географическія названія, преданія о поселеніи финикійцевъ въ Греціи заставляютъ думать, что вліяніе Финикіи на греческую культуру, несомнѣнно, существовало въ X—VII вѣкахъ. Гомеровскія поэмы, слагавшіяся въ эту эпоху, нерѣдко упоминаютъ о финикіянахъ.

Этимъ обзоромъ иноземныхъ культурныхъ вліяній на Грецію закончимъ вступительную часть и перейдемъ къ изученію историческаго развитія Греціи.

VII. Эпоха эгейской культуры.

Эта эпоха изучается главнымъ образомъ на основаніи археологическихъ данныхъ. Такія данныя, какъ мы увидимъ ниже, добыты преимущественно въ раскопкахъ, производившихся Шлиманомъ въ 1870—80-хъ годахъ, англичаниномъ Ивансомъ (Evans) и итальянцемъ Альберомъ (Halbherr) въ 1900-хъ годахъ. Лишь позднія стадіи ея нѣсколько освѣщаются гомеровскими поэмами. Нѣкоторый свѣтъ, преимущественно тоже на болѣе позднія стадіи, проливаютъ египетскіе памятники. На о. Критѣ найдено много письменныхъ памятниковъ, но ни шрифтъ ихъ, ни языкъ пока еще не поддаются чтенію и переводу.

Раскопки Шлимана. Генрихъ Шлиманъ родился въ Мекленбургъ-Шверинѣ въ 1822 г. Бѣдность родителей не дала ему возможности получить правильное образованіе, и онъ съ 14 лѣтъ долженъ былъ снискивать средства существованія службой въ качествѣ приказчика въ лавкѣ. Позднѣе судьба заноситъ его въ Голландію, въ Амстердамъ, гдѣ онъ находитъ мѣсто въ торговой конторѣ. Всѣ свои досуги онъ посвящаетъ изученію иностранныхъ языковъ. Онъ овладѣлъ почти всѣми европейскими языками, въ томъ числѣ и русскимъ.

Еще въ дѣтствѣ на Шлимана произвела большое впечатлѣніе книга, подаренная ему отцомъ и содержавшая, между прочимъ, исторію троянской войны. Уже тогда онъ сталъ мечтать, какъ, выросши, онъ раскопаетъ развалины Трои. Эта мысль не оставляла его и впослѣдствіи, когда онъ сталъ взрослымъ человѣкомъ. Онъ мечталъ выучиться древне-греческому языку, но служба удерживала его отъ этой трудной работы.

Въ 1846 г. торговый домъ, въ которомъ онъ служилъ, отправилъ его въ Петроградъ. Черезъ нѣсколько времени Шлиманъ открылъ здѣсь самостоятельную торговлю, которая пошла прекрасно. Состояніе его росло, и въ 1856 г. онъ нашелъ возможнымъ исполнить свою завѣтную мечту: онъ принялся за изученіе греческаго языка, которымъ овладѣлъ настолько, что въ теченіи двухъ лѣтъ перечиталъ въ подлинникѣ главнѣйшихъ классиковъ и особенно внимательно—Иліаду и Одиссею.

Съ 1858 г. Шлиманъ предпринимаетъ рядъ путешествій въ Грецію и на Востокъ. Ликвидировавъ свое торговое дѣло, онъ нѣсколько времени спустя покинулъ Россію, и съ 1868 г. принялся за подготовку раскопокъ на мѣстѣ Трои. Онъ получилъ отъ турецкаго правительства соотвѣтствующее разрѣшеніе и въ 1871 г. принялся за работу.

Не малаго труда стоило опредѣлить самое мѣстоположеніе древней Трои. Изслѣдованія, произведенныя Шлиманомъ на мѣстѣ, привели его къ убѣжденію, что Троя стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ позднѣе стоялъ Новый Иліонъ—на холмѣ Гиссарликъ, а не близь деревни Бунарбаши, какъ думали прежде. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Шлиманъ открылъ на указанномъ мѣстѣ семь наслоеній,—семь поселеній, возникшихъ одно надъ другимъ. Они называются „городами Шлимана". Нужно, однако, замѣтить, что позднѣе сотрудникъ Шлимана, архитекторъ Дёрпфельдъ, пришелъ къ выводу, что поселеній были не семь, а даже девять. Далѣе я употребляю нумерацію поселеній, установленную Дёрпфельдомъ.

Археологическія данныя. Первый городъ—относится къ сѣдой старинѣ. Отъ него остались слѣды внѣшнихъ каменныхъ стѣнъ изъ небольшихъ плоскихъ камней, много орудій, сдѣланныхъ изъ камня и кости. Нашелъ Шлиманъ здѣсь и бронзу (мѣдь съ примѣсью олова), но въ очень ограниченномъ количествѣ, найдены формы для отливки. Къ сожалѣнію, Шлиманъ не былъ методически подготовленъ къ производству раскопокъ

и, производя работу, допустилъ смѣшеніе пластовъ перваго и второго поселеній, такъ что весьма возможно, что металлическіе предметы въ слои перваго поселенія проникли изъ слоевъ второго.

Второй городъ Шлимана—представляетъ дальнѣйшее развитіе той-же культуры. Перерыва въ развитіи культуры здѣсь не видно. Очевидно, одинъ и тотъ же народъ развивался дальше. Этотъ городъ больше перваго. Стѣны сложены съ большимъ техническимъ совершенствомъ. Камни пригнаны другъ къ другу; изъ нихъ сдѣланъ фундаментъ; стѣна же въ $3^1/_2$—4 метра толщиною сложена изъ необженнаго, но высушеннаго на солнцѣ кирпича; кирпичная кладка связана горизонтальными деревянными балками. Стѣна представляетъ изъ себя многогранникъ. На югѣ—большія ворота въ видѣ башни. Длина этой башни 40 метровъ, ширина—18; ворота — $3^1/_2$ метра ширины. Внутри стѣнъ — остатки построекъ. Наибольшая группа построекъ, повидимому, представляетъ дворецъ: здѣсь имѣется залъ (μέγαρον), съ круглымъ очагомъ по срединѣ и съ небольшой передней впереди. Налѣво (если стать лицомъ къ мегарону)—зданіе съ нѣсколькими комнатами, направо—два зданія. Остатки, находимые здѣсь, частью сходны съ находками изъ перваго города, частью различаются. Кромѣ каменныхъ орудій, здѣсь очень много металлическихъ предметовъ, какъ бронзовыхъ, такъ и изъ благородныхъ металловъ (золото и серебро). Особенно обращаетъ на себя вниманіе собраніе золотыхъ предметовъ (ожерелье, браслеты, серьги и проч.),—такъ называемое „Сокровище Пріама“. Особенное вниманіе привлекли глиняные сосуды, по большей части сдѣланные еще безъ помощи гончарнаго колеса. Сосуды имѣютъ иногда форму животныхъ или форму человѣческаго лица. Встрѣчаются сосуды съ длинными носиками въ видѣ клюва (Schabelkannen), или сосуды въ видѣ воронки съ ручками, повидимому, подвѣшивавшіеся. Сосуды — плохо обожжены. Орнаментъ состоитъ изъ линій, выцарапанныхъ на поверхности сосудовъ. Матеріалъ, изъ котораго сдѣланы эти сосуды — грубая, непромытая глина, блестящаго чернаго или красноватаго цвѣта. Эти признаки отличаютъ болѣе древнюю эпоху троянской керамики отъ болѣе поздней.

Этотъ (второй) городъ Шлиманъ отожествилъ съ Гомеровской Троей, потому что остатки его носятъ слѣды пожара. Въ настоящее время эту гипотезу отвергаютъ, такъ какъ уровень культуры здѣсь слишкомъ низокъ для гомеровскаго вре-

мени. Дёрпфельдъ думаетъ, что Гомеровская Троя — шестой городъ.

Третій, четвертый и пятый города—небольшія поселенія, возникшія надъ вторымъ. Второй городъ былъ разрушенъ и большихъ поселеній послѣ него, очевидно, не возникало. Культура 3—5-го городовъ, въ общемъ приближается къ культурѣ 2-го города, но не такъ богата: мало золотыхъ и серебряныхъ вещей.

Шестой городъ обслѣдованъ не самимъ Шлиманомъ, а Дёрпфельдомъ. Онъ уже относится къ иному типу культуры: *микенскому*. Постройки этого города была по б. ч. разрушены римскими архитекторами при ихъ работахъ. Сохранились городскія стѣны микенскаго типа (см. ниже). Онѣ изъ камня, а не изъ кирпича. Седьмой городъ—незначительное поселеніе, восьмой и девятый это Иліонъ эллинистической и римской эпохи (Ilium Novum).

Другой типъ культуры, открытой Шлиманомъ,—*микенскій*. Типичные остатки его впервые найдены въ Микенахъ — въ Арголидѣ. Позднѣе остатки этой культуры были найдены, какъ мы увидимъ, и въ другихъ мѣстностяхъ. Микены фигурируютъ въ Гомеровскихъ поэмахъ. Нѣкоторые остатки старины въ Микенахъ были извѣстны и до Шлимана: Львиныя ворота, такъ называемая Сокровищница Атрея, остатки стѣнъ. Это—„циклопическія" стѣны изъ громадныхъ камней (а не изъ кирпича, какъ во 2-мъ городѣ Шлимана). Подобныя стѣны могли быть сложены только при соединенной работѣ массы людей. Камни, изъ которыхъ въ постройкахъ микенскаго типа сложены стѣны, разной формы, въ болѣе ранней кладкѣ пустота заполнена мелкимъ камнемъ и глиной, позднѣе кладка состоитъ изъ болѣе правильныхъ многогранниковъ или параллелепипедовъ. Шлиманъ пришелъ къ выводу, что Микены состояли изъ нижняго города и расположеннаго на холмѣ акрополя, который и былъ обнесенъ циклопическими стѣнами. Черезъ стѣну вели ворота въ самый акрополь.

Въ акрополѣ Шлиманъ нашелъ мѣсто, представлявшее изъ себя довольно правильный кругъ, обнесенное двумя рядами плитъ, поставленныхъ стоймя (въ видѣ двухъ концентрическихъ круговъ); сверху плиты концентрическихъ круговъ покрыты плитами, положенными горизонтально. Шлиманъ думалъ первоначально, что это—мѣсто для народныхъ собраній (ἀγορά), а только что описанное каменное сооруженіе—сѣдалища для геронтовъ, но плиты, поставленныя стоймя, слишкомъ высоки и

взбираться на нихъ было-бы для старцевъ неудобно. Внутри круга найдены гробницы, поэтому можно думать, что это странное сооруженіе имѣло отношеніе къ культу умершихъ и здѣсь совершались жертвоприношенія. Внутри этого круга найдено шесть подземныхъ гробницъ, высѣченныхъ въ скалѣ въ видѣ шахтъ: нѣкоторые изъ нихъ поражаютъ своимъ богатствомъ: напримѣръ, на лицахъ нѣкоторыхъ покойниковъ—золотыя маски. Послѣ Шлимана (въ 1886 г.) Греческимъ Археологическимъ Обществомъ были открыты остатки дворца со стѣнной живописью. Дворецъ по характеру постройки напоминаетъ тиринѳскій (см. ниже). Около акрополя былъ нижній городъ, тоже обнесенный стѣной; вѣроятно, тамъ жили простые обыватели. Около этого города найдены надземныя гробницы, сложенныя искусственно, тогда какъ въ акрополѣ онѣ высѣчены въ скалѣ. Гробницы эти имѣютъ ложный куполъ; нижній рядъ каменной кладки имѣетъ форму круга; слѣдующій—такую же форму, но кругъ у́же и т. д., такъ что каменная кладка оканчивается однимъ камнемъ. Такихъ гробницъ нѣсколько (сюда относится и извѣстная ранѣе „Сокровищница Атрея“).

Въ Микенахъ металлическіе предметы (изъ золота, серебра, мѣди, бронзы) господствуютъ. Техника ихъ выдѣлки очень высока. Среди металлическихъ предметовъ встрѣчаются: діадемы, бляхи, перстни, браслеты, много оружія. Обращаютъ на себя вниманіе клинки мечей и кинжаловъ, на которыхъ сдѣланы изображенія: тѣла людей сдѣланы изъ золота, одежда и щиты изъ серебра и т. д.; есть цѣлыя картины, изображающія охоту на животныхъ, водяныхъ птицъ и т. п.; животныя сдѣланы изъ золота, птицы изъ серебра и частью изъ эмали. Найдено очень много золотыхъ и серебряныхъ изображеній бычачьихъ головъ тонкой работы—одна большая и много мелкихъ. Найдено изображеніе богини съ голубемъ и со скрещенными на груди руками, напоминающее Астарту, или хеттитское изображеніе (см. выше).

Въ Микенахъ найдены глиняные сосуды иной, по сравненію съ древне-троянскими, формы и съ инымъ орнаментомъ. Они сдѣланы при помощи гончарнаго колеса, хорошо обожжены, орнаментъ не выцарапанъ (какъ на древне-троянскихъ), а искусно нарисованъ; сосуды покрыты глазурью, и на ней разными красками сдѣланъ рисунокъ. Орнаментъ состоитъ изъ спиралей, розетокъ, иногда растеній или животныхъ. Очень часто встрѣчаются изображенія морскихъ растеній и животныхъ.

Тиринѳъ (гдѣ Шлиманъ съ Дёрпфельдомъ производилъ раскопки съ 1884 г.), „окруженный стѣнами“, по Гомеру (Ил. II, 559), дѣйствительно оказался опоясаннымъ огромными стѣнами. Тиринѳъ—приморскій городъ Арголиды, хотя расположенъ не на самомъ берегу моря, какъ и многіе другіе города древности, а нѣсколько дальше (изъ боязни пиратовъ, какъ объ этомъ говоритъ Ѳукидидъ 1, 7). Въ Тиринѳѣ тоже есть акрополь. Внутри его—Шлиманъ нашелъ остатки дворца грандіозныхъ размѣровъ, несравненно болѣе обширнаго и роскошнаго, чѣмъ троянскій и микенскій. Стѣна акрополя отъ 7 до 18 метровъ толщиной. Въ нѣкоторыхъ частяхъ стѣна столь толста, что внутри нея расположены обширныя помѣщенія и коридоры, вѣроятно, для храненія сокровищъ и провіанта. Камни, изъ которыхъ сложены стѣны, многогранники. Вѣсъ каждаго изъ нихъ 200—800 пудовъ, длина—1—1$^1/_2$ саженъ, ширина—$^1/_2$ сажени. Въ стѣнахъ двое воротъ: одни съ широкой дорогой, другіе—узкіе для пѣшеходовъ. Внутри акрополя—дворецъ, состоящій изъ двора, мужского мегарона и другихъ жилыхъ помѣщеній, обширныхъ кладовыхъ и проч. Фундаментъ сохранился отчетливо. Здѣсь найдены слѣды мозаики и стѣнной живописи (напримѣръ, изображеніе человѣка, мчащагося на быкѣ, котораго онъ держитъ за рога).

Шестой городъ въ Троѣ имѣетъ Микенскій характеръ, отличающійся отъ первыхъ городовъ. Затѣмъ, остатки микенской культуры нашли въ Лаконіи (купольная гробница около Вафіо), въ Аѳинахъ, въ Бэотіи (Копаидское озеро), въ Орхоменѣ, на островахъ Эгейскаго моря до Родоса, Крита и Кипра включительно и на Іонійскомъ морѣ. Памятники ея находятъ также въ Италіи и Египтѣ.

Раскопки на Критѣ по результатамъ также поразительны, какъ раскопки Шлимана. Съ начала XX в. ихъ производилъ англичанинъ А. Ивансъ (Evans), именно въ сѣверной части Крита, около Кносса. Здѣсь былъ откопанъ громадный дворецъ. Огромность его размѣровъ и запутанность плана постройки объясняется тѣмъ, что въ теченіе вѣковъ онъ неоднократно перестраивался. Только фундаментъ стѣнъ и цоколи—изъ камня, самыя стѣны—изъ кирпича. Цѣльныхъ каменныхъ стѣнъ не много. Колонны были деревянныя на каменныхъ базахъ. Особенное вниманіе во дворцѣ обращаетъ на себя залъ съ трономъ и водоемомъ. Имѣется длинный коридоръ съ кладовыми по сторонамъ. Въ этихъ кладовыхъ сохранилось много глиняныхъ сосудовъ почти въ человѣческій ростъ вышиной,

каменные сундуки, много глиняныхъ дощечекъ, написанныхъ знаками, отчасти пиктографическими, отчасти приближающимися къ слоговому или буквенному письму. Эти письмена еще до сихъ поръ не прочитаны. Что касается содержанія надписей, то большое количество знаковъ, изображающихъ цифры, даетъ основаніе думать, что это—опись имущества, означающая число предметовъ, а, можетъ быть, и стоимость ихъ.

Найдено много стѣнной живописи. Такъ какъ стѣны обрушились, то сохранились преимущественно нижнія части изображенныхъ здѣсь людей; но изрѣдка попадаются и верхнія части изображеній. Эти рисунки обнаруживаютъ между прочимъ большую любовь къ нарядамъ женской половины населенія дворца: вычурныя прически и т. п. Часто попадаются изображенія быка и двойного топора: повидимому, это — религіозные символы. Найдено много глиняныхъ сосудовъ съ росписнымъ орнаментомъ (см. ниже).

Итальянскіе ученые подъ руководствомъ Альбера (Halbherr) произвели весьма интересныя раскопки въ южной части Крита, въ Фестѣ. Здѣсь найденъ также громадный дворецъ съ весьма сложнымъ планомъ,—очевидно, также многократно перестраивавшійся. Тутъ особенно приковываетъ вниманіе величественная широкая каменная лѣстница, ведшая въ западную часть дворца. Очень интересенъ терракатовый дискъ, найденный здѣсь: онъ весь покрытъ пиктографическими знаками. Третій дворецъ открытъ итальянцемъ близь Феста около церкви св. Троицы (Агіа Тріада).

О значеніи переживаній и отдѣльныхъ легендъ для возстановленія древнѣйшей исторіи Греціи придется упоминать въ отдѣльныхъ мѣстахъ изложенія.

Эпоха эгейской культуры и ея распространеніе. Какъ мы уже упомянули выше, строго говоря, періодъ эгейской культуры представляетъ изъ себя рядъ историческихъ процессовъ, тянувшихся въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двухъ тысячелѣтій (прибл. 3000—1100 г. до Р. Х.). Объединить эти процессы въ одинъ періодъ можно лишь очень условно, основываясь 1) на томъ, что во многихъ мѣстностяхъ (напр., на Критѣ, отчасти въ Троѣ) можно видѣть нѣкоторую непрерывность въ развитіи культуры, 2) на чисто внѣшнемъ методологическомъ сходствѣ: для всего этого періода источникомъ познанія служитъ почти исключительно археологическій матеріалъ. Въ этотъ періодъ можно намѣтить въ бассейнѣ Эгейскаго моря по меньшей мѣрѣ

двѣ культурныхъ области: съ одной стороны, островъ Критъ, съ другой — остальное побережье Эгейскаго моря, включая острова. Но многіе изслѣдователи справедливо намѣчаютъ и большее число культурныхъ районовъ: довольно рельефно выдѣляются 1) Критъ, 2) Троя, 3) континентальная Грецiя (Микены, Тириноъ, Аттика, Орхоменъ и проч.), 4) острова Эгейскаго моря (такіе районы намѣчаетъ, напр., фонъ Лихтенбергъ).

Критъ имѣлъ свое самостоятельное развитіе. Здѣшнюю культуру мы узнаемъ, уже начиная съ новокаменнаго (неолитическаго) періода. Здѣсь въ древнѣйшихъ слояхъ (въ Кноссѣ глубиною до 7—8 метровъ) металлическія орудія отсутствуютъ, а имѣются только каменныя. костяныя и т. п., нѣтъ каменныхъ построекъ, орнаментъ на глиняныхъ сосудахъ, сдѣланныхъ безъ гончарнаго колеса, выцарапанъ, а не нарисованъ; только въ самыхъ верхнихъ слояхъ начинаютъ попадать расписные сосуды съ весьма простымъ орнаментомъ.

Послѣдующіе слои культуры Ивансъ раздѣлилъ на 3 эпохи: древне-миносскую, средне-миносскую и поздне-миносскую, при чемъ каждую изъ этихъ эпохъ въ свою очередь подраздѣлилъ на 3 періода: 1, 2, 3 ранне-миносскій и т. д. (миносскими Ивансъ назвалъ эти періоды по имени миѳическаго царя Крита Миноса). Это—эпоха мѣдныхъ и бронзовыхъ орудій. Во второй періодъ средне-миносской эпохи создаются уже большіе дворцы въ Кноссѣ и Фестѣ, которые потомъ возобновляются и перестраиваются: въ Кноссѣ—въ 3-й средне-миносскій періодъ, а въ Фестѣ—въ 1 поздне-миносскій; въ это же время выстроенъ дворецъ въ Агіа Тріада. Во 2-й поздне-миносскій періодъ дворецъ въ Кноссѣ былъ еще разъ перестроенъ.

Наиболѣе цѣнныя указанія на періоды культурнаго развитія даетъ *керамика* (глиняныя издѣлія). Въ 1-й ранне-миносскій періодъ появляются здѣсь сосуды съ очень простымъ, но, однако, уже не выцарапаннымъ, а нарисованнымъ орнаментомъ; сосуды сдѣланы безъ гончарнаго колеса. Это послѣднее входитъ въ употребленіе во 2-й или 3-й ранне-миносскій періодъ. Въ 1-й средне-миносскій періодъ появляются сосуды съ весьма сложной росписью разноцвѣтными красками. Эти пестрые расписные сосуды достигаютъ высокаго совершенства въ такъ называемыхъ сосудахъ „*камаресскаго*“ типа (орнаментъ состоитъ по преимуществу изъ кривыхъ линій, розетокъ, растеній), получившихъ свое названіе по мѣстности, гдѣ были найдены типичные образцы ихъ; со-

суды подобнаго типа особенно распространяются во 2-й средне-миносскій періодъ. Позднѣе орнаментъ на сосудахъ дѣлается менѣе пестрымъ, но очень натуралистичнымъ (изображеніе растеній и животныхъ), чтобы еще позднѣе, во 2-й поздне-миносскій періодъ, перейти въ стилизованный растительный орнаментъ „дворцоваго стиля“, названнаго такъ Ивансомъ, потому что такой характеръ имѣетъ стѣнная живопись позднѣйшихъ дворцовыхъ построекъ въ Кноссѣ. Еще позднѣе на Критѣ появляется желѣзо (послѣ 3-го поздне-миносскаго періода).—Таковы главные моменты въ развитіи матеріальной культуры на о. Критѣ. Это развитіе представляется довольно послѣдовательнымъ, безъ рѣзкихъ скачковъ.

Что касается *остальной Греціи, помимо Крита*, то здѣсь мы имѣемъ лишь въ Троѣ мѣстность, гдѣ много археологическихъ пластовъ находится одинъ надъ другимъ (какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Крита), и имѣется, так. обр., возможность изучать послѣдовательную смѣну культурныхъ стадій. Такъ какъ 1-й городъ, какъ мы видѣли выше, былъ изслѣдованъ Шлиманомъ довольно поверхностно, то остается неяснымъ, принадлежитъ ли это поселеніе къ неолитической эпохѣ, или оно относится уже къ бронзовому вѣку (найденные тамъ немногіе металлическіе предметы могли попасть при небрежности раскопокъ изъ болѣе верхнихъ слоевъ; преобладаютъ тамъ орудія изъ камня и кости). 2-й городъ относится къ вполнѣ развитой бронзовой культурѣ. Эта культура (особенно керамика) имѣетъ много общаго съ „цикладской культурой“ съ одной стороны, и съ ранней культурой Средней Европы—съ другой. 3-й, 4-й и 5-й города въ Троѣ суть незначительные поселки бронзоваго вѣка. 6-й городъ, какъ сказано, относится уже къ эпохѣ „микенской“ культуры; здѣсь былъ большой городъ съ дворцомъ; этотъ 6-й городъ и былъ отождествленъ Дёрпфельдомъ на основаніи вѣскихъ данныхъ съ Гомеровской Троей.

Въ большинствѣ областей Греціи археологическіе факты даютъ возможность изучать то ту, то другую стадію культуры въ извѣстной мѣстности, между тѣмъ какъ остатки другихъ стадій въ большинствѣ мѣстъ уничтожились въ теченіе времени, и ихъ характеръ приходится нерѣдко опредѣлять по аналогіи съ тѣми мѣстностями, гдѣ сохранились остатки какъ разъ этихъ стадій.

Остатки *неолитической культуры*, при томъ болѣе высокой стадіи и другого типа, чѣмъ древнѣйшіе критскіе слои.

сохранились преимущественно въ болѣе сѣверныхъ областяхъ (въ такъ наз. 1-мъ городѣ въ Троѣ, въ Өессаліи, Фокидѣ, Беотіи, на о. Кефалоніи); въ самое послѣднее время подобные остатки найдены, впрочемъ, въ Олимпіи и Тиринөѣ. Здѣсь имѣются уже расписныя вазы съ простымъ орнаментомъ и каменныя постройки. Важно то обстоятельство, что установлено сходство этой культуры съ неолитической культурой сѣвера Балканскаго полуострова, Седмиградія, Галиціи и Южн. Россіи (проф. *Э. Р. фонъ-Штерномъ*, „Доисторическая греч. культура на югѣ Россіи" въ Трудахъ XIII Археологич. съѣзда, т. I). Съ критской неолитической культурой здѣшняя не сродна.

Ранняя бронзовая культура на Эгейскомъ морѣ (помимо Крита) представлена такъ наз. культурой *цикладскаго* типа на Цикладскихъ островахъ и въ болѣе глубокихъ пластахъ Орхомена. Здѣсь мы видимъ бронзовые предметы, глиняные сосуды, сдѣланные отъ руки, съ выцарапаннымъ, а не рисованнымъ орнаментомъ. Находки въ другихъ мѣстахъ (напр., въ Афиднѣ въ сѣверной Аттикѣ) показываютъ уже болѣе высокую бронзовую культуру съ расписными глиняными вазами, покрытыми орнаментомъ изъ прямыхъ, ломаныхъ и, рѣже, кривыхъ линій (по б. ч. матовый черный или красный орнаментъ на свѣтломъ фонѣ). Лучше всего смѣна культурныхъ типовъ и постепенный переходъ къ болѣе поздней бронзовой, такъ называемой „микенской" культурѣ отразились въ трехъ послѣдовательныхъ поселеніяхъ, открытыхъ въ *Филакопи* на о. Мелосѣ; мы видимъ, какъ здѣсь постепенно совершенствуются каменныя постройки, а также глиняныя издѣлія: украшенныя въ первомъ поселеніи выцарапаннымъ, а позднѣе нарисованнымъ простымъ геометрическимъ орнаментомъ, во второмъ и третьемъ поселеніяхъ они представляютъ уже болѣе сложный рисованный орнаментъ; въ этихъ слояхъ находятся и привозныя вазы, съ Крита—*камаресскаго* типа и съ континента Греціи—микенскаго типа.

Послѣдующую стадію бронзовой культуры представляетъ такъ называемая *„микенская" культура*, названная такъ по мѣсту открытія (Шлиманомъ) первыхъ типичныхъ ея образцовъ. Эта культурная стадія характеризуется широкимъ употребленіемъ металловъ (мѣдь, бронза, золото и серебро), очень сложной глиняной техникой (красивыя расписныя вазы разныхъ типовъ, съ очень разнообразнымъ орнаментомъ), обширными постройками (дворцы въ *Микенахъ, Тиринөѣ, Орхоменѣ*, въ 6-мъ городѣ *Трои* и проч.) и богатыми гробницами, шахто-

образными, а позднѣе, надземными съ внутреннимъ обширнымъ помѣщеніемъ, увѣнчаннымъ такъ называемымъ ложнымъ куполомъ. Эта культура была распространена по всему Эгейскому морю; главные центры ея были: Микены и Тиринѳъ въ Арголидѣ, Аѳины въ Аттикѣ, Орхоменъ въ Беотіи, Троя (6-й городъ) на с.-з. М. Азіи. По времени микенская культура совпадаетъ съ поздне-миносскими періодами критской культуры. Теперь принято дѣлить микенскую культуру на періоды: ранній, средній и поздній.

Таковы главныя стадіи въ развитіи культуры на берегахъ Эгейскаго моря въ такъ наз. эгейскую эпоху. Эти археологическія данныя вызываютъ два вопроса, весьма важные для историка: 1) вопросъ *хронологическій*, 2) вопросъ *этнографическій*.

Хронологическій вопросъ подвигается къ удовлетворительному разрѣшенію (особенно цѣнна работа ***Фиммена*** **1909 г., Zeit und Dauer der kretisch-mykenischen Kultur**). Здѣсь руководящія указанія даютъ, съ одной стороны, египетскія древности, найденныя въ различныхъ пластахъ эгейской культуры, съ другой — продукты этой культуры, найденные въ Египтѣ. Для древнѣйшихъ эпохъ выводы, основанные на этихъ данныхъ, конечно, представляются еще во многомъ спорными, во-первыхъ, въ силу того, что и египетская хронологія древнѣйшихъ эпохъ еще возбуждаетъ въ рядѣ пунктовъ сомнѣнія среди ученыхъ, а также и потому, что нельзя признать несомнѣнно эгейскими предметы, находимые въ египетскихъ пластахъ такъ наз. Древняго Царства и признаваемые за таковые нѣкоторыми изслѣдователями. Но для болѣе позднихъ періодовъ эгейской культуры теперь установлена, преимущественно на основаніи египтологическихъ данныхъ, довольно точная хронологія. Приблизительное хронологическое соотношеніе культуръ представлено на слѣдующей таблицѣ (въ основу ея положены таблицы Фиммена и Лихтенберга, см. таблицу стр. 84).

Изъ этой таблицы мы видимъ, что ранне-миносской эпохѣ соотвѣтствуетъ по времени древній періодъ цикладской культуры и 2-й городъ въ Троѣ, средне-миносской культурѣ соотвѣтствуютъ поздніе періоды цикладской культуры и соотвѣтвѣтствующая по типу культура на материкѣ Греціи (Афидна); наконецъ, поздне-миносской культурѣ соотвѣтствуетъ микенская культура на материкѣ Греціи, на островахъ и въ 6-мъ городѣ Трои.

Эпоха.	*Критъ.*	*Троя.*	*Остр. Эгейск. м.*	*Европ. Греція.*
до 3000 г. до Р. Х.	Неолитическіе слои.	1-й городъ.		Неолитическая культура въ Θессаліи, Фокидѣ, Беотіи, въ древнѣйшихъ пластахъ въ Тиринѳѣ и Олимпіи.
3-е тысяч. до Р. Х.	1, 2, 3 ранне-миносскіе періоды.	2-й городъ.	Древняя эпоха цикладской культуры.	Древніе слои въ Орхоменѣ и Тиринѳѣ.
2000—1700 до Р. Х.	1, 2 средне-миносскіе періоды (древніе дворцы въ Кноссѣ, и Фестѣ, камарес. вазы).		Болѣе поздняя эпоха цикладской культуры (1-е и 2-е поселенія въ Филакопи).	Афидна въ Сѣвер Аттикѣ.
1700—1550 до Р. Х.	3-й средне-миносск. періодъ (2-й дворецъ въ Кноссѣ). 1-й поздне-миносскій періодъ (2-й дворецъ въ Фестѣ).	3-е, 4-е и 5-е поселенія въ Троѣ	2-е поселеніе въ Филакопи.	Ранне-микенскій періодъ (шахтообразныя гробницы въ Микенахъ).
1550--1400.	2-й поздне-миносск. періодъ (дворцовый стиль).		3-е поселеніе въ Филакопи.	Средне-микенскій періодъ (дворцы въ Микенахъ и Тиринѳѣ).
1400--1250.	Разрушеніе дворцовъ въ Кноссѣ и Фестѣ. 3-й поздне-миносскій періодъ.	6-й городъ.	3-е поселеніе въ Филакопи.	Поздне-микенскій періодъ (дворцы въ Микенахъ и Тиринѳѣ).
1250--1100.	Распространеніе желѣза.			Геометрическій и Дипилонскій стиль глиняныхъ сосудовъ.

Этнографическая проблема. Менѣе выясненной до сей поры представляется *этнографическая* проблема, сводящаяся, гл. обр., къ вопросу: *поскольку критская и эгейская куль-*

туры суть греческія и поскольку онѣ принадлежатъ догреческому населенію этихъ мѣстностей.

Шлиманъ не сомнѣвался въ томъ, что онъ открылъ греческую культуру гомеровскаго времени. Но уже скоро противъ этого мнѣнія стали раздаваться возраженія: нѣкоторые спеціалисты указывали на существенныя различія между гомеровской культурой и микенской, напр., на то, что гомеровскіе греки сжигаютъ покойниковъ, а носители микенской культуры—погребаютъ: народъ микенской культуры въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Египтомъ, у Гомера — слѣды такихъ сношеній незначительны. Было выставлено мнѣніе, что носители микенской культуры—это до-греческое населеніе Эгейскаго моря—***карійцы***, о которыхъ говорятъ Геродотъ (I, 171) и Ѳукидидъ (I, 4 и 1, 8. 1). Геродотъ склоненъ къ мнѣнію, что карійцы перешли на мало-азійскій материкъ съ острововъ, откуда они были вытѣснены греческими племенами (іонянами и дорянами), но прибавляетъ, что карійцы сами считаютъ себя туземцами на материкѣ. Ѳукидидъ (I. 8) сообщаетъ, что аѳиняне въ эпоху Пелопоннесской войны нашли на Делосѣ карійскія могилы, въ которыхъ покойники были погребены въ вооруженіи. Одно время карійцы образовывали значительное морское государство, центромъ котораго былъ Критъ. Геродотъ и Ѳукидидъ говорятъ намъ объ этомъ государствѣ и о могущественномъ его царѣ Миносѣ. Въ настоящее время есть сторонники и эллинской и до-эллинской теорій происхожденія микенской культуры (въ самыхъ новѣйшихъ трудахъ Дюссо стоитъ на точкѣ зрѣнія до-греческаго происхожденія эгейск. культуры. Лихтенбергъ, напротивъ,—арійско-греческой). Эд. Мейеръ въ новомъ изданіи I тома „Исторіи древности“ совершенно правильно находитъ нужнымъ вопросъ о происхожденіи культуры въ разныхъ областяхъ Эгейскаго моря расчленить.

Во всякомъ случаѣ, этнографическій вопросъ требуетъ еще дальнѣйшихъ изслѣдованій. Въ настоящее время большей вѣроятностью обладаютъ слѣдующія предположенія.

Несходство неолитической культуры Крита и болѣе сѣверныхъ областей Греціи дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что критское населеніе 3-го тысячелѣтія до Р. Х. отличалось отъ населенія континентальной Греціи, а такъ какъ, судя по археологическимъ даннымъ, развитіе критской культуры шло безъ перерывовъ (здѣшняя бронзовая культура есть непосредственное развитіе неолитической), то можно думать, что то же населеніе оставалось здѣсь, во всякомъ случаѣ, и въ первые пе-

ріоды миносской культуры. Это до-греческое населеніе Крита могло принадлежать отчасти и къ вышеназванному карійскому племени, которое, вѣроятно, относилось къ *мало-азійской расѣ* населявшей нѣкогда значительную часть М. Азіи и не принадлежавшей ни къ семитамъ, ни къ арійцамъ (къ этой расѣ могли принадлежать ликійцы, карійцы и др.). Эд. Мейеръ полагаетъ, что первоначальное населеніе Крита принадлежало къ мало-азійской расѣ, но что сюда еще до грековъ вторглись иныя племена неизвѣстнаго происхожденія (напр., этеокритяне). Населеніе Крита очень рано вошло въ сношенія съ Египтомъ, можетъ быть, еще въ 3-емъ тысячелѣтіи до Р. Х. (критскіе предметы находятся въ Негадэ, Абидосѣ и др. мѣстахъ Египта вмѣстѣ съ остатками очень древней египетской культуры) и во всякомъ случаѣ, во 2-мъ тысячелѣтіи (камаресскія вазы въ Кахунѣ и Абидосѣ въ остаткахъ эпохи 12-й династіи).

Что касается вопроса о населеніи *континентальной* Греціи, то обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что здѣшняя поздняя неолитическая культура весьма родственна неолитической культурѣ сѣвера Балканскаго полуострова, Венгріи, Галиціи, Южной Россіи и даже нѣкоторыхъ болѣе сѣверныхъ областей Средней Европы (сходство въ формѣ сосудовъ и орнаментѣ; особенно характерный орнаментъ въ формѣ *спирали* и т. п.). Можно думать, что носители поздне-неолитической культуры континентальной Греціи пришли сюда съ сѣвера. Если это такъ, то есть нѣкоторая вѣроятность въ предположеніи, что это и были *греческія племена* (въ числѣ ихъ *ахейцы*) отдѣлившіяся отъ общаго индо-европейскаго пранарода, родину котораго многіе (особ., О. Шрадеръ), какъ мы видѣли, ищутъ теперь въ области между Карпатами и Каспійскимъ моремъ (нѣкоторые изслѣдователи, впрочемъ,—въ Сред. и даже Сѣв. Европѣ, а иные—въ Азіи). Появленіе грековъ съ сѣвера подтверждается также и тѣмъ, что у грековъ сохранились преданія объ этомъ движеніи съ сѣвера, и въ этомъ смыслѣ говорятъ нѣкоторыя географическія названія и религіозныя данныя (напр., одно изъ древнѣйшихъ національныхъ святилищъ грековъ находилось въ Эпирѣ, въ Додонѣ, см. выше стр. 66).

Что касается ранней бронзовой культуры въ *Троѣ*, то устанавливается и ея родство съ древней культурой Средней Европы и особенно тѣсныя отношенія къ древней культурѣ сѣвера Балканскаго полуострова. Отсюда дѣлаютъ выводъ, что въ троянской культурѣ можно предполагать довольно рано участіе индо-европейцевъ, однако, принадлежащихъ къ другой

вѣтви народовъ, чѣмъ греки, а именно, къ такъ наз. *трояно-фригійскому племени*.

Такимъ обр., можно думать, что часть индо-европейцевъ, двигаясь на югъ, приблизительно на сѣверѣ Балканскаго полуострова раздѣлилась: одна группа перешла Дарданелы и проникла въ М. Азію, а другая, двигаясь по сушѣ, постепенно достигла Греціи. Въ концѣ поздняго неолита и во всякомъ случаѣ въ началѣ бронзовой эпохи въ Греціи можно предполагать уже наличность греческихъ племенъ (3-е тысячелѣтіе до Р. X.).

Однако, такая конструкція древней этнографіи эгейскаго міра не представляется общепринятой: напр., Эд. Мейеръ считаетъ древне-троянскую культуру принадлежащей не индо-европейцамъ, а племени мало-азійскому („Gesch. des Altert.", I т., 2-е изд. 1909, S. 657, 671).

Когда проникли греки на *Критъ*, остается неяснымъ. Отсутствіе перерывовъ въ развитіи критской культуры заставляетъ думать, что рѣзкихъ смѣнъ населенія тамъ не было, и что греки проникали туда постепенно, сравнительно небольшими группами, при чемъ усваивали, по крайней мѣрѣ въ основѣ, мѣстную культуру. Въ этомъ смыслѣ говоритъ и то обстоятельство, что у Гомера населеніе Крита изображено очень разноплеменнымъ (Одиссея, XIX, 172—9).

Островъ есть Критъ посреди винoцвѣтнаго моря прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный;
Тамъ девяносто они городовъ населяютъ великихъ.
Разные слышатся тамъ языки: тамъ находишь ахеянъ,
Съ первоплеменной породой воинственныхъ критянъ (*въ подлинникѣ стоитъ*: *Этеокритянъ*); кидоны
Тамъ обитаютъ, дорійцы кудрявые (τριχάϊκες), племя пеласговъ,
Въ городѣ Кноссѣ живущихъ (*подлин*: τῇσιδ' ἐνὶ Κνωσός) Едва девяти лѣтъ достигнувъ,
Тамъ ужъ царемъ былъ Миносъ, собесѣдникъ Кроніона мудрый.

Можетъ быть, разрушеніе дворцовъ въ Кноссѣ и Фестѣ (прибл. въ XIV в. до Р. X.) стоитъ въ связи съ проникновеніемъ первыхъ волнъ греческихъ племенъ на Критъ (ахейцевъ).

Позднѣе, въ концѣ 2-го тысячелѣтія до Р. X., имѣли мѣсто новыя передвиженія племенъ. Объ этомъ говорятъ намъ прежде всего египетскіе документы, сообщающіе, что при 19-й

династіи (царь Мернепта), ок. 1225—1215 г., Египетъ тѣснили *заморскіе народы*; и при 20-й династіи (XII в.) набѣги этихъ народовъ не прекратились; въ числѣ ихъ упоминаются племена, которыя большинство ученыхъ, какъ эллинистовъ, такъ и египтологовъ отождествляютъ съ греками (Акаиваша—ахейцы. Данауна—данайцы).

Около (XII в. до Р. X.) въ Палестинѣ и Сиріи появляется народъ *филистимляне* (*Пуласата* египетскихъ памятниковъ эпохи Рамсеса III), которыхъ многіе ученые послѣдняго времени на основаніи довольно убѣдительныхъ данныхъ отождествляютъ съ тогдашнимъ населеніемъ Крита. Въ Библіи о нихъ говорится, какъ о выходцахъ съ острова Кафтора, т. е. Крита (египет. Кефтіу). Такъ въ книгѣ Бытія сказано, что филистимляне вышли изъ Кафтора (X, 14 въ точномъ переводѣ). Во Второзаконіи (II, 23) говорится: „Аввеевъ, жившихъ въ селеніяхъ до самой Газы, Кафторимы, исшедшіе изъ Кафтора, истребили и поселились на мѣстѣ ихъ". Мы между тѣмъ знаемъ, что въ означенной мѣстности жили филистимляне. Пророкъ Амосъ (IX, 7) говоритъ: „Не таковы ли, какъ сыны Эѳіоплянъ, и вы для Меня, сыны Израилевы? глаголетъ Господь. Я ли вывелъ Израиля изъ земли Египетской и филистимлянъ—изъ Кафтора и Арамлянъ—изъ Кира?".

Это движеніе племенъ на югъ, за море, было вызвано, какъ можно предполагать, продолжавшимся долгое время притокомъ съ сѣвера новыхъ массъ грековъ: въ числѣ послѣднихъ волнъ этого потока сѣверныхъ племенъ было малокультурное и воинственное *дорійское племя*.

Первоначальное разселеніе греческихъ племенъ и „дорійское нашествіе". Чтобы представить себѣ первоначальное разселеніе греческихъ племенъ, изслѣдователи нашего времени пользуются не только матеріаломъ греческихъ преданій, дошедшихъ до насъ, но также наблюденіями надъ территоріальнымъ взаимоотношеніемъ греческихъ діалектовъ.

Греческія преданія говорятъ намъ, что въ разселеніи греческихъ племенъ происходили перемѣны.

Гомеровскія поэмы представляютъ намъ Европейскую Грецію населенною ахеійцами (Ἀχαιοί). Это имя чаще всего встрѣчается у Гомера. Иногда греки именуются здѣсь аргивянами (Ἀργεῖοι) и данайцами (Δαναοί)*); оба послѣднія названія объяс-

---

*) См. статистику у *Белоха* (Gr. Gesch., I², 1, 186.

няются тѣмъ, что вождь грековъ Агамемнонъ—царь Аргоса (данайцы—аргосское названіе). Одинъ разъ въ поэмахъ встрѣчается имя іонянъ (Il. XIII, 685) и разъ—дорянъ въ цитированномъ выше описаніи населенія Крита (Odys. XIX 177). Какъ мы увидимъ ниже, Иліада и Одиссея слагались въ нынѣшнемъ ихъ видѣ въ X—VII вв. до Р. Х., въ эпоху греческаго средневѣковья, когда новое разселеніе племенъ уже въ основныхъ чертахъ закончилось, когда югъ Пелопоннеса былъ занятъ уже дорянами. Но основные сюжеты поэмъ, какъ приходится думать, создались ранѣе (еще въ концѣ эгейской эпохи), и отразили они тогдашнее соотношеніе племенъ. Очевидно, доряне тогда еще не занимали Пелопоннеса. Упоминаніе о дорянахъ на Критѣ принадлежитъ къ позднимъ частямъ Одиссеи. *)

Въ произведеніяхъ, приписываемыхъ Гесіоду (VIII в. до Р. Х.) уже идетъ рѣчь о дорійскомъ нашествіи: въ одномъ изъ фрагментовъ **) упоминаются ихъ эпитетъ τριχάϊκες (см. выше стр. 65) и произведенный ими раздѣлъ земли на три части.

Въ VII в. говоритъ о завоеваніи Пелопоннеса дорянами спартанскій поэтъ Тиртей (fr. 2=Str. VIII, 362).

Прибл. въ VI в. появилась цѣлая поэма „Эгимій“ (*Αἰγίμιος*), которую неправильно приписывали Гесіоду. Отъ нея сохранились немногіе отрывки, но ясно, что она была посвящена дорянамъ и ихъ миѳическому родоначальнику Эгимію.

Греческіе историки V вѣка Геродотъ и Ѳукидидъ даютъ намъ достаточное представленіе о томъ, какъ греческія преданія изображали передвиженіе племенъ.

Въ этихъ передвиженіяхъ сохраненныя намъ историками V вѣка преданія различаютъ нѣсколько моментовъ.

Повидимому, толчекъ для передвиженія исходилъ изъ Эпира. По причинѣ, намъ неизвѣстной, жившія здѣсь *сѣверо-западныя греческія племена* двинулись на востокъ.

Одинъ моментъ этого движенія—это переселеніе ѳессалійскаго племени изъ Эпира (Ѳеспротіи) на востокъ, въ область, получившую названіе по имени этого племени: Ѳессалія (*Herod.* VII, 176). Гомеръ этого названія не знаетъ.

Другой моментъ—это передвиженіе другого сѣверо-западнаго племени: *дорянъ* изъ Эпира также въ Ѳессалію (*Herod.* I 56). Здѣсь доряне назывались македонцами (*Μακεδνόν ἔθνος He-*

---

*) См. *Beloch*, Gr. Gesch., I², 2, 47. Объ іонянахъ въ Иліадѣ я скажу ниже.
**) Fr. 191 Rzach.

rod. I 56 и VIII 43), что заставляетъ думать о ихъ близкомъ родствѣ съ македонянами (такіе знатоки исторіи греческаго языка, какъ П. Кречмеръ, вполнѣ допускаютъ это родство). Позднѣе часть дорянъ изъ Ѳессаліи двинулась въ среднюю Грецію, одна небольшая область которой навсегда сохранила дорійское населеніе и имя *Дориды* (*Herod.* VIII 31 и 43). Еще позднѣе бóльшая часть дорянъ отсюда передвинулась въ Пелопоннесъ (*Herod.* I 56; VIII 31. *Thuc.* I 12,) гдѣ доряне заняли Коринѳъ (равно какъ и сосѣднія Мегары), Арголиду, Лаконію, а позднѣе и Мессенію. Доряне просочились также въ среду остального населенія прибрежныхъ областей Пелопоннеса.

И еще одинъ (третій) моментъ отмѣчаютъ греческіе историки въ этомъ перемѣщеніи племенъ: часть населенія Ѳессаліи (бэотяне) передвинулась въ Бэотію (*Thuc.* I 12), которую прежде называлась иначе (*Herod.* II 49).

Пелопоннесскіе доряне, чтобы придать легитимную окраску своему завоеванію Пелопоннеса, связали свое движеніе сюда съ аргосскимъ культомъ Геракла: создалась легенда, что во главѣ дорянъ стали потомки Геракла (Гераклиды), которые вернулись въ Пелопоннесъ, чтобы завладѣть достояніемъ Геракла. Эта легенда извѣстна уже Тиртею. Ее разсказываетъ Геродотъ (IX, 26) *).

Такимъ образомъ гомеровскія поэмы и преданія, сохранившіяся въ греческой литературѣ, рисуютъ намъ приблизительно такую картину разселенія греческихъ племенъ.

Первыя волны греческихъ поселенцевъ на югѣ Балканскаго полуострова принадлежали къ ахейскому племени **). Позднѣе черезъ Эпиръ въ Ѳессалію пришли новыя группы сѣверо-западныхъ племенъ и въ числѣ ихъ доряне. Это обстоя-

---

*) Позднюю систематизацію легендъ о возвращеніи Гераклидовъ во главѣ дорянъ мы находимъ въ миѳологическомъ сочиненіи, именуемомъ „Библіотека“ и приписываемомъ аѳинянину Аполлодору (II в. по Р. Х.). См. *Apollodori* Bibliotheca II 8. Свѣдѣнія о Гераклидахъ разсѣяны и у Павсанія (II в. по Р. Х.).

**) Я не касаюсь вопроса о томъ, кто такое были *пеласги*, упоминаемые уже Гомеромъ въ Ѳессаліи (Πελασγικὸν Ἄργος) и на Критѣ. Были ли они предшественниками грековъ негреческаго происхожденія (это противорѣчитъ свидѣтельству Геродота—I 56; 58; VII 94; VIII 44), или, какъ думалъ Курціусъ и теперь склоненъ думать Белохъ, они представляли передовую волну грековъ, или, наконецъ, какъ доказывалъ Эд. Мейеръ, представленіе о пеласгахъ есть поздняя гипотеза древнихъ греческихъ историковъ,—я отказываюсь рѣшить.

тельство было причиной того, что часть ахейскаго населенія передвинулась въ Среднюю Грецію, главнымъ образомъ, въ Бэотію. И часть дорянъ перешла въ Среднюю Грецію, гдѣ одна группа осѣла (область Дорида). Значительная же масса ихъ передвинулась въ Пелопоннесъ, гдѣ составила господствующую часть населенія въ восточныхъ и южныхъ прибрежныхъ областяхъ и постепенно примѣшалась также къ населенію другихъ областей Пелопоннеса. Только центральная гористая Аркадія осталась ахейской по преимуществу.

Весьма вѣроятно, что именно вторженіе сѣверо-западныхъ племенъ въ Өессалію вызвало передвиженіе здѣшняго греческаго населенія (эолійской вѣтви ахейцевъ) на сѣверо-западное побережіе М. Азіи (около Геллеспонта) и прилежащіе острова (напр. Лесбосъ). Объ этомъ *Herod.* VII 176. Вѣроятно, и часть іонійцевъ Средней Греціи (о нихъ рѣчь пойдетъ дальше) была принуждена этими самыми передвиженіями племенъ занять бо́льшую часть Цикладскихъ острововъ и центральную область западнаго малоазійскаго побережья съ прилегающими островами (Хіосъ, Самосъ и др.).

Да и пелопоннесскіе доряне не ограничились утвержденіемъ здѣсь: они проникли на о. Критъ, Родосъ, Косъ и другіе острова и заняли юго-западный уголъ М. Азіи.

Очевидно, нашествіе дорянъ заставило часть ахейцевъ Пелопоннеса занять далекій Кипръ: здѣсь господствовалъ впослѣдствіи діалектъ, общій съ діалектомъ аркадскимъ.

Передвиженія племенъ въ Европейской Греціи заняли періодъ времени въ нѣсколько десятилѣтій. Но не слѣдуетъ и преувеличивать ихъ сложности и продолжительности: Белохъ совершенно правъ, когда онъ отмѣчаетъ, что во всѣхъ этихъ преданіяхъ рѣчь можетъ идти лишь о передвиженіяхъ на немного дней пути племенныхъ группъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ *). Греки (Өукидидъ, Эфоръ, Тимей, Эратосоенъ) относили эти передвиженія (нашествіе дорянъ) къ эпохѣ, соотвѣтствующей концу XII или XI в. нашего лѣтосчисленія. Эту дату можно считать приблизительно вѣроятной, и. ч., какъ мы видѣли выше, и египетскіе источники начинаютъ говорить о движеніи ахейцевъ (акаиваша, данауна) въ Египетъ съ конца XIII и въ XII в., а появленіе филистимлянъ-критянъ въ Сиріи относятъ къ XII в. (см. выше). Вѣроятно, это движеніе

*) Gr. Gesch., I², 2, 86.

племенъ Эгейскаго моря на югъ стоитъ въ связи съ передвиженіями европейскихъ грековъ, которое тоже нужно отнести къ эпохѣ съ конца XIII до начала XI в.

Та картина, которую даютъ возможность возстановить греческія преданія, подтверждается распредѣленіемъ греческихъ діалектовъ позднѣйшаго времени. Остатки говора ахейскаго населенія можно видѣть въ говорѣ аркадянъ въ центрѣ Пелопоннеса. Этотъ говоръ мы находимъ и въ греческихъ надписяхъ о. Кипра, который, несомнѣнно, былъ колонизованъ ахейцами. Къ этому *аркадо-кипрскому* діалекту близокъ такъ называемый *эолійскій* діалектъ, на которомъ говорили въ Өессаліи, Беотіи и на о. Лесбосѣ. Трудно сомнѣваться, что въ эолійскомъ діалектѣ мы имѣемъ также остатки говоровъ ахейскаго племени. Однако въ говорѣ өессалійцевъ замѣтно значительное вліяніе *сѣверо-западной* группы діалектовъ, что вполнѣ понятно, если мы вспомнимъ, что, по преданіямъ, сѣверо-западныя племена (въ ихъ числѣ доряне) приходили и частью осѣдали въ Өессаліи. Тѣмъ же объясняются сѣверо-западные элементы и въ беотійскомъ говорѣ. Говоры Фокиды и Локриды въ Средней Греціи и Элиды въ Пелопоннесѣ вполнѣ относятся къ сѣверо-западной группѣ діалектовъ. Къ этой же группѣ близокъ и *дорійскій* діалектъ *), на которомъ говорили въ Лаконіи, Арголидѣ, Коринөѣ, Мегарахъ, на о. Критѣ, Родосѣ и проч.: это—все области, которыя были завоеваны дорянами. **)

Нѣсколько менѣе яснымъ представляется отношеніе *іонійскаго* племени къ другимъ племенамъ. Въ историческое время іоняне занимали Аттику, о. Эвбею, значительную часть Цикладскихъ острововъ и центральную часть западнаго побережья М. Азіи. Является вопросъ: представляютъ ли іоняне—населеніе, явившееся на югъ Балканскаго полуострова одновременно съ ахейцами, или же іоняне появились до ахейцевъ, и ахейцы заняли часть ихъ территоріи? Задумываться надъ этимъ вопросомъ заставляетъ то обстоятельство, что въ гомеровскихъ поэмахъ іоняне упоминаются только разъ. Если іоняне посели-

---

*) Сѣверо-западные діалекты и дорійскій обычно соединяютъ въ одну группу западныхъ діалектовъ (P. Kretschmer, Buck).

**) О греческихъ діалектахъ съ исторической точки зрѣнія см. *Buck*, Greek Dialects, Boston, 1910; *Paul Kretschmer*, Griechische Sprache y *Gercke und Norden*, Einleitung in die Altertumswissenschaft, I. Band, 1910, S. 143—160. Ср. также *P. Krestchmer*, Einleitung in die Geschichte der Griech. Sprache, Göttingen, 1896 и *Thumb*, Handbuch der Griech. Dialekte, Heidelberg, 1909.

лись въ Греціи одновременно съ ахейцами, то ихъ малая роль въ Иліадѣ и Одиссеѣ объясняется тѣмъ, что эти поэмы создались на почвѣ борьбы ахейцевъ за обладаніе Троадой, а іоняне въ этой борьбѣ не играли роли. Но можно предположить, что іоняне являются еще болѣе древними поселенцами Европейской Греціи, чѣмъ ахеяне, *) и что ихъ незначительная роль въ основныхъ сюжетахъ Иліады и Одиссеи объясняется не только тѣмъ, что они мало касались борьбы за Троаду, но и тѣмъ, что въ періодъ созданія этихъ сюжетовъ (не поэмъ въ окончательномъ видѣ, а именно основныхъ сюжетовъ) они вообще играли гораздо меньшую роль среди греческихъ племенъ, чѣмъ ахеяне. Мы увидимъ дальше, что крупнѣйшее іонійское племя Европейской Греціи—аѳиняне—начало играть роль лишь съ VII в. до Р. Х. Это крупнѣйшее іонійское племя всегда считало себя аборигенами (автохтонами) въ своей странѣ (*Thuc.* I 2, 5: II 36, 1: ср. *Herod.* I 56).

Противъ той роли, какую почти всѣ современные историки приписываютъ такъ называемому „дорійскому переселенію", энергично выступилъ *Ю. Белохъ.* **) Со свойственной ему склонностью къ гиперкритикѣ Белохъ пытается доказывать, что никакого дорійскаго нашествія не было и что разсказы о немъ вовсе не являются народными преданіями, а представляютъ комбинаціи древнегреческихъ поэтовъ (начиная съ Гесіода и Тиртея) и историковъ (начиная съ логографовъ). Комбинаціи эти были вызваны стремленіемъ объяснить, почему въ гомеровскихъ поэмахъ въ Аргосѣ и Спартѣ сидятъ ахеяне и Пелопиды, а въ историческое время здѣсь сидѣли доряне и Гераклиды. Отсюда и явилась комбинація о завоеваніи Пелопоннеса дорянами съ Гераклидами во главѣ. На самомъ дѣлѣ, по мнѣнію Белоха, доряне это тѣ же ахеяне, искони сидѣвшіе въ Пелопоннесѣ. Имя же дорянъ первоначально существовало лишь въ маленькой Доридѣ въ Средней Греціи и въ М. Азіи, а, когда малоазійскіе греки съ IX вѣка стали пріобрѣтать руководящее значеніе, какъ въ хозяйственной, такъ и духовной жизни эллинскаго міра, имя дорянъ было перенесено и на жителей Пелопоннеса. Эта гипотеза Белоха рѣшительно ничѣмъ не оправдывается и является грубымъ насиліемъ надъ источниками.

---

*) Такова точка зрѣнія *P. Kretschmer'a* (у *Gercke und Norden*, Einleitung, I, 148).

**) Въ послѣдній разъ въ новомъ изданіи I тома своей Griechische Geschichte (1913). Особ. I². 2, 76—96 и 1, 141.

Выше мы изложили наиболѣе вѣроятное представленіе о разселеніи греческихъ племенъ во вторую половину эгейской эпохи.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что микенскую и отчасти даже цикладскую культуру нужно признать греческими, а не до-греческими. Однако, трудно сомнѣваться, что эти культуры и особенно микенская развивались подъ сильнымъ вліяніемъ критской культуры, созданной въ своей основѣ, какъ указано выше, еще до-греческимъ населеніемъ Крита.

Соціальный и политическій строй эгейскихъ обществъ. Что касается *соціальнаго* и *политическаго* строя народовъ эгейской крльтуры, то въ этой области возможны только нѣкоторыя косвенныя заключенія, основанныя на археологическихъ данныхъ и относящіяся къ сравнительно болѣе позднимъ стадіямъ развитія. Дворцы на Критѣ, а позднѣе въ Микенахъ, Тиринѳѣ, въ Филакопи на о. Мелосѣ (3-е поселеніе) и проч. указываютъ на то, что на Критѣ и въ Троадѣ еще въ 1-ую половину 2-го тысячелѣтія до Р. Х., а на восточномъ берегу Эгейскаго моря —во 2-ю половину того же тысячелѣтія (XVI—XII вѣка) появились значительныя для того времени государственныя образованія съ царями во главѣ. Огромность дворцовъ и куполообразныхъ гробницъ указываетъ на то, что цари располагали очень значительными рабочими силами,—повидимому, держали въ весьма зависимомъ положеніи *низшіе слои населенія.* Напротивъ, наверху общества создавалась *аристократія.* Маленькіе дворцы, раскопанные въ ближайшихъ окрестностяхъ Кносса, заставляютъ думать, что это жилища знати, окружавшей царя. Подобный же дворецъ мѣстнаго аристократа найденъ въ Гурніи на Критѣ среди остатковъ древней деревни (ср. группы мелкихъ гробницъ вокругъ куполообразныхъ—въ Микенахъ). Часть микенскихъ воиновъ сражается на колесницахъ, что тоже указываетъ на существованіе аристократовъ, ибо только имъ было подъ силу держать колесницы и коней. Вооруженіе микенскаго пѣхотинца не могло быть доступно крестьянину, а лишь зажиточному слою. Такимъ образомъ, приходится думать, что микенское общество было монархическимъ, но съ значительною классовою дифференціацією и съ аристократіей наверху.

Однако, необходимо считаться съ тѣмъ, что высокая культура микенской эпохи сосредоточивалась на восточномъ побережьѣ континентальной Греціи и на островахъ. Эти общества перестали быть исключительно земледѣльческими: они были во-

влечены въ торговый обмѣнъ съ культурными сосѣдями; здѣсь развилась и своя промышленность. Въ глубинѣ страны и на западномъ побережьѣ вліяніе морскихъ сношеній уже въ силу географическихъ условій было незначительно: ближайшіе сосѣди съ запада стояли не на высокомъ культурномъ уровнѣ; поэтому, общества западной Греціи должны были пребывать въ примитивномъ земледѣльческомъ или пастушескомъ быту.

Паденіе Эгейской культуры. „Дорійское нашествіе" должно было понизить уровень культуры на западномъ побережьѣ Эгейскаго моря и на островахъ. Къ этому должно было привести, какъ появленіе малокультурныхъ сѣверныхъ племенъ и въ ихъ числѣ дорянъ, такъ и послѣдовавшій за этимъ переходъ старыхъ насельниковъ на новыя мѣста.

Совпавшее по времени съ означенными передвиженіями (конецъ XIII—XI вѣкъ) пониженіе египетской культурной жизни въ виду наставшихъ здѣсь при 20-й и слѣдующихъ династіяхъ смутъ, тоже вліяло въ сторону упадка эгейской культуры, потому что понижало вліяніе на эгейское населеніе высокой египетской культуры. И въ ближайшихъ частяхъ Азіи культура понизилась, такъ какъ въ эту эпоху ослабѣло Хеттитское царство (XII в.).

VIII. Греческое средневѣковье.

Нашествіе сѣверныхъ племенъ въ XII--XI вв. нѣсколько понизило культуру даже въ восточной Греціи и на Критѣ. Начавшійся въ то же время политическій и отчасти культурный упадокъ Египта долженъ былъ дѣйствовать, какъ мы упоминали, въ томъ же направленіи. И вотъ эпоха микенской культуры смѣняется какъ бы новымъ историческимъ процессомъ: образуются и развиваются новыя греческія государства, создавшіяся въ результатѣ вышеотмѣченной перетасовки племенъ. Эту эпоху называютъ въ современной наукѣ *греческимъ средневѣковьемъ.*

Греческое средневѣковье въ раннихъ своихъ стадіяхъ освѣщено *гомеровскими поэмами*, къ анализу которыхъ, какъ историческаго источника, мы теперь и обратимся.

Гомеровскій вопросъ.

Въ отдаленной древности поэмы „Иліаду" и „Одиссею" приписывали Гомеру, слѣпому пѣвцу, родину котораго искали по меньшей мѣрѣ въ 7 городахъ, по преимуществу малоазій-

скихъ или расположенныхъ на островахъ у береговъ М. Азіи: въ Смирнѣ, Родосѣ, Колофонѣ, Саламинѣ (на Кипрѣ), на о. Хіосѣ и др. Чаще всего назывались іонійскія поселенія: Смирна и Хіосъ. Время жизни Гомера опредѣляли тоже различно: то его относили ко времени до эпохи Гераклидовъ (до 1100 г.), то къ IX в. до Р. Х. Кромѣ Иліады и Одиссеи, Гомеру древніе поэты приписывали и другія поэмы, напр., Ѳиванду (походъ семи противъ Ѳивъ), Кипріи (событія отъ свадьбы Пелея до начала Иліады), Малую Иліаду (поэму о паденіи Трои), Маргита (комическую поэму) и такъ называемые „Гомеровскіе гимны", обращенные къ разнымъ богамъ.

Позднѣе въ Греціи сложилось мнѣніе, что въ Спарту поэмы ввелъ Ликургъ и что окончательно текстъ поэмъ былъ установленъ въ VI в. въ Аѳинахъ при тираннѣ Писистратѣ.

Въ древности не возникало сомнѣнія въ подлинности самой личности Гомера. Но рано возникъ вопросъ о размѣрахъ его авторства. Уже Геродотъ отмѣчаетъ противорѣчія между Иліадой и Кипріями и приходитъ къ выводу, что Кипріи не принадлежатъ автору Иліады (*Herod.* II 117). Позднѣе тщательное изученіе эпохи привело къ тому, что нѣкоторые филологи (такъ наз. „раздѣлители", χωρίζοντες) во II в. до Р. Х. даже Одиссею стали приписывать другому автору, но это направленіе не встрѣтило тогда сочувствія.

Однако начавшееся въ Александріи въ эллинистическій періодъ тщательное изученіе Иліады и Одиссеи заставило филологовъ въ обѣихъ поэмахъ отмѣчать непослѣдовательности, противорѣчія и т. п. У александрійскихъ ученыхъ явилась мысль о возможности вставокъ (интерполяцій) въ первоначальный текстъ поэмъ. Нѣкоторые критики пытались очищать Гомера отъ этихъ вставокъ, причемъ часто поступали крайне произвольно: такъ въ III в. *Зенодотъ* вычеркнулъ чудное изображеніе щита Ахиллеса изъ конца XVIII пѣсни Иліады.

Гораздо цѣннѣе была другая работа древнихъ филологовъ: подробный филологическій, стилистическій и реальный комментарій къ поэмамъ. Основателемъ этой работы является крупный александрійскій филологъ и историкъ литературы первой пол. II в. до Р. Х. *Аристархъ*, хотя и онъ не уберегся отъ разысканія интерполяцій въ духѣ Зенодота. Работы его и послѣдующихъ комментаторовъ повели къ созданію дошедшихъ до насъ объясненій къ поэмамъ, такъ наз. „Схолій" (особенно цѣнны Схоліи, сохранившіяся въ венеціанской рукописи X вѣка, обозначаемой литерой А).

Нужно упомянуть, что въ *Пергамѣ* (въ М. Азіи) создалось другое направленіе въ толкованіи Гомера: стремленіе объяснять Гомера аллегорически.

Въ средніе вѣка въ Византіи не исчезъ интересъ къ Гомеру. Большую цѣнность имѣетъ комментарій къ Иліадѣ и Одиссеѣ, написанный въ XII в. Евстаѳіемъ, епископомъ Ѳессалоникійскомъ, использовавшимъ древнюю литературу.

Схоліи, дошедшія до насъ въ рукописяхъ X в. и др., также показываютъ, что на востокѣ интересъ къ Гомеру не изсякалъ.

Эпоха возрожденія восприняла Иліаду и Одиссею, какъ произведенія Гомера.

Лишь въ концѣ XVII в. былъ поставленъ вопросъ: не возникли ли Иліада и Одиссея инымъ путемъ? Эта новая идея родилась не въ Германіи, какъ склонны были думать нѣмцы, а во Франціи,—родинѣ многихъ новыхъ идей. Въ Германіи она нашла лишь болѣе тщательную и систематическую разработку.

Въ 1664 г. аббатъ *д'Обиньякъ* (d'Aubignac) написалъ „Диссертацію объ Иліадѣ" (Dissertation sur l'Iliade). Въ печати эта работа появилась лишь въ 1715 г. уже по смерти автора. Д'Обиньякъ проводитъ ту мысль, что Гомера, какъ исторической личности, не существовало, что самое слово Гомеръ—означало слѣпого пѣвца и „Иліада"—это собраніе пѣсенъ слѣпыхъ пѣвцовъ безъ опредѣленаго плана.

Въ 1684 г. *Перицоній* писалъ о томъ, что Иліада и Одиссея состояли первоначально изъ отдѣльныхъ пѣсенъ, которыя собралъ сначала Ликургъ, потомъ Писистратъ.

Знаменитый философъ исторіи итальянецъ *Вико* въ своихъ „Принципахъ Новой Науки" (1744) высказывался тоже противъ признанія одного поэта Гомера и видѣлъ уже въ поэмахъ продуктъ народнаго творчества.

Особый толчокъ анализъ гомеровскихъ поэмъ получилъ въ 1795 г., когда появились „Prolegomena ad Homerum" *Фридриха Августа Вольфа*. Вольфъ предпринялъ критическое изданіе Гомера. Въ введеніи къ нему (это и есть знаменитыя Prolegomena) онъ даетъ исторію гомеровскаго текста. Главный интересъ представляетъ анализъ исторіи текста въ эпоху до Писистрата. Основная идея Вольфа сводится къ тому, что гомеровское время не знало письма (единственное упоминаніе о какихъ-то знакахъ въ родѣ письменъ имѣется въ разсказѣ о Беллерофонтѣ—Ил. VI 168 сс.: σήματα) и даже долго, согласно Геродоту (V, 58), не имѣло и подходящаго матеріала для письма:

пользовались овечьими и козьими кожами. Поэтому поэмы тогда не могли быть записаны, а удержать ихъ въ памяти цѣликомъ въ нынѣшнемъ видѣ никто не могъ. Отсюда—выводъ, что существовали отдѣльныя пѣсни, которыя распѣвались рапсодами. Общаго плана въ этихъ пѣсняхъ не было. Ихъ объединяло лишь единство сюжета въ сагахъ. Авторомъ большинства пѣсенъ, по Вольфу, могъ быть одинъ поэтъ: Гомеръ. Впервые пѣсни были записаны и приведены въ нынѣшній видъ особой комиссіей при Писистратѣ.

Послѣ Вольфа гомеровскій вопросъ сталъ рѣшаться *тремя путями.*

1. *Ничъ* (G. W. Nitzsch) въ сочиненіяхъ, появившихся въ 1830—37 г., выступилъ противъ Вольфа и сталь главою такъ называемыхъ *унитаріевъ*, доказывающихъ исконное единство поэмъ. Ничъ справедливо возражалъ Вольфу, что письменность у грековъ болѣе древняго происхожденія и во всякомъ случаѣ восходитъ къ первой пол. VIII в. (записи олимпійскихъ побѣдителей).—Унитарная точка зрѣнія находила и позднѣе видныхъ приверженцевъ.

2. *Лахманъ* (Lachmann) въ своемъ анализѣ Иліады, (1837—42), привлекая къ сравненію „Пѣснь о Нибелунгахъ“, пришелъ къ выводу, близкому къ выводу Вольфа: Иліада состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ пѣсенъ (до 16), связанныхъ лишь единствомъ сюжета. Эта „*теорія мелкихъ пѣсенъ*“ сначала была господствующей. Но скоро наступила реакція. Сторонники теоріи Лахмана получили насмѣшливое названіе „охотниковъ за мелкими пѣснями“ (Kleinliederjäger).

3. Крупнымъ недстаткомъ теорій самого Вольфа и Лахмана было то обстоятельство, что онѣ не объясняли фактически существующей цѣльности поэмъ. Такая цѣльность не могла создаться при часто механическомъ объединеніи мелкихъ пѣсенъ. И вотъ этого недостатка постаралась избѣжать „*теорія зерна*“ (Korntheorie), созданная въ своей основѣ еще до Лахмана въ 1832—1840 г. *Германомъ* (Gottfried Hermann) и имѣющая и нынѣ много приверженцевъ (Джорджъ Гротъ, Низе, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, проф. С. П. Шестаковъ и др.). Сущность этой теоріи заключается въ томъ, что въ основѣ каждой изъ двухъ поэмъ лежитъ поэма меньшаго размѣра, къ которой присоединены какъ пѣсни, существовавшія отдѣльно въ видѣ самостоятельныхъ, такъ и болѣе или менѣе значительныя вставки, спеціально сочиненныя болѣе поздними поэтами для украшенія поэмъ. Позднѣе, конечно, обѣ поэмы были объеди-

псны въ одно цѣлое не механически, а редакторами, обладавшими несомнѣннымъ поэтическимъ даромъ. Такъ въ основѣ Иліады лежитъ поэма о гнѣвѣ Ахиллеса (Ахиллеида), содержавшая разсказъ о ссорѣ Ахиллеса съ Агамемнономъ, о пораженіяхъ ахейцевъ, о выступленіи и смерти Патрокла, о скорби Ахиллеса и вступленіи его въ бой, о смерти Гектора. Къ этому основному ядру, объемъ котораго разные изслѣдователи опредѣляютъ различно, (напр., Низе даетъ ему малый объемъ, Зѣлинскій—значительный), присоединились дополнительные эпизоды. Таковъ эпизодъ объ участіи въ бояхъ Афродиты (пѣсни III, IV, и первая половина V-й), прощаніе Гектора съ Андромахой (VI пѣсня); разсказъ о Долонѣ (X пѣсня), сраженіе боговъ (XX и XXI пѣсни), погребеніе Гектора (XXIV пѣсня).

Въ основѣ Одиссеи, по мнѣнію Вилямовица, развившаго далѣе идеи Кирхгоффа, лежитъ болѣе древняя Одиссея, содержавшая разсказъ о странствованіяхъ Одиссея и о его мести женихамъ. Эта „Древняя Одиссея" составилась въ свою очередь изъ нѣсколькихъ еще болѣе древнихъ пѣсенъ. Вторая часть теперешней Одиссеи это разсказъ о странствованіяхъ Телемаха. Третья часть—это особый, болѣе подробный, чѣмъ въ „Древней Одиссеѣ" разсказъ о гибели жениховъ (здѣсь тоже можно видѣть соединеніе нѣсколькихъ болѣе раннихъ пѣсенъ). Такимъ образомъ въ нынѣшней Одиссеѣ Вилямовицъ различаетъ даже три основныхъ части, и такимъ образомъ лишь отчасти приближается къ теоріи ядра.

Методы анализа поэмъ. Какъ сторонники школы Лахмана, такъ и сторонники теоріи зерна въ „расшиваніи" поэмъ Гомера на составныя части пользуются преимущественно однимъ методомъ: разысканіемъ противорѣчій между различными частями поэмъ; если изслѣдователи находили, что въ одной пѣснѣ имѣется сообщеніе, противорѣчащее другой, то они на этомъ основаніи считали эти обѣ пѣсни (или части пѣсенъ) принадлежащими разнымъ пѣвцамъ и лишь впослѣдствіи искусственно объединенными въ одно цѣлое.

Приведу примѣры такихъ противорѣчій.

1. Германъ (1832) отмѣтилъ, что эпизодъ съ раной Махаона въ „Аристіи Агамемнона" есть позднѣйшая вставка. Въ XI, 501 сс. Парисъ ранитъ Махаона; его беретъ въ свою колесницу Несторъ (XI, 510 сс. и 597) и увозитъ въ свою ставку. Это видитъ Ахиллесъ и посылаетъ Патрокла спросить Нестора, кто раненъ. Далѣе о леченіи раны не говорится, а рѣчь идетъ о трапезѣ Нестора и Махаона. Затѣмъ

Патроклъ идетъ къ Нестору, долго съ нимъ бесѣдуетъ, причемъ о ранѣ Махаона говоритъ лишь вскользь. Когда Патроклъ возвращается къ Ахиллесу, онъ перечисляетъ многихъ раненыхъ (XVI 25), но о Махаонѣ не говоритъ. Нестору Патроклъ сообщаетъ, что онъ очень спѣшитъ, а между тѣмъ долго остается здѣсь и даже ухаживаетъ за раненымъ Эврипиломъ.—Эти противорѣчія Германъ объяснялъ тѣмъ, что спасенія Махаона Несторомъ не было въ первоначальной „Аристіи", гдѣ Патроклъ шелъ къ Нестору не въ силу приказа Ахиллеса, а по своему почину, чтобы узнать о ходѣ битвѣ. Продолженіе Аристіи было въ XV, 390—404 и XVI.

2. Въ началѣ 13 пѣсни Зевсъ сидитъ на Идѣ и думаетъ, что никто изъ боговъ не участвуетъ въ битвѣ. Здѣсь имѣется въ видѣ его запрещеніе, обращенное къ богамъ въ началѣ 8 пѣсни (1—51). Между тѣмъ въ промежуткѣ Гера и Аѳина (8 п.) и Аѳина одна (10 п.) участвовали въ битвахъ. Причина этого противорѣчія, по мнѣнію Германа, заключается въ томъ, что первоначально начало 8 пѣсни непосредственно примыкало къ 13-й.

3. Обратимъ вниманіе на то, что въ XVI, 36 Патроклъ спрашиваетъ Ахиллеса, не въ силу ли приказа боговъ онъ воздерживается отъ участія въ битвѣ. Этотъ вопросъ страненъ, такъ какъ Патроклъ самъ передавалъ герольдамъ Агамемнона Брисеиду, изъ-за которой Ахиллесъ поссорился съ Агамемнономъ, послѣ чего сталъ воздерживаться отъ участія въ сраженіяхъ. Отсюда можно бы сдѣлать выводъ, что авторъ этого мѣста не зналъ пѣсни о ссорѣ Ахиллеса и Агамемнона.

4. Если Ахиллесъ говоритъ Патроклу, что ахейцы въ нуждѣ обратятся къ нему (XI, 609), то можно думать, что эта пѣсня сложилась до появленія сказанія о посольствѣ ахейцевъ къ Ахиллесу; между тѣмъ теперь рѣчь объ этомъ посольствѣ идетъ въ 9-й пѣснѣ, т. е. ранѣе, чѣмъ введены вышеприведенныя слова Ахиллеса.

5. Діомедъ въ VI 128 говоритъ, что онъ не будетъ сражаться съ Главкомъ, если Главкъ богъ. Между тѣмъ Діомедъ сражался ранѣе съ Афродитой и Аресомъ. Могъ ли пѣвецъ, изображавшій эти схватки Діомеда, вложить въ его уста приведенныя выше слова, обращенныя къ Главку?

Бьющій въ глаза примѣръ противорѣчія это появленіе Пилемена въ XIII 658 въ то время, какъ онъ въ V 576 былъ убитъ въ схваткѣ съ Менелаемъ.

Критика метода отысканія противорѣчій. Чисто механическое пользованіе методомъ противорѣчій вызвало весьма остроумныя возраженія со стороны изслѣдователей, постаравшихся вникнуть въ глубь психики гомеровскаго творчества. Въ этой области особенно важно отмѣтить работы *Пауля Кауэра* (Cauer),—рядъ его статей и его крупный трудъ: „Основные вопросы гомеровской критики" (Grundfragen der Homerkritik). Очень важное значеніе имѣютъ и работы нашего соотечественника *Ѳ. Ф. Зѣлинскаго* *), занявшагося анализомъ законовъ гомеровскаго творчества, законовъ гомеровской поэтики.

Кауэромъ былъ выдвинутъ рядъ остроумныхъ возраженій, сущность которыхъ сводится къ тому, что противорѣчія, считающіяся результатомъ вставокъ, въ самомъ дѣлѣ суть естественное слѣдствіе „дѣтскаго характера мышленія" древнихъ поэтовъ. Это сказывается даже въ языкѣ поэмъ. Напримѣръ, разсказъ иногда начинается въ косвенной рѣчи, потомъ переходитъ въ прямую и т. д.

Этимъ объясняются такія противорѣчія: въ Одиссеѣ (XII 323) говорится, что Геліосъ все видитъ и все слышитъ, а между тѣмъ въ 374 ст. оказывается, что о продѣлкѣ спутниковъ Одиссея ему сообщила Лампетія. Тутъ вставка не причемъ, а просто поэтъ не координируетъ своихъ мыслей.

Возраженія Кауэра не лишаютъ методъ противорѣчій всякого значенія, но они заставляютъ пользоваться имъ гораздо осторожнѣе.

Ѳ. Ф. Зѣлинскій сдѣлалъ рядъ интересныхъ наблюденій надъ гомеровской поэтикой. Эти свои наблюденія онъ называетъ законами гомеровской поэтики.

Таковъ законъ *реальной реминисценціи*: поэтъ строитъ свое произведеніе по извѣстному плану; напримѣръ, онъ проводитъ идею кары боговъ за извѣстное злодѣяніе, и вотъ на протяженіи значительнаго пространства поэмы онъ вводитъ эту кару боговъ, хотя формальнаго напоминанія, выраженнаго въ опредѣленной словесной формѣ (формальной реминисценціи), читателю о томъ, чѣмъ вызвана кара, онъ не дѣлаетъ. Если мы находимъ части поэмы, связанныя такимъ общимъ планомъ, мы не имѣемъ права ихъ раздѣлять.—Таковъ же законъ *предварительнаго резюмированія*: поэтъ даетъ сначала краткое резюмэ

---

*) Его статья въ Жур. М. Н. Пр., 1900, май; статья о законѣ хронологической несовмѣстимости въ Сборникѣ въ честь Ѳ. Е. Корша (Χαριστήρια, 1896); Ueber die Darstellung gleichzeitiger Vorgänge bei Homer, 1903.

послѣдующихъ событій, а потомъ излагаетъ эти событія подробно, что иногда вызываетъ кажущееся противорѣчіе.—Таковъ *законъ двойного зрѣнія*: поэтъ даетъ два ряда причинъ однихъ и тѣхъ же событій—человѣческія (напримѣръ, ссора Ахиллеса съ Агамемнономъ) и божескія (напримѣръ, желаніе Зевса наказать Агамемнона за нанесенное послѣднимъ сыну Өетиды оскорбленіе). Таковъ *законъ хронологической несовмѣстимости*: у Гомера никогда разсказъ не возвращается къ точкѣ своего отправленія, и потому параллельныя дѣйствія у Гомера изображаемы быть не могутъ; поэтъ, описывая ходъ событій въ одномъ мѣстѣ, избѣгаетъ одновременнаго описанія событій, совершавшихся въ другомъ мѣстѣ; если же ему необходимо упомянуть о таковыхъ, онъ упоминаетъ однимъ словомъ, характеризующимъ не дѣйствіе, но состояніе. Если поэту необходимо описать одновременное событіе подробно, то онъ даетъ такое описаніе послѣ описанія перваго событія, причемъ не отмѣчаетъ, что эти событія происходили одновременно, что иногда тоже вызываетъ кажущееся противорѣчіе. Иногда онъ просто прерываетъ хронологическую цѣпь событій и предпочитаетъ дѣйствіе, происходившее въ другомъ мѣстѣ, представить вмѣсто одновременнаго, какъ это слѣдовало бы логически,—послѣдовательнымъ.

Критическія замѣчанія Кауэра и Зѣлинскаго, конечно, не уничтожаютъ сущности „теоріи зерна“, и эта теорія является нынѣ господствующей. Самъ проф. Зѣлинскій—ея сторонникъ. Но критика названныхъ ученыхъ заставляетъ очень ослабить пылъ сторонниковъ дробленія поэмъ на составныя части, требуетъ признанія болѣе значительнаго объема за основными частями Иліады и Одиссеи и большей творческой самостоятельности за создателями поэмъ, какъ въ ихъ первоначальномъ, такъ и въ нынѣшнемъ видѣ, чѣмъ это признавали не только лахманіанцы, но и творцы теоріи зерна.

Различіе историческаго и географическаго кругозора въ отдѣльныхъ частяхъ поэмъ. Кромѣ разысканія противорѣчій, раздѣлительная критика пользуется и другимъ методомъ: она отмѣчаетъ различіе географическаго и историческаго кругозора въ отдѣльныхъ частяхъ поэмъ. Напр., совершенно ясно, что „Каталогъ кораблей“, занимающій вторую половину II пѣсни Иліады,—является очень поздней вставкой, описываетъ сравнительно позднія отношенія. Здѣсь нѣтъ уже рѣчи о царяхъ, а лишь объ аристократическихъ вождяхъ войска. Точно также географическія данныя „Каталога“, какъ показалъ Низе, соотвѣтствуютъ политической географіи Греціи VIII вѣка

(окончательный видъ Каталогъ принялъ въ концѣ VII вѣка). Стихи въ поэмахъ прославляющіе Аѳины (Ил. 2, 546 сс.; 4, 328; 13, 196; Од. 7, 80 и пр.), вставлены не ранѣе VI в., когда начался расцвѣтъ Аѳинъ; весьма вѣроятно, что они вошли въ Иліаду и Одиссею въ связи съ работой комиссіи, редактировавшей поэмы при Писистратѣ. Далѣе приходится отмѣтить, что Одиссея моложе Иліады: она знаетъ уже Сицилію, которая начала колонизоваться греками не ранѣе конца VIII в. до Р. Х. Въ Одиссеѣ чаще упоминается желѣзо, чѣмъ въ Иліадѣ, гдѣ фигурируетъ почти исключительно мѣдь (объ этомъ см. ниже).

Элементы народной поэзіи въ Иліадѣ и Одиссеѣ. Если мы примемъ теорію зерна, т. е. признаемъ, что въ основѣ обѣихъ поэмъ лежитъ „Ахиллеида“ и „Первоначальная Одиссея“, увеличенныя присоединеніемъ другихъ поэмъ и обработанныя окончательно поэтами, создавшими изъ этого матеріала художественное цѣлое, то всеже остается открытымъ вопросъ о томъ, какъ создались эти первоначальныя поэмы: лежитъ ли въ ихъ основѣ искусственное творчество или народная поэзія?

Низе (Entwickelung der homerischen Poesie, 1882) доказывалъ, что не саги создали гомеровскія поэмы, а эти поэмы создали саги. Но эта точка зрѣнія не выдерживаетъ критики. Въ гомеровскихъ поэмахъ множество сагъ предполагаются извѣстными слушателю: на нихъ дѣлаются только ссылки. Такова— сага о кентаврахъ и лапиѳахъ (Од. 21, 295—304), сага о похищеніи дочерей Пандоры Гарпіями и продажа ихъ въ рабство Эринніямъ (Од. 20, 66—70), о кораблѣ Аргонавтовъ (Од. 12, 70). Изъ этого слѣдуетъ, что народныя саги существовали до созданія поэмъ.

Въ настоящее время изслѣдованіе Гомеровскихъ поэмъ встало на новый путь—на путь сравненія поэмъ съ эпосомъ другихъ народовъ.

Эти изслѣдованія даютъ право думать, что въ основѣ поэмъ лежитъ народный эпосъ, народныя сказанія, которыя потомъ подверглись искусственной переработкѣ. Еще *Лахманъ* сталъ сопоставлятъ Иліаду съ „Пѣснью о Нибелунгахъ“. Но онъ мало считался какъ-разъ съ народнымъ творчествомъ. Болѣе правильный путь былъ намѣченъ въ 1868 г. Штейнталемъ, но лишь въ послѣдніе 20 лѣтъ поэмы подверглись детальному анализу съ этой точки зрѣнія. Сравнивая греческій эпосъ съ эпосомъ другихъ народовъ, новые изслѣдователи вопроса — *Эргардтъ* (1894), *Пёльманъ* (1894), *Дрерупъ* (1903)—пришли къ ряду выводовъ.

Въ общемъ можно думать, что у всѣхъ народовъ въ развитіи эпоса сначала бываетъ время, когда весь народъ является творцомъ эпоса. Народныя сказанія передаются изъ рода въ родъ въ поэтической формѣ. У Гомера мы также видимъ картину созданія эпоса непрофессіональнымъ поэтомъ. Это—сцена когда поетъ Ахиллесъ.

(„Послы) Ахилла героя нашли услаждающимъ душу
„Звонкою цитрой, прекрасной, съ серебряной верхней доскою.
„Городъ разрушивъ царя Этіона, онъ добылъ ту цитру;
„Ею онъ духъ услаждалъ напѣвая о славѣ героевъ.
„Противъ него лишь Патроклъ сидѣлъ, сохраняя молчанье."
(Ил. IX, 189).

Потомъ появляются народные пѣвцы-профессіоналы: Демодокъ, Фемій у Гомера.

О слѣпцѣ Демодокѣ на островѣ Феаковъ говорится въ Одиссеѣ (VIII, 44; 63—64):

„. . . Даръ пѣсней пріялъ отъ боговъ онъ
„Дивный, чтобъ все воспѣвать что въ его пробуждается сердцѣ.
. . . .
„Муза его при рожденіи зломъ и добромъ одарила:
„Очи затмила ему, даровало за то сладкопѣнье."

Эти профессіональные пѣвцы сначала устанавливаютъ только нѣкоторыя постоянныя формулы: эпитеты, формы обращенія и т. п. Но затѣмъ они устанавливаютъ постепенно и опредѣленную форму цѣлыхъ пѣсенъ, которыя переходятъ отъ одного поколѣнія пѣвцовъ къ другому.

Демодокъ поетъ не свои, а старыя народныя пѣсни, но онъ проявляетъ свою самостоятельность въ томъ, что свободно выбираетъ пѣсни для исполненія. Такія отдѣльныя пѣсни упоминаются въ Иліадѣ и Одиссеѣ. Такъ мы слышимъ о пѣснѣ о Еленѣ (Ил. VI, 358). Демодокомъ руководитъ Муза и заставляетъ его выбрать „изъ пѣсни, въ то время вездѣ до небесъ возносимой, повѣсть о храбромъ Ахиллѣ и мудромъ царѣ Одиссеѣ, какъ между ними однажды на жертвенномъ пирѣ великомъ распря въ ужасныхъ словахъ загорѣлась" (VIII, 73 сс.). Конкурируя между со-

бою, пѣвцы не только дѣлаютъ выборъ изъ сложившихся пѣсенъ, но соединяютъ нѣсколько пѣсенъ вмѣстѣ или, наоборотъ, раздѣляютъ ихъ.

Третья стадія въ развитіи эпоса—это появленіе искусственнаго творчества: одаренный поэтъ создаетъ изъ разрозненныхъ народныхъ пѣсенъ, почерпнутыхъ изъ устъ пѣвцовъ, одно стройное цѣлое, причемъ въ основу кладется обычно одинъ центральный сюжетъ, центральная пѣсня („Ахиллеида", „Пѣснь о странствованіяхъ Одиссея"). Конечно, частныя вставки появлялись въ поэмахъ и еще позже (Каталогъ кораблей, похвалы Аѳинамъ и т. п.).

Заключеніе. Вопросъ о происхожденіи Иліады и Одиссеи рѣшается въ настоящее время приблизительно слѣдующимъ образомъ.

Въ основу поэмъ легли народныя эпическія пѣсни. Главные сюжеты этихъ пѣсенъ восходятъ еще къ концу эгейской эпохи, ко времени борьбы ахейцевъ за обладаніе Троадой, т. е. сѣверо-западнымъ угломъ М. Азіи. Но развивались поэмы въ послѣдующіе вѣка. Изъ массы народа выдѣляются профессіональные пѣвцы, которые создаютъ постепенно уже болѣе или менѣе установившіяся произведенія, переходящіи съ извѣстными варіантами отъ одного поколѣнія пѣвцовъ къ другому. Позднѣе даровитые поэты сложили изъ этихъ пѣсенъ Иліаду и Одиссею въ нынѣшнемъ ихъ видѣ, взявши въ основу каждой поэмы одну центральную пѣсню.

Когда и гдѣ сложились поэмы? Хотя, какъ мы сказали выше, въ основѣ поэмъ лежатъ саги конца эгейской эпохи, однако не только поэмы, но и ихъ составныя части создавались позднѣе, въ эпоху греческаго средневѣковья: поэмы отражаютъ соціально-экономическія и политическія отношенія не микенской эпохи, а средневѣковаго аристократическаго общества. Только кое-гдѣ имѣются реминисценціи изъ эпохи старой патріархальной монархіи.

Мѣсто дѣйствія Иліады, хорошее знакомство съ Троадой (эолійской мѣстностью), большая роль, которую въ поэмахъ играетъ Ѳессалія, эолизмы въ іонійскомъ языкѣ поэмъ — все это заставляетъ думать, что основа поэмъ создалась въ сѣверныхъ эолійскихъ частяхъ Эгейскаго побережья. Но то обстоятельство, что въ нынѣшнемъ видѣ поэмы изложены на іонійскомъ діалектѣ и что родину Гомера искали въ древности больше всего въ Смирнѣ и вообще въ Іоніи, приводитъ къ выводу, что

окончательный видъ поэмы стали принимать въ Іоніи (въ М. Азіи).

Иліада древнѣе Одиссеи: это особенно ясно видно изъ наблюденія надъ географическимъ кругозоромъ поэмъ и надъ культурнымъ уровнемъ, изображаемымъ въ нихъ (см. выше стр. 102 с.). Одиссея въ окончательномъ своемъ видѣ сложилась не ранѣе конца VIII в. Это видно изъ ея знакомства съ западными колоніями, а именно съ Сициліей, которая начала колонизоваться не ранѣе конца VIII вѣка. Каталогъ кораблей во 2-ой пѣснѣ Иліады—какъ мы уже говорили, одна изъ самыхъ новыхъ частей поэмъ—сложился тоже не ранѣе конца VIII вѣка, ибо здѣсь говорится о процвѣтаніи Коринѳа, Халкиды и Эретріи (конецъ VIII вѣка), но ранѣе 590 г. (здѣсь упоминается городъ Криса, разрушенный въ 590 г.). Въ VII вѣкѣ, говоря вообще, поэмы въ своихъ главныхъ контурахъ уже сложились, ибо нѣкоторые лирики VII вѣка знакомы съ ихъ содержаніемъ (Семонидъ Самосскій, Каллинъ Эфесскій).

Такимъ образомъ, можно думать, что поэмы слагались въ періодъ 1000—700 г. до Р. X. и даже нѣсколько позднѣе.

Хозяйственный строй греческаго средневѣковья.

Обращаясь къ характеристикѣ гомеровскаго общества, мы можемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ констатировать прогрессъ даже сравнительно съ микенской эпохой. Это эпоха бронзовая или мѣдная; между тѣмъ уже Иліада знаетъ желѣзо, а въ Одиссеѣ оно упоминается довольно часто, хотя и рѣже, чѣмъ мѣдь (отношеніе упоминаній о желѣзѣ къ упоминаніямъ о мѣди въ Иліадѣ равно прибл. 1 : 14, а въ Одиссеѣ 1 : 4).

Но, вообще говоря, въ гомеровскихъ поэмахъ констатировать можно скорѣе пониженіе культуры сравнительно съ микенскимъ временемъ, что вполнѣ гармонируетъ съ нашимъ представленіемъ о послѣдствіяхъ дорійскаго завоеванія. Напр., тѣхъ оживленныхъ морскихъ сношеній съ Египтомъ, которыя замѣтны на Критѣ, особенно въ средне- и поздне-минosскіе періоды, а на континентѣ Греціи и на мелкихъ островахъ Эгейскаго моря—въ микенское время, гомеровскія поэмы не знаютъ. Посредниками въ торговлѣ съ Востокомъ въ Иліадѣ и въ еще большей степени въ Одиссеѣ являются финикіяне.

Такъ, въ Иліадѣ упоминаются товары, доставляемые финикійскими купцами: серебряныя чаши (Ил. XXIII, 740 сс.), узорныя ткани изъ Сидона (Ил. VI 293). О сосудахъ и драгоцѣнныхъ украшеніяхъ изъ Финикіи говоритъ и Одиссея (IV

618; XV 459). Вообще говоря, Одиссея чаще упоминаетъ о финикіянахъ и въ частности о сидонянахъ, чѣмъ Иліада. Здѣсь обрисовываются и пріемы ихъ торговли.

Такъ, вѣрный слуга Одиссея Эвмей разсказываетъ о томъ, какъ онъ—сынъ царя одного изъ Цикладскихъ острововъ—сдѣлался рабомъ. Его ребенкомъ похитили финикійскіе купцы, обольстивши рабыню финикійскаго происхожденія, принадлежавшую отцу Эвмея: съ нею одинъ изъ финикійскихъ купцовъ вступилъ въ любовную связь, и она бѣжала съ нимъ, захвативъ съ собою цѣнные сосуды и царскаго сына. Въ этомъ разсказѣ отмѣчается, что финикійскіе купцы привозили съ собою товары и постепенно ихъ распродавали, а въ замѣнъ своихъ товаровъ нагружали корабль туземными. Для этой цѣли они иногда оставались очень долго на одномъ мѣстѣ, напр., въ данномъ случаѣ—цѣлый годъ (Од. XV 455).

Живую картину трудныхъ странствованій финикійскихъ купцовъ по морямъ даетъ Одиссей въ вымышленномъ имъ разсказѣ о своихъ приключеніяхъ въ Египтѣ (XIV 288 сс.):

Прибылъ въ Египетъ тогда финикіецъ, обманщикъ коварный,
Злой кознодѣй, отъ котораго много людей пострадало;
Онъ, увлекательной рѣчью меня обольстивъ, Финикію,
Гдѣ и помѣстье и домъ онъ имѣлъ, убѣдилъ посѣтить съ нимъ:
Тамъ я гостилъ у него до скончанія года. Когда же
Дни протекли, миновалися мѣсяцы, полнаго года
Кругъ совершился и Оры весну привели молодую,
Въ Ливію съ нимъ въ кораблѣ, облетателѣ моря, меня онъ
Плыть пригласилъ, говоря, что товаръ свой тамъ выгодно сбудемъ;
Самъ же, напротивъ, меня, не товаръ нашъ, продать тамъ замыслилъ;
Съ нимъ и поѣхалъ я, противъ желанья, добра не предвидя.
Мы съ благосклонно-попутнымъ, пронзительно хладнымъ Бореемъ
Плыли: ужъ Критъ былъ за нами. . Но Дій намъ готовилъ погибель:
Островъ изъ нашихъ очей въ отдаленьи пропалъ и исчезла
Всюду земля, и лишь небо съ водами сліянное зрѣлось:
Богъ громовержецъ Кроніонъ тяжелую темную тучу
Прямо надъ нашимъ сгустилъ кораблемъ и подъ нимъ потемнѣло

Море; и вдругъ, заблиставъ, онъ съ небесъ на корабль громовую
Бросилъ стрѣлу: закружилось пронзенное судно и дымомъ
Сѣрнымъ его обхватило; всѣ разомъ товарищи были
Сброшены въ воду и всѣ, какъ воро́ны морскія разсѣясь,
Въ шумной исчезли пучинѣ—возврата лишилъ ихъ Кроніонъ
Всѣхъ; лишь объятаго горемъ великимъ меня надоумилъ
Во́время онъ корабля остроносаго мачту руками
Въ бурной тревогѣ схватить, чтобъ погибели вѣрной избѣгнуть...

На Эгейскомъ морѣ и сами греки поддерживали оживленное мореплаваніе.

Сношенія съ Западомъ рисуются въ поэмахъ очень слабо. Только въ болѣе позднихъ частяхъ Одиссеи (XX 383; XXIV 211, 307) фигурируетъ Сицилія.

Такимъ образомъ *въ гомеровское время греческія поселенія въ гораздо меньшей степени вовлечены въ обмѣнъ съ сосѣдями, чѣмъ въ эпоху микенскую.* Ихъ хозяйство болѣе изолировано. Посмотримъ, какъ было организовано ихъ хозяйство.

Аграрный строй гомеровскаго времени. Гомеровскіе греки живутъ земледѣліемъ и въ не меньшей, если не въ большей мѣрѣ,—скотоводствомъ. Однако гомеровское земледѣліе отнюдь не примитивное. Извѣстно унавоживаніе почвы. Такъ у воротъ Одиссева дворца находится куча навоза, „который отъ многихъ муловъ и многихъ коровъ на запасъ тамъ копили, чтобъ послѣ имъ одиссеевы были поля унавожены тучно“ (Од. XVII 297 сс.). Знаютъ поэмы и искусственное орошеніе (см. выше стр. 48). Поля вспахиваются трижды (τρίπολος—Ил. XVIII 542; Од. V 127).

Знаетъ Одиссея фруктовые сады, гдѣ произрастаютъ яблоки, груши, смоквы, маслины (Од. VII 112 сс.; IV 737). Маслины уже въ то время разводились въ большомъ количествѣ (Ил. XVII 53). Часто упоминаются въ поэмахъ виноградъ и вино.

Каковъ былъ земельный строй гомеровскаго общества?

Рядъ изслѣдователей (Laveleye, Maine, Ridgeway, Esmein) пытался найти у Гомера указанія на существованіе сельской общины. Эти изслѣдователи были проникнуты мыслью о томъ, что первобытныя общества начинаютъ съ коллективной собственности. Они однако не считались съ тѣмъ, что гомеровское общество уже вовсе не примитивно. Имѣютъ большое значеніе

аргументы, которые противъ Лавелэ, Риджвэя и др. выдвинуты были иными учеными, особенно Ф. де Кулянжемъ и Пёльманомъ.

Попробуемъ разобраться въ этомъ вопросѣ.

Аргументировавшіе въ пользу существованія у Гомера общиннаго строя указывали, что гомеровскія поэмы знаютъ семейную общину въ родѣ югославянской задруги. Такъ изображается, напр., домъ Пріама (Ил. VI 243 сс.): здѣсь вмѣстѣ живутъ 50 сыновей Пріама со своими семьями и 12 дочерей съ ихъ мужьями.

Но существованіе семейной общины еще не говоритъ за существованіе сельской аграрной общины.

Однако сторонники общинной теоріи находятъ у Гомера тексты, которые толкуютъ въ смыслѣ указаній на существованіе во времена созданія поэмъ аграрной общины. Такой смыслъ вкладываютъ, напр., въ Ил. XII 421 сс. Здѣсь идетъ рѣчь о борьбѣ ахеяпъ съ союзниками троянцевъ ликійцами изъ-за стѣны, выстроенной ахейцами. По этому поводу поэтъ дѣлаетъ слѣдующее сравненіе:

Но какъ два человѣка, сосѣди, за межи раздорятъ,
Оба съ саженью въ рукахъ на смежномъ стоящіе полѣ,
Узкимъ пространствомъ дѣлимые, шумно за равенство спорятъ,—
Такъ и бойцовъ лишь тѣ стѣны *) дѣлили; чрезъ нихъ нападая,
Мужи одни у другихъ разрубали толстыя кожи
Пышныхъ кругами щитовъ **)...

Сторонники общинной теоріи — видятъ въ этомъ текстѣ указаніе на передѣлъ общинной земли (*ἐπιξύνῳ ἐν ἀρούρῃ*, т. е. *ἐν ἐπικοίνῳ ἀρούρῃ*); споръ де здѣсь идетъ о равномъ участіи въ пользованіи общинной землей (*ἐρίζητον περὶ ἴσης*). На это противники общинной теоріи возражаютъ, что въ данномъ текстѣ

---

*) Я здѣсь мѣняю неточный переводъ Гнѣдича-Грузинскаго: въ подлинникѣ стоитъ ἐπάλξιες — „стѣны, брустверы". Переводчики пишутъ: „забрала". Минскій переводитъ: „бойницы".

**) Ἀλλ᾽ ὥστ ἀμφ᾽ οὔροισι δύ᾽ ἀνέρε δηριάασθον
μέτρ᾽ ἐν χερσὶν ἔχοντες, ἐπιξύνῳ ἐν ἀρούρῃ
ὥτ᾽ ὀλίγῳ ἐνὶ χώρῳ ἐρίζητον περὶ ἴσης,
ὣς ἄρα τοὺς διέεργον ἐπάλξιες.

рѣчь идетъ о спорѣ изъ-за межевыхъ камней (ἀμφ᾽οὔροισι) на маломъ пространствѣ межи (ὀλίγῳ ἐνὶ χώρᾳ) при раздѣлѣ частной собственности. Дѣло въ томъ, говорятъ противники общинной теоріи (Пёльманъ), что οὖρος у Гомера означаетъ постоянный межевой столбъ, (οὖρος ἀρούρης), какъ это видно изъ другого мѣста Иліады (XXI 403 сс.):

Зевсова дочь отступила и мощной рукой подхватила
Камень, въ полѣ лежащій, черный, зубристый, огромный,
Въ древніе годы мужами положенный поля межою.

Совершенно ясно, что здѣсь рѣчь идетъ о камнѣ, поставленномъ не въ качествѣ знака между временными надѣлами, а въ качествѣ постоянной межи между двумя участками, издавна находившимися въ частной собственности (λίθον—κείμενον ἐν πεδίῳ τὸν ῥ᾽ ἄνδρες πρότεροι θέσαν ἔμμεναι οὖρον ἀρούρης). Объ изгородяхъ, раздѣляющихъ поля, говоритъ, повидимому, и другой текстъ (Ил. V, 89 с.—ἕρκεα ἀλωάων).

Другой текстъ, въ которомъ сторонники общинной теоріи видятъ указаніе на аграрную общину, это—описаніе запашки на щитѣ Ахилла (Il. XIII, 541 сс.). Гефестъ

Сдѣлалъ на немъ и широкое поле, тучную пашню,
Рыхлый, три раза распаханный паръ; на немъ земленашцы
Гонятъ яремныхъ воловъ, и назадъ и впередъ обращаясь.
И всегда, какъ обратно къ концу приближаются нивы,
Каждому въ руки имъ кубокъ вина, веселящаго сердце,
Мужъ подаетъ; и они, по своимъ полосамъ обращаясь,
Вновь поспѣшаютъ дойти до конца взборожденнаго пара.
Нива, хотя и златая, чернѣется среди орущихъ,
Вспаханной нивѣ подобясь; такое онъ диво представилъ.

Однако въ томъ, что здѣсь упоминается „широкое, тучное паровое поле“ (νειὸν πίειραν ἄρουραν εὐρεῖαν) и „многочисленные пахари“,—отнюдь не слѣдуетъ, что рѣчь идетъ объ обработкѣ общинной земли. Напротивъ, какъ правильно замѣтилъ Пёльманъ, слѣдующая за этимъ картина жатвы на щитѣ, гдѣ упоминается „властелинъ“, для котораго работаютъ жнецы (βασιλεὺς—l. 556), говоритъ скорѣе за то, что на щитѣ изображены сцены на частновладѣльческой землѣ.

Такія господскія земли фигурируютъ въ поэмахъ часто. Это „отрубные“ участки (τέμενος), находящіеся, несомнѣнно, въ

частной собственности. Такой участокъ обѣщаетъ, напр., этоляне Мелеагру (Ил. IX, 577 сс.):

Гдѣ плодоноснѣй земля на веселыхъ поляхъ Калидонскихъ,
Тамъ позволяли ему, въ пятьдесятъ десятинъ, наилучшій
Выбрать удѣлъ: половину земли виноградомъ покрытой
И половину нагой, для пашни пригодной, отрѣзать *).

Въ другомъ мѣстѣ (Ил. XI 67) рѣчь идетъ о жнецахъ (ἀμητῆρες), которые убираютъ полосу (ὄγμον) жатвы на пашнѣ богатаго мужа (**ἀνδρὸς μάκαρος κατ᾽ἄρουραν**). **)

Есть и другія указанія на существованіе частной земельной собственности въ гомеровскія времена. Я уже говорилъ о межевыхъ камняхъ, которые издавна раздѣляютъ частновладѣльческія земли. Далѣе мы видимъ, что Андромаха говоритъ о пашнѣ (**ἄρουρα**), которую сынъ Гектора *унаслѣдуетъ* отъ отца и которую у него малолѣтняго, могутъ отнять „чужіе" (**ἄλλοι** Ил. XXII 485 сс.). Конечно, въ смыслѣ существованія частной собственности на землю говорятъ многочисленныя упоминанія въ поэмахъ о садахъ и виноградникахъ, которые, конечно, никто бы не сталъ разводить на землѣ, находящейся лишь во временномъ пользованіи. Нужно помнить, что въ поэмахъ разведеніе винограда является распространеннымъ: вѣдь вино здѣсь не только обычный напитокъ знати, но и простолюдиновъ, напр., вино пьетъ свинопасъ Эвмей (Од. XIV 78 и XVI 14).

Но рядомъ съ выраженіемъ **τέμενος**, „отрубный участокъ" ***) мы встрѣчаемъ въ поэмахъ и выраженіе **κλῆρος** „надѣлъ",— буквально „жребій", „полученное по жребію". ****) Нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на то, что эти **κλῆροι** не были собственностью въ эпоху созданія поэмъ, но самое названіе заставляетъ

---

*) τέμενος περικαλλὲς ἑλέσθαι
πεντηκοντόγυον, τὸ μὲν ἥμισυ οἰνοπέδοιο,
ἥμισυ δὲ ψιλὴν ἄροσιν πεδίοιο ταμέσθαι.

Гύη, вѣроятно, равнялась площади, которую одинъ человѣкъ плугомъ (γύης— часть плуга) могъ обработать въ одинъ день. Эту мѣру опредѣляютъ прибл. въ 1/4 десятины, но есть и другія опредѣленія (см. *Guiraud*, La proriété. 65. *Seymour*, Life in the Homeric Age, 1907, 245 f.). Если мы примемъ указанную мѣру, то участокъ Мелеагра будетъ равенъ лишь 12 десятинамъ.

**) Ср. также τέμενος въ Ил. XII 314; VI, 194; XX, 184; далѣе XIV 122.

***) τέμενος отъ τέμνω, рѣжу. Такимъ образомъ слово τέμενος значитъ „отрѣзокъ", т. е. вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему „отрубъ".

****) Ил. XV 498; Од. XIV 64.

думать, что эти участки имѣли свое происхожденіе изъ раздѣла по жребію общинной земли. Былъ ли такой раздѣлъ производимъ въ собственность или же во временное пользованіе до новаго передѣла въ дальнѣйшемъ? Какъ было ранѣе, до созданія поэмъ,—мы не знаемъ, но тексты въ самихъ поэмахъ говорятъ за то, что въ эту эпоху земельные участки, полученные по жребію путемъ раздѣла общинной земли, становились собственностью владѣльцевъ. Мы видимъ, что богатые люди въ Одиссеѣ называются „многонадѣльными“ (*πολύκληροι*—XIV 211), а бѣдные—„безнадѣльными“ (*ἄκληροι*—XI 490). „Надѣлъ“ переходитъ по наслѣдству (къ дѣтямъ Il. XV, 498).

„Одиссея“ даетъ намъ и указаніе на то, какъ такіе надѣлы создавались. Разсказывая о возникновеніи города Феакійцевъ, поэтъ говоритъ (Од. VI 7 сс.), что ихъ вождь Навзитой поселилъ ихъ

Въ Схеріи, тучной землѣ, далеко отъ людей промышлённыхъ.
Тамъ онъ имъ городъ стѣнами обвелъ, имъ построилъ жилища,
Храмы богамъ ихъ воздвигъ, раздѣлилъ ихъ поля на участки.

Рѣчь здѣсь идетъ по общему смыслу текста скорѣе объ окончательномъ раздѣлѣ земли (*ἐδάσσατ' ἀρούρας*).

Какъ обстояло дѣло *въ болѣе раннее эллинское время*,—повторяю,—мы не знаемъ. На существованіе передѣловъ мы не имѣемъ указаній, да *община съ передѣлами теперь вообще считается поздней формой*. Мы можемъ думать, что въ раннія времена пашня у грековъ создавалась *заимочнымъ* образомъ: при обиліи земли, малочисленности населенія и примитивности земледѣльческой техники участки земли распредѣлялись между членами общественной группы (рода, группы родовъ, филы), а затѣмъ по истощеніи ихъ бросались и замѣнялись другими. При такихъ условіяхъ нельзя говорить о собственности на землю: самого этого понятія еще не создалось. Владѣли территоріей большія общественныя группы, которыя не допускали сюда чужаковъ, но внутри этой группы понятія не только индивидуальной, но и семейной поземельной собственности еще не создалось.

Но во времена поэмъ, если мы и говоримъ о правѣ собственности на землю, то здѣсь рѣчь идетъ не о личной, индивидуальной собственности: *поземельная собственность въ гомеровскія времена—семейная*. Глава семьи не можетъ распо-

ряжаться земельнымъ владѣніемъ по произволу. Мы знаемъ. что ограниченія распоряженія земельной собственностью въ Аѳинахъ, Спартѣ и другихъ государствахъ существовали и значительно позднѣе. Такъ, ограниченія въ распоряженіи земельной собственностью въ Аѳинахъ были значительны еще въ VI в.: даже солоново законодательство допускало завѣщаніе лишь въ случаѣ отсутствія дѣтей (*Plut.* Solo 21). Въ Спартѣ ограниченія въ распоряженіи земельной собственностью существовали даже въ IV в. (объ этомъ см. ниже, когда рѣчь будетъ идти о соціально-экономическихъ отношеніяхъ въ Спартѣ). Такія же ограниченія существовали и въ другихъ государствахъ въ IV в. (*Aristot.* Polit. II, 4, 4). Всюду земельная собственность оставалась въ кругу ближайшихъ родственниковъ, а въ случаѣ ихъ отсутствія переходила къ болѣе отдаленнымъ. Такъ регулируютъ наслѣдованіе и „Гортинскіе законы“ на Критѣ (вѣроятно, первая пол. V в. до Р. Х. *)). Если ограниченія въ распоряженіи земельной собственностью существовали въ столь позднее время, то вполнѣ естественно, что въ гомеровскія времена земельная собственность уходила изъ рукъ родичей лишь въ случаѣ отсутствія послѣднихъ. Въ эпосѣ видимъ, что нормально земля переходитъ къ дѣтямъ (Ил. XV 498). Дѣти раздѣляютъ землю между собою по жребію (Од. XIV 209), причемъ сынъ отъ наложницы получаетъ меньше (ib., 210). Лишь въ случаѣ отсутствія прямыхъ наслѣдниковъ земля можетъ перейти къ отдаленнымъ родичамъ (такъ нужно понимать выраженіе χηρωσταί въ Ил. V 158).

Такимъ образомъ *пахотная земля,*—будь то отрубной участокъ (τέμενος) или надѣлъ, полученный по жребію (κλῆρος) при раздѣлѣ общинной земли,—была въ гомеровскія времена *собственностью семьи, а не индивидуума.*

Но и въ гомеровскія времена оставались земли нераздѣленныя, принадлежавшія общинамъ. большимъ и малымъ. Именно изъ этихъ земель и нарѣзывались тѣ „отрубá“ (τεμένη). о которыхъ шла рѣчь выше. Нарѣзка происходила по постановленію общины (община этолянъ—Ил. IX 577 сс.; ликійцы—Ил. VI 199; троянцы—Ил. XX 184).

Эти нераздѣленныя земли служили въ обычное время пастбищами, что представляется очень важнымъ при той роли, какую играло въ гомеровскія времена скотоводство. Трудно думать, что всѣ эти большія стада паслись на частныхъ пастби-

*) Датировка у насъ выше на стр. 7 неточна.

щахъ. Таковыя являлись исключеніемъ (Ил. XX 185). Чаще всего пастбищами служили склоны горъ (Ил. XI 105; XXI 88; XXI 449) или окраины пахотной земли (Од. XXIV 150: здѣсь расположенъ домъ свинопаса—***ἀγροῦ ἐπ' ἐσχατιὴν***, *ὅθι δώματα ναῖε συβώτης*). Весьма вѣроятно, что эти земли—при малой пригодности ихъ для пашни, при обиліи земли и при незначительности населенія—оставались во владѣніи общинъ и служили общиннымъ выгономъ. *)

Организація промышленности. **)

Гомеровское общество живетъ гл. обр. земледѣліемъ и скотоводствомъ. Но оно имѣетъ и нѣкоторую промышленность, знаетъ уже значительное раздѣленіе труда. *Вполнѣ замкнутаго натуральнаго домашняго хозяйства, удовлетворяющаго самостоятельно всѣмъ своимъ потребностямъ, нѣтъ даже въ эту эпоху.* Правда, мы видимъ свинопаса въ *большомъ хозяйствѣ*, который самъ готовитъ для себя кожаныя сандаліи (Од. XIV 23), видимъ женщинъ, принадлежащихъ къ составу семьи хозяина, и рабынь, занимающихся въ большомъ хозяйствѣ пряденіемъ и тканьемъ (напр., Ил. I 31; III 125, 387; XXII 440; Од. I 352; VII 234). Но, съ другой стороны, мы видимъ *спеціалистовъ-ремесленниковъ* (напр., Ил. V 59; VI 314; VII 220).

Они работаютъ у себя дома своими инструментами изъ своего матеріала и продуктъ своего труда продаютъ потребителю (не торговцу). Такова пряха, о которой говорится (Ил. XII 433), что она работаетъ за плату. Этотъ текстъ гласитъ, что ахеяне держались ровно,—

. . . какъ вѣсы у жены, рукодѣльницы честной,
Если, держа коромысло и чаши заботно равняя,
Шерсть она вѣситъ, чтобъ дѣтямъ промыслить хоть скудную плату. ***)

Фактъ взвѣшиванія шерсти показываетъ, что дѣло идетъ не о работѣ на дому у заказчика и изъ его матеріала, а на дому у работницы и изъ матеріала ея.

---

*) Ср. *Seymour*, o. c., 240—242.

**) См. мою брошюру: „Развитіе формъ промышленности въ древнемъ мірѣ“, 1915, стр. 4—5.

***) ὥστε τάλαντα γυνὴ χερνῆτις ἀληθής,
ἥτε σταθμὸν ἔχουσα καὶ εἶριον ἀμφὶς ἀνέλκει
ἰσάζουσ', ἵνα παισὶν ἀεικέα μισθὸν ἄρηται.

Когда поэтъ изображаетъ кузницу Гефеста, то, конечно, прообразомъ ему служитъ человѣческая кузница, и тоже мы получаемъ впечатлѣніе, что Гефестъ работаетъ съ помощниками у себя въ кузницѣ своими инструментами и изъ своего матеріала (Ил. XVIII 468 сс.).

Такъ произнесши, оставилъ ее (Θетиду) и къ мѣхамъ приступилъ онъ;
Всѣ на огонь обратилъ ихъ и дѣйствовать далъ повелѣнье.
Разомъ въ отверстья горнильныя двадцать мѣховъ задыхали,
Разнымъ изъ дулъ ихъ дыша раздувающимъ пламя дыханьемъ,
Или порывнымъ, служа поспѣшавшему, или спокойнымъ,
Глядя по волѣ творца и по нуждѣ творимаго дѣла.
Самъ онъ въ огонь распыхавшійся мѣдь некрушимую ввергнулъ,
Олово бросилъ, сребро, драгоцѣнное злато и послѣ,
Тяжкую наковальню насадивши на столбъ, а рукою
Молотъ огромнѣйшій взявъ, клещи захватилъ онъ въ другую...

Можно думать, что карійская или мэонійская (лидійская) красильщица, окрашивающая въ пурпуръ слоновую кость, есть такая же работница у себя на дому (Ил. IV 140 сс.):

. . . . Черная кровь заструилась изъ раны.
Точно слоновая кость, что въ Меоніи или въ Каріи
Женщина пурпуромъ краситъ, чтобъ конскій нащочникъ сготовить;
Долго въ жилищѣ ея онъ лежитъ, и наѣздниковъ много
Тщетно желаетъ его пріобрѣсть,—онъ царю достается, *)
На украшенье коню, самому же возницѣ на славу.

Здѣсь рѣчь идетъ о томъ, что работница выжидаетъ лучшаго покупателя и таковымъ оказывается царь. Если бы рѣчь шла о дарѣ царю, то въ выжиданіи потребителя не было смысла.

Такимъ образомъ въ этихъ примѣрахъ мы наблюдаемъ видъ *продажнаго ремесла* (терминологія Тугана-Барановскаго; Handwerk—по Бюхеру): здѣсь производители работаютъ у себя

*) Переводъ Минскаго. У Гнѣдича-Грузинскаго слова βασιλῆϊ δὲ κεῖται ἄγαλμα—не переведены, и потому смыслъ искаженъ.

на дому изъ своего матеріала и сбываютъ готовый продуктъ потребителямъ безъ посредства торговцевъ.

Но мы видимъ у Гомера и другую низшую форму ремесла: отхожее наемное ремесло (Lohnwerk), когда производителя приглашаютъ на домъ, и онъ работаетъ обычно изъ матеріала заказчика.

....Приглашаетъ ли кто человѣка чужого
Въ домъ свой безъ нужды? Лишь тѣхъ приглашаютъ, кто нуженъ на дѣло:
Или гадателей, или врачей, иль искусниковъ зодчихъ (*τέκτονα*),
Или пѣвцовъ, утѣшающихъ душу божественнымъ словомъ
(Од. XVII 384).

....Пусть будетъ немедленно златоискусникъ (*χρυσοχόον*) Лаэркосъ
Призванъ, чтобъ золотомъ чистымъ рога изукрасить телицѣ
(Од. III 425).

Далѣе ясно, что „златоискусникъ" имѣетъ свои инструменты, но матеріалъ ему даетъ заказчикъ (Од. III 432—438):

....Явился и златоискусникъ,
Нужный для ковки металловъ принесшій снарядъ: наковальню,
Молотъ, клещи драгоцѣнной отдѣлки и все, чѣмъ обычно
Дѣло свое совершалъ онъ......
....Тутъ художнику Несторъ, коней обуздатель,
Золота чистаго далъ; оковалъ онъ рога имъ телицы,
Тщася усердно, чтобъ жертвенный даръ былъ угоденъ богинѣ.

Спеціалисты-ремесленники у Гомера именуются деміургами (*δημιουργοί*), т. е „работающими на народѣ". *) Сюда, кромѣ ремесленниковъ, причисляются также прорицатели, врачи, пѣвцы и глашатаи. Изъ числа ремесленниковъ Гомеръ упоминаетъ плотниковъ и столяровъ (*τέκτων*), рѣзчиковъ рога (*κεραυξόος* **)), шорниковъ (*σκυτοτόμος* ***)), кузнецовъ (*χαλκεύς* ****)), золотыхъ

---

*) Од. XVII 383 (см. выше) и XIX 135.
**) Ил. IV 110.
***) Ил. VII 221; ср. XVII 389.
****) Ил. IV 216 (характерно, что названіе гомеровскаго кузнеца связано съ понятіемъ: мѣдь χαλκός). Од. XVIII 328.

дѣлъ мастеровъ (*χρυσοχόος* *)), горшечниковъ (*κεραμεύς* **)) и т. п. Металлургическая, столярная и другая техника, описываемая въ поэмахъ, настолько сложна, что требовала, конечно, значительнаго раздѣленія труда и значительной спеціализаціи. На выдающихся спеціалистовъ-ремесленниковъ гомеровское аристократическое общество смотритъ съ почтеніемъ: мы видимъ, что такіе ремесленники имѣютъ свою родословную ***), и самъ богъ Гефестъ не гнушается быть кузнецомъ. Причисляемые къ деміургамъ жрецы и врачи по большей части происходятъ изъ знати (Калхасъ, Махаонъ).

Наоборотъ, *купцовъ* аристократическое гомеровское общество разсматриваетъ не какъ искусныхъ спеціалистовъ, а какъ людей корыстныхъ, гонящихся только за наживой. Таково отношеніе къ финикіянамъ. Такова характеристика купца въ Од. VIII 161 сс.:

Ты изъ числа промышлённыхъ людей, обтекающихъ море
Въ многовесельныхъ своихъ корабляхъ для торговли, о томъ лишь
Мысля, чтобъ, сбывъ свой товаръ и опять корабли нагрузивши,
Болѣ нажить барыша...

Говоря вообще, мы имѣемъ въ гомеровскихъ поэмахъ общество, по преимуществу пастушеское и земледѣльческое, а не промышленное и не торговое.

Родовыя и племенныя дѣленія.

Въ гомеровскомъ обществѣ очень незначительны непосредственныя отношенія между отдѣльною личностью и государствомъ. Позднѣйшая развитая государственная организація имѣетъ цѣлый рядъ функцій, которыхъ не знаетъ гомеровское государство, представляющее изъ себя еще очень раннюю форму государственной организаціи: гомеровское государство очень мало вмѣшивается въ хозяйственную и духовную жизнь личности и мало оказываетъ ей услугъ въ этихъ областяхъ; даже защиту личности отъ другихъ членовъ общества оно беретъ на себя лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ. Только при столкно-

*) Од. III 425 и 432. Въ сущности здѣсь χρυσοχόος далѣе названъ χαλκεύς.
**) Ил. XVIII 600.
***) Ил. V 59.

веніи одной большой общественной группы съ другой—государство рѣшительно выступаетъ на сцену и ведетъ войну, объединяя индивидовъ.

Вообще же защита индивидовъ и помощь имъ, которыя позднѣе беретъ на себя государство, въ гомеровскомъ обществѣ болѣе сосредоточиваются въ общественныхъ соединеніяхъ, стоящихъ между государствомъ и личностью. Таковы—а) семья (οἶκος), б) родъ (γένος или πάτρα), в) фратрія (φρατρία) и г) фила (племя—φύλη). Фила—*племя*—можетъ явиться высшей общественной группой, которая и создаетъ государственную организацію, но чаще мы находимъ въ Греціи еще болѣе значительныя *племенныя группы*, которыя включаютъ въ себя нѣсколько мелкихъ племенъ—филъ. Такъ, дорійскія государства включали въ себя обычно три мелкихъ *племени—филы*, а іонійскія—четыре.

а) *Семья* (οἶκος) является въ поэмахъ элементарной ячейкой, входящей въ составъ общества. „Семья въ тѣсномъ смыслѣ есть община, состоящая изъ родителей, живущихъ между собою въ болѣе продолжительныхъ и исключительно супружескихъ отношеніяхъ, и ихъ дѣтей“. *) Отъ такой *обособленной семьи* (Sonderfamilie), господствующей въ цивилизованныхъ странахъ въ настящее время, слѣдуетъ, по мнѣнію одного изъ лучшихъ изслѣдователей исторіи семьи Гроссе, отличать *„большую семью“* (Grossfamilie), которая включала въ себя не только родителей и дѣтей, но и женъ сыновей съ ихъ сыновьями, женами и потомствомъ. Далѣе, отъ такихъ большихъ семей слѣдуетъ отличать *родъ*: это есть группа лицъ, признающихъ себя связанными общимъ происхожденіемъ. Семья не можетъ существовать, какъ одно цѣлое, если она не имѣетъ хозяйственной основы: какъ большая семья, такъ и обособленная—представляютъ изъ себя *хозяйственныя соединенія*. Большая семья держится до тѣхъ поръ, пока ее связываетъ общность хозяйства: иначе она распадается на обособленныя семьи Хозяйственные интересы могутъ быть настолько сильными, что будутъ связывать даже членовъ рода, и тогда мы будемъ имѣть *родовую общину*, встрѣчающуюся на раннихъ ступеняхъ развитія.

Въ настоящее время изученіе первобытныхъ обществъ показало, что позднѣйшей формѣ семьи—*патріархальной*, гдѣ родство велось по отцу, предшествовали формы семьи, гдѣ род-

---

*) *Эрнестъ Гроссе*, Формы семьи и формы хозяйства, рус. пер., 1898, стр. 14.

ство велось по матери,—семьи *матріархальной.* Это объясняется или тѣмъ, что при неустойчивости половыхъ отношеній въ древнѣйшія времена трудно было опредѣлить происхожденіе по отцу (Макъ Леннанъ), или же потому, что первоначально не жена переходила въ семью мужа, а мужъ—въ семью жены (Тэйлоръ въ позднихъ работахъ, Мазарелла, М. М. Ковалевскій въ „Соціологіи"; это—такъ наз. амбиланакская семья). Матріахальная семья вовсе не обозначаетъ женскаго главенства въ семьѣ.—напротивъ, очень часто положеніе женщины при матріархатѣ является приниженнымъ,—матріархатъ обозначаетъ лишь счетъ родства по матери. При этомъ братъ матери (дядя съ материнской стороны) пользуется часто бо́льшимъ значеніемъ, чѣмъ отецъ.

Другое явленіе, характерное для древней формы семьи,—это *экзогамія*,—запрещеніе заключать браки внутри даннаго рода и возможность заключать ихъ лишь съ лицами другого—иногда опредѣленнаго—рода. Этотъ древній институтъ большинство ученыхъ объясняло инстинктивнымъ (Вестермаркъ) или сознательнымъ (Морганъ) отвращеніемъ къ кровосмѣшенію. Нѣкоторые, впрочемъ, искали и другихъ причинъ экзогаміи. Такъ Макъ-Леннанъ видѣлъ причину экзогаміи въ томъ, что первобытные народы умерщвляли дѣвочекъ, чтобы избавить родъ или племя отъ лишнихъ ртовъ, а затѣмъ, нуждаясь въ женахъ, похищали женщинъ у сосѣднихъ родовъ или племенъ.

Въ гомеровскомъ обществѣ нѣтъ уже ни матріархата, ни экзогаміи. Здѣсь мы находимъ *патріархальную семью.* Правда, указываютъ нѣкоторые *пережитки матріархата* въ Греціи *). Такъ, въ гомеровскія времена особенно подчеркивается значеніе происхожденія отъ общей матери: ему придается больше значенія, чѣмъ происхожденію отъ одного отца. Сынъ Пріама Ликаонъ умоляетъ Ахилла, мстящаго за смерть Патрокла, не убивать его, причемъ онъ подчеркиваетъ, что онъ, Ликаонъ,—не единоутробный братъ Гектора, убійцы Патрокла (Ил. XXI 95). Елена объясняетъ отсутствіе Кастора и Полидевка подъ Троей тѣмъ, что они—ея единоутробные братья (Ил. III 238). Единоутробный братъ является въ поэмахъ особенно близкимъ человѣкомъ,—онъ иногда ближе сына: мать Мелеагра проклинаетъ сына за убійство ея брата (дяди Мелеагра—Ил. IX 565 сс.).

Имѣются и другіе слѣды матріархата въ Греціи. Такъ въ Аѳинахъ существовала легенда, что лишь Кекропсъ запретилъ

---

*) *Bachofen*, Das Mutterrecht, 1861; *Mac Lennan*, Kinship in Ancient Greece.

именоваться по роду матери. *) Бахофенъ **) видѣлъ въ „Эвменидахъ" Эсхила отраженіе легенды о побѣдѣ патріархальнаго принципа надъ матріархальнымъ. Въ этой трагедіи Эринніи преслѣдуютъ Ореста за убійство матери, которой онъ отомстилъ смертью за то, что она погубила своего мужа и его отца Агамемнона. Эринніи возглашаютъ старый принципъ первенста узъ, связывающихъ сына съ матерью. Аполлонъ вмѣсто того провозглашаетъ принципъ новый, патріархальный:

О матери нельзя сказать, чтобы
Она могла родить, дать жизнь творенью,—
Она питаетъ лишь одинъ зародышъ,
Родитель только лишь одинъ отецъ,
Она жъ—какъ будто бы хозяйка въ домѣ
Для гостя,—бережетъ зародышъ въ тайнѣ,
Чтобы не уязвилъ его безсмертный. ***)

Дальше мы увидимъ, что слѣды экзогаміи тоже можно найти въ Греціи.

Однако, какъ мы сказали выше, гомеровская Греція знаетъ уже лишь *патріархальную семью*, какъ нормальное явленіе.

Патріахальная семья рѣдко представляется намъ у Гомера, какъ „большая семья". Такова—семья Пріама, которая является въ то же время рѣдкимъ примѣромъ полигамной семьи: у Пріама нѣсколько законныхъ женъ: кромѣ Гекубы, онъ имѣетъ Лаоѳою (Ил. XXI 88; XXIV 495), Кастіаниру (VIII 304) и, кромѣ того, нѣсколько наложницъ (послѣднее было обычнымъ явленіемъ въ эту эпоху).

Въ семьѣ *Пріама* живутъ вмѣстѣ съ Пріамомъ 50 его сыновей съ женами и дѣтьми и 12 дочерей съ мужьями и, несомнѣнно, тоже съ дѣтьми (Ил. VI 243 сс.; см. выше стр. 109). Обычно же мы видимъ у Гомера *небольшія семьи*. Очевидно, передвиженія племенъ, имѣвшія мѣсто въ XII—XI вв., разрушили старыя родовыя поселенія.

Характерныя черты древнѣйшей греческой семьи слѣдующія.

---

*) Она дошла до насъ чрезъ Варрона (у бл. Августина, De civitate Dei XVIII 9).

**) Бахофенъ первый открылъ матріархатъ, какъ форму семьи.

***) *Aeschyl.*, Eumen., 657 сс. Пер. Н-въ (у *В. Алексѣева*, Древне-греческіе поэты. 1895, стр. 349).

Во-первыхъ, семья объединена имущественно. Недвижимость принадлежитъ семьѣ. Отчужденіе земли не допускается въ Аѳинахъ до начала VI в. (до законовъ Солона), а въ Спартѣ даже до первой половины IV в. (законъ эфора Эпитидея). *) Даже глава семьи въ древности не могъ распоряжаться имуществомъ: завѣщаніе не допускалось, наслѣдовали дѣти, а, если ихъ не было, ближайшіе, а затѣмъ отдаленные родичи.

Во-вторыхъ, семья объединена обязанностью взаимной защиты своихъ членовъ. Поэмы постоянно говорятъ о мести родичей за смерть близкихъ: Орестъ мститъ за убійство своего отца Агамемнона (Од. III 306 сс.), мать Мелеагра—за брата (IX 565 сс.) и т. п. Въ сраженіи братья обычно становятся рядомъ, конечно, для того, чтобы оказывать другъ другу поддержку (Ил. VIII 267, 302, 318).

Наконецъ, семья связана культомъ: она защищаетъ своихъ сочленовъ передъ богами при ихъ жизни и заботится о ихъ прахѣ и о ихъ душахъ послѣ ихъ смерти. Вспомнимъ заботы Пріама о томъ, чтобы получить тѣло Гектора у Ахиллеса и похоронить его согласно религіознымъ обрядамъ **).

Разъ семья играетъ въ средневѣковой Греціи такую важную роль, то понятны необычайныя съ нашей точки зрѣнія заботы о томъ, чтобы родъ не пресѣкался, и поэтому, если нѣтъ наслѣдниковъ по мужской линіи, то допускается *усыновленіе*, *мѣры противъ безплодныхъ браковъ*. Иногда греки принимали для этой цѣли мѣры, кажущіяся прямо странными съ современной точки зрѣнія. Въ Спартѣ, даже въ IV в. старикъ-мужъ въ случаѣ безплодія брака долженъ былъ пригласить родственника для исполненія своихъ супружескихъ обязанностей. Особыя мѣры принимаются относительно дочерей-наслѣдницъ (ἐπίκληρος). Дочь—плохая оборона и оплотъ рода, поэтому заботятся, чтобы единственная дочь при отсутствіи у нея братьевъ вышла замужъ за ближайшаго родственника, а тотъ долженъ былъ жениться на ней.—Мѣры для поддержанія рода мы видимъ и въ гомеровскихъ поэмахъ: бездѣтный Фениксъ усыновляетъ Ахиллеса (Ил. IX 494).—Проклятіе, призывающее на голову человѣка бездѣтность, считается ужаснымъ (Ил. IX 454 сс.).

б) *Родъ* (γένος, πάτρα). Родовой общины гомеровскія поэмы уже не знаютъ. Очевидно, роды рѣдко живутъ, какъ объеди-

---

*) См. выше стр. 112 с.

**) Религіозная связь греческой семьи рода прекрасно выяснена Ф. де Куланжемъ (La cité antique). См. выше стр. 37.

ненное хозяйственное цѣлое. Передвиженія племенъ XII—XI вв. и позднѣйшая колонизація разрушили эти хозяйственныя связи. Но родъ продолжаетъ существовать, какъ болѣе или менѣе значительная группа лицъ, связанныхъ общностью происхожденія отъ одного родоначальника. Этотъ родоначальникъ могъ быть даже миѳической личностью: важно то, что родичи *сознавали* общность своего происхожденія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ роды входили и посторонніе элементы путемъ усыновленія, и съ теченіемъ времени число такихъ элементовъ увеличивалось.

Родъ связывали—въ болѣе слабой степени—тѣ же узы, которыя связывали и семью.

Во-первыхъ, хотя родовой общины уже не существуетъ, однако имущественная связь рода не исчезла: въ случаѣ отсутствія ближайшихъ наслѣдниковъ имущество переходитъ къ отдаленнымъ родственникамъ. Законы города Гортины на о. Критѣ, относящіеся къ началу V в. до Р. Х., опредѣленно говорятъ о наслѣдованіи двоюродныхъ внуковъ и болѣе отдаленныхъ родственниковъ (Горт. зак. V 10—25). Точно также, если въ семьѣ оставалась единственная дочь (*ἐπίκληρος*, на Критѣ — *πατρωοῦχος*), то Гортинскіе законы опредѣленно упоминали ея двоюродныхъ братьевъ, какъ обязанныхъ на ней жениться, а затѣмъ и самыхъ отдаленныхъ ея родичей въ предѣлахъ племени (Горт. зак. VII 16—VIII 20). Этимъ правиломъ достигалось сохраненіе имущества въ предѣлахъ рода.

И обязанность взаимной защиты выходила за предѣлы семьи. Объ этомъ говорятъ примѣры въ древнѣйшихъ греческихъ законодательствахъ. Въ законахъ Дракона, изданныхъ въ концѣ VII в., говорилось о двоюродныхъ племянникахъ, какъ о близкихъ родственникахъ, долженствовавшихъ выступать въ качествѣ обвинителей убійцы ихъ родственника. *)

Родъ имѣлъ и религіозную связь: онъ чтилъ общаго предка, чтилъ почившихъ членовъ рода (жертвоприношеніе умершимъ изображается въ началѣ XI пѣсни Одиссеи).

в) *Фратрія* (*φρατρία*). Семьи (и роды) объединялись во фратріи. Интересно, какъ сами греки объясняли происхожденіе фратрій. Они искали его въ томъ явленіи, которое современные соціологи называютъ экзогаміей (см. выше стр. 119). Писатель конца IV в., вышедшій изъ школы Аристотеля, *Дикеархъ* въ своемъ сочиненіи: „Жизнь Эллады“ (*Βίος Ἑλλάδος*)

*) Этотъ законъ сохранился въ надписи: Inscr. Graecae I 61=*Dittenberger*, Sylloge inscriptionum graecarum I 52. См. также рѣчь *Демосѳена* 43. 57.

объяснялъ происхожденіе фратрій тѣмъ, что нѣкоторые роды не заключали браковъ въ своей средѣ, и такимъ образомъ лица женскаго пола, выходившія замужъ, теряли связь со своимъ родомъ и—главное—теряли право участвовать въ родовыхъ жертвоприношеніяхъ *). Вотъ, чтобы поддерживать религіозную связь между такими экзогамическими родами, соединенными между собою брачными узами, по словамъ Дикеарха, и возникли союзы родовъ, называемыя фратріями. Это объясненіе Дикеарха представляется вѣроятнымъ.

Фратріи являлись очень устойчивымъ учрежденіемъ. И позднѣе мы находимъ ихъ въ очень многихъ мѣстностяхъ Греціи. Въ Европейской Греціи онѣ имѣются въ Аѳинахъ, въ Элидѣ, далѣе онѣ констатированы на островахъ (Хіосъ, Андросъ и др.), въ М. Азіи (Иліонъ, Эги въ Мизіи), въ Сициліи (Панормъ, Мессана).

Фратріи, подобно родамъ, являются основной ячейкой древнегреческаго общества. Правда, мы не видимъ, чтобы члены фратріи были объединены имущественными отношеніями. Но онѣ, подобно родамъ, служатъ для взаимной защиты своихъ членовъ и для религіозныхъ цѣлей.

Иліада (IX 63) такъ говоритъ о значеніи фратріи: „Стоящій внѣ фратріи, не имѣющій семейнаго очага, не имѣющій законовъ — склоненъ къ братоубійственной, леденящей сердце войнѣ". **) Кто стоитъ внѣ фратріи, внѣ семейнаго очага,—

---

*) Это мѣсто Дикеарха дошло до насъ въ словарѣ Стефана Византійскаго подъ словомъ πάτρα (см. *Müller*, Fragmenta Histor. Gr. II, 238, fr. 9). Вотъ что здѣсь говорится: „Патра (родъ), по Дикеарху, есть одна изъ трехъ формъ общественности у грековъ. Мы ихъ называемъ: патра, фратрія и фила. Патрой называется вторая стадія родственныхъ связей [здѣсь текстъ попорченъ; ясно, что первой стадіей по Дикеарху, было простое супружество]..., получившая свое имя отъ древнѣйшаго и высшаго члена рода; напр., Эакиды, Пелопиды.—Названіе фатріи или фратріи появилось, когда нѣкоторые стали выдавать своихъ дочерей въ другой родъ (πάτρα). Выданная уже не принимала никакого участія въ родовомъ культѣ своего рода, а принадлежала къ роду мужа. Въ силу этого, если прежде вслѣдствіе взаимной симпатіи существовало единеніе между братьями и сестрами, то теперь установился другой видъ общенія въ культѣ. Его и назвали фратріей. Итакъ, подобно тому, какъ родъ (πάτρα) произошелъ вышеуказаннымъ образомъ изъ родства родителей съ дѣтьми и дѣтей съ родителями, фратрія—изъ родства между братьями и сестрами.—Фила (племя) и филеты (соплеменники) впервые получили эти названія отъ соединенія въ города (εἰς τὰς πόλεις) и такъ называемые народы (τὰ καλούμενα ἔθνη): каждая изъ соединившихся группъ стали называться племенемъ (φῦλον)".

**) Ἀφρήτωρ, ἀθέμιστος, ἀνέστιός ἐστιν ἐκεῖνος
Ὃς πολέμου ἔραται ἐπιδημίου ὀκρυόεντος.

тотъ не имѣетъ законовъ, внѣ фратріи нѣтъ порядка,—таковъ смыслъ даннаго мѣста Иліады. Ясно, что фратрія является основной общественной ячейкой, поддерживающей общественный порядокъ. И въ позднѣйшее время фратрія выступаетъ въ этой роли: члены фратріи (фраторы) замѣняли близкихъ родственниковъ. По законамъ Дракона члены фратріи убитаго выступаютъ обвинителями въ процессѣ о непредумышленномъ убійствѣ въ томъ случаѣ, когда у убитаго нѣтъ ближайшихъ родственниковъ, ибо, по этимъ законамъ, за непредумышленное убійство лицо, совершившее его, карается (притомъ карается не только человѣкъ, но даже животное и неодушевленный предметъ—напр., бревно,—явившіяся причиной смерти: пролитая кровь требовала умилостивленія боговъ). Это архаизмъ въ правѣ, который указываетъ на то, что фратрія служила въ отдаленное время цѣлямъ защиты своихъ сочленовъ. *)

Но у фратріи есть и другая функція, съ которой она выступаетъ у Гомера: по фратріямъ и по филамъ распредѣляется войско въ Иліадѣ (II 362). Несторъ совѣтуетъ Агамемнону расположить войско по фратріямъ и по филамъ. Такимъ образомъ фратрія служила для внутренней защиты, но она же выступаетъ на сцену, когда племя борется съ иноземцами.

Фратрія выступаетъ и въ культѣ. Объ этомъ говорится въ вышеприведенномъ мѣстѣ Дикеарха.

г) *Фила* (*Φυλή*). Фратріи въ свою очередь соединяются въ *филы*. Есть указанія относительно существованія филъ въ позднѣйшее время въ большинствѣ государствъ Греціи, а гдѣ такихъ указаній нѣтъ, то это, навѣрное, объясняется недостаткомъ источниковъ. Число филъ различно. У іонійскихъ племенъ находимъ 4 филы, которыя носятъ названія: гелеонты, гоплиты, аргады и эгикоры (*γελέοντες, ὅπλητες, ἀργαδεῖς* и *αἰγικορεῖς*). У дорійскихъ племенъ три филы: гиллеи, диманы и памфилы. (*Ὑλλεῖς, Δυμᾶνες* и *Πάμφυλοι*.

Роль филъ нѣсколько иная, чѣмъ роль рода и фратрій:

Что такое филы?

Трудно сомнѣваться, что филы первоначально были отдѣльными племенами, жившими рядомъ, сблизившимися и, вѣроятно, связавшими себя и брачными узами между отдѣльными родами. Такимъ путемъ изъ 4 первоначально разныхъ племенъ создалось единое іонійское племя (вѣроятно, первоначально въ Аттикѣ), а на сѣверѣ изъ трехъ—дорійское племя. Когда эти племена

---

*) См. надпись, цитированную выше на стр. 122.

стали выдѣлять изъ себя переселенческія группы, то эти группы всюду несли съ собою и организацію по филамъ: гдѣ появлялись доряне, тамъ появлялись и три дорійскія филы; гдѣ—іоняне, тамъ—четыре іонійскія.

Фила имѣла и нѣкоторую хозяйственную связь. Гортинскіе законы говорятъ о томъ, что дочь-наслѣдница, въ случаѣ отсутствія близкихъ родственниковъ, должна взять себѣ мужа въ предѣлахъ филы,—конечно, для того, чтобы родовое имущество не уходило изъ филы.

Имѣли филы и религіозныя связи. Даже въ IV в. главы филъ (φυλοβασιλεῖς) выступали въ судебныхъ процессахъ, имѣвшихъ религіозный характеръ *).

Но главное значеніе древнихъ филъ было не въ экономической и даже не въ религіозной области: эти филы были основой военной и государственной организаціи. Мы видѣли, что въ „Иліадѣ" (II 362) войско распредѣлялось по фратріямъ и по филамъ. Позднѣе въ Аттикѣ мы видимъ, что высшія должностныя лица (архонты) также избираются по филамъ (*Аристотель*, Аѳин. полит., 8, 1).

Филы имѣли во главѣ своей особыхъ царей: φυλοβασιλεῖς (*Аристот.*, тамъ же, 8; 41; 57). Существованіе этихъ *филобасилеевъ* является подтвержденіемъ того, что филы нѣкогда были особыми племенами.

Военное и политическое значеніе филъ и включенныхъ въ нихъ фратрій и родовъ было причиной того, что позднѣе, когда *государственная власть* усилилась, она стала *искусственно поддерживать* эти дѣленія, стремясь къ тому, чтобы число ихъ было равномѣрно. Вотъ почему въ Аѳинахъ въ древнѣйшее историческое время существовало четыре древнихъ филы, каждая фила имѣла 12 фратрій и каждая фратрія по 30 родовъ. Очевидно, что такая симметричность могла быть достигнута лишь искусственнымъ соединеніемъ и раздѣленіемъ родовъ и фратрій между филами и мѣрами, направленными къ тому, чтобы искусственно составленныя родовыя группы не распадались и не исчезали.

Описанная выше родовая и племенная организація древнихъ греческихъ обществъ не представляетъ изъ себя ничего исключительнаго. Аналогичныя дѣленія мы находимъ въ древней Италіи (римскіе трибы, куріи и роды). Такова же клановая

---

*) *Аристотель* въ Аѳин. полит. 57, 4. (Ср. энциклопедію *Поллукса* (II в. по Р. X.) VIII 111: οἱ φυλοβασιλεῖς μάλιστα τῶν ἱερῶν ἐπεμελοῦντο.

организацiя кельтовъ (въ Шотландiи, Уэльсѣ); таковы тотемистическiя группы краснокожихъ Америки, описанныя Морганомъ, и т. п.

Уже гомеровское общество—аристократическое: одни роды здѣсь выдвинулись, другiе опустились. Позднѣйшiй ростъ общественнаго неравенства и переселенiя племенъ имѣли результатомъ то, что *въ послѣгомеровское время* родовая организацiя стала все болѣе разлагаться. Усиленiе государственной власти вело къ тому, что индивидуумъ сталъ находить защиту внѣ рода, и вотъ въ это болѣе позднее время (въ концѣ греческаго средневѣковья) только аристократическiе роды продолжали поддерживать родовыя связи, такъ какъ ихъ члены слѣдили за сохраненiемъ родовыхъ религiозныхъ культовъ *), а во многихъ аристократически организованныхъ государствахъ съ принадлежностью къ этимъ родамъ были связаны политическiя привилегiи. Обѣднѣвшiе же роды постепенно распадались. Полное развитiе этого процесса относится уже къ болѣе позднимъ эпохамъ греческаго средневѣковья.

Соцiальный строй. Мы уже могли видѣть, что гомеровское общество въ значительной мѣрѣ дифференцировано. Это—общество аристократическое, и гомеровскiя поэмы—главнымъ образомъ—поэмы греческой аристократiи. Онѣ мало говорятъ о положенiи низшихъ классовъ: по преимуществу въ нихъ рисуется жизнь высшихъ слоевъ населенiя. Названiе *аристократовъ* здѣсь — „лучшiе", „вожди и правители" (*ἀριστῆες, ἡγήτορες ἠδὲ μέδοντες*). Называются они также „царями" (*βασιλῆες*), — это высшiй слой аристократiи, располагающiй властью въ своихъ владѣнiяхъ. Аристократы выдѣляются большими богатствами— они имѣютъ много земель (*πολύκληροι*) и скота, равно какъ имѣютъ перевѣсъ и въ военномъ отношенiи; въ первобытномъ же обществѣ и даже въ обществѣ того уровня, какъ гомеровское, военное преобладанiе является рѣшающимъ. Аристократы какъ разъ имѣютъ возможность прiобрѣсти лучшее вооруженiе, могутъ имѣть коней и колесницы. Это—лучшая часть войска. Здѣсь наблюдается сходство съ микенской стариной: колесницы, имѣющiя мѣсто въ микенскiй перiодъ, въ употребленiи и въ эпоху средневѣковья. Возможно, что колесницы перешли въ Грецiю изъ Передней Азiи. Остальные свободные классы населенiя несутъ воинскую повинность, но въ менѣе обширныхъ

---

*) См. *Шефферъ,* Аѳинское гражданство и народное собранiе, 1891, стр. 436 сс.

размѣрахъ, такъ какъ недостатокъ средствъ для вооруженія и необходимость заботиться объ удовлетвореніи самыхъ насущныхъ потребностей отвлекаютъ ихъ отъ военнаго дѣла: это—одна изъ причинъ, почему выдвигаются аристократы.

Болѣе крупные аристократы (βασιλῆες) имѣютъ около себя *дружинниковъ*—тоже аристократовъ (ἑταῖροι): съ ними они вмѣстѣ воюютъ и вмѣстѣ пируютъ.

Они владѣютъ также и людьми (см. ниже).

О низшихъ свободныхъ классахъ населенія поэмы говорятъ, какъ мы уже упомянули, рѣдко, такъ какъ онѣ составлялись, главнымъ образомъ, для аристократіи, которая мало интересовалась жизнью простого народа.

Поэмы даютъ намъ скудныя свѣдѣнія о *свободномъ крестьянствѣ*. Тѣ два мужа, которые, въ изображеніи поэта, спорятъ о межѣ своихъ участковъ,—вѣроятно, такіе свободные крестьяне (Ил. XII 421 сс.; см. выше стр. 109).

Значительная часть этого крестьянства находилась въ трудномъ положеніи. Мы читаемъ въ „Одиссеѣ“ (XI 489 сс.) о беземельномъ крестьянинѣ (ἄκληρος). Въ сущности здѣсь рѣчь идетъ не о безземельномъ, а скорѣе о малоземельномъ крестьянинѣ: это видно изъ того, что этотъ крестьянинъ все же имѣетъ батрака. Здѣсь тѣнь Ахиллеса говоритъ Одиссею, проникшему къ тѣнямъ умершихъ: „Лучше бъ хотѣлъ я, живой, какъ поденщикъ (ϑητευέμεν) службой у бѣднаго пахаря (ἀνδρί παρ᾽ἀκλήρῳ) хлѣбъ добывать свой насущный, нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать—мертвый“.

Гораздо больше матеріала для характеристики положенія свободнаго крестьянства эпохи средневѣковья даетъ намъ поэма *Гесіода*: „Труды и дни“ (Ἔργα καὶ ἡμέραι), относящаяся къ позднему средневѣковью (VIII—VII вв.). Здѣсь изображается жизнь беотійскаго крестьянина. Мы видимъ и у Гесіода такіе же надѣлы (κλῆροι), какъ у Гомера: пахотная земля здѣсь раздѣлена на клеры. Лѣсъ, остается въ общинной собственности: здѣсь крестьянинъ добываетъ себѣ дерево (ст. 428 с.), здѣсь пасутся его коровы (591). Болѣе зажиточные крестьяне имѣютъ даже рабовъ (602) и наемныхъ рабочихъ (повидимому, ст. 441 сс.). Такъ какъ семейная собственность въ это болѣе позднее время въ Беотіи уже разлагается, то въ большихъ семьяхъ клеръ дробится; поэтому Гесіодъ совѣтуетъ крестьянину имѣть только одного сына (ст. 376).

Уже это обстоятельство указываетъ на трудность существованія для беотійскаго крестьянина. Но поэма Гесіода даетъ

цѣлый рядъ другихъ штриховъ такого рода. Жизнь для крестьянина—это тяжелая борьба (176 сс.; 182 сс.; 303 сс.). Онъ долженъ непрерывно работать, и все его вниманіе должно быть обращено на накопленіе средствъ къ существованію. Богиня Вражды (Эрисъ) царитъ въ мірѣ. „Ревнуетъ сосѣдъ къ сосѣду въ состязаніи о довольствѣ... Горшечникъ на горшечника смотритъ съ гнѣвомъ, плотникъ на плотника; даже нищій завидуетъ нищему и пѣвецъ—пѣвцу“ (23—26). „Нужно стремиться пріобрѣсти чужое поле, а то чужой отниметъ твое“. При такой борьбѣ, царящей въ этомъ обществѣ, очевидно, малѣйшая хозяйственная неудача ведетъ къ голоду (299 с.; ср. 243; 404; 647) и къ долгамъ. *Задолженность*—это то бѣдствіе, о которомъ поэма упоминаетъ постоянно (396, 404, 478, 647). И при этихъ бѣдствіяхъ слабому человѣку трудно найти правду: суды неправедны. „Цари (*βασιλῆες*), пожирающіе подарки, какъ хотятъ, такъ и судятъ“ (38—39; ср. 248 с.). „Несправедливыя рѣшенія постановляютъ суды“ (221). „Цари, судя неправедно, въ сторону склоняютъ правду суда неправыми рѣчами“ (261—264).

Естественно, что обезземеленные и задолжавшіе крестьяне попадаютъ въ зависимость отъ аристократіи.

Слѣды *крѣпостничества* мы находимъ у Гомера. Когда мы читаемъ въ „Одиссеѣ“ описаніе хозяйства свинопаса Эвмея, мы, конечно, приходимъ къ выходу, что здѣсь изображенъ крѣпостной, сидящій на оброкѣ. Онъ живетъ на особомъ участкѣ въ домѣ, который онъ самъ выстроилъ. Около дома находится двѣнадцать закутъ для свиней. Эвмей имѣетъ нѣсколько пастуховъ подъ своимъ началомъ (XIV 1 сс.). Одинъ рабъ былъ купленъ самимъ Эвмеемъ безъ разрѣшенія господъ (XIV 450). Господамъ Эвмей платитъ оброкъ со своихъ свиней (XIV 18 сс.). Подобный же оброкъ, повидимому, платятъ и пастухи козъ Меланѳій и Филоѳій (XX 173 и 185 сс.).

Иногда зависимые люди занимаютъ и другое положеніе: они не сидятъ на своихъ участкахъ, а работаютъ на землѣ господина. Тогда они называются батраками—*ѳетами* (*θῆτες*). Эти ѳеты получаютъ отъ господина плату. Срокъ службы могъ быть неопредѣленнымъ, и тогда ѳетъ подвергался болѣе значительнымъ ограниченіямъ свободы,—иногда срокъ опредѣленъ. Въ послѣднемъ случаѣ ѳетъ—свободный наймитъ. Мы уже говорили о батракѣ у малоземельнаго крестьянина (Од. XI 489),

О такихъ батракахъ (*θῆτες*) мы имѣемъ нѣсколько упоминаній у Гомера. Женихъ Пенелопы—Антиной спрашиваетъ

Ноэмона; „Когда онъ уѣхалъ (рѣчь идетъ про Телемаха), какіе были съ нимъ люди? Свободные-ль, взятые имъ изъ народа? Или батраки (*θῆτές τε*)? Или рабы (*δμῶές τε*)?“ (Одис. IV 644). Эвримахъ говоритъ Одиссею: „Странникъ, ты вѣрно поденщикомъ будешь согласенъ наняться въ службу мою (*θητευέμεν*), чтобы работать за плату хорошую въ полѣ, рвать для забора терновникъ, деревья сажать молодыя? круглый бы годъ получалъ отъ меня ты обильную пищу, всякое нужное платье, для ногъ надлежащую обувь“ (Одис. XVIII 357—361). Это—наемъ рабочаго за плату натурой, причемъ срокъ неопредѣленъ. Въ разговорѣ Посейдона съ Аполлономъ, первый говоритъ: „Ужели не помнишь, сколько мы вынесли бѣдствій вокругъ Иліонской твердыни,—мы лишь одни изъ безсмертныхъ, когда, по рѣшенію Зевса, въ Трою пришли, чтобы годъ прослужить за условную плату гордому Лаомедону, (*θητεύσαμεν εἰς ἐνιαυτὸν μισθῷ ἐπὶ ῥητῷ*), а онъ сталъ давать приказанья?“ (Ил. XXI 441—445). Въ этомъ разговорѣ идетъ рѣчъ о свободномъ поступленіи на службу по найму. Подобные поденщики набирались, вѣроятно, по преимуществу изъ обезземеленнаго крестьянства.

Въ подобное же зависимое положеніе попадали *метанасты*,—люди, отбившіеся отъ своего рода и племени (*μετανάσται*). Это по большей части бѣглецы изъ чужихъ краевъ, спасающіеся отъ мести или отъ враговъ. Какъ мы видѣли, въ гомеровскомъ обществѣ человѣкъ имѣлъ вѣсъ лишь постольку, поскольку принадлежалъ къ какой-нибудь родовой группѣ. Метанастъ терялъ связь съ родомъ. Онъ является „не имѣющимъ чести“ (*ἀτίμητος*—Ил. IX 649): его можно безнаказанно обидѣть (Ил. XVI 59).—Метанасты, конечно, тоже пополняли группы крѣпостныхъ и ѳетовъ.

Ниже всего на общественной лѣстницѣ стоятъ *рабы* (*δμῶες*). Гомеровское общество нельзя назвать рабовладѣльческимъ по премуществу. *) Мы видѣли, что ремесленники-спеціалисты у Гомера—люди свободные (деміурги). Рабы чаще всего—дворня у аристократовъ. Рабынь больше, чѣмъ рабовъ. Онѣ прислуживаютъ въ хозяйствѣ, прядутъ и ткутъ. Онѣ же часто являются наложницами. Мы встрѣчаемъ у Гомера 1) рабовъ, рожденныхъ въ домѣ, 2) военноплѣнныхъ и 3), наконецъ, купленныхъ

*) Что античное общество не опиралось всецѣло на рабскій трудъ, это прекрасно выясняетъ Эд. Мейеръ въ статьѣ: „Рабство въ древности“ (пер. порус.).

(преимущественно у финикіянъ, похищавшихъ свободныхъ людей, особ. дѣтей—см. выше стр. 107).

Существуетъ и *отпускъ на волю* рабовъ (Од. XXI 213).

Свободные ремесленники (деміурги). Объ этой общественной группѣ мы уже говорили выше.

Государственный строй.

Въ гомеровскомъ періодѣ мы уже не видимъ большихъ монархій, которыя имѣли мѣсто въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Греціи въ микенскую эпоху. Въ поэмахъ встрѣчаются только воспоминанія (реминисценціи) о нихъ. Эти воспоминанія часто сбивали изслѣдователей. Въ 1906 году Финслеръ *) выяснилъ, что *гомеровскіе цари*—цари аристократическаго общества, хотя въ поэмахъ и встрѣчаются намеки на старыя патріархальныя отношенія.

Въ рѣчи Одиссея, останавливающаго простыхъ воиновъ, бѣгущихъ къ кораблямъ, встрѣчаются такія слова: „Нехорошо многовластье. Единый да будетъ властитель (κοίρανος), царь (βασιλεύς) единый, которому Кроноса хитраго сыномъ скипетръ данъ и законы затѣмъ, чтобъ царилъ онъ надъ нами" (Ил. II 204—206). Характерно еще слѣдующее мѣсто: „Со скиптромъ въ рукѣ Агамемнонъ поднялся. Тотъ скипетръ Гефестъ приготовилъ, трудившись, а подарилъ онъ его Олимпійцу Крониду Зевесу,—послѣ Зевесъ его отдалъ посланнику Аргоубійцѣ (т. е. Гермесу), царь же Гермесъ далъ Пелопсу, коней укротителю быстрыхъ. Послѣ Пелопсъ передалъ его пастырю войска Атрею, тотъ, умирая, Тіесту, овцами богатому, отдалъ, царь же Тіестъ завѣщалъ Агамемнону, сыну Атрея, многими чтобъ управлялъ островами и Аргосомъ цѣлымъ" (Ил. II 100—108). Это мѣсто излагаетъ исторію скипетра царя Агамемнона; скипетръ,—оказывается, божественнаго происхожденія, равно какъ и власть, которую онъ собой знаменуетъ. Въ Ил. IX 98—99 Несторъ говоритъ Агамемнону: „Тебѣ Кронидъ Олимпіецъ скипетръ вручилъ и законы, чтобы ими ты правилъ разумно". И здѣсь мы видимъ, что власть Агамемнона происходитъ отъ Зевса. Такихъ указаній на патріархальную царскую власть, однако, немного. Въ Одиссеѣ ихъ уже вовсе нѣтъ, тогда какъ въ Иліадѣ еще попадаются воспоминанія о старой патріахальной власти: кромѣ уже указанныхъ мѣстъ, напомню еще, напримѣръ, Пріама въ Троѣ. Финслеръ правъ, считая подобныя мѣста реминисценціями далекаго прошлаго.

---

*) Das Homerische Königtum въ Neue Jahrbücher für Phil. 1906. стр. 313

Характеръ царской власти въ эпоху Иліады и Одиссеи—чисто-аристократическій, какъ аристократично и гомеровское общество. Положеніе гомеровскаго царя равносильно положенію средне-вѣковаго короля между феодаловъ. Въ эту эпоху кромѣ крупныхъ царей существуетъ много мелкихъ, находящихся въ извѣстной зависимости отъ главнаго царя, и потому самое слово царь въ ту эпоху подобно прилагательному имѣетъ степени сравненія: просто царь—это базилей (*βασιλεύς*), главный царь называется базилéвтатосъ (*βασιλεύτατος*—Ил. IX 69; ср. 160). Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь извѣстную іерархію, соподчиненіе царей. Эту организацію можно назвать *феодальной*.

Власть главнаго царя относительно не велика: онъ постоянно ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ *совѣтами мелкихъ царей или старѣйшинъ* (когда принимается какое-нибудь важное рѣшеніе). Это—*βουλή γερόντων*. Высшая правящая аристократія рѣзко ограничиваетъ его власть. Мы видимъ, какъ царь Ахиллесъ называетъ главнаго царя Агамемнона „безстыжимъ", „съ собачьими глазами" и тому подобными эпитетами. Обращеніе, какъ видимъ, даже менѣе почтительное, чѣмъ въ западно-европейскій феодальный періодъ.

Гомеровскій царь—жрецъ, военачальникъ и отчасти судья. Но на войнѣ главный царь не всегда главный начальникъ. Агамемнонъ въ поэмѣ является вождемъ, такъ какъ онъ способенъ къ веденію этого дѣла. И судебныя функціи отправляютъ болѣе *старѣйшины*, чѣмъ самъ царь (Ил. XVIII 497—508).

Народъ (демосъ, лаосъ) играетъ пассивную роль. Руководящая роль принадлежитъ аристократіи.

Во 2-ой пѣснѣ Иліады мы видимъ такую картину. Агамемнонъ хочетъ испытать стойкость своего войска и обращается къ нему съ вопросомъ, не хотятъ ли воины возвратиться домой, причемъ онъ питаетъ въ душѣ увѣренность въ томъ, что они откажутся. Послѣ его рѣчи всѣ бѣгутъ къ кораблямъ, бѣгутъ простые воины, бѣгутъ и цари. Уходить изъ подъ Трои съ пустыми руками Агамемнону не хочется, и вотъ Одиссей останавливаетъ бѣгущихъ: ласковой рѣчью—бѣгущихъ знатныхъ и ударами скипетра—простолюдиновъ. Здѣсь мы видимъ рѣзкое различіе въ отношеніи аристократа къ себѣ подобнымъ и простому народу.

Простой человѣкъ не годенъ къ бою: онъ можетъ выйти на бой только пѣшимъ, тогда какъ аристократъ на колесницѣ—въ полномъ вооруженіи. Поэтому простой человѣкъ играетъ

второстепенную роль и въ совѣтѣ. На родинѣ Одиссея, о. Итакѣ, въ отсутствіе Одиссея народное собраніе не собиралось 20 лѣтъ: правили аристократы.

Однако оппозиція уже зарождается. Въ той же сценѣ (Ил. II), послѣ того, какъ Одиссей крутыми мѣрами возстановилъ порядокъ въ войскѣ, выступаетъ и оппозиція—въ лицѣ нѣкоего Ѳерсита. Ѳерситъ—типъ будущаго демагога. Въ поэмѣ онъ представленъ въ комическомъ свѣтѣ: наружность его безобразна: „былъ онъ косой и хромой, и его искривленныя плечи вмѣстѣ сходились къ груди, а еще заостренною кверху онъ обладалъ головою и рѣдкій торчалъ на ней волосъ“ (Ил. II 217—219), и, въ концѣ концовъ, за оппозиціонное настроеніе и рѣчи Одиссей бьетъ его. Демократическое движеніе почвы пока не имѣетъ. Поэтому и народное собраніе не играетъ важной роли.

Итакъ государственный строй Гомеровскаго періода вытекаетъ изъ соціальной группировки этого времени.

Слабость государственнаго объединенія. Мы видимъ, что центральная власть въ гомеровскихъ государствахъ слаба. Отдѣльные царьки (βασιλῆες) пользуются большой самостоятельностью. Нужны исключительныя обстоятельства, чтобы эти мелкія царства объединялись въ сравнительно болѣе значительную организацію.

Такое положеніе прекрасно обрисовывается въ „Одиссеѣ“ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ отношеніяхъ на о. Итакѣ въ то время, какъ главный царь Одиссей отсутствуетъ уже 20-й годъ.

Здѣсь оказывается много царей кромѣ Одиссея. За отсутствіемъ Одиссея Итака, повидимому, оставалась безъ царя, а между тѣмъ Телемахъ удостовѣряетъ, что „на волнообъятой Итакѣ много и другихъ царей и молодыхъ, и старыхъ“. (Одис. I 394—396). Одиссей только главный среди этихъ мелкихъ царей. Такъ какъ главный царь отсутствуетъ, то происходитъ разложеніе общаго соединенія, всякій царь дѣйствуетъ на свой страхъ и рискъ. Спрашивается, что же могло заставить этихъ мелкихъ властителей объединиться. Мы читаемъ, что Телемахъ созываетъ народное собраніе. Оно уже давно не созывалось: съ тѣхъ поръ, какъ отсутствуетъ Одиссей. Этотъ созывъ поражаетъ жителей Итаки. Эгиптій задаетъ вопросъ:

„Кто же насъ собралъ теперь? Кому въ томъ внезапная нужда?
„Юноша ль онъ расцвѣтающій? Мужъ ли годами созрѣлый?

„Слышалъ ли вѣсть о идущей на насъ непріятельской силѣ?
„Хочетъ ли насъ остеречь, напередъ все подробно развѣдавъ?
„Или о пользѣ народной какой предложить намъ намѣренъ?
„Долженъ быть честный онъ гражданинъ; слава ему! Да поможетъ
„Зевсъ помышленіямъ добрымъ его совершиться успѣшно".
(Одис. II 28—34).

Согласно замѣчанію Эгиптія, мы видимъ два мотива объединенія: 1) наступленіе враговъ, 2) другія общественныя нужды. Значитъ, болѣе значительныя государственныя соединенія вызывались или необходимостью самообороны, или общественными потребностями другого рода, непосильными для мелкихъ соединеній.

Правительственныя задачи. Мы видѣли, что гомеровскій царь является жрецомъ, военачальникомъ и отчасти судьей. Таковы и вообще функціи правительства.

а) *Религія.* Царь, какъ вождь народа, приноситъ жертвы богамъ. Такъ мы видимъ, какъ цари съ Агамемнономъ во главѣ приносятъ жертвы предъ началомъ боя (II 402 сс.). Агамемнонъ приноситъ жертву за ахейцевъ и произноситъ клятву передъ единоборствомъ Менелая съ Парисомъ, которое должно рѣшить споръ ахейцевъ съ троянцами (III 270 сс.). Профессіональные жрецы у Гомера выступаютъ рѣдко (Хризъ въ Ил. I 450 сс.).

б) *Войско.* Цари — военачальники, аристократы—главная военная сила. Они являются въ сраженіе на колесницахъ, хотя во время сраженій обычно спѣшиваются. Главнымъ образомъ они и рѣшаютъ судьбу сраженія. Гомеровское сраженіе сводится преимущественно къ схваткамъ отдѣльныхъ воиновъ.

Рядомъ съ этой высшей аристократіей на колесницахъ, мы видимъ тяжеловооруженныхъ пѣхотинцевъ: они вооружены копьемъ и мечомъ и защищены щитомъ, латами (которыя, однако, отсутствуютъ въ „Одиссеѣ", да и въ „Иліадѣ" упоминается не часто), поножами и шлемомъ. Эти люди вербовались изъ знати низшей и изъ зажиточныхъ свободныхъ людей, могшихъ имѣть дорогое тяжелое вооруженіе.

Далѣе мы встрѣчаемъ легковооруженную пѣхоту, вооруруженную лукомъ и пращей. Хотя мы видимъ и здѣсь знатныхъ людей съ такимъ вооруженіемъ, но большинство легче

вооруженныхъ, конечно, было изъ небогатыхъ, зависимых людей *).

б) *Судъ* **). Гомеровскій царь играетъ малую роль в охранѣ порядка внутри общества. Государственное вмѣшатель ство въ отношенія, какъ между индивидами, такъ и межд общественными группами еще очень незначительно, и глав гомеровскаго государства имѣетъ мало отношенія къ спорам возникающимъ въ этой средѣ. Господствуетъ принципъ лично и родовой мѣсти. Мы постепенно читаемъ у Гомера о бѣгств того или другого лица изъ-за страха мести послѣ убійств кого-либо (напр., Ил. XIII 694; XV 430; ср. Од. I 294—29 и т. п.). Самая борьба Одиссея съ женихами въ XXII пѣсн есть тоже отзвукъ этого обычая мести. Однако въ поэмахъ уж допускается и замѣна кровавой мести выкупомъ (пеней—ποινή Такъ мы читаемъ въ Иліадѣ (IX 632—636):

> .... Братъ за убитаго брата,
> Даже за сына убитаго пеню отецъ принимаетъ;
> Самый убійца въ народѣ живетъ, отплатившись богатствомъ
> Пеню же взявшій—и мстительный духъ свой, и гордо сердце—
> Все наконецъ укрощаетъ... ***)

Въ случаѣ сомнѣнія въ уплатѣ выкупа выставляется по ручитель. Такъ Посейдонъ вызывается быть поручителемъ пе редъ Гефестомъ въ уплатѣ штрафа за Ареса, котораго Гефест засталъ на мѣстѣ преступленія (Од. VIII 350—353).

Мы видимъ, что для прекращенія вражды между родам и племенами прибѣгаютъ къ торжественнымъ клятвамъ. В III пѣснѣ Иліады ахейцы и троянцы соглашаются рѣшить сво распрю единоборствомъ Менелая и Париса и для этого совер шаютъ торжественныя жертвоприношенія и произносятъ торже ственныя клятвы.—Такой же клятвой о прекращеніи распр между царемъ и сторонниками жениховъ оканчивается Одиссея

Если распрю не удается окончить местью или соглаше ніемъ, только тогда обращаются къ суду, который имѣетъ тре

*) Гомеровское войско и военные пріемы хорошо охарактеризован *Seymour*'омъ въ его Life in the Homeric Age, New York, 1907, pp. 558—682.

**) См. *Bréhier*, La royauté homérique въ Revue hist., vol. 84 (1904 p. 1—32.

***) Ср. Ил. V 265—266 и XVIII 498.

тейскій характеръ: онъ, какъ мы видѣли, не является обязательнымъ съ самаго возникновенія распри. Судъ производится на основаніи обычаевъ (*θέμις*), которые считаются данными отъ боговъ. Хранителями этихъ обычаевъ являются цари, символомъ чего служатъ ихъ скиптры (Ил. IX 98 сс.,—см. выше стр. 130). Однако высшіе цари сами не производятъ судъ: послѣдній остается въ рукахъ низшихъ вождей (*γέροντες*). Это аристократы-феодалы, обладающіе скиптрами; они названы въ Иліадѣ (I 237—239) **δικασπόλοι** (въ Одис. XI 186 такъ названъ Телемахъ) *).

Какъ проиводился судъ „старѣйшинами“ (*γέροντες*),—это видно изъ знаменитой сцены суда, изображенной на щитѣ Ахиллеса (XVIII 497—508) **):

Множество гражданъ толпятся на мѣстѣ народныхъ собраній.
Тяжба предъ ними рѣшается. Двое тамъ спорятъ о пенѣ (**εἵνεκα ποινῆς**)
За умерщвленнаго мужа. Одинъ предъ народомъ клянется
Въ томъ, что весь долгъ уплатилъ, а другой—что не видѣлъ уплаты.
Оба они пожелали окончить свой споръ предъ судьею (**ἐπὶ ἵστορι**).
Граждане подняли крикъ, защищая того иль другого.
Ихъ успокоить пытаются вѣстники. Въ кругѣ священномъ
Старцы сидятъ, размѣстившись на гладко обтесанныхъ камняхъ,
Посохи (**σκῆπτρα**) въ руки берутъ у глашатаевъ звонкоголосыхъ
И, опираясь на нихъ, чередой возглашаютъ рѣшенье.
А посрединѣ собранья лежатъ золотыхъ два таланта—
Вознагражденье тому, кто рѣшитъ справедливѣе тяжбу.

Мы видимъ здѣсь, что два лица вмѣсто того, чтобы вести кровавую борьбу для отмщенія за убитаго, согласились покончить дѣло уплатой выкупа (пени—**ποινή**). Однако изъ-за пени у нихъ и возникъ споръ, и только тутъ они обращаются къ суду. Такимъ образомъ судъ имѣетъ *третейскій* характеръ,

*) Ср. упоминаніе о мужѣ, разбирающемъ тяжбы въ Одис. XII 440.
**) Пер. Минскаго (болѣе точный въ 501 ст.).

характеръ посредничества, къ которому тяжущіеся вольны обратиться, а могутъ и не обращаться. Бросается въ глаза въ поэмахъ, что самое убійство тамъ не является предметомъ судебнаго разбирательства.

Кто судитъ въ этой сценѣ? Судьи названы *γέροντες*. Такъ какъ они имѣютъ скипетры *), а скипетръ въ поэмахъ символъ царской власти **) и такъ какъ въ другомъ мѣстѣ судьей (*δικασπόλος*) названъ Телемахъ ***), то трудно сомнѣваться, что это—низшіе цари—феодалы (главы выдвинувшихся въ гомеровскомъ обществѣ родовъ).—Однако эти цари творятъ судъ гласно, подъ народнымъ контролемъ, ибо вокругъ собралось народное собраніе. Но этотъ контроль не облеченъ въ какія-либо формы: народъ выражаетъ крикомъ только свое сочувствіе или несочувствіе сторонамъ. Власть и здѣсь не у народа, а у правящей группы феодаловъ.

За свой трудъ судьи получаютъ вознагражденіе отъ тяжущихся (въ данномъ случаѣ 2 таланта золота—сумма, вѣроятно, преувеличена). ****)

г) *Правительственныя средства.* Если функціи царей и особенно главнаго царя въ гомеровскомъ обществѣ такъ ограничены, если защита правъ сосредоточивается въ рукахъ гл. обр. родовыхъ соединеній,—то не могло возникнуть и особой организаціи правительственныхъ средствъ: нѣтъ еще ни бюрократіи, ни системы финансовъ. Цари имѣютъ болѣе или менѣе значительный штатъ дворни, но не чиновниковъ. Единственныя лица, роль которыхъ напоминаетъ роль чиновниковъ,—это *глашатаи* (*κήρυκας*), но и они не считаются зависимыми отъ царя: они „работники на народъ“, деміурги (см. выше стр. 116) и берутся изъ низшей знати.

Цари живутъ доходомъ со своихъ земель и стадъ. Отъ народа они получаютъ при возникновеніи поселенія или династіи

---

*) Ср. также Ил. I 237 сс.

**) Ср. Ил. II 181; 197; 206.

***) Од. XI 186.

****) Подъ ἴστωρ'омъ въ ст. 501 нужно понимать ни какого-либо особаго свѣдущаго человѣка, который будто-бы высказываетъ свое мнѣніе ранѣе судей и съ которымъ считаются судьи (*Finsler*, Homer, 379): ἴστωρ'омъ названъ каждый изъ судей—γέροντες, творящихъ судъ. Такой смыслъ и вложенъ въ переводъ Н. М. Минскаго (въ переводѣ Гнѣдича-Грузинскаго этотъ стихъ вообще переданъ невѣрно).—О разныхъ толкованіяхъ Ил. XVIII 497—508 см. *A. Andréadès*, Les finances de l'état homérique въ Rev. d. ét. gr. XXVIII (1915), 413-416.

или при воцареніи большой „отрубной участокъ“ (*τέμενος*). *) При раздѣлѣ добычи они получаютъ бо́льшія доли, чѣмъ другіе воины (почетный даръ—*γέρας*) **).—Упоминаніе о платежахъ другого рода, дѣлаемыхъ царю, очень рѣдки: существовали дары царю, но они врядъ ли были правильнымъ обложеніемъ. При отсутствіи денежнаго хозяйства дары дѣлаются натурой. Такъ мы читаемъ (Ил. IX 156), что Агамемнонъ обѣщаетъ подарить Ахиллесу, если послѣдній вернется къ бою, 7 городовъ, жители которыхъ будутъ чтить его дарами (*δωτίνη*), какъ бога, и платить ему особую дань за поддержаніе права (*οἵ ὑπὸ σκήπτρῳ λιπαρὰς τελέουσι θέμιστας*). Мы читаемъ, что финикійскіе купцы дѣлаютъ дары лемносскому царю Өоасу, во владѣніяхъ котораго они торгуютъ. ***)

Большія земли и упомянутые дары дѣлаютъ царей, несмотря на отсутствіе правильной финансовой организаціи, очень богатыми по тогдашнему масштабу. Телемахъ говоритъ въ Одиссеѣ:

„Нѣтъ, конечно, царемъ быть не худо: богатство въ царскомъ
„Домѣ скопляется скоро, и самъ онъ въ чести у народа“
(Од. I 392 с.).

Мы видѣли, что главной обязанностью царей является военная защита народа. Осуществленіе этой обязанности возможно въ силу существованія *воинской повинности*: по зову высшаго царя и другіе цари и „люди“ (*λαοί*) стекаются на борьбу съ врагомъ. Очевидно, каждая семья должна была выставить воина. Такъ Гермесъ, принявшій человѣческій образъ, говоритъ, будто бы онъ—сынъ подданнаго Ахиллеса Поликтора и на него палъ жребій, чтобы именно онъ изъ 7 сыновей Поликтора шелъ подъ Трою съ Ахиллесомъ (Ил. XXIV 400). Отъ натуральной военной повинности можно было откупаться, дѣлая царю даръ (Ил. XIII 669; XXIII 296).

Заключеніе. Итакъ гомеровское общество нельзя назвать первобытнымъ: правда, оно живетъ гл. обр. земледѣліемъ и скотоводствомъ, промышленность и торговля слабо развиты, но раздѣленіе труда уже существуетъ. Общество покоится на родовыхъ и племенныхъ основахъ, но въ позднѣйшихъ, а не въ при-

---

*) Ил. VI 194; особ. XVIII 550. Одис. VI 293; XI 185.

**) Ил. 163; II 226; XI 627. Одис. VII 10.

***) Ил. XXIII 745. См. *Seymour*, o. c., 84. Ср. также *A. Andréadès*, o. c. 377–416.

митивныхъ формахъ этихъ соединеній. Это общество въ соціальномъ отношеніи уже значительно дифференцировано: изъ массы родовъ выдѣлились болѣе богатые аристократическіе роды, которые держатъ значительную часть остального общества въ зависимости отъ себя. Въ опустившихся родахъ родовыя связи, конечно, постепенно слабѣютъ, и эти роды распадаются, причемъ отдѣльныя семьи впослѣдствіи попадутъ въ зависимость отъ аристократическихъ сплоченныхъ родовъ. — Государственный строй напоминаетъ *феодальный*: 1) власть раздроблена, 2) связана съ землевладѣніемъ, 3) наблюдается іерархія между государями-помѣщиками, 4) значительная часть низшаго населенія находится въ экономической и политической зависимости отъ правящей группы землевладѣльцевъ.—Государственное вмѣшательство въ жизнь родовыхъ соединеній незначительно.—Незначительны и правительственныя средства: нѣтъ правильно организованнаго чиновничества, правильнаго обложенія. Повинности зависимаго населенія имѣютъ натуральный характеръ.

IX. Аѳины въ эпоху средневѣковья.

Аѳины вмѣстѣ со Спартой занимаютъ въ древней Греціи доминирующее положеніе. О причинахъ такого положенія Аѳинъ подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, теперь же, какъ на одну изъ причинъ, слѣдуетъ указать на то обстоятельство, что и Спарта и Аѳины сумѣли создать сравнительно болѣе обширную территорію, чѣмъ другія греческія государства, которыя долгое время оставались раздробленными и не выходили за предѣлы городской территоріи. Значеніе Аѳинъ въ исторіи всѣмъ извѣстно: всѣмъ извѣстенъ расцвѣтъ искусства, литературы, философіи въ Аѳинахъ въ V—IV вв. Это заставляетъ историка Греціи обращать на исторію Аѳинъ особенное вниманіе. Итакъ, Аѳины выдѣляются изъ ряда другихъ греческихъ государствъ и въ политическомъ отношеніи, и въ отношеніи культурномъ.

Источники для древнѣйшей исторіи Аѳинъ.

1) Для историка важны *вещественныя данныя*, дошедшія отъ изучаемой эпохи.

Въ Аттикѣ найдены остатки *микенской культуры*. На Аѳинскомъ акрополѣ найдены остатки микенскаго дворца. Куполообразная гробница въ 1880 г. найдена въ деревнѣ Менидли (древній демъ Ахарны). Еще ранѣе въ 1877 г. микенская

гробница найдена въ Спатѣ (древ. Эрхія). Остатки микенской культуры обнаружены на о. Эгинѣ. Такимъ образомъ наличность микенской культуры въ Аттикѣ несомнѣнна. Въ микенскій періодъ центромъ культурной жизни Аттики уже былъ городъ Аѳины, точнѣе—Аѳинскій акрополь, такъ какъ здѣсь были найдены остатки микенскаго дворца. Затѣмъ микенскій періодъ въ Аттикѣ обрывается, какъ и въ остальной Греціи.

Слѣдующій археологическій періодъ въ Аттикѣ характеризуется пониженіемъ культуры, причина котораго, какъ мы видѣли, кроется въ нашествіи полуварваровъ—дорянъ—и ослабленіемъ связи съ Египтомъ и Востокомъ. Правда, доряне въ Аттикѣ не осѣли прочно, но ихъ движеніе вызвало по всей Греціи и въ частности въ Аттикѣ извѣстную степень варваризаціи. Послѣ-микенская керамика въ Аттикѣ именуются предметами *дипилонскаго стиля.* Такъ называется этотъ стиль потому, что наиболѣе типичные остатки этой культуры найдены на кладбищѣ у Дипилонскихъ воротъ въ Аѳинахъ. Изъ остатковъ дипилонскаго стиля наиболѣе характерны сосуды. Какъ мы видѣли, сосуды микенскаго періода представляютъ очень важный историческій матеріалъ, сосуды дипилонскаго стиля тоже въ высшей степени цѣнны въ этомъ отношеніи. Сосуды эти—расписаны, какъ и микенскія, но стиль ихъ отличается отъ микенскаго. Въ микенскій періодъ мы встрѣчаемъ красивый орнаментъ, замѣтны восточные и морскіе мотивы. На дипилонскихъ вазахъ мы не видимъ болѣе восточного вліянія: отношенія съ востокомъ, очевидно, прервались. Дипилонскій орнаментъ есть частный видъ весьма распространеннаго въ древнѣйшей послѣ-микенской Греціи *геометрическаго* стиля. Геометрическій художественный стиль—крайне несложенъ. Изъ линій встрѣчаются только прямыя и ломаныя, единственная кривая—кругъ. Въ микенскомъ стилѣ встрѣчаемъ обиліе цвѣтовъ, розетокъ, множество кривыхъ линій; въ дипилонскомъ—ихъ нѣтъ. На болѣе позднихъ вазахъ дипилонскаго стиля встрѣчаемъ орнаментъ изъ ломаныхъ линій, именуемый меандромъ; позднѣе ломаныя, составляющія этотъ орнаментъ, переходятъ въ кривыя. Затѣмъ попадается очень распространенный орнаментъ, такъ называемый свастика, орнаментъ крестообразнаго типа.

Таковъ орнаментъ. Онъ несравненно проще микенскаго. Кромѣ этихъ несложныхъ геометрическихъ рисунковъ встрѣчаются изображенія животныхъ, но уже мѣстныхъ—лошадей, сернъ—вообще, животныхъ, водящихся на Балканскомъ полуостровѣ; найдены изображенія водяныхъ птицъ. Рисунки—

примитивны, напоминаютъ рисунки дѣтей. Изображаются и люди, иногда цѣлыя процессіи, напримѣръ, погребальныя. Миѳологическіе сюжеты на болѣе раннихъ образцахъ отсутствуютъ.

Обыкновенно рисунокъ дѣлается темно-коричневой краской на свѣтло-красновато-желтомъ фонѣ.

Какіе выводы можно сдѣлать на основаніи этого археологическаго матеріала? Мы видимъ пониженіе культуры, выражающееся въ крайнемъ упрощеніи орнамента и въ исчезновеніи восточныхъ мотивовъ. Въ могилахъ этого періода, гораздо менѣе величественныхъ, чѣмъ микенскія, мы находимъ указаніе, что и въ этотъ періодъ, какъ и въ предшествующій—микенскій—господствовало погребеніе, а не сожженіе. Могилы вырыты въ землѣ, сверху земляная насыпь, вмѣсто надгробной плиты встрѣченъ сосудъ съ отверстіемъ въ днѣ. Можно предполагать, что черезъ это отверстіе дѣлались возліянія, чтобы возливаемое скорѣе достигало покойника.

Расцвѣтъ дипилонскаго искусства относятъ къ IX—VIII в., но начало его развитія относится, конечно, къ болѣе раннему времени. Важно замѣтить, что позднѣйшіе образцы этого стиля отличаются отъ первоначальныхъ. Позднѣе начинаютъ фигурировать миѳологическіе сюжеты, рисунокъ усложняется.

2) Изъ письменныхъ источниковъ для древнѣйшей исторіи Аѳинъ слѣдуетъ прежде всего упомянуть *надписи*. Дошли до насъ отъ этой эпохи немногія. Древнѣйшая надпись на дипилонскомъ сосудѣ относится къ началу VII в. Содержаніе ея—не представляетъ большого интереса. Отъ VI вѣка дошло больше надписей. Большинство изъ нихъ сохранилось на разныхъ сосудахъ. Отъ конца VI в.,—отъ эпохи Писистратидовъ—сохранилась болѣе важная по содержанію надпись: постановленіе Аѳинскаго народнаго собранія о выводѣ колоніи на о. Саламинъ.

Древніе греческіе историки имѣли въ рукахъ и болѣе важныя надписи VII и VI вв., напримѣръ, законы Дракона, законы Солона (послѣдніе были написаны на деревянныхъ доскахъ). Черезъ посредство воспользовавшихся ими древнихъ историковъ, и въ болѣе позднихъ копіяхъ (одинъ изъ законовъ Дракона *)) онѣ частью сохранились и до насъ.

3) *Разсказы о прошломъ*. а) *Разсказы современниковъ о ихъ времени* дошли до насъ только начиная съ V в., съ

---

*) См. выше стр. 122.

эпохи пелопоннесской войны. Для древнѣйшей эпохи аѳинской исторіи разсказовъ современниковъ мы не имѣемъ, если не считать *элегій Солона*. Аристотель, Плутархъ и другіе сохранили отрывки изъ этихъ элегій. Солонъ, одинъ древнѣйшихъ лириковъ; его элегіи—политическаго характера: въ нихъ онъ оправдывалъ свои мѣропріятія, свою дѣятельность. Слѣдовательно, это важный, но не объективный матеріалъ: Солонъ въ своихъ элегіяхъ всегда старается защитить себя и свои реформы.

б) Что касается разсказовъ позднѣйшаго происхожденія о прошломъ Аттики, то въ числѣ дошедшихъ до насъ авторовъ прежде всего нужно упомянуть Геродота. Въ своемъ историческомъ трудѣ Геродотъ обращалъ главное вниманіе на исторію греко-персидскихъ войнъ, но, попутно, касался и исторію Мидіи, Вавилона, Персіи, Египта, самой Греціи до названныхъ войнъ, отчего разсказъ его иногда теряетъ послѣдовательность. Онъ напоминаетъ манеру позднѣйшихъ греческихъ романистовъ и восточныхъ писателей, въ родѣ авторовъ 1001 ночи, когда по поводу чего-либо дѣлаются большія отступленія, и авторъ какъ бы забываетъ главный предметъ своего изложенія. Однако, эти отступленія дороги для насъ: Геродотъ далъ намъ здѣсь рядъ свѣдѣній по древнѣйшій исторіи Аттики.

Очень важныя свѣдѣнія даетъ намъ другой греческій историкъ—*Ѳукидидъ*. Онъ пишетъ исторію пелопоннесской войны, но въ 1-ой книгѣ (такъ называемой „Археологіи“) даетъ очень цѣнный очеркъ по исторіи древней Греціи, гдѣ касается и Аттики. Есть у него упоминанія о древнѣйшей исторіи Аттики и въ другихъ мѣстахъ изложенія.

Въ IV в. въ аѳинской исторіографіи появляются особыя хроники аѳинской исторіи,—такъ напр. Аттиды (*Ἀτθίς*). Объ этихъ Аттидахъ и аттидографахъ я уже говорилъ въ общемъ очеркѣ греческой исторіографіи (см. выше стр. 17). *)

На аттической исторіографіи конца V и всего IV в. весьма сильно отразилось то *тенденціозное направленіе*, о которомъ я говорилъ въ общемъ очеркѣ греческой исторіографіи (выше стр. 16). Появились историческіе памфлеты, проникнутые политическими тенденціями. Въ Аѳинахъ въ концѣ V в. страшно обострилась борьба партій, возникшихъ на почвѣ классовой борьбы. Какъ и въ Спартѣ, представители аѳинскихъ партій

*) Аттиды дошли до насъ въ отрывкахъ, которые собраны въ Fragmenta Historicorum Graecorum (см. выше стр. 27).

старались обосновать свои программы ссылками на аѳинское прошлое. Особенно этимъ пользовались аѳинскіе консерваторы эпохи пелопоннесской войны и позднѣе. Они ссылались на то, что ихъ идеалы коренятся въ прошломъ, что ихъ программа есть „Отечественное государственное устройство“, (ἡ πάτριος πολιτεία). Изображаемый ими идеалъ представлялся имъ какъ бы „истинно-аѳинскимъ строемъ“, который, по ихъ мнѣнію, и нужно было возстановить. Особенно конецъ V и начало IV вв. отличаются обиліемъ этой тенденціозной литературы. Олигархъ конца V в. *Критій* написалъ памфлетъ, въ которомъ далъ характеристику аѳинскаго государственнаго строя съ этой точки зрѣнія. Кромѣ отрывковъ Критія, дошелъ другой памфлетъ: „*Πολιτεία Ἀθηναίων*“, приписываемый Ксенофонту и называемый „Псевдо-ксенофонтовой политіей“ (онъ помѣщается среди Ксенофонтовыхъ „Scripta minora“). Большинство ученыхъ считаетъ его не принадлежащимъ Ксенофонту. Это произведеніе явно тенденціозно. Оно даетъ матеріалъ для исторіи аѳинскихъ учрежденій, но еще интереснѣе для характеристики политической литературы конца V и начала IV вв. Такая тенденціозная литература наложила нѣкоторую печать и на позднѣйшую исторіографію, напримѣръ, на сочиненіе Аристотеля (см. ниже).

Въ связи съ этимъ теченіемъ, но нѣсколько въ сторонѣ отъ него стоятъ и другія произведенія, иногда тоже касающіяся аѳинской старины. Это—произведенія, пытающіяся дать изображенія *идеальнаго строя* для любого государства. По характеру своему они тоже тенденціозны. Къ такимъ произведеніямъ принадлежатъ „Республика“ и „Законы“—діалоги Платона. Видя Аѳины и другія государства Греціи раздираемыми партійной борьбой, Платонъ задается цѣлью нарисовать идеальный государственный строй, который сглаживалъ бы классовыя противорѣчія и партійную борьбу. Такихъ произведеній, рисующихъ идеальный строй, появилось не мало.

Здѣсь однако не мѣсто характеризовать ихъ подробно.

„*Аѳинская политія*“ *Аристотеля.* Представителемъ научной реакціи противъ такихъ утопическихъ построеній явился *Аристотель.* Онъ ясно сознавалъ, что создать государственный строй, пригодный для всѣхъ временъ и всѣхъ обществъ, нельзя,—можно создать только относительно лучшій. Этой цѣлью онъ и задался. Аристотель сталъ на ту почву, на которой стоитъ современная общественная наука, т. е. на почву изученія дѣйствительности, современной ему и прошлой. Окруженный многими учениками, онъ могъ предпринять громадное

по замыслу и объему изслѣдованіе, и при ихъ сотрудничествѣ онъ очертилъ историческое прошлое и современное ему состояніе государственныхъ учрежденій 158 государствъ. Это—рядъ небольшихъ трактатовъ, именуемыхъ „Политіями“. Каждое изъ этихъ изслѣдованій состоитъ изъ 2-хъ частей: въ первой части содержится описаніе исторіи государственнаго строя даннаго государства; 2-ая часть содержитъ характеристику современнаго Аристотелю строя. Большинство этихъ Политій совсѣмъ не дошло до насъ, другія лишь въ отрывкахъ или сокращеніи. *) Въ большей своей части дошла до насъ только одна „Аѳинская политія“.

Собравши матеріалъ, Аристотель могъ приступить и къ обобщенію его результатовъ. Таковое содержится въ его „Политикѣ“. „Политіи“, такимъ образомъ, изслѣдованія историческія, „Политика“ же—соціологическое, нѣчто въ родѣ „Духа законовъ“ Монтескье.

Въ „*Политикѣ*“ Аристотель задается цѣлью прослѣдить, какъ возникаетъ государство, каковы его основы, какія существуютъ государственныя формы, какъ онѣ измѣняются, затѣмъ начертать картину наиболѣе совершеннаго государственнаго строя. Аристотель различаетъ нормальныя и извращенныя формы государственнаго строя.

„Политика“ вышла, повидимому, во второй половинѣ его жизни—въ 336—335 г., такъ какъ онъ знаетъ объ убіеніи Филиппа Македонскаго, но не знаетъ о разрушеніи Ѳивъ.

Что касается „Политій“, то осуществленіе такого громаднаго предпріятія должно было занять очень значительное количество времени. Часть „Политій“ вышла ранѣе „Политики“, часть—позднѣе, сюда относятъ и „Аѳинскую политію“.

Матеріалъ для нея былъ собранъ ранѣе опубликованія „Политики“, что доказывается тожествомъ основныхъ взглядовъ и въ „Политіи“ и въ „Политикѣ“, хотя наблюдаются и разногласія. „Аѳинская Политія“ вышла между 329 и 322 гг. Слѣдующія соображенія говорятъ въ пользу этого: Аристотель упоминаетъ о внѣшнихъ владѣніяхъ Аѳинъ, о которыхъ можно говорить, какъ о таковыхъ, только послѣ 329 г.; но она вышла ранѣе 322 г., такъ какъ въ ней не говорится о тимократической системѣ, введенной Антипатромъ.

Аристотель измѣнилъ здѣсь нѣкоторыя свои прежнія мнѣнія.

---

*) Собраны *Rose*: Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta.

Открытіе „Аѳинской Политіи. Она найдена не такъ давно. Въ 1890 г. въ числѣ папирусовъ, привезенныхъ въ Англію, хранителемъ Британскаго Музея *Кеніономъ* найдена была рукопись, написанная на 4 полосахъ папируса. Начиналась она изложеніемъ исторіи аѳинскаго государственнаго строя и оканчивалась описаніемъ его, каковымъ онъ былъ въ IV вѣкѣ.

Кеніонъ очень скоро увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ Аристотелевой „Политіей". Онъ началъ усиленно работать надъ рукописью и въ 1891 г. трактатъ уже появился въ свѣтъ. „Аѳинской политіей" заинтересовались не только спеціалисты по исторіи Греціи, но и всѣ вообще интересующіеся исторіей. Было помѣщено много статей въ общихъ журналахъ по поводу ея открытія. Дѣйствительно, рѣдко греческая исторіографія переживала такой кризисъ: эта находка заставила пересмотрѣть старыя теоріи. Въ русской литературѣ въ 1895 г. появилась книга проф. Бузескула, всецѣло посвященная Аристотелевой „Политіи" подъ заглавіемъ: „Аѳинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V в.". Въ этой книгѣ сведена была новая литература (впрочемъ послѣ нея вышло не мало новыхъ работъ объ „Аѳинской политіи").

Вопросъ о подлинности „Аѳинской политіи" Аристотеля. Подлинно ли это Аристотелева „Политія"? Нѣкоторые указывали на небрежность стиля, противорѣчія съ „Политикой" и полагали, что авторъ найденнаго труда—не Аристотель, но скептиковъ было немного. Когда принялись изучать трактатъ, бросилось въ глаза, что содержаніе его совпадаетъ съ ранѣе извѣстнымъ конспектомъ „Аѳинской политіи" Аристотеля (крайне сжатымъ), сдѣланнымъ Гераклидомъ Понтійскимъ.

Изслѣдовали трактатъ и со стороны языка. Въ своей основѣ языкъ трактата оказался сходенъ съ языкомъ сочиненій Аристотеля. Правда, стиль оказался небрежнымъ, ибо это, по всей вѣроятности, лекціи Аристотеля записанныя и изданныя не имъ самимъ, а его учениками. „Политія"—записки его слушателей. Это обстоятельство лишь до извѣстной степени умаляетъ значеніе „Политіи".

Содержаніе „Аѳинской политіи". Первыя 41 главы, на которыя Кеніонъ раздѣлилъ трактатъ, посвящены исторіи аѳинскаго государственнаго строя (въ дѣйствительности нѣсколько больше 41 главы, такъ какъ начало трактата не дошло до насъ). Эти главы доводятъ исторію государственныхъ учрежденій до 403 г., до архонства Эвклида, а послѣднія сохранившіяся главы (42—63) характеризуютъ строй, современный Аристотелю (конецъ трактата утраченъ).

Каково содержаніе первой (исторической) части трактата? Въ началѣ характеризуется древнѣйшій строй Аттики. Совершенно новую и, слѣдуетъ замѣтить, невѣрную картину даетъ трактатъ въ теперешнемъ видѣ (въ 4-ой главѣ) о реформѣ Дракона (объ этомъ см. ниже). Очень много говоритъ онъ о реформѣ Солона, о сисахтіи, о введеніи народныхъ судовъ въ Аѳинахъ, приводитъ цѣлый рядъ отрывковъ изъ элегій Солона. Очень много цѣннаго сообщаетъ онъ для эпохи, слѣдовавшей за Солономъ, объ архонтствѣ Дамасія, о Писистратѣ. Новое представленіе даетъ Аристотель о реформѣ Клисѳена (до находки „Политіи“ эта реформа представлялась сбивчиво). Для эпохи господства ареопага (эпохи греко-персидскихъ войнъ) также имѣются новыя свѣдѣнія. Наконецъ, много данныхъ сообщено о 50-лѣтіи (пентеконтаэтіи),—эпохѣ между нашествіемъ Ксеркса и пелопоннесской войной (480—431 г. до Р. Х.); подробно характеризуются государственные перевороты во время послѣдней войны (413—410 г.) и тираннія 30.

Источники Аристотеля. Аристотель пользовался переживаніями, надписями (повидимому, чаще въ передачѣ другихъ историковъ), сочиненіями Солона, историками (Геродотомъ и Ѳукидидомъ), Аттидами (повидимому, „Аттидой“ Андротіона) и тенденціозными политическими памфлетами историческаго содержанія.

Въ *критичности* Аристотель уступаетъ Ѳукидиду. Ѳукидидъ — историкъ по призванію, Аристотель — философъ, и, какъ историкъ, иногда оказывается не на высотѣ положенія. Напр., Аристотель вводитъ тенденціозный анекдотическій матеріалъ. Такъ, упраздненіе ареопага онъ объясняетъ чисто-анекдотическими подробностями, почерпнутыми, очевидно, изъ олигархическаго памфлета (гл. 25): якобы Ѳемистоклъ убѣдилъ Эфіальта содѣйствовать упраздненію ареопага только потому, что послѣдній хотѣлъ подвергнуть Ѳемистокла преслѣдованію за сношенія съ персами, межд тѣмъ хронологія ясно говоритъ, что въ 462 г., когда имѣла мѣсто реформа ареопага, Ѳемистоклъ уже покинулъ Аѳины. Несмотря на нѣкоторый недостатокъ критическаго такта, трактатъ цѣненъ въ томъ отношеніи, что выдвигаетъ цѣлый рядъ важныхъ пріемовъ историческаго изслѣдованія. Авторъ сопоставляетъ источники: такъ, говоря объ извѣстномъ событіи, онъ нерѣдко отмѣчаетъ, что аристократическая версія представляетъ событіе въ иномъ видѣ, чѣмъ демократическая. Аристотель пользуется переживаніями, обращается къ надписямъ.

хотя, вѣроятно, пользуется ими въ передачѣ позднѣйшихъ аттидографовъ и другихъ историковъ.

Біографіи Тезея и Солона, написанныя Плутархомъ. Остается упомянуть о двухъ біографіяхъ Плутарха—Тезея и Солона. Плутархъ, жившій уже въ эпоху ранней Римской имперіи, во 2-ой половинѣ I и въ началѣ II вѣка до Р. Х., въ сущности не историкъ, а гораздо болѣе моралистъ, преслѣдующій въ своихъ трудахъ преимущественно цѣли поученія. Въ своихъ „Параллельныхъ жизнеописаніяхъ“ Плутархъ желаетъ выставить образцы характеровъ (см. выше стр. 20). Строго-исторической критики искать у него нечего, но, такъ какъ онъ использовалъ много недошедшихъ до насъ историковъ, то съ нимъ слѣдуетъ очень и очень считаться. Біографія Тезея цѣнна потому, что въ ней, не смотря на миѳическій характеръ личности Тезея (хотя нельзя рѣшительно утверждать, что такой личности не было), сохранилось много матеріала изъ области аѳинскихъ преданій, а устныя преданія играли большую роль, какъ источникъ для древнѣйшей исторіи Аѳинъ. Эти преданія отличаются отъ преданій Спарты. Мы будемъ имѣть возможность убѣдиться, что преданія о Ликургѣ въ значительной части—измышленія позднѣйшихъ историковъ. Преданія Аѳинъ имѣютъ бо́льшую древность.—Въ основу біографіи Тезея Плутархъ положилъ, видимо, аттидографа Истра, жившаго въ III в. до Р. Х. Относительно біографіи Солона должно замѣтить, что большинство изслѣдователей склоняется къ мнѣнію, что въ основѣ ея лежитъ Гермиппъ—тоже писатель III в. до Р. Х., которымъ Плутархъ пользовался не въ одномъ данномъ случаѣ. Кромѣ этого источника, Плутархъ въ біографіи Солона использовалъ еще элегіи Солона, такъ какъ въ біографіи встрѣчается много отрывковъ изъ нихъ. Пользовался онъ и аттидографами, особенно Андротіономъ.

Все сказанное объ источникахъ для древнѣйшаго періода исторіи Аѳинъ можно резюмировать въ такихъ словахъ: непосредственныхъ остатковъ старины для древнѣйшей аѳинской исторіи до VI вѣка сохранилось очень немного: это археологическія данныя, въ родѣ остатковъ микенскаго періода въ Аттикѣ или дипилонскихъ вазъ (надписи на нихъ); косвенно, преимущественно черезъ посредство позднѣйшихъ историковъ, до насъ дошло содержаніе нѣсколькихъ надписей, какъ, напримѣръ, нѣкоторые отрывки изъ законовъ Солона и Дракона, относящихся къ концу VII и началу VI в.; отъ начала VI в. имѣемъ непосредственный памятникъ—отрывки изъ элегій Солона. Непо-

эредственныхъ памятниковъ не такъ много, поэтому приходится пользоваться преданіями, сохраненными историками. Лишь съ эпохи персидскихъ войнъ имѣются разсказы почти современниковъ ихъ. Матеріалъ для древнѣйшей исторіи Аѳинъ скуденъ, но лучше, чѣмъ матеріалъ для древнѣйшей исторіи Спарты (см. ниже).

Древнѣйшій строй Аѳинскаго государства.

Въ Аттикѣ уже около VIII в. находимъ *значительное государство.* Это обстоятельство крайне важно отмѣтить, потому что только въ двухъ мѣстахъ Греціи въ это время образовались крупныя государства—въ Лаконіи и Аттикѣ. Въ другихъ областяхъ Греціи крупныхъ государственныхъ соединеній не образовывалось до IV в. и даже до эллинистической эпохи. Ихъ нѣтъ нигдѣ—ни въ Арголидѣ, ни въ Бэотіи, не говоря уже о западныхъ областяхъ Греціи. Въ Аттикѣ и въ Лаконіи государственныя соединенія образовались въ болѣе отдаленный періодъ, въ силу чего Аѳины и Спарта и стали такъ рано играть руководящую роль въ исторіи Греціи.

Детальныхъ данныхъ объ образованіи Аѳинскаго государства мы не имѣемъ. Мы увидимъ ниже, что въ Лаконіи извѣстную роль игралъ синойкизмъ (*συνοικισμός*, т. е. сліяніе нѣсколькихъ общинъ въ одно политическое цѣлое), осложненный завоеваніемъ; синойкизмъ имѣлъ мѣсто и въ Аттикѣ, но въ образованіи Аѳинъ мы видимъ *чистый синойкизмъ.*

Аттика до синойкизма. Въ отдаленныя времена Аттика представляла изъ себя много разрозненныхъ государственныхъ соединеній,—особенно отчетливо говоритъ объ этомъ Ѳукидидъ. Обитатели Аттики жили не по городамъ, а въ селахъ. Въ каждой деревнѣ, въ каждой области были свои совѣты и свои пританеи. Такимъ образомъ Ѳукидидъ говоритъ, что Аттика прежде была раздроблена. Не смотря на то, что Ѳукидидъ очень остороженъ въ своихъ выводахъ, одного его авторитета было бы недостаточно для принятія этого положенія, но у насъ есть и иныя данныя, не говоря уже объ аналогіи съ другими греческими государствами. Въ частности, приходится думать, что Элевсинъ и Аѳины составляли въ древности два обособленныхъ государства, находившихся во враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Раскопки показываютъ, что Элевсинская долина и Аѳины были раздѣлены укрѣпленіями. Затѣмъ мы имѣемъ свѣдѣнія о томъ, что уже въ историческое время Элевсинъ сохранялъ право чеканки своей монеты: право это указываетъ, что въ древности Элевсинъ составлялъ отдѣльное государство. Въ

гимнѣ Деметрѣ, относимомъ къ первой половинѣ VII в., еще нѣтъ и рѣчи, что Элевсинъ входитъ въ составъ Аѳинскаго государства. Взглядъ на Элевсинъ, какъ на особую часть Аттики, выразился и по окончаніи пелопоннесской войны, когда спартанцы отдѣлили Элевсинъ отъ Аттики. *) Но не только объ Элевсинѣ сохранились указанія, что это было отдѣльное государство, но и о другихъ поселеніяхъ Аттики имѣются данныя въ томъ же родѣ,—напримѣръ, въ историческое время общины Паллена и Гагнъ не имѣли права эпигаміи (взаимныхъ браковъ), что указываетъ на былую обособленность ихъ. Наконецъ, наблюденія надъ исторіей культовъ заставляютъ думать, что Аттика была раздроблена. Въ различныхъ мѣстахъ Аттики имѣются слѣды господства различныхъ культовъ. Въ Тетраполисѣ (въ Мараѳонской области) мы находимъ культъ греческаго Аполлона (въ Мараѳонѣ—Деліонъ и въ Ойноѣ—Пиѳіонъ); затѣмъ—въ приморской области *Τετράκωμοι* и въ Мараѳонѣ мы находимъ культъ бога—Геракла (можетъ быть, финикійскаго Мелькарта). Въ самыхъ Аѳинахъ мы находимъ различные культы: въ Акрополѣ господствовали коренные мѣстные культы Зевса и Аѳины—будущей покровительницы города, Гефеста и мѣстныхъ хтоническихъ боговъ Эрехѳея и Кекропса. Въ прилегающихъ къ Акрополю мѣстностяхъ существовали тоже разные культы на сѣверо-западѣ—въ мѣстности, носившей финикійское названіе Мелита (*Μελίτη*), предполагаютъ существованіе культовъ Геракла **) и Афродиты ***),—оба эти божества имѣютъ связь съ финикійскими культами; на юго-востокѣ въ Аграхъ существовали культы Аполлона и Посейдона, т. е. культы свойственные іонійскому племени. Такимъ образомъ, мы видимъ культы различныхъ боговъ, господствующіе въ различныхъ частяхъ Аттики. Если мы примемъ во вниманіе, что греческія и италійскія общины были тѣсно связаны съ культомъ, то раздробленность культовъ даетъ возможность предполагать и государственную раздробленность. Впослѣдствіи произошелъ синойкизмъ, и культы смѣшались.

Итакъ, цѣлый рядъ данныхъ заставляетъ думать, что Аттика была раздроблена, что Ѳукидидъ правъ, или, вѣрнѣе право то преданіе, которое дошло черезъ него. Должно сказать что нѣкоторые изслѣдователи (К. Ваксмутъ, Гильбертъ) идутъ

---

*) *Aristot.*, Ἀθην. πολ. 39.

**) *C. Wacshmuth*, Die Stadt Athen in Alterthum. B. I, 364 f.

***) Ib. 410.

еще дальше: они предполагаютъ первоначальную раздробленность не только Аттики, но и города Аѳинъ,—они думаютъ, что даже Аѳины не представляли изъ себя одного государства и распадались на нѣсколько общинъ, какъ Спарта. Сначала произошло сліяніе Аѳинъ, а потомъ и всей Аттики.

Синойкизмъ. Теперь обратимся къ вопросу о томъ, какъ произошелъ аѳинскій синойкизмъ, какимъ образомъ эти раздробленныя общины соединились въ одно цѣлое. Нѣкоторыя данныя подтверждаютъ выше отмѣченное мнѣніе о *двойномъ синойкизмѣ.* Какъ доказательство, приводятъ тотъ фактъ, что въ Аѳинахъ существовали два празднества въ память синойкизма: Синойкіи (*Συνοικία*) и Панаѳинеи (*Παναθήναια*). Эти два празднества даютъ право думать, что сліяніе произошло въ два пріема, причемъ празднество Синойкій установлено въ память слиянія самого города Аѳинъ, а Панаѳинейскій праздникъ, какъ показываетъ самое названіе, („Всеаѳинскій“), въ память общеаттическаго сліянія. Въ томъ же смыслѣ говоритъ преданіе, дошедшее въ трактатѣ Аристотеля. Начало папируса, содержащаго трактатъ Аристотеля, до насъ не дошло, но первыя главы извѣстны намъ въ конспектѣ Гераклида Понтійскаго. Передаваемое здѣсь преданіе тоже различаетъ два синойкизма—сліяніе болѣе древнее, созданное Іономъ, и другое, болѣе позднее,—при Тезеѣ.

О томъ, какъ сами аѳиняне представляли этотъ синойкизмъ, свѣдѣнія даетъ Ѳукидидъ (II 15, 2—3): „Тезей упразднилъ совѣты и власти прочихъ городовъ, соединилъ всѣхъ жителей вокругъ нынѣшняго города учредивши одинъ совѣтъ и одинъ пританей. Жители воздѣлывали свои земли, какъ и прежде, но городъ обязаны были имѣть одинъ; такъ какъ всѣ жители принадлежали одному городу, то онъ сталъ великъ и въ такомъ видѣ переданъ Тезеемъ его потомкамъ. Съ этого времени и понынѣ аѳиняне свершаютъ въ честь богини общенародный праздникъ—Синойкіи. Раньше этого городъ состоялъ изъ нынѣшняго Акрополя и той земли у подошвы его, которая главнымъ образомъ обращена къ югу“.

Такъ думали сами аѳиняне о происхожденіи своего государства. Итакъ, мелкія общины соединились въ одно государство.

Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что преобладаніе на аѳинскомъ акрополѣ культовъ Зевса, Аѳины, Гефеста, Эрехѳея, Кекропса—указываетъ, что здѣсь было до-іонійское греческое поселеніе; что преобладаніе въ другихъ мѣстахъ культа Посей-

дона и Аполлона указываетъ на поселеніе здѣсь іонянъ; наконецъ,—что финикійскія божества указываютъ на привхожденіе въ Аттику финикійскаго элемента. Такимъ образомъ эти ученые считаютъ аѳинскій народъ составившимся изъ весьма разнородныхъ,—въ значительной своей части пришлыхъ—элементовъ. Но это толкованіе спорно и противорѣчитъ тому глубокому убѣжденію самихъ аѳинянъ, что они—аѳиняне—автохтоны, т. е. что они искони жили въ Аттикѣ. Можно предполагать, что здѣсь были иноплеменныя (финикійскія) факторіи, но несомнѣнно, что аѳиняне—коренные іоняне, и даже вѣроятно, что именно изъ Аттики вышли малоазійскіе іоняне.

Древнѣйшій соціальный строй Аттики. Первыя болѣе достовѣрныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ по этому вопросу, относятся къ эпохѣ, непосредственно предшествующей Солону. Есть указанія на это въ элегіяхъ Солона; другія данныя почерпаются изъ народныхъ преданій, сохраненныхъ Аристотелемъ въ „Аѳинской политіи“ и Плутархомъ въ біографіи Солона.

До Солона Аѳины имѣютъ аристократическое устройство. Этотъ фактъ вполнѣ вяжется съ тѣмъ, что мы знаемъ о другихъ государствахъ въ эпоху средневѣковья. Свѣдѣнія о реформахъ Солона тоже указываютъ на преобладаніе въ Аттикѣ землевладѣльческой аристократіи: *эвпатридовъ.*

Земля сосредоточивалась въ рукахъ эвпатридовъ. Аристотель прямо говоритъ: *Ἡ δὲ πᾶσα γῆ δι'ὀλίγων ἦν* („Вся земля находилась въ рукахъ немногихъ“ *Ἀϑ. πολ* 2). Но нельзя думать, что вся земля была въ полной собственности эвпатридовъ. Общества на раннихъ ступеняхъ развитія не имѣютъ понятія о полной индивидуальной собственности на землю, не вырабатывается систематическихъ юридическихъ нормъ, и Аѳины не могутъ быть исключеніемъ изъ этого правила. Источники говорятъ болѣе о фактическомъ, чѣмъ юридическомъ сосредоточеніи земли въ рукахъ эвпатридовъ. Совокупность источниковъ обрисовываетъ положеніе дѣлъ такими чертами. Иногда земля юридически была собственностью крестьянъ, но сами владѣльцы находились въ зависимости отъ эвпатридовъ; въ другихъ случаяхъ эвпатриды были юридически собственниками земли, но фактически пользовались землей крестьяне, сидѣвшіе на землѣ эвпатридовъ и также стоявшіе въ экономической зависимости отъ нихъ. Въ средніе вѣка въ Западной Европѣ отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянскому населенію также варьировались: и тамъ не всѣ крестьяне были вилланами. Въ Англіи люди свободные юридически—по экономическому положенію своему часто не отличались отъ вилланов.

Итакъ, въ *Аттикѣ* въ концѣ средневѣковья (VII в. до Р. Х.) *мы находимъ сельское населеніе, фактически зависимое отъ землевладѣльческой аристократіи—эвпатридовъ.* Въ средѣ зависимаго земледѣльческаго населенія можно различить три группы: 1) свободное крестьянство, нерѣдко, однако, обремененное долгами эвпатридамъ (*зевгиты*), 2) арендаторовъ—*гектеморовъ*, 3) батраковъ—*пелатовъ*.

1) *Зевгиты* позднѣе образуютъ свободное аѳинское крестьянство. Объясняютъ это названіе различно. Есть мнѣніе, что зевгиты крестьяне, имѣвшіе упряжку воловъ (ζεῦγος), считавшіеся хозяевами средняго достатка, причемъ обладаніе упряжкой воловъ было основой въ опредѣленіи крестьянскаго достатка средней руки. Другая версія утверждаетъ, что зевгиты—рядовые, что ζυγός—рядъ въ войскѣ, и что свободные крестьяне назывались такъ потому, что несли службу рядовыми. Позднѣе зевгиты играли существенную роль, но въ разсматриваемый періодъ они были обременены долгами. Изъ другихъ историческихъ примѣровъ мы видимъ, что задолженное крестьянство всюду становится въ экономическую зависимость отъ болѣе сильныхъ экономически элементовъ,—это общій фактъ. Вполнѣ естественно, что и зевгиты впали въ зависимость отъ болѣе крупной соціальной силы. Объ этомъ говорятъ намъ элегіи Солона. Долговыя обязательства вели къ тому, что крестьянинъ часть доходовъ долженъ былъ платить землевладѣльцу, или работать на него. Приходится считаться съ тѣмъ, что гипотечное право того времени нерѣдко вело къ тому, что заложенная земля переходила въ пользованіе кредитора. Древнее право не разбирается въ тонкостяхъ землевладѣнія. Въ нынѣшнемъ правѣ кредиторъ имѣетъ право на землю лишь въ случаѣ неисполненія обязательствъ должника. Древне-аттическое право не знало такой формы гипотеки. Оно признавало только такія формы, гдѣ кредиторъ до уплаты долга былъ или юридическимъ собственникомъ или по крайней мѣрѣ фактическимъ владѣльцемъ земли. Одна изъ формъ гипотеки—это была „продажа съ правомъ выкупа“ (πρᾶσις ἐπὶ λύσει). При этой формѣ заложенная земля дѣлалась собственностью кредитора, но должникъ имѣлъ право ее выкупить, такъ что, пока долгъ не былъ выплаченъ, собственникомъ земли считался въ сущности кредиторъ. Это дѣлало крестьянъ очень зависимыми отъ кредиторовъ.

Другая форма древней гипотеки — это *антихреза*: при этой формѣ земля оставалась во владѣніи должника, но кредиторъ пользовался доходами съ нея. Такимъ образомъ древнѣй-

шія формы гипотеки дѣлали задолжавшаго крестьянина жертвой эксплоатаціи кредитора — эвпатрида.

Долги могли привести крестьянина въ еще болѣе тяжелое положеніе: онъ за долги могъ лишиться не только земли, но и свободы: превратиться въ *кабальнаго* (*ἀγώγιμος*).

2) Часть крестьянъ вовсе не имѣла своей земли и являлась въ роли арендаторовъ эвпатридской земли—это *гектеморы* (шестидольники). По Плутарху и Аристотелю, гектеморы платили $^1|_6$ часть дохода помѣщику, но позднѣйшіе лексикографы даютъ болѣе правильное объясненіе этого термина: $^1|_6$ часть продукта оставалась у нихъ, а помѣщику они уплачивали $^5{}_6$. Тогда понятнымъ становится ихъ крайне тяжелое положеніе. Скудость матеріала не позволяетъ выяснить вопросъ о характерѣ аренды; нельзя получить точнаго отвѣта,—была ли арендуемая земля первоначально крестьянской собственностью и потомъ уже отошла къ эвпатридамъ, напримѣръ, за долги, или эвпатриды искони владѣли сдаваемыми въ аренду землями.

3) *Пелаты.* Этотъ терминъ позднѣйшими лексикографами опредѣлялся такъ: „Пелаты (и оеты)—названіе свободныхъ людей, которые несутъ службу (*δουλεύουσι*—рабствуютъ) за деньги" (*Poll.*. 382). Слѣдовательно, это—наемные батраки, обезземелившіеся крестьяне, служащіе за плату.

Это—одна сторона общественнаго строя. Теперь предстоитъ заняться другой стороной.

Греческія общества имѣли своеобразную организацію. Образованіе государственнаго цѣлаго было дѣломъ довольно сложнаго и продолжительнаго процесса, но внутри всѣхъ государствъ сохранились организаціи, служившія посредствующимъ звеномъ между семьей и государствомъ: таковы—*филы*, *фратріи* и *роды.* Мы уже познакомились съ этими организаціями при изученіи гомеровскаго періода. Теперь слѣдуетъ ихъ коснуться постольку, поскольку онѣ имѣютъ отношеніе къ Аттикѣ. Главную часть населенія Аттики составляло іонійское племя, которое имѣло четыре филы, носившихъ названія: *гелеонты*, *гоплиты*, *аргады* и *эгикоры.* Эти 4 филы іонійскаго племени встрѣчаются почти всюду, гдѣ это племя составляетъ все или большую часть населенія. Иногда, впрочемъ, въ видѣ исключенія мы находимъ только нѣкоторыя изъ филъ, но сказать, что въ данной мѣстности были не всѣ филы, тоже еще нельзя, такъ какъ матеріалъ источниковъ дошелъ по большей части въ очень скудномъ видѣ.

Что представляли изъ себя 4 іонійскія филы и 12 фратрій, входившихъ въ ихъ составъ (по 3 въ каждую фратрію),— мы уже видѣли выше (стр. 124 сс.).

Филы были основой аѳинской государственной организаціи и играли важную роль въ позднѣйшей исторіи,—напримѣръ, по филамъ избирались архонты.

Все ли населеніе входило въ составъ филъ, или только эвпатриды? Одинъ изъ изслѣдователей—Филиппи (авторъ изслѣдованія объ аттическомъ гражданствѣ)—держался того взгляда, что до Солона въ составъ филъ не входили незнатные (демоты), а только эвпатриды,—демотовъ включилъ только Солонъ. Такъ думалъ сначала и Курціусъ. Такъ ли было на самомъ дѣлѣ? Противъ указаннаго мнѣнія приходится сказать очень многое. О реформѣ Солона мы имѣемъ довольно много свѣдѣній, но ничто не говоритъ о законѣ, включившемъ демотовъ въ фратріи и филы. Конечно, аргументъ отъ умолчанія источниковъ нельзя признать рѣшающимъ. Однако, въ пользу того, что демоты входили искони въ филы, имѣется еще немало аргументовъ. Сохранившіеся отрывки изъ законовъ Дракона говорятъ, что свидѣтели въ нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлахъ должны выбираться изъ фратріи (части филы) по знатности (ἀριστίνδην),—значитъ, члены филъ раздѣлялись на знатныхъ и незнатныхъ, иначе не было бы надобности подчеркивать этотъ принципъ избранія. Кромѣ того, всѣ наши свѣдѣнія о филахъ заставляютъ думать, что весь народъ раздѣлялся на филы, весь его составъ входилъ въ эти организаціи. Значитъ, соображенія отъ умолчанія источниковъ, отрывки изъ законовъ Дракона и самая теорія происхожденія филъ даютъ матеріалъ для рѣшенія вопроса о составѣ филъ. Правда, въ такомъ случаѣ сторонники мнѣнія, что демоты только при Солонѣ вошли въ нихъ, могутъ спросить: почему демоты до Солона не играютъ въ политической жизни Аѳинъ никакой роли? Здѣсь приходится обратить вниманіе на тотъ характеръ соціальнаго строя Аттикѣ, съ которымъ мы только что познакомились, именно, на соотношеніе классовъ. Филы включали весь составъ племени, кромѣ рабовъ (хотя и послѣдніе примыкали къ филамъ, но считались собственностью семей свободныхъ людей), но внутри филъ происходитъ дифференціація. Мы видимъ ростъ вліянія землевладѣльцевъ-эвпатридовъ, они начинаютъ преобладать не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Зависимые земледѣльцы не могутъ играть политической роли: этотъ фактъ наблюдается вездѣ. Это соображеніе (Эд. Мейера) очень просто

объясняетъ, почему демоты, входя въ составъ филъ, не играютъ никакой роли при избраніи архонтовъ.

Организація эвпатридовъ. Въ организаціи эвпатридовъ выступаетъ на первый планъ родъ (*γένος*). Въ широкомъ смыслѣ этотъ терминъ обозначаетъ родовую организацію, естественно, органически создавшуюся; въ данномъ же случаѣ рѣчь идетъ о родѣ, какъ искусственной организаціи. Позднѣе въ фратріяхъ было опредѣлено число родовъ количествомъ тридцать въ каждой. Несомнѣнно, сюда входитъ элементъ искусственности. Строгая схема въ организаціи фратрій могла быть создана лишь въ эвпатридскомъ обществѣ. Эвпатриды принимаютъ мѣры, чтобы никто не достигъ преобладанія въ обществѣ, кромѣ ихъ класса, чтобы не могъ присоединиться къ аристократическимъ родамъ никто изъ не входящихъ въ нихъ по происхожденію. Эвпатридскіе роды ведутъ записи своихъ членовъ, такъ что является возможность поддерживать родовую связь, хотя бы хозяйственная связь и утратилась. Роды не-эвпатридскіе разселяются и о своихъ родовыхъ связяхъ постепенно забываютъ (см. выше стр. 126).

Древнѣйшій политическій строй Аттики. а) *Царская власть*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Аттикѣ существовала царская власть. Въ Римѣ, какъ извѣстно, царская власть никогда не уничтожалась, поскольку царь былъ представителемъ передъ богами. Титулъ царя сохранялся за однимъ изъ жрецовъ, который носилъ названіе rex sacrificulus или rex sacrorum. Аналогичное явленіе наблюдается въ Аттикѣ: здѣсь царская власть не уничтожалась совершенно, одинъ изъ архонтовъ носилъ титулъ архонта-базилевса (*βασιλεύς*). Можно было отнять у царя предводительство на войнѣ, судебныя функціи, но совершенно нельзя было отнять жреческой функціи, ибо это было бы оскорбленіемъ боговъ. Власть царя можно было свести къ нулю, но жреческія его функціи необходимо было сохранить. Кромѣ существованія архонта-царя можно привести еще много доказательствъ въ пользу того, что царская власть въ Аттикѣ нѣкогда существовала. Много преданій говорятъ въ этомъ смыслѣ. Цари были не только во главѣ Аттики, но и во главѣ филъ стояли зависимые цари (*φυλοβασιλεῖς*).

б) *Развитіе архонтата*. Съ ходомъ экономическаго развитія и увеличеніемъ предъявляемыхъ къ государственной власти требованій, вѣроятно, въ теченіе VIII—VII вв. царская власть подверглась цѣлому ряду ограниченій со стороны сильныхъ аристократическихъ родовъ, пока, наконецъ, не лишилась

всякаго значенія въ политическомъ отношеніи. Детальныхъ свѣдѣній о ходѣ этого процесса не сохранилось; самое большее, чѣмъ мы можемъ располагать здѣсь, это гипотезы позднѣйшихъ греческихъ историковъ. Изъ нихъ наибольшую цѣнность имѣетъ гипотеза Аристотеля, основанная повидимому на данныхъ, почерпнутыхъ изъ Аттидъ. По Аристотелю процессъ ограниченія царской власти представляется въ слѣдующемъ видѣ. Прежде всего въ Аттикѣ создается особая должность военачальника, *полемарха* (*πολέμαρχος*), замѣняющаго царя въ военномъ управленіи. Вполнѣ естественно, что ограниченіе царской власти началось именно въ этой области. Исходъ того или другого военнаго предпріятія въ извѣстной степени всегда зависитъ отъ личныхъ качествъ вождя. Цари же при наслѣдственной царской власти иногда оказывались неспособными къ веденію военныхъ дѣлъ, и въ силу необходимости приходилось передавать отправленіе этихъ, первоначально царскихъ, функцій особымъ военачальникамъ. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, для внутреннихъ распорядковъ, касающихся преимущественно семейнаго права, господствовавшаго въ древнѣйшую эпоху, постепенно выдвинулась должность *архонта* (*ἄρχων*). За царемъ остались только жреческія функціи и предсѣдательствованіе въ судебныхъ дѣлахъ объ убійствѣ. Послѣднее обстоятельство объясняется воззрѣніемъ древнихъ грековъ на убійство, по которому убійство, какъ и всякое пролитіе крови, считалось оскорбленіемъ боговъ. Поэтому естественно, что за царемъ, сохранившимъ за собой представительство предъ богами, было оставлено предсѣдательствованіе въ этихъ дѣлахъ. Позднѣе къ этимъ тремъ лицамъ, раздѣлившимъ между собою функціи прежней царской власти, были присоединены еще 6 лицъ, такъ называемыхъ *ѳесмоѳетовъ*. По мнѣнію Гильберта, они были первоначально секретарями у упомянутыхъ высшихъ должностныхъ лицъ, по два человѣка у каждаго, а потомъ составили изъ себя коллегію, на обязанности которой было хранить судебные обычаи и разбирать дѣла, не входившія въ компетенцію 3 вышеназванныхъ должностныхъ лицъ и ареопага. Съ теченіемъ времени всѣ эти 9 лицъ стали называться по имени одного изъ нихъ *архонтами*, самъ же онъ въ отличіе отъ прочихъ присоединилъ къ своему первоначальному названію эпитетъ *эпонима*, такъ какъ по его имени стали давать наименованіе году. Такъ совершался въ общихъ чертахъ процессъ ограниченія царской власти. Легально, законодательнымъ путемъ царская власть не отмѣнялась, но фактически перестала существовать.

Наряду съ раздробленіемъ царской власти между нѣсколькими должностными лицами совершался процессъ ограниченія срока ея полномочій. Изъ наслѣдственной она сначала становится пожизненной, затѣмъ ограничивается *10 годами* и, наконецъ, *однимъ годомъ*.

Такъ постепенно монархія превращалась въ республику съ развитой системой выборныхъ должностныхъ лицъ. До эпохи Солона архонты выбирались, какъ говоритъ Аристотель, по знатности и богатству, т. е. только изъ эвпатридовъ, и были въ этотъ періодъ гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ во времена Солона,—такъ, напримѣръ, они имѣли право рѣшать судебныя дѣла безапелляціонно.

в) *Ареопагъ*. Гомеровскому совѣту старѣйшинъ въ разсматриваемый періодъ въ Аттикѣ соотвѣтствовалъ совѣтъ, собиравшійся на *холмѣ бога Ареса* (ἡ ἐν τῷ Ἀρείῳ πάγῳ βουλή) и называвшійся попросту *ареопагомъ*. Въ члены ареопага могли быть избираемы только бывшіе архонты, а такъ какъ сами архонты выбирались тѣмъ же самымъ ареопагомъ, то его пополненіе въ сущности основывалось не на выборномъ началѣ, а на кооптаціи. Ареопагъ былъ прежде всего блюстителемъ права: онъ наблюдалъ за исполненіемъ законовъ, или, точнѣе, судебныхъ обычаевъ и каралъ ихъ нарушителей, будутъ ли то должностныя лица, обязанныя отчетомъ передъ ареопагомъ, или частныя, замѣшанныя въ дѣлахъ о предумышленномъ убійствѣ. Процедура веденія дѣлъ послѣдняго рода отличалась весьма архаическимъ характеромъ. Эти дѣла (о предумышленномъ убійствѣ) разбирались ареопагомъ подъ предсѣдательствомъ архонта-базилевса въ послѣдніе три дня каждаго мѣсяца, преимущественно ночью, чтобы судьи не могли видѣть лица подсудимаго и испытывать сожалѣніе. И обвинителю и подсудимому было предоставлено право произнести не болѣе двухъ рѣчей, причемъ произносить ихъ они должны были, стоя на необдѣланномъ камнѣ. Послѣ произнесенія первой рѣчи подсудимый могъ сохранить себѣ жизнь добровольнымъ изгнаніемъ, не дожидаясь окончанія судопроизводства; если же онъ не желалъ воспользоваться этимъ правомъ и продолжалъ присутствовать при дальнѣйшемъ разборѣ дѣла, то въ случаѣ, если судъ признавалъ его виновнымъ, онъ подлежалъ смертной казни. Такая архаическая форма судопроизводства ареопага указываетъ на древность судебной роли этого учрежденія.

г) *Народное собраніе*. Что касается народнаго собранія, то свѣдѣній о томъ, какъ оно функціонировало въ Аттикѣ въ

эту эпоху, мы не имѣемъ. Если въ разсматриваемое нами время, при господствѣ аристократіи, оно и продолжало собираться, то во всякомъ случаѣ въ политической жизни страны играло не большую роль, чѣмъ гомеровское вѣче (см. выше стр. 132).

д) *Финансовая организація.* Мы имѣемъ сбивчивыя свѣдѣнія (гл. образ. у Геродота и Аристотеля) о дѣленіи Аттики въ территоріальномъ отношеніи уже въ VII в. до Р. Х. на 48 *навкрарій*, во главѣ которыхъ стояли особые пританы навкраровъ. По словамъ Геродота, эти пританы навкраровъ въ эпоху заговора Килона (см. ниже) даже управляли Аттикой, но Ѳукидидъ опровергаетъ это извѣстіе, указывая на руководящую роль архонтовъ. Навкрары играли, повидимому, лишь финансовую роль (между прочимъ, завѣдывали постройкой военныхъ кораблей). Мы имѣемъ также упоминаніе о древнихъ финансовыхъ чиновникахъ—*колакретахъ*, собиравшихъ натуральные взносы.

Таковъ былъ государственный строй Аттики въ періодъ средневѣковья.

X. Періодъ классической или городской Греціи (развитіе государствъ-городовъ). I. Разложеніе средневѣковыхъ отношеній и развитіе городского строя (VII—VI вѣка).

а) *Колонизація конца VIII—VI вѣковъ и экономическій переворотъ въ Греціи въ эту эпоху. Развитіе городовъ.*

Желая создать себѣ вполнѣ реальное представленіе о явленіяхъ греческой исторіи до Александра Македонскаго, мы, изучая ее, ни на минуту не должны упускать изъ виду, что районъ ея былъ пространственно весьма не великъ. Достаточно сказать, что пространство, занимаемое древней Греціей на континентѣ Европы, т. е. область отъ мыса Тенара на югѣ Пелопоннеса до сѣверныхъ границъ Эпира и Ѳессаліи, равнялось лишь ок. 72 тысячъ кв. километровъ, т. е. было лишь въ два неполныхъ раза больше нынѣшней Швейцаріи и почти равно нашей Волынской губерніи. Въ частности это обстоятельство весьма важно имѣть въ виду для яснаго представленія объ эволюціи греческихъ обществъ въ концѣ средневѣковой эпохи.

Если принять во вниманіе благопріятныя климатическія условія Греціи и посильныя даже для малокультурнаго человѣка условія борьбы за существованіе, то станетъ яснымъ, что естественный приростъ населенія въ Греціи долженъ былъ быть значительнымъ. При увеличеніи населенія въ любой странѣ, когда количество средствъ существованія въ данной мѣстности дѣлается недостаточнымъ, возможны два выхода: или населеніе переходитъ къ болѣе высокой системѣ хозяйства, дающей возможность изъ прежней земельной площади извлекать больше дохода, или избытокъ населенія долженъ искать себѣ новыхъ мѣстъ для поселенія. Малокультурные народы очень медленно отказываются отъ привычной хозяйственной системы и приспособляются къ новой; чаще всего этотъ переходъ совершается подъ извѣстнымъ вліяніемъ болѣе культурныхъ сосѣдей и притомъ весьма медленно. Поэтому, разъ для избытка населенія есть возможность найти новыя земли для поселенія, то этотъ избытокъ на раннихъ ступеняхъ культуры устремится скорѣе по линіи наименьшаго сопротивленія на новыя земельные участки, чѣмъ перейдетъ къ болѣе сложнымъ системамъ хозяйства. Именно такъ мы должны представлять себѣ, по аналогіи съ соотвѣтствующими явленіями у другихъ болѣе извѣстныхъ намъ народовъ, основныя причины греческой колонизаціи въ эпоху средневѣковья. Когда же въ VII и VI вѣкахъ въ средѣ греческихъ обществъ стала развиваться классовая борьба, то и она послужила стимуломъ къ колонизаціи: побѣжденныя группы часто вынуждены были покидать родину и искать новыхъ мѣстъ для поселенія. Рядъ данныхъ говоритъ за то, что уже въ послѣднія десятилѣтія VIII вѣка начинается греческая колонизація на Іонійскомъ (нынѣ Адріатическомъ) морѣ. Главную роль здѣсь играютъ іоняне изъ города Халкиды на Эвбеѣ и доряне изъ Коринѳа. Послѣдніе основываютъ Коркиру на островѣ того же имени и Сиракузы въ Сициліи, первые—Катану и Леонтины въ Сициліи. Греческая колонизація проникаетъ въ томъ же вѣкѣ и въ южную Италію (основаніе ахейскихъ колоній Сибариса и Кротона на югѣ Италіи; іонійскихъ Кумъ—въ Кампаніи). Въ VII в. колонизація на Іонійскомъ морѣ въ Сициліи и Италіи развивается дальше (Эпидамнъ въ Иллиріи; Тарентъ и прочіе города на югѣ Италіи). Ок. 600 г. іонійское торговое поселеніе возникаетъ даже на югѣ нынѣшней Франціи на мѣстѣ Марселя (колонія Массалія), на о. Корсикѣ и т. д.

Въ VIII—VI вѣкахъ умножались греческія колоніи на сѣверныхъ берегахъ Эгейскаго моря, на Пропонтидѣ (Мрамор-

номъ морѣ) и Черномъ морѣ. Въ выводѣ этихъ колоній особенную роль играютъ города на Коринѳскомъ перешейкѣ Коринѳъ и Мегары, эвбейскій городъ Халкида и особенно іонійскій городъ въ М. Азіи Милетъ. Недостатокъ земли для малоазійскихъ грековъ былъ не менѣе чувствителенъ, чѣмъ для европейскихъ. Греческія поселенія, основа́вшіяся здѣсь еще въ эпоху эгейской культуры, обладали лишь прибрежной полосой земли, не проникая въ глубь страны, занятой туземными племенами. Милетъ распространяетъ свои колоніи и на южныхъ (Синопъ) и на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря (Ольвія, Ѳеодосія, Пантикапей и проч.). Въ VI в. изъ Гераклеи Понтійской выводится колонія Херсонесъ. Въ томъ же вѣкѣ развивается греческая колонія въ Египтѣ—Навкратисъ.

Хотя, какъ мы увидимъ ниже, заморскія колоніи основывались по преимуществу тѣми городами, которые рано перешли отъ земледѣлія къ торговлѣ и промышленности (Коринѳъ, Мегары, Халкида, Милетъ и проч.), однако, большинство колоній при ихъ возникновеніи были земледѣльческими поселеніями: „искали плодородныхъ земель, а были ли вблизи хорошія гавани,—это имѣло второстепенное значеніе“ (Белохъ). Что переселенія происходили преимущественно изъ торговыхъ городовъ, объясняется какъ тѣмъ, что здѣсь особенно быстро росло населеніе и не хватало земли, такъ и тѣмъ, что эти города, ведшіе болѣе значительныя морскія сношенія, легче организовывали заморскія переселенія. Съ теченіемъ времени очень многія колоніи дѣлались торговыми и промышленными центрами, такъ какъ онѣ были удобными пунктами для торговыхъ сношеній съ метрополіею и для сбыта произведеній метрополіи и своихъ собственныхъ окружающему населенію.

Однако, если греки, чтобы устранить избытокъ населенія, обратились прежде всего къ переселенческой дѣятельности, то это не значитъ, что измѣненія въ системѣ хозяйства у нихъ не имѣли мѣста. Хотя и сравнительно медленно, нѣкоторыя мѣстности Греціи стали превращаться изъ земледѣльческихъ странъ въ торгово-промышленныя. Это были по преимуществу мѣстности малоплодородныя и плохо орошаемыя (напр., большая часть Аттики, Мегары) или поселенія, не обладавшія сколько-нибудь значительной территоріей (Коринѳъ). Мѣстное населеніе ранѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, должно было искать себѣ занятій помимо земледѣлія: здѣсь развивались ремесла, продукты которыхъ сбывались первоначально ближайшимъ сосѣдямъ, а затѣмъ и въ болѣе отдаленныя мѣстности. Особенно успѣшно

развивались промышленность и торговля, если данная мѣстность была богата какими-либо цѣнными сырыми продуктами (мѣдь около Халкиды на Эвбеѣ; шерсть милетскихъ овецъ; глина въ Коринѳѣ и Аттикѣ; соль, мраморъ—въ Аттикѣ). Распространеніе греческихъ колоній, усиливая морскую торговлю, способствовало развитію промышленности, какъ въ метрополіяхъ, такъ и въ колоніяхъ. Вотъ почему въ VII и VI вѣкахъ въ весьма многихъ областяхъ Греціи, преимущественно по побережью Эгейскаго моря, прежнія земледѣльческія поселенія превращаются въ болѣе или менѣе значительные торгово-промышленные центры.

Сначала торговое развитіе (уже въ VIII в.) концентрируется на іонійскомъ побережіи М. Азіи (особ. Милетъ), на о. Эвбеѣ (города Халкида и Эретрія) и на Коринѳскомъ перешейкѣ въ *Мегарахъ*. Скоро у Мегаръ является конкуррентъ *Коринѳъ*, а затѣмъ въ концѣ VII в. этотъ расцвѣтъ торговли начинаетъ захватывать Аѳины. Позднѣе все большее и большее число греческихъ поселеній переживаетъ такой экономическій переворотъ.

Развитіе городскихъ центровъ. Полисъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ политическихъ послѣдствій описаннаго экономическаго переворота было *развитіе городскихъ центровъ* въ областяхъ, захваченныхъ переворотомъ. Центры эти возникали или около древнихъ крѣпостей (кремлей, акрополей), существовавшихъ иногда еще въ эпоху эгейской культуры (напр., Аѳины), или въ мѣстахъ, удобныхъ по ихъ торговому положенію (Коринѳъ). Были поселенія, которыя развивались потому, что они по тѣмъ или инымъ причинамъ дѣлались политическимъ центромъ страны (Спарта, Аргосъ). Можно думать, что и въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ случаѣ нѣкоторые изъ городовъ образовались путемъ сліянія нѣсколькихъ поселковъ въ одно политическое цѣлое (синойкизмъ). Мы видѣли выше, что такъ, вѣроятно, образовался городъ Аѳины; такъ, вѣроятно, образовалась и Спарта.—Возвысившійся городской центръ сплошь да рядомъ съ теченіемъ времени становился во главѣ сравнительно *болѣе значительной области.* Такое объединеніе могло произойти или тоже путемъ добровольнаго синойкизма общинъ данной области (такъ мирно объединилась большая часть Аттики), или путемъ принужденія со стороны крупнѣйшаго городского центра (объединеніе Лаконіи). Однако, эти — все же весьма небольшія — области съ точки зрѣнія государственнаго права продолжали оставаться *государствами-городами*, ибо свои политическія права жители такой

территоріи осуществляли, какъ граждане главнаго города, а многія изъ этихъ правъ они могли осуществить, только явившись въ городъ (въ народное собраніе или иное учрежденіе). Такая связь политическихъ правъ съ городскимъ центромъ, гдѣ таковой возникъ, наблюдается и въ греческихъ демократіяхъ, и въ олигархіяхъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ первыхъ всѣ свободные или большинство ихъ имѣли политическія права, а во вторыхъ—меньшинство. Связь государственной организаціи этого періода съ городскими центрами и явилась причиною того, что греческое государство этого времени принято нынѣ называть *государствомъ-городомъ*, и уже въ греческомъ языкѣ этой эпохи слово: *полисъ*—стало обозначать и городъ, и государство. Греческій міръ не дошелъ до полнаго сознанія идеи народнаго представительства *) и потому въ немъ господствовалъ принципъ *непосредственнаго народоправства*. Это ставило греческихъ политическихъ дѣятелей и мыслителей передъ дилеммой или сохранять небольшія городскія территоріи, гдѣ непосредственное народоправство возможно, или расширять территоріи для усиленія государства, но въ этомъ случаѣ приходилось ограничивать принципъ участія народа въ управленіи и переходить къ принципу бюрократическому. Начиная съ V вѣка, а гл. обр. въ эллинистическій періодъ эти затрудненія пытались устранить, создавая *федераціи государствъ-городовъ*, которыя сочетали принципъ городского непосредственнаго народоправства съ увеличеніемъ территоріи и силы государственной организаціи. Позднѣе въ ранней Римской имперіи (I—III вв. по Р. Х.) эта компромиссная форма приводитъ къ образованію государственной организаціи, въ которой сильная центральная власть съ сложнымъ бюрократическимъ аппаратомъ сочетается съ самоуправляющимися городскими округами (civitates, πόλεις). Но въ поздней Имперіи (съ конца III в.) абсолютистически-бюрократическій принципъ восторжествовалъ.

Государство-городъ, какъ недавно показалъ Рицлеръ, **) даже въ хозяйственной своей политикѣ стремилось къ замкну-

---

*) Зачатки принципа народнаго представительства въ Аѳинахъ можно видѣть въ такихъ фактахъ, какъ порядокъ выбора членовъ аѳинскаго совѣта 500, начиная съ V в., по демамъ (общинамъ), пропорціонально населенію каждаго дема.

**) Finanzen und Monopole im alten Griechenland, 1907.

тости, независимости отъ сосѣдей: (*Aristot.* Polit. I 1,8: *ἡ δ' αὐτάρκεια καὶ τέλος καὶ βέλτιστον*). *) Поэтому каждое государство-городъ путемъ запрещенія вывоза продуктовъ, завоеванія мѣстностей, дающихъ сырье, и другими мѣрами, стремилось сохранить свою хозяйственную независимость („автаркію" – самодовлѣніе). Однако растущее усложненіе хозяйственной жизни дѣлало такую независимость все болѣе и болѣе невозможной. Растущій обмѣнъ требовалъ болѣе тѣсной связи между отдѣльными полисами и, начиная съ IV в., усложненіе хозяйственной жизни стало вести эту форму государственной организаціи къ разложенію.

Такимъ образомъ *государство-городъ (пóлисъ) являлось господствующей формой государственной организаціи въ Греціи съ VII в. до половины IV*, но уже съ конца V в. и потребности политическія (потребность въ усиленіи государственной власти) и экономическія (растущій обмѣнъ) повели государство-городъ къ разложенію, которое со второй половины IV в. пошло быстрымъ темпомъ.

Подобное развитіе городскихъ центровъ на извѣстной стадіи экономической эволюціи не является въ исторіи человѣчества исключительнымъ явленіемъ: такъ, еще до развитія греческихъ городовъ существовали финикійскія городскія общины; ростъ городскихъ центровъ наблюдается и въ Западной Европѣ во вторую половину среднихъ вѣковъ; весьма многіе изъ этихъ городовъ пользуются также немалой политической независимостью, хотя чаще они входятъ въ составъ болѣе значительныхъ политическихъ соединеній. Очень большое сходство съ древне-греческими полисами можно констатировать въ городахъ средневѣковой Италіи, гдѣ сложились городскія государства, во многомъ напоминающія греческія государства-города.

Однако, нужно имѣть въ виду, что государство-городъ отнюдь не сдѣлалось исключительной государственной формой въ Греціи разсматриваемаго періода. Съ одной стороны, какъ мы сейчасъ увидимъ, во многихъ мѣстностяхъ долго держались *старыя средневѣковыя формы* съ преобладаніемъ деревень, съ другой, какъ мы уже упомянули,—начали съ V вѣка развиваться болѣе сложныя формы болѣе обширнаго, чѣмъ полисъ, *федеративнаго государства* (напр., Аѳинская держава въ V вѣкѣ).

---

*) „Самодовлѣніе есть и цѣль, и лучшее состояніе (пóлиса)".

б). Судьба средневѣковыхъ отношеній въ различныхъ греческихъ государствахъ.

Судьба средневѣковыхъ отношеній въ различныхъ частяхъ Греціи была очень неодинакова. Въ бассейнѣ Эгейскаго моря, т. е. на восточномъ побережьѣ Европейской Греціи, на островахъ этого моря и въ мало-азійскихъ поселеніяхъ вышеописанное развитіе обмѣна стало разрушительно дѣйствовать на средневѣковыя формы. Напротивъ, области сѣверной и западной Греціи, равно какъ области, расположенныя въ центрѣ странъ, удаленныхъ отъ моря, долго сохраняли не только средневѣковой строй, но даже черты и болѣе примитивныхъ отношеній. Такъ, въ *Өессаліи* еще въ V вѣкѣ господствуетъ аристократія (алевады). Сельское населеніе (пенесты) находилось въ крѣпостномъ состояніи. Отдѣльные өессалійскіе города (весьма незначительные), правда, довольно рано объединились въ союзъ, но лишь для совмѣстныхъ дѣйствій въ военное время: для этой цѣли выбирался особый вождь (ταγός) съ диктаторскими полномочіями. Въ *Эпирѣ* въ V вѣкѣ находимъ патріархальную царскую власть во главѣ отдѣльныхъ племенъ, населявшихъ эту мѣстность; въ эпоху пелопоннесской войны во главѣ нѣкоторыхъ племенъ (напр., хаоновъ) аристократія устранила царей и замѣнила ихъ выбираемыми на годъ начальниками. Только послѣ пелопоннесской войны большая часть Эпира объединилась подъ властью царей изъ племени молоссовъ. Сколько-нибудь значительныхъ городовъ здѣсь не возникало все это время.— На западѣ Средней Греціи *Акарнанія* даже въ эпоху пелопоннесской войны остается раздробленной; здѣсь не имѣется городовъ, а лишь мелкія деревни; сохраняется древняя царская власть. Только въ IV в. здѣсь происходитъ нѣкоторое объединеніе. *Этоляне* тоже еще въ концѣ V в. сохраняютъ крайне примитивныя общественныя формы. Өукидидъ сообщаетъ, что „этолійскій народъ великъ и воинственъ, но живетъ по деревнямъ, не защищеннымъ стѣнами, раздѣленнымъ большими разстояніями, и носитъ легкое вооруженіе...; говорятъ этоляне языкомъ непонятнымъ и, какъ разсказываютъ, употребляютъ въ пищу сырое мясо". Сходный бытъ въ ту же эпоху мы находимъ въ *Озолійской Локридѣ*, гдѣ гнѣздится разбойничье племя. Въ *Опунтійской Локридѣ* господствуетъ военная землевладѣльческая аристократія. Кажется, аристократическій строй держался и въ *фокидскихъ* городахъ, рано объединившихся въ союзъ. И въ западныхъ частяхъ Пелопоннеса долго держится старинный аристократическій строй. Полное объединеніе

Элиды завершилось лишь въ первой половинѣ V вѣка (южная часть области была до тѣхъ поръ почти независимой). Въ Элидѣ долго господствовала аристократія, а покоренные земледѣльческіе элементы населенія платили дань, поскольку можно судить по имѣющимся у насъ отрывочнымъ даннымъ. *Аркадія*, лежавшая въ центрѣ Пелопоннеса и отрѣзанная горами отъ болѣе культурныхъ сосѣдей, остается раздробленной до 371 г., когда произошло ея объединеніе подъ главенствомъ Мегалополя; ранѣе же здѣсь было немного городовъ; большинство населенія жило въ деревняхъ, господство принадлежало въ большинствѣ поселеній аристократіи.

Иную судьбу имѣли тѣ области, гдѣ рано развились торговый обмѣнъ и промышленная жизнь, гдѣ возникли болѣе значительные городскіе центры. Таковы были многіе мало-азійскіе города (Милетъ), Аттика, Мегары, Коринѳъ, города Ахайи. Здѣсь или уже въ VI вѣкѣ господство аристократіи было поколеблено (Аѳины), или же съ VII и VI вѣковъ наблюдается ведущаяся съ перемѣннымъ счастіемъ борьба между старыми аристократическими родами и растущими новыми активными элементами общества (Мегары, Коринѳъ, города Эвбеи, города Ахайи и проч.). Чѣмъ болѣе данная мѣстность была захвачена торговымъ обмѣномъ, тѣмъ болѣе здѣсь росла буржуазія, становившаяся въ оппозицію къ старой знати. Эта буржуазная оппозиція колебала патріархальныя отношенія крестьянства къ землевладѣльческой знати; авторитетъ стараго аристократическаго режима былъ потрясенъ. Торжествовала въ этой борьбѣ или новая буржуазія, устанавливая свое классовое господство (разные виды олигархіи), или же въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Аѳины) восторжествовали болѣе широкіе демократическіе круги. И въ мѣстностяхъ, въ меньшей степени захваченныхъ хозяйственнымъ переворотомъ, но все же затронутыхъ имъ (Арголида, города Беотіи), возникаетъ демократическая оппозиція, но она долго не имѣетъ успѣха: аристократія, дѣлая нѣкоторыя уступки, все же удерживается у власти до V вѣка и позднѣе временно возвращаетъ себѣ господство (особенно упорно боролась олигархія въ беотійскихъ городахъ).

На почвѣ классовой борьбы во многихъ городахъ появляется *тираннія*. Въ эту эпоху тираннами именовались лица, которыя захватывали власть, ища опоры въ низшихъ слояхъ населенія. При своей неорганизованности эта масса легко становилась на сторону энергичнаго человѣка, обѣщавшаго ей облегченіе ея положенія. По большей части тиранны этой эпохи

не принимали всецѣло ни стороны старой аристократіи, ни стороны буржуазіи, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы видимъ колебанія и въ ту, и въ другую сторону. Уже во второй половинѣ VII и въ нач. VI вѣка мы находимъ тиранновъ въ торговыхъ центрахъ мало-азійской Іоніи (Ѳрасибулъ въ *Милетѣ*, Пиѳагоръ и Пиндаръ въ *Эфесѣ* и проч.). Въ VII вѣкѣ утверждается тираннія въ *Коринѳѣ* и *Сикіонѣ*. Въ началѣ VI в. мы находимъ тиранна Питтака на о. *Лесбосѣ*, провозглашеннаго народомъ въ качествѣ умиротворителя (айсимнета); нѣсколько позднѣе—тиранна Поликрата на о. *Самосѣ* и т. д. Колоніи Запада переживали соціальную борьбу въ не меньшей степени, чѣмъ метрополія. Быстрый экономическій ростъ большей части колоній вызвалъ здѣсь тоже антагонизмъ классовъ. И тираннія имѣла мѣсто во многихъ колоніяхъ (въ Леонтинахъ въ Сициліи уже въ концѣ VII в., въ Акрагантѣ въ срединѣ VI, въ Сиракузахъ съ нач. V вѣка).

Тираннія рѣдко гдѣ оказывалась прочной. Какъ обычно бываетъ съ нелегитимными правителями, авторитетъ тиранновъ рѣдко держался далѣе перваго поколѣнія: оппозиція, существовавшая всегда уже противъ основателя династіи, крѣпла при его преемникахъ, которые ее еще болѣе усиливали, принимая для борьбы съ нею суровыя мѣры. Экономическій подъемъ, являвшійся обычно послѣ низложенія средневѣковой аристократіи и обусловленный отчасти и мѣропріятіями тиранновъ, направленными къ поднятію промышленности и торговли, тоже подтачивалъ фундаментъ, на которомъ держалась тираннія, а именно ослаблялъ неорганизованность массы: растущій торгово-промышленный классъ являлся той организующей силой, которая и низвергала тиранновъ.

Тираннія имѣла весьма существенныя послѣдствія для эволюціи государствъ, гдѣ она возникала: почти всюду періоды тиранніи были періодами, когда гибъ старый режимъ средневѣковой аристократіи, когда греческія племена впервые получали болѣе правильную государственную организацію, когда создавалась *сознательная* соціально-экономическая политика и когда, вслѣдствіе укрѣпленія государственнаго начала, дававшаго болѣе прочную защиту торговлѣ и промышленности, чѣмъ это было возможно ранѣе, и расширявшаго международныя отношенія,—росла буржуазія, которой было по большей части суждено смѣнить старую аристократію на верху общества. И въ культурной жизни Греціи эпоха тиранніи не прошла безслѣдно: тиранны привлекали къ своимъ дворамъ поэтовъ и художниковъ;

впервые въ Греціи возникли правительства, располагавшія матеріальными средствами, достаточными для поощренія чисто-культурной дѣятельности.

Отдѣльныя второстепенныя государства на востокѣ Европейской Греціи въ VII—IV вв. до Р. Х.

Арголида тоже была завоевана дорянами, хотя дорійскаго элемента здѣсь было менѣе, чѣмъ въ Лаконіи. Южныя области Арголиды: Аргейя и Кинурія—довольно рано подчинились Аргосу, остальныя-же части Арголиды были раздѣлены между разными городами ея, какъ-то: Эпидавромъ, Трэзеномъ и т. д. Эти города образовали союзъ съ Аргосомъ во главѣ, но во внутреннихъ дѣлахъ остались свободными. Что касается соціальнаго состава населенія, то мы знаемъ, что въ области Аргоса населеніе было сначала въ приниженномъ положеніи по отношенію къ небольшой группѣ аристократіи. Аристократы господствовали здѣсь сравнительно долгое время; остальные классы населенія это—или, хотя и свободные лично, но не имѣющіе политическихъ правъ періэки, или крѣпостные—гимнеты (очевидно, сначала такъ назывались самые послѣдніе бѣдняки: γυμνοί, собственно, значитъ—голь).

Въ Арголидѣ еще въ VII в. начинается борьба классовъ, такъ какъ страна втягивается въ торговый обмѣнъ. Если мы вспомнимъ, что уже въ микенскій періодъ Арголида была вовлечена въ торговый обмѣнъ, то послѣдующая сравнительно быстрая экономическая эволюція ея будетъ для насъ понятна. Итакъ, мы рано видимъ въ Арголидѣ развитіе городской жизни, раннее начало броженія низшихъ классовъ и ростъ буржуазіи.

Прибл. въ пол. VII в. (точная дата неизвѣстна) мы находимъ въ Аргосѣ царя Фидона (Φείδων). Подробностей о личности и правленіи Фидона сохранилось мало. Сохранились свѣдѣнія о его морскомъ могуществѣ, о томъ, что онъ дѣйствовалъ противъ аристократіи и устранилъ ограниченія царской власти, установленныя аристократами; о томъ, что онъ ввелъ монетную эгинскую систему. Для исторіи Арголиды въ VI в. имѣется мало свѣдѣній. Аргосъ въ это время ведетъ борьбу со Спартой. Извѣстно, что въ концѣ VI вѣка послѣ неудачной войны со Спартой въ области Аргоса произошло возстаніе крѣпостныхъ (гимнетовъ), въ которомъ, повидимому, приняла участіе и часть періэковъ. Гимнетамъ удалось овладѣть Аргосомъ. Аристократія вернула его, но принуждена была дать права гражданства части періэковъ. Такимъ образомъ, борьба здѣсь начинается очень

рано и ведетъ къ уступкамъ въ пользу низшихъ классовъ. Правда, есть свѣдѣнія, что въ 480 г. въ Аргосѣ еще правили аристократы, но уже въ половинѣ V в. здѣсь стала господствовать демократическая партія, не смотря на то, что аристократія получала поддержку со стороны Спарты. Попытка возстановить аристократію удалась Спартѣ лишь на годъ (418—417 г.). Въ 370 г. въ Аргосѣ произошло избіеніе богатыхъ людей народной массой (σκυταλισμός).

Демократическій строй сохранялся здѣсь, повидимому, до римскаго завоеванія. Итакъ, эволюція Арголиды нѣсколько напоминаетъ эволюцію Аттики: сначала здѣсь господствуетъ аристократія, затѣмъ начинается броженіе, дѣлается рядъ уступокъ со стороны аристократіи низшимъ классамъ, и, въ концѣ концовъ, во второй половинѣ V вѣка здѣсь утверждается демократія.

Коринѳъ. Его исторія очень своеобразна. Здѣсь господствуетъ аристократія, въ видѣ группы аристократическихъ родовъ, извѣстной подъ именемъ Бакхіадовъ. Эта группа имѣетъ эпигамію (право заключать браки) только въ своей средѣ. Позднѣе господство Бакхіадовъ начинаетъ колебаться, и въ теченіе времени отъ 657 по 580 годъ, т. е. въ теченіе 77 лѣтъ, въ Коринѳѣ господствуютъ тиранны, политика которыхъ напоминаетъ политику Писистрата въ Аѳинахъ. Тиранны Кипселъ, Періандръ и Псамметихъ вели политику въ интересахъ низшихъ классовъ. Бакхіады были изгнаны. Подобно Писистрату Кипселъ старался снискать популярность въ народѣ, и отклонился отъ политики Бакхіадовъ, которые наказывали населеніе тяжелыми штрафами, а за неуплату пени—тюремнымъ заключеніемъ. Согласно сообщенію Геродота, Кипселъ рѣдко сажалъ гражданъ въ тюрьму и, если велъ борьбу, то только съ аристократами. Объ этихъ тираннахъ сохранилось много народныхъ легендъ,—очевидно, тиранны были популярны въ народѣ. Около 580 года тираннія была свергнута. По ея сверженіи въ Коринѳѣ устанавливается умѣренная олигархія.

Правящій классъ въ Коринѳѣ не землевладѣльческая, а купеческая аристократія. Географическое положеніе Коринѳа способствовало развитію торговли: онъ имѣетъ сношенія моремъ съ востокомъ и съ западомъ, такъ какъ Коринѳскій перешеекъ неширокъ; Коринѳъ въ то же время лежитъ на торговомъ пути изъ сѣверной Греціи въ Пелопоннесъ. Здѣсь, такимъ образомъ, видимъ долгое время господство купеческой аристократіи. Лишь въ IV вѣкѣ борьба за власть со стороны демократіи возобновляется, но безъ большого успѣха.

Нѣчто подобное наблюдается и въ *Сикіонѣ*. Приблизительно съ 700 по 570 годъ здѣсь правятъ тиранны Орѳагориды. Они опираются на низшіе классы населенія и ведутъ демократическую политику. Самый выдающійся Орѳагоридъ—Клисѳенъ, подобно Клисѳену аттическому, старается ослабить старыя родовыя филы, служившія опорой для аристократіи. Эти три дорійскія филы—гилейцы, диманы и памфилы—получили отъ Клисѳена названія: ὑᾶται, ὀνεᾶται и χοιρεᾶται, т. е. „свинушники“ „ослятники“ и „поросятники“ (отъ ὗς—свинья, ὄνος—оселъ и χοῖρος—поросенокъ). Эти насмѣшливыя названія имѣютъ цѣлью унизить аристократовъ. Свѣдѣній о политикѣ этихъ тиранновъ сохранилось немного, и намъ многое приходится возстановлять по аналогіи съ другими греческими общинами. Въ V вѣкѣ въ Сикіонѣ мы видимъ господство умѣренной аристократіи, и лишь въ IV вѣкѣ здѣсь удается утвердиться демократіи (369 г.). Въ македонскую эпоху мы вновь находимъ въ Сикіонѣ *тиранновъ*. Такимъ образомъ, демократическая эволюція въ Сикіонѣ совершается много медленнѣе, чѣмъ въ Аттикѣ.

Мегары. Исторія Мегаръ—тоже исторія борьбы партій на классовой почвѣ. Это государство было основано дорянами. Мегары находились въ подчиненіи у Коринѳа, но затѣмъ, въ концѣ VIII вѣка, стали свободны. Власть въ это время была въ рукахъ олигархіи. Въ 612 году мы находимъ у власти тиранна Ѳеагена, опиравшагося на демосъ и выступавшаго противъ аристократіи. Въ VI и V вѣкахъ въ Мегарахъ происходитъ ожесточенная борьба между аристократіей и демократіей съ перемѣннымъ успѣхомъ. Олигархамъ удалось вернуть власть и удержать ее до 375 года, когда здѣсь утвердилась демократія.

Для исторіи Мегаръ въ эпоху борьбы партій VI вѣка до насъ дошелъ подлинный источникъ—лирическія произведенія поэта Ѳеогнида. Жилъ онъ въ Мегарахъ въ первую половину VI вѣка, примыкалъ къ аристократической партіи и присутствовалъ при ея паденіи. Ѳеогнидъ—аристократъ до мозга костей, до самозабвенія. Онъ не признаетъ никакого другого строя, кромѣ аристократическаго: аристократы для него—лучшіе люди, демосъ—чернь, заслуживающая презрѣнія. Ѳеогнидъ видитъ, какъ рушится власть аристократіи, а презираемый имъ демосъ, буржуазія, выступаетъ на первый планъ, и эта побѣда ему крайне непріятна. Всѣ его сочиненія преисполнены пессимизма, онъ—пессимистъ не только въ соціальномъ, но и въ

философскомъ міросозерцаніи. Его элегіи въ высшей степени типичны.

Бѣдствія аристократовъ (ἀγαθῶν) и побѣды черни (κακῶν) вызываютъ у него даже сомнѣніе въ справедливости Зевса.

„О Зевсъ высокочтимый! Ты меня исполняешь удивленія! Вѣдь ты правишь всѣми, пользуясь почетомъ и обладая великимъ могуществомъ. Ты хорошо знаешь мысли и душу каждаго человѣка. Сила твоя, царь нашъ, выше всего! Какъ же, сынъ Кроноса, твоя мудрость допускаетъ, что дурные люди имѣютъ одинаковую участь съ людьми справедливыми, — безразлично, обращается ли умъ человѣка къ справедливости, или же онъ у людей, увлекаемыхъ злодѣяніями, обращенъ въ сторону зла? Эти послѣдніе получаютъ на свою долю безмятежное счастье, а справедливыхъ удѣлъ—бѣдность, мать страданій, ведущая душу людей къ преступленію, лишающая ихъ разсудка вслѣдствіе тяжкой нужды“...

Ростъ богатой буржуазіи, занимающей мѣсто старой аристократіи, и неравные браки раздражаютъ Ѳеогнида.

„Мы ищемъ барановъ, ословъ и коней хорошей породы! Каждый желаетъ имѣть хорошихъ производителей! А благородный человѣкъ не гнушается жениться на дѣвушкѣ низкаго званія,—дочери неблагороднаго, лишь бы она дала ему много денегъ. Женщина не отказывается дѣлить ложе съ неблагороднымъ богачемъ и предпочитаетъ богатство благородному происхожденію. Вѣдь всѣ цѣнятъ деньги! Благородный беретъ жену изъ народа, а незнатный—изъ знати. Богатство смѣшало породу! Знатный ведетъ въ домъ низко рожденную супругу, зная о ея происхожденіи, думая только о деньгахъ. Славный женится на безславной, потому что тяжкая нужда принижаетъ душу человѣка. Тѣ, кто прежде считались благородными, теперь на положеніи черни, а прежняя чернь стала знатью. Кто въ состояніи спокойно смотрѣть, какъ благородные люди теряютъ почетъ, а чернь его получаетъ? Благородный сватается за низкорожденную! Обманывая другъ друга, люди смѣются другъ надъ другомъ, не помня ни о добрѣ, ни о злѣ. Кирнъ *)! Городъ все тотъ же, а люди другіе: тѣ, кто прежде не знали ни правды, ни законовъ, и бродили внѣ города, имѣя разодранныя шкуры у чреслъ,—теперь владѣютъ этимъ городомъ“...

Ѳеогнидъ оплакиваетъ бѣдность: она хуже старости, хуже болѣзни.

---

*) Знатный юноша, къ которому Ѳеогнидъ обращается въ своихъ элегіяхъ.

Θеогнидъ исполненъ мести по отношенію къ черни:

„Бей низкую чернь, коли ее острымъ жаломъ, наложи на нее тяжелое ярмо, ибо ты не найдешь подъ солнцемъ другихъ людей столь годныхъ для рабства".

А если побѣда будетъ на сторонѣ черни, то Θеогнидъ предпочитаетъ смерть:

„Счастливъ, трижды счастливъ тотъ, кто безъ борьбы сошелъ въ мрачное жилище Аида, не испытавъ трепета передъ врагами, не склонившись передъ нуждою, не извѣдавъ сердца друзей".

„Для человѣка лучше вовсе не родиться и никогда не видѣть лучей солнца. А ужъ если человѣкъ родился, то лучше ему немедленно уйти во врата Аида и лежать подъ грудой тяжелой земли".

Θеогнидъ подавленъ соціальными бѣдствіями, обрушившимися на аристократію,—отсюда его пессимизмъ, окрашивающій его общее міросозерцаніе. Такимъ образомъ, онъ является очень типичнымъ выразителемъ настроенія аристократа въ эпоху крушенія аристократическихъ идеаловъ. Его лирика вводитъ насъ въ психологію греческаго аристократа этой эпохи болѣе, чѣмъ какіе-либо другіе источники.

Беотія является промежуточнымъ типомъ. Въ ней дольше держится земледѣльческій бытъ, чѣмъ въ Аттикѣ. До насъ дошло отъ VIII—VII в. произведеніе Гесіода „Труды и дни", въ которомъ авторъ даетъ характеристику беотійскаго крестьянства своего времени. Его поэма обращена къ его брату Персу. Въ ней содержится наставленіе, какъ слѣдуетъ жить. Поэма рисуетъ образъ крестьянина свободнаго, живущаго самостоятельнымъ трудомъ. Мы видимъ, однако, что положеніе такого крестьянина затруднительно по тѣмъ же причинамъ, какія отягчали положеніе крестьянина въ Аттикѣ. Беотійскому крестьянину грозитъ задолженность, и ее слѣдуетъ избѣгать, для чего нужно работать изо всѣхъ силъ. Изъ сказаннаго видно, какъ трудно было положеніе крестьянина въ періодъ времени отъ 800—750 г., т. е. въ концѣ средневѣковья. Въ Беотіи уцѣлѣло крестьянство свободное, но уже близкое къ гибели (см. выше стр. 127 с.).

Во главѣ государственныхъ организацій Беотіи стояли сначала цари, которыхъ въ очень древнее время ограничила, а затѣмъ (VIII в.) устранила отъ власти аристократія. Въ томъ же VIII в. въ Θивахъ создается аристократическое законодательство, приписываемое Филолаю (вопросъ, — историческая ли это личность, или легендарная, подобно Ликургу;

самое имя отъ словъ „любить“ и „народъ“—въ пользу послѣдняго предположенія). Законы имѣютъ цѣлью поддержать аристократическое землевладѣніе, чтобы удержать власть въ рукахъ аристократовъ. Беотія уже въ VII в. образуетъ союзъ (но не единое государство) подъ главенствомъ Ѳивъ. Въ союзѣ въ V и IV вѣкахъ часто торжествуютъ партикуляристическія тенденціи, и онъ нерѣдко временно распадается.

Въ эпоху греко-персидскихъ войнъ мы находимъ въ Беотіи господство аристократіи, даже олигархіи. Эти олигархи во время означенныхъ войнъ перешли на сторону персовъ. Послѣ нашествія Ксеркса подъ вліяніемъ аѳинской демократіи въ Ѳивахъ устанавливается демократическое правленіе; а около **456** г. демократія, повидимому, торжествуетъ и въ другихъ городахъ, которые отдѣлились отъ Ѳивъ. Однако скоро (**446** г.) при помощи Спарты олигархія вновь одержала верхъ, какъ въ Ѳивахъ, такъ и въ другихъ городахъ Беотіи. Какъ показали новыя изслѣдованія *), въ V и IV вв. въ Ѳивахъ и беотійскихъ городахъ боролись три группы: олигархія, буржуазія съ цензомъ тяжеловооруженныхъ (гоплитовъ) и крайняя демократія. Въ эпоху пелопоннесской войны господствуетъ аристократія, которая держитъ сторону Спарты. Только въ **404** г. верхъ беретъ буржуазія, устанавливающая цензовую демократію. Лишь въ **379** г. полная демократія восторжествовала въ Ѳивахъ, а затѣмъ въ другихъ городахъ Беотіи; вліяніе Спарты было устранено, и въ теченіе нѣкотораго времени Ѳивы объединили Беотію и заняли руководящее положеніе въ средней Греціи и даже въ Пелопоннесѣ (эпоха Эпаминонда и Пелопида). Позднѣе Беотія подпадаетъ подъ власть Македоніи, которая уничтожаетъ Беотійскій союзъ. Въ Беотіи все это время господствуетъ земледѣльческій бытъ.

Такимъ образомъ, мы познакомились съ государствами востока Греціи втянутыми въ обмѣнъ. Здѣсь эволюція совершается быстрѣе, чѣмъ въ государствахъ сѣверной и западной Греціи, которыя сильно отстали. Беотія занимаетъ промежуточное положеніе.

в) *Разложеніе средневѣковыхъ отношеній въ Аттикѣ.*

Уже въ очень отдаленную эпоху въ Аттикѣ начались раздоры въ средѣ самой аристократіи. Преданія объ этой борьбѣ свѣжи еще въ VI и даже V в. Всѣ греческіе историки, изображавшіе исторію Аѳинъ, согласны въ томъ, что одной изъ первыхъ вспышекъ въ Аттикѣ, былъ *заговоръ Килона*. Изъ до-

---

*) *С. Я. Лурье.* Беотійскій союзъ. Спб., 1914.

шедшихъ до насъ источниковъ (Геродотъ, Өукидидъ) ясно, что Килонъ принадлежалъ къ одному изъ аристократическихъ родовъ. Вмѣстѣ съ группой другихъ аристократовъ онъ попытался было захватить власть въ Аөинахъ. Это было время тиранніи въ Греціи (VII и частью VI вѣкъ). Въ то время, какъ большинство тиранновъ того времени пользовалось демагогическими пріемами, и имѣло поддержку въ низшихъ слояхъ населенія, Килонъ дѣйствовалъ лишь съ небольшой кучкой приверженцевъ, и его попытка не удалась. Послѣ того, какъ какъ занятый имъ акрополь былъ оцѣпленъ аристократами, самъ Килонъ бѣжалъ, его же приверженцы, думавшіе найти себѣ защиту у алтаря богини Аөины, были умерщвлены Во главѣ боровшейся противъ Килона аристократіи стоялъ родъ Алкмеонидовъ. Описываемое событіе имѣло мѣсто во 2-ой половинѣ VII вѣка. Дату эту можно считать болѣе или менѣе точной, такъ какъ намъ извѣстно, что Килонъ одержалъ побѣду на Олимпійскихъ играхъ въ 35-ю олимпіаду, т. е. около 640 года. *) Заговоръ Килона интересенъ въ томъ отношеніи, что служитъ показателемъ непрочнаго положенія аристократіи въ Аөинахъ въ концѣ VII вѣка.

Послѣ Килона смуты въ Аттикѣ не прекращаются, напротивъ, въ движеніе все болѣе втягиваются низшіе слои населенія, и оно принимаетъ такой же характеръ, какой носило въ Римѣ движеніе народа передъ изданіемъ законовъ децемвировъ. Въ описываемую эпоху въ Аттикѣ не было точныхъ, записанныхъ законовъ, и поэтому суды архонтовъ и ареопага могли произвольно постановлять свои рѣшенія. Чтобы прекратить подобныя злоупотребленія знати, народъ требуетъ записи судебныхъ обычаевъ и настолько энергично добивается своей цѣли, что аристократія въ концѣ концовъ оказывается вынужденной сдѣлать уступку. Около 620 года, въ архонтство Аристехма, *Дракону* поручается составленіе требуемой записи судебныхъ обычаевъ. Дошедшіе до насъ отрывки судебныхъ законовъ Дракона имѣютъ архаическій характеръ. Драконъ признавалъ обычай родовой мести. Разбирательство дѣлъ о предумышленномъ убійствѣ, какъ мы видѣли выше, происходило въ ареопагѣ, дѣла же о непредумышленномъ убійствѣ по законамъ Дракона разбирались въ 4 судебныхъ коллегіяхъ, **) составляв-

---

*) Описаніемъ заговора Килона начинается Аөинская политія Аристотеля въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ.

**) *Arist.* Ἀϑ. πολ. 57; Inscr. Gr. I 61 (см. выше стр. 122 и 124). *Pollux* VIII 120. *Demosth.* 23, 65—79.

шихся изъ особыхъ судей—*эфетовъ*: ихъ было 51 человѣкъ, выбиравшихся изъ лучшихъ гражданъ въ возрастѣ не моложе 50 лѣтъ. Предсѣдательствовалъ въ коллегіи эфетовъ—архонтъ-царь. Въ первой коллегіи, собиравшейся въ храмѣ Аѳины Паллады (*ἐν Παλλαδίῳ*) разбирались дѣла о непредумышленномъ, случайномъ убійствѣ, а также объ убійствѣ метэковъ и рабовъ. 2-я коллегія, засѣдавшая въ храмѣ Аполлона Дельфинія (*ἐν Δελφινίῳ*), разбирала такія дѣла, когда убійца считался въ своемъ правѣ, напр., когда убійство совершалось при самозащитѣ, въ припадкѣ ревности и т. д. 3-я судебная коллегія называлась „у колодца“ (*ἐν Φρεαττοῖ*); это судилище, засѣдавшее на берегу моря, разбирало дѣла объ убійствахъ, совершенныхъ лицами, находящимися въ изгнаніи. Обвиняемый подъѣзжалъ къ берегу на лодкѣ, и въ случаѣ неблагопріятнаго исхода дѣла подвергался смертной казни, въ противномъ случаѣ—снова отправлялся въ изгнаніе. Въ 4-ой коллегіи (*ἐν Πρυτανείῳ*) разбирались дѣла объ убійствахъ совершенныхъ животными или неодушевленными предметами (бревномъ и т. п.); животныя убивались, а неодушевленные предметы уничтожались или удалялись изъ Аттики. Приведенные отрывки изъ законовъ Дракона показываютъ, насколько послѣдніе были архаичны. Ихъ архаизмъ заставляетъ предполагать, что дѣятельность Дракона сводилась не къ составленію новыхъ законовъ, а гл. обр. къ кодификаціи современнаго ему аттическаго обычнаго права.

По вопросу о государственномъ законодательствѣ Дракона Аристотель говоритъ въ „Политикѣ“, что никакихъ измѣненій въ аѳинскомъ государственномъ строѣ онъ не производилъ. До 1891 г. эта точка зрѣнія была общепринятой и въ современной намъ исторической наукѣ, и только съ 1891 года начался споръ по вопросу о законодательствѣ Дракона, вызванный *4-ой главой* тогда только-что вышедшей въ свѣтъ „Аѳинской политіи“. Въ этой главѣ приблизительно такъ характеризуется произведенная Дракономъ реформа государственнаго строя. Политическія права были предоставлены Дракономъ всѣмъ тѣмъ гражданамъ, которые могутъ вооружаться на свой счетъ. Изъ этихъ гражданъ избирался совѣтъ изъ 401 члена и второстепенныя должностныя лица. Избраніе производилось по жребію. Для должностей стратеговъ, гиппарховъ, архонтовъ и казначеевъ былъ установленъ высокій денежный цензъ (самый высокій для стратеговъ и гиппарховъ). За непосѣщеніе совѣта и народнаго собранія, членами котораго состоятъ только имѣющіе возможность вооружаться на свой счетъ, налагается высокій денежный

штрафъ. Подъ вліяніемъ этихъ данныхъ, нѣкоторые историкі какъ Гильбертъ, измѣнили свой прежній взглядъ на сущност законодательства Дракона, но въ настоящее время, послѣ тог(какъ 4-я глава Политіи подверглась серьезной научной критикі мало найдется ученыхъ, которые рѣшились бы основыватьс на этой главѣ. Самый фактъ противорѣчія этой главы „Поли тіи“ съ „Политикой“ заставляетъ сомнѣваться въ ея подли ности. Кромѣ того, въ 41 главѣ „Политіи“, Аристотель, пер(числяя всѣ перемѣны въ государственномъ строѣ, имѣвшія мѣст въ Аѳинахъ, объ этой реформѣ не говоритъ ни слова. Все эт даетъ основаніе считать 4 гл. „Политіи“ вставкой позднѣйшаг времени, сдѣланной, быть можетъ, даже не самимъ Аристоте лемъ, а кѣмъ-нибудь изъ издателей „Политіи“. Къ тому ж заключенію приводитъ и цѣлый рядъ пунктовъ, содержащихс въ этой главѣ. Упоминаемый здѣсь совѣтъ по свидѣтельств(какъ самого Аристотеля, такъ и другихъ историковъ, был учрежденъ впервые только при Солонѣ. Должность стратегов установлена тоже значительно позже, при Клисѳенѣ. Высокі денежный цензъ и денежные штрафы, а также и выборы долж ностныхъ лицъ по жребію тоже не могли имѣть мѣста въ конц VII в. Все это очень сильно напоминаетъ намъ проекты аѳин скихъ олигарховъ эпохи пелопоннесской войны и заставляет предполагать, что 4-я глава Политіи есть вставка позднѣйшаг времени, создавшаяся подъ вліяніемъ какого-нибудь политич(скаго памфлета конца V в.

Экономическій переворотъ въ Аттикѣ въ VII—VI в

Начавшаяся политическая борьба къ концу VII и начал VI в. еще болѣе осложняется. Въ этомъ направленіи сыграл роль экономическія перемѣны, происшедшія въ положеніи атт ческаго населенія въ теченіе VII в. До этого времени насел(ніе дѣлилось только на двѣ главныхъ группы: землевладѣльцев эвпатридовъ и такъ или иначе зависимыхъ отъ нихъ крестьян Главнымъ занятіемъ населенія было—земледѣліе. Но уже в VII в. въ Аттикѣ развиваются *промышленность* и *торговы сношенія* съ другими странами, преимущественно съ Мал(Азіей. Археологическія данныя показываютъ, какъ постепен несложные орнаменты дипилонскаго типа уступаютъ свое мѣс болѣе развитой вазовой живописи съ преобладаніемъ сюжетов заимствованныхъ изъ поэтическаго цикла іонійскихъ колоні Элегіи Солона даютъ очень цѣнное указаніе на развитіе то говли и промышленности въ VII—VI вв., говоря о наличност въ то время купцовъ: при перечнѣ профессій купцы упом

наются даже на первомъ мѣстѣ. Сохранилось преданіе, что и самъ Солонъ занимался торговлей, не смотря на то, что происходилъ изъ эвпатридскаго рода. Изъ легендъ, относящихся къ описываемому времени, мы опять-таки видимъ, что сношенія съ Малой Азіей уже установились и что родъ Алкмеонидовъ, боровшихся противъ Килона, принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. Одну изъ такихъ легендъ объ обогащеніи Алкмеонидовъ передаетъ намъ Геродотъ: за помощь, оказанную лидійскому царю, одинъ изъ Алкмеонидовъ получаетъ приглашеніе явиться въ Сарды. Царь позволяетъ ему взять съ собой столько сокровищъ изъ царскихъ кладовыхъ, сколько онъ въ состояніи унести при себѣ. Алкмеонидъ надѣваетъ широкій плащъ со множествомъ кармановъ, наполняетъ всѣ ихъ драгоцѣнностями, набиваетъ даже ротъ золотымъ пескомъ и, обремененный сокровищами, еле-еле выходитъ изъ кладовой. Эта легенда, конечно, выдумана врагами Алкмеонидовъ, но для насъ она цѣнна въ томъ отношеніи, что указываетъ на путь, какимъ удалось разбогатѣть Алкмеонидамъ,— это сношенія съ одной изъ самыхъ богатыхъ странъ Малой Азіи — съ Лидіей, гдѣ оканчивались торговые пути, ведшіе въ глубь азіатскаго материка. Развитію сношеній съ Малой Азіей способствовало и географическое положеніе Аттики: сама она глубоко врѣзывается въ море, и непрерывная цѣпь острововъ соединяетъ ее съ мало-азійскимъ побережьемъ. Самыя войны аѳинянъ въ концѣ VII и началѣ VI вв. указываютъ на большой кругъ ихъ торговыхъ интересовъ. Борьба съ Мегарами изъ-за Саламина и Митиленой изъ-за Сигейона обусловливалась торговымъ соперничествомъ. Занятіе Сигейона, расположеннаго въ Троадѣ, при выходѣ изъ Геллеспонта, было очень важно для неплодородной Аттики, такъ какъ черезъ Геллеспонтъ направлялись хлѣбные грузы, идущіе изъ южныхъ степей нынѣшней Россіи. Цѣлый рядъ другихъ естественныхъ условій благопріятствовалъ развитію здѣсь промышленности. Богатство глиной способствовало развитію въ Аттикѣ гончарнаго искусства; въ Аѳинахъ былъ даже особый гончарный кварталъ Керамикъ. Горные хребты Аттики богаты мраморомъ (пентеликонскій мраморъ); въ прибрежной полосѣ было много соляныхъ варницъ и былъ довольно значительно развитъ рыбный промыселъ.

Съ развитіемъ торговыхъ сношеній и промышленности постепенно нарождался новый *торгово-промышленный классъ*, сосредоточивавшійся преимущественно въ береговой области. По имени этой области (Паралія) и самая аттическая буржуазія по-

лучила названіе *параліи*. Въ составъ этого класса входило не мало эвпатридскихъ родовъ (Солонъ, Алкмеониды), но особенно много вступало въ него демократическихъ элементовъ, такъ что въ общемъ онъ имѣлъ демократическую окраску. Интересы его рѣзко расходились съ интересами эвпатридской аристократіи: тогда какъ богатство эвпитридовъ заключалось въ землѣ, этотъ классъ искалъ своего обогащенія въ торговлѣ и промышленности. По мѣрѣ увеличенія демократическихъ элементовъ въ средѣ торгово-промышленнаго класса и его значенія въ экономической жизни страны, растетъ и его стремленіе къ участію въ политической жизни. Снова начинаются волненія, отличающіяся отъ предшествующихъ тѣмъ, что въ нихъ, кромѣ старыхъ двухъ классовъ, принимаетъ участіе третья, вновь народившаяся группа,—буржуазія. Детали этой борьбы для насъ неизвѣстны, но мы видимъ, что волненія довели эвпатридовъ до того, что они должны были сдѣлать уступки новымъ общественнымъ группамъ.

Реформа Солона.

Въ 594 г. Солону были предоставлены неограниченныя полномочія на проведеніе реформы существующаго государственнаго строя. Цѣль реформы Солона, какъ мы видимъ изъ его элегіи, заключалась въ томъ, чтобы провести соглашеніе между тремя борющимися группами населенія.

1) *Сисахтія.* Первая реформа Солона — сисахтія, или буквально „снятіе бремени"—была направлена къ облегченію положенія земледѣльческаго населенія въ Аттикѣ. Мы видѣли, что свободные крестьяне-зевгиты находились въ самомъ тяжеломъ положеніи: ихъ земли были обременены долгами, нѣкоторые изъ нихъ обращены въ рабство и даже проданы на чужбину. Сисахтіей Солона прежде всего снимались долговыя обязательства, падавшія на земли крестьянъ. Кромѣ того, эта реформа сопровождалась двумя добавочными мѣрами: во-первыхъ, устраненіемъ личной кабалы за долги, и, во-вторыхъ, возвращеніемъ ранѣе заложенныхъ земель ихъ кореннымъ владѣльцамъ. Мы видѣли, что по существовавшему въ Аттикѣ ипотечному праву или кредиторъ дѣлался собственникомъ земли, а за должникомъ оставалось лишь право выкупа ея, или же должникъ долженъ былъ доходъ съ земли отдавать кредитору. Теперь, послѣ того, какъ долги были упразднены, земли снова возвращались ихъ прежнимъ владѣльцамъ, и кредиторы такимъ образомъ терпѣли большіе убытки. Всего тяжелѣе эта реформа отразилась на эвпатридахъ, которые преимущественно являлись кредиторами для зевгитовъ.

Остальныя реформы Солона имѣли въ виду главнымъ образомъ удовлетвореніе интересовъ буржуазіи или, какъ ее называли, параліи.

2) *Имущественный цензъ.* Внутри аттическаго общества естественнымъ путемъ образовалось нѣсколько имущественныхъ группъ. Въ ареопагѣ, при выборѣ архонтовъ, главную роль играли эвпатридскіе роды. Предполагаютъ, что Солонъ, желая предоставить параліи участіе въ государственномъ управленіи, произвелъ дѣленіе населенія по имущетвенному цензу на 4 класса, но, принимая во вниманіе трудность, почти невозможность для того времени точной переписи населенія и записи имущества различныхъ лицъ, естественнѣе думать, что *Солонъ, не производя новаго дѣленія, просто воспользовался для своихъ реформы существующими имущественными группами.* Вѣроятно, онъ только опредѣлилъ, что высшія государственныя должности могутъ занимать лишь лица, имѣющія возможность отбывать повинность на конѣ; обыкновенно же считалось, что отбывать эту повинность могутъ лица, собирающія со своихъ полей не менѣе 300 медимновъ ячменя ежегодно. Этимъ лицамъ (*τριακοσιομέδιμνοι* или *ἱππεῖς*) Солонъ предоставилъ право избирать изъ своей среды архонтовъ. Наиболѣе богатые люди, получающіе свыше 500 медимновъ (*πεντακοσιομέδιμνοι*), пріобрѣли право замѣщать должность казначеевъ *). Слѣдующую группу составляли всѣ имѣющіе возможность являться въ полномъ пѣшемъ вооруженіи (*ζευγῖται*). Позднѣе, уже послѣ Солона, ихъ цензъ былъ опредѣленъ въ 200—300 медимновъ. Всѣ же прочіе жители Аттики отнесены были въ разрядъ *θῆτες*. Зевгиты получили право участвовать во вновь учрежденномъ совѣтѣ 400. Ѳеты же, не имѣвшіе возможности являться въ полномъ вооруженіи, участвовали только въ народномъ собраніи и такъ называемыхъ судахъ—*дикастеріяхъ*, изъ которыхъ впослѣдствіи развился судъ присяжныхъ—геліэя. Изъ этой реформы видно, что центръ тяжести изъ сферы родовыхъ отношеній переносится на имущественныя; теперь всякій человѣкъ, независимо отъ его происхожденія, пользуется политическими правами соотвѣтственно размѣру своей недвижимой собственности. Возможность доступа къ высшимъ должностямъ для зажиточныхъ лицъ незнатнаго происхожденія, проведенная въ интересахъ

*) Есть впрочемъ мнѣніе, что и архонты при Солонѣ выбирались только изъ числа получающихъ 500 медимновъ дохода (*Plut.* Aristid. 1; ср. однако *Arist.* 'Αθ. π. 26, 2).

наралiи и частью крестьянъ,—съ одной стороны, и сохраненiе земельнаго ценза, выгоднаго для землевладѣльческой аристократiи,—съ другой—ясно показываютъ компромиссный характеръ этой реформы.

3) *Реформы государственнаго строя.* Изъ прочихъ реформъ въ области государственнаго строя особенное значенiе имѣло созданiе *совѣта 400*, долженствовавшаго служить къ ослабленiю стараго аристократическаго совѣта на Ареопагѣ. Этотъ новый совѣтъ долженъ былъ подготовлять дѣла для народнаго собранiя, и къ нему же перешло право брать отчеты отъ должностныхъ лицъ. Ареопагъ оставался высшимъ блюстителемъ законовъ и главнымъ судомъ.

До Солона *архонты* разбирали каждый отдѣльно подвѣдомственныя имъ дѣла, теперь же для рѣшенiя болѣе важныхъ дѣлъ они стали собираться вмѣстѣ: составили коллегiю. Измѣненъ былъ и самый способъ *избранiя* архонтовъ: выборы производятся уже не въ ареопагѣ, а по филамъ. Каждая фила выбирала по 10 кандидатовъ: 9 въ архонты и 1 въ секретари къ нимъ, и изъ числа всѣхъ этихъ 40 кандидатовъ по жребiю выбирались 9 архонтовъ и, вѣроятно, 1 секретарь къ нимъ. Жребьевка должностныхъ лицъ имѣла впослѣдствiи демократическiй характеръ и развивалась параллельно росту демократiи. Мы увидимъ ниже, что примѣненiе жребьевки при избранiи на должности въ Аоинахъ (и въ нѣкоторыхъ другихъ греческихъ полисахъ) получило впослѣдствiи характеръ демократической мѣры: этотъ способъ избранiя знаменовалъ право и обязанность каждаго гражданина на участiе въ управленiи *), хотя и былъ нерѣдко вреденъ для дѣла, такъ какъ допускалъ къ должностямъ совершенно неспособныхъ лицъ. Однако въ эпоху Солона врядъ ли жребьевка имѣла характеръ демократической мѣры. Это не соотвѣтствуетъ и общему характеру Солоновыхъ учрежденiй, вовсе не имѣвшихъ строго демократической окраски; противорѣчитъ предположенiю о демократизмѣ этой мѣры и то обстоятельство, что выборы производились не просто жребьевкой, а

---

*) Англiйскiй изслѣдователь Хедлэмъ (*Headlam* Election by lot, 1891) показалъ, что именно таково значенiе жребiя Напротивъ, ошибочно мнѣнiе Ф. де Кулянжа (Nouv. Recherches), доказывавшаго, что избранiе по жребiю имѣло религiозный характеръ, а именно, что при жребьевкѣ божество указывало народу избранника. Ф. де Кулянжъ опровергается прежде всего тѣмъ, что жребьевка въ Грецiи—явленiе позднее; если же бы она имѣла религiозный характеръ, то мы бы ее нашли въ числѣ архаическихъ учрежденiй.

изъ кандидатовъ, выбранныхъ по филамъ. Русскій изслѣдователь *) весьма остроумно объясняетъ введеніе жребія при Солонѣ стремленіемъ устранить сепаратизмъ филъ: старая племенная и родовая организація тогдашнихъ Аѳинъ была еще достаточно крѣпка, и при выборахъ архонтовъ сказывался еще сепаратизмъ старыхъ 4 филъ, руководимыхъ эвпатридскими родами: каждая фила стремилась имѣть въ лицѣ архонтовъ своихъ людей. Система жребьевки, введенная Солономъ, приводила къ тому, что филы выставляли только кандидатовъ на должность архонтовъ, а, кто изъ этихъ кандидатовъ займетъ постъ, долженъ былъ рѣшить жребій, т. е. случай.

Ареопагъ былъ оставленъ въ качествѣ высшаго блюстителя законовъ и сохранилъ за собой судопроизводство по уголовнымъ дѣламъ, какъ мы уже упоминали. Сохранились краткія указанія на то, что Солономъ были учреждены для какихъ то дѣлъ народные суды: *дикастеріи.*

4) *Мѣропріятія для поощренія торговли и промышленности.* Всѣми этими реформами,—за исключеніемъ сисахтіи, выгодной для крестьянъ,—въ виду цензовой системы могла пользоваться только паралія. Защиту интересовъ этого же класса Солонъ преслѣдовалъ, предпринявъ цѣлый рядъ другихъ мѣръ. Для поддержанія ремесленнаго образованія онъ издалъ законъ, по которому каждый гражданинъ, если у него не имѣлось никакихъ иныхъ средствъ къ существованію, обязанъ былъ обучить своихъ сыновей какому-нибудь ремеслу, въ противномъ случаѣ онъ лишался права требовать, чтобы сыновья кормили его въ старости. Въ цѣляхъ развитія промышленности Солонъ привлекалъ въ Аттику иноземныхъ мастеровъ. Кромѣ того, до насъ дошли, правда очень краткія, свѣдѣнія о томъ, что Солономъ былъ изданъ законъ о торговыхъ компаніяхъ. Обязанность слѣдить за исполненіемъ всѣхъ этихъ законовъ была возложена на ареопагъ.

Изъ прочихъ реформъ экономическаго характера слѣдуетъ отмѣтить *замѣну эгинской монетной системы—эвбейской.* Въ основѣ эгинской монетной системы лежала, повидимому, финикійская, —самая древняя система, появившаяся въ Греціи. Она господствовала кромѣ Эгины почти во всемъ Пелопоннесѣ, въ большей части Средней и Сѣверной Греціи (кромѣ Коринѳа)

*) *В. А. Маклаковъ*, Избраніе жребіемъ въ Аѳинскомъ государствѣ (въ „Изслѣдованіяхъ по греческой исторіи В. А. Маклакова и М. О. Гершензона“ М. 1894).

и на части острововъ Эгейскаго моря. Введеніе ея на материкѣ приписывалось аргосскому царю Фидону. Эвбейская система, заимствованная изъ Малой Азіи (Лидіи), кромѣ острова Эвбеи (Халкида и Эретрія), была принята также въ Коринѳѣ. Въ обѣихъ системахъ счетъ велся на мины, но эвбейская мина равнялась 0,72 эгинской, и эгинская и эвбейская мины дѣлились на 100 драхмъ. Эта реформа Солона интересна въ томъ отношеніи, что служитъ показателемъ перемѣщенія торговыхъ интересовъ Аттики изъ ближайшей области Эгейскаго моря въ Малую Азію.

Послѣдняя важная мѣра Солона касалась запрещенія вывоза изъ Аттики сырыхъ произведеній, особенно съѣстныхъ припасовъ. Вызванная скудостью почвы Аттики, она нисколько не распространялась на предметы обрабатывающей промышленности (напримѣръ, на оливковое масло) и не противорѣчила общему характеру его реформъ.

Волненія послѣ Солоновой реформы.

Таковъ общій характеръ реформы Солона. Въ своихъ элегіяхъ онъ выражалъ надежду, что его реформа должна удовлетворить интересы всѣхъ борющихся классовъ, но его ожиданіямъ не суждено было осуществиться. Задача удовлетворить всѣхъ, никого не обижая, оказалась для него непосильной.

Правда, крестьянство, повидимому, должно было остаться довольно реформой: оно получило обратно заложенныя земли и освободилось отъ кабалы, но это было только временное улучшеніе. Устранивъ задолженность крестьянства, Солонъ не устранилъ, вызывавшихъ ее, общихъ причинъ. Бѣдность и отсутствіе дешеваго кредита остались въ силѣ и снова начали дѣйствовать по прежнему въ скоромъ времени послѣ реформы. Аристотель и Плутархъ сообщаютъ, что крестьянство снова впадаетъ въ задолженность и снова начинаются волненія, какъ и до реформы.

Эвпатриды съ самаго начала были недовольны экономическими реформами Солона. Сисахтія страшно вредила ихъ имущественному положенію. На основаніи сообщенія различныхъ историковъ слѣдуетъ думать, что вскорѣ послѣ этой реформы имѣлъ мѣсто въ Аттикѣ землевладѣльческій кризисъ: масса эвпатридскихъ земель выбрасывается на рынокъ, и происходитъ мобилизація земельной собственности (см. мою статью „Сисахтія Солона и разложеніе эвпатридскаго землевладѣнія“ въ журналѣ „Филологическое обозрѣніе“, т. XIII, 1, 1897). Не было основаній для эвпатридовъ быть довольными и политической реформой, заставившей ихъ подѣлиться властью съ паралiей.

Послѣдняя выгадала всѣхъ болѣе, но тѣмъ не менѣе она желаетъ еще большаго: ей недостаточно только участія въ государственномъ управленіи, и она стремится цѣликомъ захватить его въ свои руки. Недовольна она сохраненіемъ земельнаго ценза, дававшаго перевѣсъ не ей, а землевладѣльческой аристократіи. Невыгодна для нея и система выбора архонтовъ по филамъ, гдѣ сплоченные аристократическіе роды имѣли перевѣсъ надъ ней.

Всеобщая неудовлетворенность была причиной новой политической борьбы, разыгравшейся въ Аттикѣ вскорѣ послѣ реформъ. Черезъ 4—5 лѣтъ броженіе возобновилось. По Аристотелю, въ 589 и 584 годахъ, благодаря смутѣ, выборы архонтовъ не могли состояться; избранный въ 583—582 г. архонтъ *Дамасій* сдѣлалъ попытку захватить верховную власть въ свои руки, и такимъ путемъ ему удалось продержаться въ теченіе двухъ лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ. Послѣ его изгнанія между борющимися группами состоялся компромиссъ, выразившійся въ раздѣленіи между собой архонтскихъ мѣстъ (581—580). Число архонтовъ было увеличено до 10, и изъ этихъ 10 мѣстъ—пять предоставлялись эвпатридамъ, три—крестьянамъ и два—параліи.

Во время этой борьбы, соотвѣтственно тремъ классамъ, вырабатываются три опредѣленныя политическія партіи: 1) эвпатридо-землевладѣльческая партія, состоящая изъ богатыхъ землевладѣльцевъ, главнымъ образомъ, аѳинской долины и называвшаяся „партіей долины“ (*педіэи—πεδιαῖοι*). 2) крестьянская партія—партія *діакріевъ* (*διάκριοι*) или горцевъ, именовавшаяся такъ потому, что крестьянскія земли были расположены, главнымъ образомъ, въ сѣверо-западныхъ горныхъ областяхъ Аттики, наименѣе плодородныхъ и, наконецъ, 3) партія, выражавшая интересы прибрежнаго торгово-промышленнаго населенія—*паралія* (*πάραλοι*). Борьба этихъ трехъ партій приводитъ къ тираніи Писистрата.

Тираннія Писистрата.

Мы остановились на борьбѣ политическихъ партій въ Аѳинахъ послѣ законодательства Солона. Мы уже видѣли, что соотвѣтственно тремъ группамъ населенія — землевладѣльческой аристократіи, торгово-промышленной буржуазіи и крестьянству, тамъ образовались и три политическихъ партіи—педіэя, паралія и діакрія. Политическая исторія Аѳинъ послѣ реформы Солона и сводится къ борьбѣ этихъ трехъ партій. Во главѣ педіэи стоялъ Ликургъ, во главѣ параліи—Алкмеонидъ Мегаклъ. Діакріи сначала не имѣли вождя, но потомъ во главѣ ихъ сталъ

человѣкъ аристократическаго происхожденія—Писистратъ. Возникаетъ вопросъ,—какимъ образомъ аристократъ Писистратъ сумѣлъ стать во главѣ крестьянской партіи. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что для достиженія своей цѣли Писистратъ старался сдѣлаться популярнымъ среди аѳинскаго населенія. Греческія государства въ то время, какъ извѣстно, были очень небольшихъ размѣровъ, и это обстоятельство облегчало личное общеніе политическихъ дѣятелей съ большимъ числомъ согражданъ. Благодаря личному общенію, Писистратъ и добился популярности—настолько значительной, что когда онъ обратился къ народному собранію съ жалобой на то, что его преслѣдуютъ враги, то въ его распоряженіе была предоставлена стража, правда, вооруженная лишь дубинами, но Писистратъ сумѣлъ воспользоваться и этой охраной. Съ помощью ея онъ выдвинулся изъ среды другихъ лицъ и сдѣлалъ попытку захватить аѳинскій Акрополь, что ему и удалось. Мы видѣли ранѣе такую же попытку со стороны Килона, попытку неудачную,—Писистрату же удалось удержать власть въ рукахъ, и успѣхъ этотъ объясняется тѣмъ, что Писистратъ имѣлъ поддержку со стороны народной массы. Тогда противъ Писистрата соединились вожди двухъ другихъ партій—Ликургъ и Мегаклъ. Соединенными усиліями имъ удалось добиться изгнанія Писистрата. Но ловкій дипломатъ Писистратъ заводитъ сношенія съ Мегакломъ, желая поссорить его съ Ликургомъ. Такъ какъ интересы представляемыхъ ими партій были въ сущности различны, то Писистрату и удался его планъ. Для достиженія своей цѣли онъ даже женился на дочери Мегакла. Мы видимъ теперь, что, при поддержкѣ низшихъ слоевъ и при сочувствіи, отчасти, высшихъ,—Писистратъ снова возвращается въ Аттику. Геродотъ и Аристотель передаютъ намъ свѣдѣнія анекдотическаго характера, какъ Писистратъ воспользовался суевѣріемъ народныхъ массъ. Они расказываютъ, какъ Писистратъ въѣхалъ въ Аѳины на колесницѣ, причемъ рядомъ съ нимъ стояла дѣвушка Фія въ одеждѣ Аѳины Паллады, вѣнчавшая его вѣнкомъ, и какъ потомъ всѣ разсказывали другъ другу о покровительствѣ богини Писистрату. Насколько достовѣрно это преданіе,—сказать трудно, но въ разсказѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго, и можно думать, что пользованіе суевѣріемъ народныхъ массъ въ политикѣ Писистрата имѣло мѣсто.

Писистратъ вернулся къ власти, но скоро поссорился съ Мегакломъ и снова былъ изгнанъ. На этотъ разъ онъ уже не разсчитываетъ найти поддержку въ средѣ аристократіи и параліи.

Кромѣ крестьянства, онъ ищетъ опоры въ иностранныхъ державахъ. Ему оказали помощь: 1) ѳиванская аристократія (Ѳивы находились во враждѣ съ Аттикой); 2) эретрійская аристократія (городъ Эретрія—на Эвбеѣ) и 3) Наксосскій тираннъ Лигдамидъ, которому Писистратъ потомъ тоже оказываетъ поддержку. Въ Арголидѣ Писистратъ вербуетъ наемниковъ, затѣмъ высаживается въ Аттикѣ. Около мѣстечка Палленэ онъ встрѣчаетъ аѳинское войско. Геродотъ сообщаетъ по этому поводу подробности анекдотическаго характера: аѳиняне де не готовились къ бою: ихъ войско передъ тѣмъ пообѣдало и отдыхало, и въ это время Писистратъ разбилъ его. Главная причина его успѣха, конечно, заключалась въ томъ, что онъ пользовался поддержкой народа. Затѣмъ передаютъ, какъ Писистратъ собралъ въ Аѳинахъ вооруженный народъ къ Акрополю и обратился къ нему съ рѣчью, но въ виду того, что его не было слышно, собранію предложено было перейти въ Акрополь, оставивши оружіе у подножія холма. Въ это время приближенные Писистрата собрали оставленное оружіе, и тогда безоружный народъ безъ труда подчинился ему. Такъ, по этимъ анекдотическимъ даннымъ, Писистратъ снова сдѣлался правителемъ. Аристотель сообщаетъ, что изъ 33 лѣтъ (560—527) Писитратъ 14 лѣтъ провелъ въ изгнаніи, а 19 лѣтъ правилъ Аѳинами.

Опорой тиранна служили главнымъ образомъ демократическіе слои населенія (крестьянская партія—діакрія) и международная поддержка. Политика Писистрата соотвѣтствуетъ той почвѣ, на которой онъ утвердился. Главныя его мѣропріятія сводились къ *поддержанію интересовъ аѳинскаго крестьянства*. Эта тенденція проходитъ красной нитью чрезъ его политику.

Но Писистратъ постарался вступить въ компромиссъ и съ частью землевладѣльческой аристократіи, предпочитавшей его правленіе возвышенію торгово-промышленнаго класса, съ которымъ сблизилась другая часть эвпатридской аристократіи,—именно та, богатство которой заключалось не въ землѣ, а въ деньгахъ. *) Онъ *не уничтожаетъ Солоновыхъ учрежденій*; только нѣкоторые обычаи, введенные Солономъ, для него оказались невыгодными; такъ, онъ устраняетъ избраніе по жребію съ той цѣлью, чтобы всѣ должности замѣщались угодными ему лицами. Жеребьевка замѣнена выборами должностныхъ лицъ,

*) См. мою статью: „Соціальныя основы Аѳинской тиранніи VI в.“ въ „Сборникѣ въ честь Д. А. Корсакова“. К. 1912.

что Писистрату провести было нетрудно, благодаря его популярности въ народныхъ массахъ. Писистратъ подчеркиваетъ свое уваженіе къ старымъ аѳинскимъ обычаямъ: онъ, напр., является на судъ ареопага, когда его обвинили въ убійствѣ; однако, его обвинитель испугался и не явился. Итакъ, Писистратъ оставляетъ почти безъ перемѣны Солоновъ строй, но пользуется имъ въ свою пользу.

Откуда Писистратъ бралъ *матеріальныя средства?* Однимъ изъ источниковъ доходовъ служилъ для Писистрата, введенный имъ, постоянный налогъ—десятина, т. е. одна десятая часть съ доходовъ частныхъ лицъ. Ѳукидидъ, впрочемъ, говоритъ, что уплачиваемый налогъ былъ равенъ только одной двадцатой, а не одной десятой. Во всякомъ случаѣ, постоянный налогъ былъ введенъ или въ размѣрѣ одной десятой—по Аристотелю, или одной двадцатой—по Ѳукидиду. Второй источникъ дохода—собственныя средства Писистрата. Во Ѳракіи Писистратъ имѣлъ серебряные рудники, доходомъ съ которыхъ и пользовался. Итакъ, измѣненій въ государственномъ строѣ Писистратъ не произвелъ: они касаются только финансовой стороны.

Затѣмъ, нужно считаться съ *соціальной политикой* Писистрата. Прежде всего онъ, повидимому, ясно понимаетъ дефектъ въ реформахъ Солона; онъ понимаетъ, что послѣ сисахтіи крестьянство не сможетъ оправиться, пока не будутъ устранены обстоятельства, вызвавшія его задолженность—и онъ вводитъ *дешевый кредитъ* для крестьянъ. Объ этомъ сообщаетъ намъ Аристотель. Болѣе поздній авторъ—Эліанъ—говоритъ, что кредитъ оказывался натурой: сѣменами и скотомъ. Для того, чтобы крестьяне не оставались безъ средствъ производства, Писитратъ давалъ имъ сѣмена и скотъ, поэтому крестьянское хозяйство не могло прійти въ упадокъ. Дешевый кредитъ—важнѣйшее соціальное мѣропріятіе Писистрата.

Писистратъ видитъ также, что тяжесть налога въ одну десятую или даже въ одну двадцатую дохода не всѣмъ посильна, и до насъ дошли свѣдѣнія, что для бѣднѣйшаго населенія Писистратъ допускалъ облегченіе налога. Аристотель сообщаетъ, что однажды, объѣзжая Аттику, Писистратъ увидѣлъ крестьянина, обрабатывающаго свой участокъ, и задалъ ему рядъ вопросовъ: какова его земля и каковъ доходъ съ нея, какъ онъ живетъ? „Одна бѣда да горе, а еще приходится одну десятую отдавать Писистрату“, отвѣчалъ крестьянинъ, не зная съ кѣмъ ведетъ разговоръ. Писистратъ освободилъ его отъ налога, и этотъ участокъ сталъ называться *χωρίον ἀτελές* (не платящій налога уча-

стокъ). Изъ этого анекдота видно, что Писистратъ производилъ частичныя изъятія отъ платежа налога.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одну мѣру Писистрата,—это приближеніе суда къ населенію. Онъ вводитъ δικασταὶ κατὰ δήμους, т. е. *судей по демамъ*. Это институтъ разъѣзжихъ судей, которые разъѣзжали по демамъ и отправляли судъ. Всѣмъ, конечно, извѣстно значеніе дешеваго суда. Теперь крестьянину не нужно было ѣздить для веденія судебныхъ дѣлъ въ Аѳины, такъ какъ онъ имѣлъ судъ на мѣстѣ.

Эти мѣры Писистрата направлены были къ достиженію двухъ цѣлей: съ одной стороны, онѣ направлены къ улучшенію положенія крестьянства и отчасти крупныхъ землевладѣльцевъ, а съ другой—къ упроченію его собственнаго положенія. Крестьянство довольно его правленіемъ и оказываетъ ему поддержку; съ другой стороны, улучшеніе положенія сельскаго населенія уменьшаетъ притокъ его въ Аѳины, отстраняетъ его отъ активной политики и дѣлаетъ правленіе Писистрата болѣе безконтрольнымъ. Съ помощью введенныхъ имъ налоговъ Писистратъ увеличиваетъ собственные доходы. Мы знаемъ, кромѣ того, что онъ сумѣлъ поднять общее благосостояніе Аѳинъ, а также ихъ международное значеніе (сношеніе съ ѳиванцами, эретрійцами, наксосскимъ тиранномъ, позднѣе Писистратъ завелъ сношенія съ Ѳессаліей). Со всѣми ближайшими государствами онъ установилъ сложныя дипломатическія сношенія.

Самыя Аѳины онъ желаетъ обратить въ большой городъ, отчасти—изъ стремленія дать заработокъ бѣднѣйшему населенію, отчасти—изъ стремленія къ пышности. Онъ возводитъ рядъ построекъ: большой храмъ Зевсу Олимпійскому въ Акрополѣ, храмъ Аѳинѣ, разрушенный позднѣе персами: такимъ образомъ, онъ даетъ заработокъ крестьянству и низшему классу городского населенія. Онъ привлекаетъ въ Аѳины художниковъ, поэтовъ (Анакреона, Симонида), организуетъ редактированіе поэмъ Гомера.

Такова политика Писистрата. Это типичная политика греческихъ тиранновъ ранняго времени: удовлетвореніе интересовъ низшихъ классовъ, стремленіе пріобрѣсти международную поддержку путемъ дипломатическихъ сношеній, созданіе пышнаго двора—все это мы встрѣчаемъ почти у всѣхъ тиранновъ эпохи ранней греческой тираніи.

Политика сыновей Писистрата и паденіе тиранніи.

Въ 527 г. Писистратъ умеръ и оставилъ трехъ сыновей: Гиппія, Гиппарха и Ѳессала. Руководящую роль въ Аѳинахъ

получилъ Гиппій. Политика сыновей Писистрата очень отличалась отъ политики самого Писистрата. Мы видѣли, что уже въ эпоху Писистрата наблюдаются симптомы сближенія его съ землевладѣльческой аристократіей. При его сыновьяхъ это сближеніе пошло дальше. Тиранны чувствовали свое положеніе въ народѣ не совсѣмъ твердымъ и стали сближаться съ землевладѣльцами-аристократами. Они менѣе осторожны въ своей финансовой политикѣ. Въ трактатѣ „Экономика", приписываемомъ Аристотелю (въ основѣ его отчасти лежатъ, быть можетъ, лекціи Аристотеля), сообщается, что Гиппій увеличилъ налоги въ Аттикѣ, обложивъ все, что только можно: верхніе этажи домовъ, выступы ихъ, занимающіе часть улицы и т. д. Это сообщеніе показываетъ, что тиранны этого времени совершенно не знаютъ мѣры въ увеличеніи налоговой тяжести. Новые виды обложенія, равно какъ и общее деспотическое направленіе дѣятельности правителей, ведетъ къ усиленію оппозиціи. Составился заговоръ Гармодія и Аристогитона: Гиппархъ былъ убитъ (514 г.), Гиппій же остался живъ и продолжалъ свое управленіе. Противъ Гиппія выступили Алкмеониды. При поддержкѣ спартанцевъ имъ удалось изгнать Гиппія изъ Аѳинъ. Онъ бѣжитъ въ Персію. Теперь Спарта оказываетъ поддержку противъ тиранновъ, хотя раньше она дѣйствовала въ пользу ихъ. Спарта подчинила своему главенству почти весь Пелопоннесъ, а теперь желаетъ подчинить и Аттику, но, такъ какъ она не нашла поддержки своей политики въ тираннахъ, то сама оказываетъ содѣйствіе ихъ врагамъ—партіи параліи. Однако паралія, во главѣ съ Клисѳеномъ, повела самостоятельную политику, и спартанцы стали поддерживать педіэевъ съ Исагоромъ во главѣ. Исагоръ предаетъ Аѳины спартанцамъ. До 700 семей были изгнаны изъ Аѳинъ. Исагоръ уничтожилъ совѣтъ четырехсотъ и передалъ власть 300 знатнымъ аѳинянамъ, причемъ самъ сталъ во главѣ ихъ. Знатные пользовались поддержкой Спарты, но остальное населеніе, угнетаемое аристократами, возстало. Исагоръ и спартанцы были изгнаны, руководителемъ политики сталъ Алкмеонидъ Клисѳенъ.

Реформы Клисѳена.

Клисѳенъ провелъ рядъ реформъ, имѣющихъ важное значеніе въ исторіи аѳинской демократіи,—можно сказать, даже рѣшающее значеніе въ исторіи ея развитія. Въ основѣ ихъ лежитъ реформа аѳинскихъ филъ.

Послѣ реформы Клисѳена четыре старыхъ родовыхъ филы сохраняются, но имъ реформаторъ отводитъ очень узкое значе-

ніе: онѣ играютъ роль исключительно религіозную. Выше было говорено о консерватизмѣ, какъ грековъ, такъ и другихъ древнихъ народовъ въ религіозныхъ вопросахъ. Они не рѣшаются отмѣнить извѣстныя учрежденія, поскольку эти послѣднія связаны съ религіей: царская власть, какъ политическая организація, была давно упразднена, но, какъ принадлежность культа, продолжала существовать; 4 родовыя филы точно также въ области культа продолжали играть роль, но роль политическая была у нихъ Клисоеномъ отнята.

Вмѣсто четырехъ родовыхъ филъ Клисоенъ учреждаетъ 10 *территоріальныхъ*, но организуетъ ихъ особеннымъ образомъ. Реформа эта выяснена благодаря находкѣ „Аоинской Политіи". Надписи подтвердили сообщенія и соображенія „Политіи". Въ надписяхъ, гдѣ идетъ рѣчь о распредѣленіи аоинянъ по филамъ и по демамъ, видно то же расположеніе филъ, какъ и въ сообщеніи Аристотеля (изслѣдованіе этого вопроса произведено эпиграфистами Мильххёферомъ и Лёперомъ). Въ прибрежной полосѣ Аттики (Паралія) концентрировалась торгово-промышленное населеніе; сѣверная часть ея была занята, преимущественно, крестьянствомъ; центральная часть, наиболѣе плодородная—землевладѣльческимъ классомъ. Элевсинская долина—тоже очень плодородная часть страны—отличалась нѣкоторымъ сепаратизмомъ, такъ какъ она была присоединена къ Аттикѣ позднѣе (см. выше стр. 147). Прибрежная область продолжаетъ у Клисоена называться Паралiей, центральная часть называется *περὶ τὸ ἄστυ*, т. е. „около города", сѣверная часть называется Діакріей или Месогеей (въ деталяхъ границы этихъ дѣленій не установлены: на картахъ, составленныхъ нѣкоторыми изслѣдователями, видны перерывы). Каждую изъ этихъ областей Клисоенъ раздѣлилъ на *триттіи*, создавъ 10 дѣленій въ городской области, 10 дѣленій въ Паралiи и 10 дѣленій въ Месогеѣ. Элевсинская долина присоединена была къ Паралiи. Значитъ, всѣ три части вмѣстѣ (въ томъ числѣ Паралія со включеніемъ Элевсинской долины) были раздѣлены на 30 участковъ. Три участка—по одному изъ каждой области—составили филу, и, такимъ образомъ, составилось 10 филъ. Каждая фила состояла, слѣдовательно, изъ трехъ дѣленій въ трехъ разныхъ частяхъ Аттики.

Дѣленія Клисоена, какъ мы видимъ,—чисто территоріальныя, но фила его не сплошная территорія, а составлена изъ частей, лежащихъ въ разныхъ областяхъ Аттики. Какую же цѣль преслѣдовалъ Клисоенъ этою своею реформою? Почему онъ

не разбилъ всю Аттику на 10 территоріальныхъ филъ, а каждую филу составилъ изъ 3 частей, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ? Клисоенъ, во-первыхъ, желалъ устранить сепаратизмъ областей, который обусловливался тѣмъ обстоятельствомъ, что борющіяся партіи Аттики распредѣлялись по этимъ довольно замѣтно разграниченнымъ областямъ. Смѣшавъ ихъ, Клисоенъ устранилъ возможность согласованной дѣятельности партій на выборахъ: онѣ теперь не могутъ дѣйствовать солидарно, партіи раздѣлены по филамъ, и сепаратизмъ, такимъ образомъ, ослабленъ. Что касается самого факта замѣны родовыхъ филъ территоріальными, то здѣсь дѣло въ слѣдующемъ: въ родовыхъ филахъ перевѣсъ былъ за сплоченными, организованными аристократическими родами, теперь же, при вышеуказанной замѣнѣ, эти роды перемѣшались, и выступать на выборахъ сплоченной организаціей аристократическіе роды не имѣютъ возможности. Третья цѣль реформы временнаго характера, и Аристотель формулируетъ ее такъ: *πολλοὺς ἐφυλέτευσε ξένους καὶ δούλους μετοίκους*, т. е. „онъ включилъ въ филы много иностранцевъ (очевидно текстъ здѣсь попорченъ): рабовъ и метековъ. „Вѣроятно слова „рабовъ и метековъ“ служили поясненіемъ къ слову *ξένους*—иностранцевъ. Во время смутъ списки гражданъ не велись, многіе изъ иностранцевъ, даже рабскаго происхожденія, претендовали на политическія и гражданскія права,—произошла путаница. Клисоенъ рѣшилъ включить въ число аоинскихъ гражданъ всѣхъ, претендовавшихъ на это, а такъ какъ права гражданства были связаны съ принадлежностью къ филамъ, то онъ долженъ былъ зачислить ихъ въ филы, для чего организація территоріальныхъ филъ оказалась очень удобной. Клисоенъ ввелъ ихъ сюда и, такимъ образомъ, масса не гражданъ была введена въ филы. Эта мѣра гармонировала съ его демократической политикой. Архонты и Совѣтъ теперь выбирались по территоріальнымъ филамъ.

Такимъ образомъ, Клисоеномъ было окончательно подорвано господство на выборахъ организованныхъ аристократическихъ родовъ.

Созданіе территоріальныхъ филъ Клисоеномъ сравниваютъ съ разрушеніемъ древнихъ, органически сложившихся областей, произведенымъ во Франціи Національнымъ Собраніемъ.

Далѣе, говорили, что Клисоенъ создалъ демы (*δῆμοι*)—общины, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ деревни или мѣстечка. Конечно, демы созданы не Клисоеномъ, а возникли сами собой. Клисоенъ же только воспользовался ими, предоставивъ

демамъ самоуправленіе. Самоуправленіе общинъ существовало еще во время средневѣковья, но Клисѳенъ ввелъ это самоуправленіе въ систему государственныхъ учрежденій. Демы сами завѣдовали своими мѣстными преимущественно хозяйственными дѣлами. Они вели списки гражданъ. Члены новаго совѣта 500 избирались пропорціонально количеству населенія дема. Собраніе каждаго дема избирало на годъ главу дема (демарха). Демъ имѣлъ свою кассу.

Такимъ образомъ, Аттика была раздѣлена на 30 триттій и 10 филъ; внутри филъ существовали общины, именовавшіяся демами, которыя имѣли самоуправленіе.

Реформа государственнаго строя при Клисѳенѣ. Выборы производятся теперь по новымъ филамъ. *Число членовъ совѣта увеличено до* 500 ч., изъ каждой филы выбиралось, слѣдовательно, по 50 челевѣкъ. При этомъ внутри филы выборы производились *пропорціонально числу жителей въ каждомъ демѣ* *). Затѣмъ Клисѳенъ вводитъ новый институтъ *стратеговъ,* и съ этихъ поръ архонтъ-полемархъ теряетъ прежнее значеніе, хотя эта должность и продолжаетъ существовать. Его мѣсто заступаетъ коллегія изъ 10 стратеговъ, выбираемыхъ также по филамъ, которые позднѣе (при Периклѣ) играютъ руководящую роль въ Аттикѣ, оттѣснивши архонтовъ выбираемыхъ по жребію, между тѣмъ какъ для стратеговъ была сохранена система выборовъ путемъ голосованія.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о введенномъ при Клисѳенѣ оригинальномъ институтѣ—*остракисмѣ.* „Аѳинская Политія" показала его значеніе. Терминъ „остракисмъ" происходитъ отъ слова ὄστρακον—черепокъ. Остракисмъ сводился къ тому, что граждане собирались и писали на черепкахъ имя гражданина, который, по ихъ мнѣнію, подлежитъ изгнанію. Голосованіе было закрытое. Ежегодно въ одномъ изъ очередныхъ народныхъ собраній рѣшался вопросъ, есть ли необходимость примѣнить остракисмъ, а затѣмъ уже назначалось особое собраніе для примѣненія остракисма. Для осужденія на изгнаніе требовалось, чтобы за изгнаніе было подано не менѣе 6000 голосовъ. Аристотель объясняетъ введеніе этого института тѣмъ, что была еще свѣжа память о тираннахъ, и боязнь ихъ возвращенія заставляла искать мѣръ для удаленія опасныхъ общественной свободѣ лицъ.

---

*) О связи этой мѣры съ принципомъ народнаго представительства см. выше стр. 161, прим.

Первымъ былъ изгнанъ родственникъ Писистратидовъ Гиппархъ, сынъ Харма. Прежде, быть можетъ, съ такимъ человѣкомъ раздѣлались-бы путемъ убійства, но теперь нравы общества смягчились, и его только изгоняютъ. Впослѣдствіи остракисмъ получаетъ иной характеръ, ставши средствомъ партійной борьбы. Остракисмъ поздняго времени напоминаетъ борьбу партій въ Англіи, когда ихъ было только двѣ — тори и виги: путемъ остракисма народъ рѣшалъ, кому изъ партійныхъ вождей слѣдуетъ предоставить руководство политикой и кто долженъ устраниться (изгнаніе Аристида послѣ Мараѳонской битвы и выступленіе въ качествѣ руководителя политики Ѳемистокла; позднѣе—изгнаніе Ѳемистокла; изгнаніе Ѳукидида, сына Милесія и т. п.). Так. обр., остракисмъ сдѣлался довольно оригинальнымъ средствомъ политической борьбы.

Реформы Клисѳена окончательно сокрушили средневѣковые порядки въ Аттикѣ и явились той почвой, на которой развилась въ V в. аѳинская демократія.

г) *Военная община въ Спартѣ.*

Особнякомъ стоитъ среди греческихъ обществъ въ отношеніи государственнаго строя —Спарта. Спартанскій строй нельзя разсматривать, какъ строй чистаго средневѣковаго типа, подобно тому, какой мы видимъ на западѣ и сѣверѣ Греціи, но это, съ другой стороны,—и не эволюціонирующее на почвѣ классовой борьбы государство-городъ, какое мы наблюдали на востокѣ Греціи, въ М. Азіи и во многихъ колоніяхъ. Въ Спартѣ образовалась *военная община*, которую греческіе писатели именовали „государствомъ-лагеремъ“. Подвергаясь очень медленной эволюціи, подобно государствамъ запада и сѣвера, Спарта, однако, не сохранила и того средневѣковаго облика, который такъ характеренъ для первыхъ.

Источники для древнѣйшей исторіи Спарты (*легенды о Ликургѣ*). Источниками для реконструкціи этого періода исторіи Спарты служатъ главнымъ образомъ преданія, сохраненныя греческими историками. Когда заходитъ рѣчь о спартанскихъ учрежденіяхъ, то является вопросъ, какъ они возникли? Греческіе историки приписывали ихъ Ликургу. Его біографія, написанная Плутархомъ, довольно обширна (въ изданіи Тейбнера занимаетъ страницъ 40). Она знакомитъ насъ съ условіями жизни и законодательной дѣятельностью Ликурга. Но страннымъ является то, что чѣмъ болѣе мы погружаемся въ глубь вѣковъ, чѣмъ ближе подходимъ къ эпохѣ, въ которую, по преданію, жилъ Ликургъ,

тѣмъ менѣе находимъ свѣдѣній о немъ. Въ самомъ началѣ греческой исторіографіи о немъ ничего неизвѣстно: отъ него остается только одно имя. Можетъ быть, ко времени Плутарха были найдены какія-нибудь архивныя данныя, касающіяся его жизни и дѣятельности? Нѣтъ: самъ Плутархъ заявляетъ, что матеріалъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно скуденъ. Какъ же объяснить такое увеличеніе свѣдѣній о Ликургѣ ко времени Плутарха? Преданія о Ликургѣ создавались постепенно, поэтому, чѣмъ, дальше мы отъ эпохи Ликурга, тѣмъ больше имѣемъ о немъ свѣдѣній. Въ концѣ VI и началѣ V вв. историки о немъ еще почти ничего не знаютъ. Гелланикъ Лесбосскій приписывалъ спартанскія учрежденія царямъ Проклу и Эврисоену. Геродотъ уже знаетъ, что Ликургъ много путешествовалъ, былъ на о. Критѣ и въ Дельфахъ, гдѣ Пиѳія одобрила его законы, которые онъ затѣмъ и далъ спартанцамъ.

Время идетъ и мы видимъ другое явленіе. Въ концѣ V и началѣ IV в. до Р. Х. государства Греціи раздираются борьбой имущихъ съ малоимущими. Образуются политическія партіи съ политическими и соціальными программами, возникаетъ политическая литература. Свои политическіе взгляды партійные дѣятели стараются подкрѣпить ссылками на исторію. Появляется цѣлый рядъ сочиненій въ Спартѣ и въ Аѳинахъ, гдѣ идеализируется спартанскій строй (который къ этому времени сталъ уже аристократическимъ), появляются памфлеты олигарховъ. Эти памфлеты полны ссылокъ на спартанскую старину и указываютъ, что спартанскія учрежденія создали величіе Спарты. Къ числу такихъ произведеній относится и памфлетъ царя Павсанія, написанный во время борьбы этого царя со спартанскими олигархами (начало IV в.). Этотъ памфлетъ содержалъ много изрѣченій оракуловъ, нѣкоторыя изъ нихъ, быть можетъ, были фальсифицированы, часть-же—могла быть подлинной. Тенденціи царя Павсанія нашли себѣ много приверженцевъ, памфлетъ его получилъ широкое распространеніе въ Спартѣ.—Въ Аѳинахъ преимущественно въ консервативныхъ кругахъ также появились лаконисты, которые ссылались на Лаконію, какъ на идеальное государство (Ксенофонтъ). У нихъ и личность Ликурга и образъ учрежденій того времени выяснялись очень подробно. Нѣкоторые писатели этого времени, многія спартанскія учрежденія, напримѣръ, эфоратъ, приписываютъ болѣе позднему времени. (царь Павсаній, Платонъ).—Особенно важна черта, внесенная IV вѣкомъ въ біографію Ликурга,—это идея о томъ, что Ликургомъ создано аграрное равенство въ Спартѣ. Уже у историка IV вѣка Эфора

мы находимъ это мнѣніе. Постепенно утвердилось убѣжденіе, что при Ликургѣ произошелъ раздѣлъ земель на началахъ равенства: это мнѣніе нравилось демократическимъ кругамъ общества. Въ то же время Ликургъ является съ новой чертой: прежде онъ былъ реформаторомъ,—теперь у нѣкоторыхъ писателей онъ отчасти реформаторъ, а отчасти даже и революціонеръ (слѣды этой версіи имѣются уже у Аристотеля). Въ III в. въ эпоху соціальной революціи при царяхъ Агисѣ III и Клеоменѣ III представленіе о Ликургѣ, какъ о соціальномъ революціонерѣ, распространилось еще болѣе. На Ликурга ссылался Клеоменъ въ своей реформаторской дѣятельности. Біографія Плутарха всѣ эти данныя, копившіяся вѣками, соединила, безъ критики, въ одно цѣлое. Въ одно и то же время мы видимъ Ликурга то реформаторомъ, то революціонеромъ. Напримѣръ, въ главѣ о прибытіи Ликурга въ Спарту (5-я гл.)—онъ мирный реформаторъ: его ждутъ всѣ— и народъ и цари; его ждутъ съ законами. Но вдругъ въ той же главѣ онъ превращается въ революціонера, его боятся цари. Очевидно, Плутархъ слилъ здѣсь въ одно цѣлое два разныя сказанія о Ликургѣ.

Мы видимъ, что въ біографіи Ликурга цѣнно то, что сообщается о спартанскихъ учрежденіяхъ, что же касается самой личности Ликурга, то достовѣрныхъ свѣдѣній о немъ не имѣется. Можно даже думать, что Ликургъ первоначально былъ мѣстнымъ божествомъ, или даже однимъ изъ эпитетовъ Зевса, бога покровителя Лаконіи. Въ Ретрѣ (см. ниже) мы находимъ обращеніе къ Зевсу и Аѳинѣ: тамъ говорится о посвященіи храма Зевсу и Аѳинѣ. Въ исторіи религіи часто эпитетъ божества постепенно превращается въ особое божество: можетъ быть это случилось и съ эпитетомъ Зевса въ Лаконіи. Когда возобладало надъ старымъ религіознымъ міросозерцаніемъ новое раціоналистическое теченіе, такъ что религіозный моментъ утратилъ прежнюю силу и значеніе,—Ликургъ изъ благодѣтельнаго божества постепенно превратился въ личность народнаго героя-реформатора.

Итакъ, возстановить происхожденіе спартанскихъ учрежденій можно только гипотетически. Въ основѣ этого процесса лежитъ дорійское завоеваніе, о которомъ уже было говорено выше.

Какъ создалось Спартанское государство? Издавна обращали вниманіе на то обстоятельство, что въ Спартѣ было два царя, тогда какъ въ другихъ государствахъ въ монархическій

періодъ былъ только одинъ. Разсмотрѣнное обстоятельство говоритъ въ пользу того, что Спартанское государство произошло путемъ *синойкизма*. Въ Аѳинахъ образованіе древнѣйшаго государства произошло тоже путемъ синойкизма, т. е. путемъ сліянія нѣсколькихъ поселеній, нѣсколькихъ общинъ въ одно цѣлое. Эта аналогія также говоритъ въ пользу мнѣнія, что въ Спартѣ имѣлъ мѣсто синойкизмъ. Эта гипотеза—самое лучшее средство объяснить происхожденіе двойной царской власти. Если мы предположимъ, что Спарта составилась изъ двухъ общинъ, то будетъ понятно, что тамъ установилась двойная царская власть. Детально эта точка зрѣнія развита въ работахъ Гильберта. Она усвоена и многими другими историками. Гильбертъ шелъ даже дальше: онъ предполагалъ, что слилось не двѣ, а три общины и что сначала царей было также трое. Путемъ этого предположенія онъ объяснялъ количество спартанскихъ геронтовъ, равное 30, тѣмъ, что первоначально отъ каждой общины было по 10 геронтовъ; но въ пользу этого мнѣнія данныхъ мало. Напротивъ, въ пользу мнѣнія о сліяніи двухъ общинъ говоритъ многое. Все время мы видимъ въ Спартѣ не только двухъ царей, но и двѣ царствующихъ династіи—Агіадовъ и Эврипонтидовъ. Въ пользу этого же мнѣнія говорятъ топографическія соображенія: гробницы царей одной династіи находились въ одной мѣстности, а другая мѣстность служила мѣстомъ погребенія царей другой династіи: можно полагать, что цари хоронились тамъ, гдѣ прежде жили. Есть основаніе думать, что одна династія была ахейская, другая—дорійская. Когда царь Клеоменъ I хотѣлъ войти въ храмъ богини Аѳины въ Аѳинахъ, то ему было сказано, что входить въ него могутъ только ахейцы, на что Клеоменъ отвѣтилъ: „Я не дорянинъ, а ахеецъ“. (Herod. V 72). Можно поэтому предполагать, что династія Агіадовъ—ахейскаго, а династія Эврипонтидовъ—дорійскаго происхожденія. Все это говоритъ въ пользу синойкизма двухъ общинъ ахейской и дорійской. Но К. I. Нейманъ держится иной точки зрѣнія.*) Онъ тоже объясняетъ двойную царскую власть путемъ сліянія государствъ, но полагаетъ, что это былъ не синойкизмъ двухъ небольшихъ сосѣднихъ общинъ, а сліяніе двухъ болѣе значительныхъ государствъ: одно составляло часть Мессеніи, примыкающую къ Тайгету, другое составлялось изъ части

*) Эта точка зрѣнія развита въ очень содержательной, но заключающей въ себѣ и недостаточно обоснованныя мнѣнія статьѣ въ Hist. Zeit., 96 томъ (1906), стр. 1—80.

общинъ Эвротской долины. Нейманъ ссылается на нѣкоторыя мѣста поэмъ Гомера, гдѣ Агамемнонъ является царемъ Лаконіи, а Менелай, по неубѣдительному мнѣнію Неймана, переносится въ Мессенію (Ил. IX 149—157=291—299; гдѣ упоминаются города Лаконіи, какъ принадлежащіе Агамемнону; Одис., III 306, 323 и IV 602; въ другихъ мѣстахъ поэмъ Агамемнонъ—царь Микенъ, а Менелай—Спарты). Отсюда Нейманъ дѣлаетъ выводъ, что у Гомера въ данномъ мѣстѣ сохранилось воспоминаніе о томъ времени, когда въ Лаконіи и части Мессеніи были два государства. Для насъ важно то, что и здѣсь происхожденіе двойной царской власти объясняется сліяніемъ двухъ государствъ. Итакъ, въ основѣ Спартанскаго государства лежитъ синойкизмъ: это наиболѣе вѣроятная гипотеза.

Ликургова Ретра. Для древнѣйшей исторіи Спарты главнѣйшимъ источникомъ является, такъ называемая *Ликургова Ретра*, изложенная Плутархомъ въ VI главѣ біографіи Ликурга. Текстъ этой ретры въ переводѣ значитъ: „Воздвигнувши храмъ Зевсу Селланійскому и Аоинѣ Селланійской, установивши филы и создавши обы, установивши герусію изъ 30 лицъ съ архагетами, время отъ времени (слѣдуетъ) собирать народное собраніе между Бабикой и Кнакіономъ. Такимъ образомъ вносить предложенія и постановлять ихъ. Народу пусть принадлежитъ власть и сила“.

(*Διὸς Σελλανίου καὶ Ἀθηνᾶς Σελλανίας ἱερὸν ἱδρυσάμενον, φυλὰς φυλάξαντα καὶ ὠβὰς ὠβάξαντα, τριάκοντα γερουσίαν σὺν ἀρχαγέταις καταστήσαντα, ὥρας ἐξ ὥρας ἀπελλάζειν μεταξὺ Βαβύκας καὶ Κνακιῶνος, οὕτως εἰσφέρειν τε καὶ ἀφίστασθαι δάμῳ δὲ τὰν κυρίαν ἦμεν καὶ κράτος*).

Разберемъ текстъ ретры:

„Воздвигнувши храмъ Зевсу и Аѳинѣ“...

Зевсъ и Аѳина—божества-покровители Лаконіи, даже самого Ликурга нѣкоторые изслѣдователи считаютъ, какъ мы видѣли, одной изъ формъ Зевса, покровителя Спарты. Постройка храма—самое обычное явленіе въ такихъ случаяхъ: передъ важнымъ государственнымъ актомъ строились и посвящались храмы или алтари богамъ-покровителямъ.

„Установивши филы и создавши обы..“ Филы, какъ мы видѣли, древнія племена, слившіяся потомъ въ одно цѣлое, но бывали примѣры, когда онѣ создавались искусственно. Здѣсь, видно, рѣчь идетъ о второмъ случаѣ. Въ Лаконіи были древнія дорійскія филы—гилейцы, диманы и памфилы, но въ Спартѣ было еще 5 территоріальныхъ филъ. Какъ потомъ въ Аѳинахъ 4 естественныя іоническія филы были замѣнены Клисѳеномъ 10

искусственными территоріальными, такъ нѣчто подобное было сдѣлано раньше въ Спартѣ. Прежде филы не были связаны съ территоріей: члены ихъ жили въ разбивку и соединялись только при голосованіи, здѣсь же говорится о дѣленіи области на извѣстные территоріальные округа. Вопросъ же о томъ, что такое „обы“ пока еще споренъ: вѣрнѣе всего, что „обы“—подраздѣленія филъ.

„...Установивши герусію изъ 30 лицъ“.

Герусія состояла изъ 30 лицъ, включая 2 царей. Архагеты—это цари.

„...Время отъ времени собирать народное собраніе (апеллу) между Бабикой и Кнакіономъ“... По толкованію Аристотеля, приводимому Плутархомъ, Бабика—мостъ. Кнакіонъ—рѣка.

„Такимъ образомъ вносить предложенія и постановлять рѣшенія“.. Терминъ ἀφίστασθαι („разступаться“) употребленъ въ виду существовавшаго въ спартанскомъ народномъ собраніи порядка голосованія. Въ немъ не было тайной подачи голосовъ: вопросъ рѣшался или крикомъ, или, когда рѣшеніе его по этому способу казалось спорнымъ, голосовали путемъ расхожденія направо и налѣво.

„...Народу пусть принадлежитъ власть и сила“.

Вся ретра дошла до насъ въ косвенной рѣчи: очевидно, ей предшествуетъ: „Такой то сказалъ, или такіе то сказали, что, воздвигнувши храмъ Зевсу Эллинскому и Аѳинѣ Эллинской, установивши филы и создавши обы“ и т. д. Что такое ретра,—вопросъ сложный. По своей формѣ она можетъ быть, напримѣръ, изрѣченіемъ Пиѳіи (Пиѳія изрекла: „чтобы ты, Ликургъ, воздвигнувши храмъ“ и проч. и проч.). И дѣйствительно ретру считали изреченіемъ оракула, даннымъ Ликургу. Самый стиль ретры заставляетъ ее считать очень древнимъ текстомъ. Древніе историки въ подлинности ретры не сомнѣвались.

Такимъ образомъ вѣроятнѣе, что ретра—древній текстъ, и въ опредѣленіи древнѣйшаго государственнаго строя Спарты мы можемъ исходить изъ ретры.

Однако признавши древность ретры, мы не разрѣшаемъ еще тѣмъ вопроса о ея происхожденіи, который продолжаетъ оставаться спорнымъ. Много правильныхъ соображеній по этому вопросу высказалъ Густавъ *Гильбертъ* *). По его мнѣнію,

---

*) Studien zur altspartanischen Geschichte, 1872 и Handbuch der griechischen Staatsalterthümer 1. B., 2. Aufl. 1893.

ретра—тотъ договоръ о синойкизмѣ, который былъ заключенъ между слившимися обществами, и былъ одобренъ оракуломъ. Самое слово „ретра“ (Ϝράτρα) указываетъ, что разсматриваемый текстъ—не законъ, а договоръ. Слѣдовательно, самое названіе позволяетъ думать, что это—договоръ. Тотъ фактъ, что здѣсь говорится объ учрежденіяхъ, существовавшихъ издревле въ греческихъ государствахъ,—о царяхъ, герусіи, народномъ собраніи, дѣлаетъ малообоснованнымъ предположеніе, что въ Спартѣ при синойкизмѣ эти учрежденія были созданы заново; и однако нисколько не удивительно, что объ этихъ учрежденіяхъ идетъ рѣчь въ договорѣ между только что слившимися въ одно цѣлое общинами. Разъ онѣ слились, то нужно было урегулировать новый строй жизни. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему въ ретрѣ упоминается объ учрежденіяхъ, которыя существовали и ранѣе, но въ каждой общинѣ были особыя: необходимо было теперь слить эти учрежденія въ общія для обѣихъ синойкизирующихся общинъ. Понятнымъ становится и то, почему объ учрежденіяхъ говорится довольно кратко: детали предполагаются всѣмъ извѣстными. Эти соображенія Гильберта правильны. Государственный строй Спарты можно считать создавшимся на почвѣ сліянія общинъ, а ретру—договоромъ между ними.

Виламовицъ также считаетъ ретру договоромъ, но не между двумя общинами, а между царями и спартанской общиной, главнымъ же образомъ, спартанской аристократіей.

Есть, наконецъ, мнѣніе, что ретра представляетъ изъ себя позднѣйшую фальсификацію: это формулировка основныхъ положеній древне-спартанскаго государственнаго права, созданная въ духѣ партіи, враждебной эфорамъ, вслѣдствіе чего въ ретрѣ не упоминаются эфоры, и так. обр. отрицается древность этого учрежденія. Эд. Мейеръ *) возводитъ происхожденіе ретры къ памфлету царя Павсанія начала IV в. до Р. Х. Приблизительно такого взгляда придерживается и К. I. Нейманъ. Но аргументы этихъ изслѣдователей слабы: они связаны здѣсь съ чрезмѣрно скептическимъ отношеніемъ ихъ къ традиціи **).

Цари и геронты. Дальнѣйшей нашей задачей представляется изслѣдованіе упоминаемыхъ въ ретрѣ древне-спартанскихъ учрежденій. Всюду въ Греціи въ эпоху ранняго средневѣ-

---

*) Forschungen zur alten Geschichte, I, 1892, 213 сс.

**) Весьма существенную роль въ аргументаціи Эд. Мейера играетъ очень попорченное мѣсто у Страбона VIII 5, 5 (см. *Ed. Meyer*, о. с., 232 ff.).

ковья существовали царская власть и аристократическій совѣтъ старѣйшинъ. Первоначально спартанскіе цари были, конечно, какъ и всюду въ Греціи, жрецами и военачальниками и—въ меньшей степени—охранителями права. Въ Лаконіи какъ мы видѣли, создалась двойная царская власть, что очень ослабляло царей.

Аристократія въ Спартѣ не достигла значительнаго развитія и, если. вообще, принято представлять Спарту государствомъ аристократическимъ, то такое представленіе будетъ вѣрнымъ только по отношенію ко всему Лаконскому государству, всей Лаконіи. Спарта же, какъ городъ, имѣла демократическое устройство. Тѣмъ не менѣе и въ самомъ городѣ Спартѣ все-же аристократія была, хотя она. какъ мы увидимъ ниже, остановилась въ своемъ развитіи. *Существованіе особой аристократіи среди гражданъ города Спарты, спартіатовъ*, доказалъ Гильбертъ. Въ пользу этого взгляда говоритъ рядъ данныхъ, особенно же порядокъ выборовъ въ герусію. Аристотель подчеркиваетъ, что въ герусію могъ попасть не всякій спартіатъ, а только лицо, принадлежавшее къ спартанской аристократіи: герусія, слѣдовательно, была ея органомъ. Способъ выборовъ въ герусію Аристотель называетъ „ребяческимъ“. Собиралось народное собраніе и мимо него проходили кандидаты--старцы 60 лѣтъ, принадлежавшіе къ тѣмъ родамъ, представители которыхъ могли попасть въ герусію. Народъ выражалъ свою волю криками: чѣмъ болѣе раздавалось криковъ при прохожденіи кандидата, тѣмъ болѣе, значитъ, было на его сторонѣ сочувствія. Но, конечно, точно степень сочувствія такимъ образомъ опредѣлить было трудно, а такъ какъ опредѣляли ее сами геронты, то, очевидно, произволъ здѣсь практиковался въ большихъ размѣрахъ. Герусія была, собственно, совѣтомъ при царяхъ, но безъ согласія геронтовъ цари не могли предпринять ни одного важнаго шага. Герусія была главнымъ государственнымъ органомъ древнѣйшей Спарты.

Народное собраніе (апелла). Въ ретрѣ идетъ, рѣчь о народномъ собраніи (*ἀπέλλα*), которое, по ея словамъ, имѣетъ „власть и силу“. Въ теоріи за народомъ признается рѣшающая власть, но, въ дѣйствительности, его роль, какъ и въ гомеровскій періодъ, довольна пассивна. Важно, однако, что въ ретрѣ рѣшающій голосъ принципіально признается за народомъ. Правда, у поэта VII вѣка Тиртея мы читаемъ, что въ Спартѣ рѣшенія постановляютъ цари, которые имѣютъ почетъ отъ бога, и геронты и потомъ уже люди изъ народа: народъ у него упоминается на

послѣднемъ мѣстѣ (см. *Plut.* Lyc. 6). Но это уже дѣло факта, а не права.

Завоеваніе Лаконіи. Мы разсмотрѣли учрежденія города Спарты, слившагося изъ отдѣльныхъ общинъ. Въ какое отношеніе стала Спарта къ остальной Лаконіи?

Преданіе говоритъ, что Спарта стала дѣлать завоеванія. Были завоеваны города Амиклы и Фарисъ, Геронтры и Гелъ, т. е. вся долина Эврота. Затѣмъ Спарта дѣластъ завоеванія на востокѣ и западѣ, такъ что постепенно Лаконія объединилась подъ главенствомъ Спарты. Спартіаты были по преимуществу доряне, а покоренные туземцы по преимуществу ахеяне. Позднѣйшіе историки примѣняютъ названіе *Λακεδαιμόνιοι* ко всѣмъ жителямъ Лаконіи. Слѣдуетъ думать, что постепенно племенное различіе между спартіатами и покоренными сгладилось, но сохранилась разница въ соціальномъ положеніи.

Аграрный строй Лаконіи. Положеніе спартіатовъ, т. е. жителей города Спарты, въ Лаконіи рисуется въ такихъ чертахъ: они создали для себя государство-лагерь; это правящій классъ.

Каждый спартіатъ имѣлъ участокъ земли (*κλῆρος*). Эти участки были *неотчуждаемы и недѣлимы.* О неотчуждаемости совершенно опредѣленно говоритъ текстъ у Гераклита Понтійскаго, сдѣлавшаго извлеченіе изъ „Лакедемонской Политіи" Аристотеля: „У лакедемонянъ купля-продажа земли признана постыдной; продать же старинные надѣлы совершенно невозможно" (*πωλεῖν δὲ γῆν Λακεδαιμονίων αἰσχρὸν νενομίσται. τῆς δ' ἀρχαίας μοίρας οὐδ' ἔξεστιν*). Обычай такимъ образомъ считалъ, вообще, позорнымъ продавать землю, но была земля древняго раздѣла, которую продавать было совершенно запрещено. У Плутарха говорится, что каждый спартіатъ имѣлъ участокъ земли издревле установленный, продавать его было нельзя. (*Plut.* Inst. Lac. 22: *μετεῖχε τῆς ἀρχῆθεν διατεταγμένης μοίρας. πωλεῖν δ' οὐκ ἐξῆν*).

Такіе участки обыкновенно назывались „клерами" (*κλῆροι*). Лишь въ первой половинѣ IV вѣка (повидимому, эфоромъ Эпитадеемъ) было разрѣшено завѣщать и дарить „клеры". Этотъ порядокъ держался въ эпоху Аристотеля (Polit. II, 6, 10 и *Plut.* Agis 5). Только въ III вѣкѣ до Р. Х. въ практику вошла и продажа этихъ надѣловъ. Такимъ образомъ всѣ источники совершенно опредѣленно говорятъ о томъ, что въ древности эти издревле-установленные надѣлы были неотчуждаемы.

Но есть данныя, что они были, кромѣ того, еще недѣлимы. Тотъ фактъ, что среди лаконскихъ обрабатываемыхъ земель еще въ III в. были земли, разбитыя на клеры, доказываетъ ихъ

недѣлимость, такъ какъ клеры не могли бы такъ долго удержаться, если бы были подвержены дѣленію. У Полибія (XII 6, 8) есть указаніе на то, что клеры были недѣлимы. Онъ говоритъ, что часто въ Спартѣ нѣсколько братьевъ имѣли одну жену; слѣдовательно, вѣроятно, у нихъ было и общее хозяйство, которое было возможно только, если клеры были недѣлимы.

Создались клеры путемъ раздѣла завоеванныхъ земель между покорителями. Также было поступлено и съ Мессеніей, когда она была завоевана и ее раздѣлили на участки. Старшины филъ всякому вновь родившемуся спартіату ассигновывали участокъ,—конечно, пока такихъ участковъ было достаточно. (*Plut.* Lyc. 16).

Положеніе покореннаго населенія. Значительная часть сельскаго населенія была обращена въ *крѣпостное состояніе. Гелоты*, составлявшіе сельское населеніе, были именно—крѣпостными, а не рабами. Нибуръ—изслѣдователь исторіи рабства (его не слѣдуетъ смѣшивать съ знаменитымъ историкомъ Рима Б. Г. Нибуромъ)—указываетъ, что рабство и крѣпостное состояніе въ принципѣ весьма различны. Рабъ—вещь, по отношенію къ нему все допустимо. Правда, бывали въ разныхъ странахъ случаи изданія законовъ, защищавшихъ рабовъ, но именно чтобы защитить раба, оказывалось нужнымъ издать новые законы. Слѣдовательно, по отношенію къ рабу все возможно, кромѣ того, что запрещается закономъ. Права же крѣпостного, напротивъ, сами регулированы закономъ или обычаемъ. Для ограниченія правъ крѣпостного требуется новый законъ. Слѣдовательно, рабъ—вещь, а крѣпостной—человѣкъ, пользующійся извѣстными правами.

Гелотъ сидѣлъ на клерѣ и кормилъ его владѣльца—спартіата: именно гелотъ уплачивалъ опредѣленный оброкъ,—82 медимна ячменя и нѣкоторое количество масла и вина. Изъ этого видно, что спартанское сельское хозяйство сводилось къ воздѣлыванію ячменя, винодѣлію и разведенію маслинъ.

Спартіатъ не могъ распорядиться гелотомъ, сидѣвшимъ на его клерѣ. Онъ не могъ ни продать, ни освободить его. Это могла сдѣлать только община спартіатовъ въ цѣломъ.

Положеніе гелотовъ было тяжелымъ. Неся значительный оброкъ, гелотъ, однако, не пользуется никакими политическами правами. Гражданскія права его ограничены. Вслѣдствіе этого волненія гелотовъ въ Спартѣ были обычнымъ явленіемъ. Въ 464 г. Спарта стояла на краю гибели, благодаря волненію гелотовъ. Въ виду этого по отношенію къ гелотамъ принимались суровыя полицейскія мѣропріятія. Въ качествѣ военнаго упражненія молодымъ

спартіатамъ рекомендовалось наблюденіе за гелотами, такъ какъ и на войнѣ роль лазутчиковъ очень важна. Если замѣчалась возможность измѣны со стороны гелотовъ, то предпринимались криптіи—избіенія гелотовъ. Эти мѣропріятія преслѣдовали такимъ образомъ двоякую цѣль: 1) удержать въ повиновеніи гелотовъ, и 2) предоставить молодымъ спартіатамъ возможность практиковаться въ несеніи развѣдочной военной службы.

Другая группа населенія Спартанскаго государства извѣстна подъ именемъ *періэковъ*. Эту часть населенія не имѣло смысла обращать въ крѣпостное состояніе: это было выгодно только по отношенію къ крестьянскому населенію, сидѣвшему на землѣ, кормившей спартіатовъ, періэки же, главнымъ образомъ, занимались ремеслами и ихъ оставили въ покоѣ.

Причину дѣленія зависимаго спартанскаго населенія на двѣ вышеупомянутыя группы сами древніе историки объясняли тѣмъ, что въ періэковъ была обращена та часть населенія, которая добровольно сдалась побѣдителямъ, гелотами же были сдѣланы оказавшіе сопротивленіе. Но важно то, что гелоты—по преимуществу сельское населеніе, а періэки въ большой своей части городской классъ. Періэкамъ не было дано политическихъ правъ, но они пользовались личной свободой. Часть періэковъ занималась сельскимъ хозяйствомъ, но и эта часть жила въ городахъ. Преобладающимъ занятіемъ періэковъ было всетаки ремесло.

Что касается положенія періэковъ, то, прежде всего, они пользуются личной свободой, какъ было сказано выше. Но они лишены политическихъ правъ: они не только не участвуютъ въ выборахъ герусіи, но даже и въ народномъ собраніи. Въ періэкскіе города посылались спартанскіе гармосты (начальники). Повинности періэковъ умѣренны; въ числѣ этихъ повинностей были: выставленіе военныхъ контигентовъ и особая дань, выплачивавшаяся царямъ (βασιλικὸς φόρος—*Plat.* Alcib. 123a; *Xenoph.*. Resp. Lac. XV 3). Ихъ положеніе въ общемъ было лучше положенія гелотовъ. Часто, когда гелоты поднимали возстаніе, періэки оставались спокойны. Такъ, напримѣръ, когда, послѣ нашествія Ксеркса, поднялось волненіе среди гелотовъ, періэки не примкнули къ нимъ.

Торговля и промышленность въ древнѣйшей Спартѣ были развиты слабо, и вся политика Спарты до второй половинѣ V в.—политика земледѣльческаго государства. Мѣриломъ цѣнности въ древнѣйшее время служили желѣзныя деньги.

Составъ спартанской общины.

До сихъ поръ шла рѣчь о *населеніи* всей Лаконіи въ цѣломъ. Въ Лаконіи были—граждане Спарты (спартіаты), періэки, гелоты, но, когда я говорю о спартанской гражданской общинѣ, то имѣю въ виду только гражданъ *города Спарты*: только эта часть населенія пользовалась политическими правами. Среди спартіатовъ существовала, какъ мы видѣли, своя аристократія. Изъ среды этой знати составлялась герусія.

Какъ была организована спартанская община? Выше уже было упомянуто, что это былъ какъ бы лагерь, окруженный со всѣхъ сторонъ враждебными гелотами и потому вынужденный вести постоянныя войны. Спартіаты должны были заботиться о военномъ могуществѣ своей общины.

Отсюда и забота о поддержаніи семейнаго имущественнаго *равенства*. Спарта называлась государствомъ равныхъ (*ὅμοιοι*). Въ другихъ государствахъ Греціи знать въ эпоху средневѣковья усилилась,—въ Спартѣ она существуетъ, но не развивается, такъ какъ государство въ цѣломъ должно было поддерживать имущественное равенство, дабы каждый спартіатъ могъ нести военную службу. Иначе имущественное неравенство повлекло бы за собой военное неравенство: менѣе обезпеченные спартіаты не могли бы надлежащимъ образомъ вооружаться наравнѣ съ обезпеченными. Въ этомъ соображеніи находитъ себѣ объясненіе забота спартанскаго государства о поддержаніи равенства въ обладаніи землей. Затѣмъ мы видимъ, что въ Спартѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, принимались мѣры къ тому, чтобы народъ не вымиралъ, мѣры противъ бездѣтныхъ браковъ. Самая забота о томъ, чтобы гелоты чрезмѣрно не эксплоатировались, вытекала не изъ гуманныхъ соображеній, а изъ заботы о поддержаніи лагернаго государства. Нужно, чтобы всякій жилъ на счетъ гелотовъ, но чрезмѣрно не эксплоатировалъ ихъ, ибо это могло бы повести къ ихъ разоренію, а разореніе гелотовъ, въ свою очередь, повлекло бы за собой имущественное неравенство въ средѣ самыхъ спартіатовъ и уменьшеніе военныхъ силъ Спарты. Такимъ образомъ для поддержанія военныхъ силъ общины принимаются мѣры въ смыслѣ поддержанія экономическаго равенства внутри ея.

Ту же цѣль преслѣдовали *мѣры воспитанія.* Я не буду повторять подробностей всѣмъ извѣстныхъ фактовъ. Дѣтей съ семилѣтняго возраста брали изъ семьи, отрывали отъ матери. Обученіе ихъ велось совмѣстно, причемъ главное вниманіе обращалось на выработку изъ дѣтей будущихъ воиновъ. Умственное

воспитаніе сводилось къ заучиванію ретръ, отрывковъ изъ поэмъ Гомера и т. п. Грамотность была низка. Извѣстный спартанскій „лаконизмъ“ вызывался тоже военнымъ характеромъ воспитанія: требовалось умѣнье отвѣчать кратко и точно. Мы не видимъ въ Спартѣ развитія индивидуальности ребенка.

Взрослые спартіаты вели подобный же образъ жизни. Каждый спартіатъ жилъ не въ семьѣ, а вмѣстѣ съ другими гражданами, кормился въ общей столовой. Домой приходилось забѣгать украдкой. Часть получаемаго съ гелотовъ оброка шла на содержаніи *сисситій* — совмѣстныхъ обѣдовъ: это тоже признакъ казарменной жизни. Карлъ Отфридъ Мюллеръ (см. выше стр. 28 с.), обратившій особенное вниманіе на изученіе жизни спартанской общины, приписывалъ эти особенности спартанскаго строя дорійскому духу. На Критѣ, гдѣ тоже жили доряне, онъ находилъ аналогичныя учрежденія: крѣпостное право, общіе обѣды и т. п. Однако, позднѣйшіе изслѣдователи показали, что былъ рядъ другихъ дорійскихъ общинъ (въ Доридѣ, въ части Элиды), гдѣ не существовало подобныхъ учрежденій: „дорійскій духъ“ тутъ, слѣдовательно, не причемъ. Спартанскія и критскія учрежденія были исключительно продуктомъ мѣстныхъ условій. И въ Спартѣ, и на о. Критѣ эти учрежденія имѣли мѣсто только потому, что завоевателямъ, окруженнымъ враждебнымъ населеніемъ, въ силу необходимости пришлось замкнуться въ своемъ тѣсномъ кругу и вести лагерно-военный образъ жизни.

Аграрный кризисъ и завоеваніе Мессеніи. Существованіе спартанской общины было тѣсно связано съ крѣпостнымъ трудомъ и формой землевладѣнія. Пришло время, когда земли стало не хватать. Сначала давали новые участки каждому вновь родившемуся спартіату, но съ теченіемъ времени вслѣдствіе недостатка незанятыхъ земель получилось то, что на одномъ клерѣ стали сидѣть слишкомъ большія семьи, которыя не были въ состояніи прокормиться со своего участка. Относительнымъ благосостояніемъ пользовались только небольшія семьи или такія, у которыхъ помимо клера имѣлись другія земли. Такимъ образомъ въ Спартѣ получалось имущественное неравенство. Спарта готова была вступить на путь іонійскихъ общинъ въ М. Азіи и Аѳинъ, т. е. на путь развитія классовыхъ противорѣчій въ средѣ гражданъ. Въ эту эпоху спартанскій демосъ и въ политическомъ отношеніи начинаетъ ограничиваться въ правахъ. Царямъ *Полидору* и *Ѳеопомпу* (VIII в. до Р. Х.) приписывается прибавка къ древней ретрѣ. По Плутарху (Lyc. 6) къ концу извѣстной уже намъ ретры было прибавлено. „А если

народъ что либо рѣшитъ криво (неправильно), то пусть цари и геронты отмѣнятъ постановленіе“ (*Αἰ δὲ σκολιὰν ὁ δᾶμος ἕλοιτο, τοὺς πρεσβυγενέας καὶ ἀρχαγέτας ἀποστατῆρας ἦμεν*). Ясно, что эта прибавка явилась ограниченіемъ правъ народа. Мы знаемъ, что порядокъ веденія дѣлъ въ народномъ собраніи былъ такой: цари и геронты вносили на обсужденіе проектъ рѣшенія вопроса; народное собраніе могло его принять или отвергнуть, а теперь царямъ и геронтамъ дается право отмѣнять народныя рѣшенія: такимъ образомъ даже окончательныя рѣшенія народа оказались призрачными. Это случилось именно въ то время, когда спартанскій демосъ оказался въ затруднительномъ экономическомъ положеніи: вышеупомянутая прибавка сдѣлана въ эпоху вышеописаннаго аграрнаго кризиса. Однако черезъ нѣкоторое время аграрный кризисъ удалось ослабить. Уже въ томъ же VIII в. начался рядъ войнъ — продолжительныхъ и упорныхъ—за *Мессенію*. Мессенія въ концѣ концовъ (около 720 г.) была покорена, раздѣлена на клеры, часть мессенскаго населенія обращена въ крѣпостное состояніе. Эти войны начаты были для созданія новыхъ клеровъ, новыхъ крѣпостныхъ. Сохранилось изреченіе царя Полидора, который, отправляясь противъ мессенцевъ, заявилъ, что онъ идетъ на нераздѣленныя земли, или, точнѣе, на земли, еще не раздѣленныя на клеры (*ἐπὶ τὴν ἀκλήροτον τῆς χώρας βαδίζει*—*Plut.*, Apopht. Lac. 231 e). Эти новые кадры крѣпостныхъ должны были нести опредѣленные оброки. У поэта Тиртея (VII в.) мессенскіе гелоты сравниваются съ тяжело нагруженными ослами,— настолько незавидно было ихъ положеніе. Половину своего дохода они должны были уплачивать спартанцамъ: такимъ образомъ это—половники.

Завоеваніе Мессеніи—страны обширной и плодородной—дало возможность спартіатамъ остановить дальнѣйшее развитіе аграрнаго кризиса и задержать на время ростъ имущественнаго неравенства и развитіе имущественной аристократіи. Лагерный порядокъ былъ поддержанъ. Демосъ окрѣпъ. Аристократія уступила. По преданіямъ, въ концѣ VIII в. спартанская аристократія должна была сдѣлать еще уступку: былъ введенъ новый демократическій институтъ —эфоратъ.

Исторія эфората. Мы успѣли познакомиться съ царями, герусіей и народнымъ собраніемъ, между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что въ Спартѣ было еще одно учрежденіе—эфоратъ. Когда онъ возникъ? Сами греки расходились по вопросу о времени происхожденія эфората. Геродотъ и Ксенофонтъ считали его Ликурговымъ учрежденіемъ, какъ и герусію, земельные клеры, сисситіи

и другія исконныя спартанскія учрежденія. Позднѣйшіе историки относили его къ эпохѣ мессенскихъ войнъ. Къ числу этихъ историковъ относится Эфоръ (IV в.), черезъ котораго это мнѣніе перешло къ Аристотелю; той же точки зрѣнія придерживался въ III в. до Р. Х. руководитель царей-реформаторовъ Агиса III и Клеомена III Сферъ Борисѳенскій. Такимъ образомъ позднѣе выдвинулась та точка зрѣнія, что эфоратъ болѣе позднее учрежденіе, чѣмъ герусія и царская власть. Въ новой наукѣ тоже происходитъ разногласіе по трактуемому вопросу.

Прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ о томъ, какъ возникъ эфоратъ, посмотримъ, что представлялъ изъ себя *эфоратъ въ историческое время*. Мы знаемъ, что эфоры въ историческое время имѣли весьма обширную компетенцію. Ихъ роль сводилась къ *контролированію всѣхъ спартанскихъ учрежденій*. Цари и геронты отвѣтственны передъ эфорами. Сначала, по всей вѣроятности, эфоры контролировали только внутреннюю политику, но потомъ и военная дѣятельность царей стала въ зависимость отъ ихъ контроля. Даже въ очень позднее время (III в. до Р. Х.) въ Спартѣ существовалъ законъ, по которому царь могъ два раза не явиться на зовъ эфоровъ, но въ третій разъ онъ уже былъ обязанъ прійти: такимъ образомъ, эфоры обладали принудительной властью по отношенію къ царямъ. Мы видимъ, что эфорамъ принадлежитъ, главнымъ образомъ, контролирующая роль, но, конечно, при этомъ они даютъ тѣ или другіе совѣты контролируемымъ, что вмѣстѣ съ отвѣтственностью должностныхъ лицъ передъ ними повело къ тому, что эфоры сдѣлались фактически руководителями всей политической жизни Спарты. Ежемѣсячно цари и эфоры произносили клятву. Ксенофонтъ въ главѣ 7-ой сочиненія о Лаконскомъ государствѣ говоритъ, что „цари и эфоры ежемѣсячно приносятъ другъ другу клятвы, эфоры отъ имени города, цари же сами за себя; клятвы эти сводились къ тому, что цари обѣщали править по существующимъ законамъ города, городъ же обѣщалъ оставить неприкосновенной царскую власть, если цари будутъ исполнять свою клятву“. Мы видимъ, что въ этой клятвѣ, какъ будто заключается нѣкоторый договоръ между царями и эфорами, а, такъ какъ эфоры являются *представителями всего города*, то и этотъ договоръ, значитъ, въ сущности заключался между царями и городомъ.—Кромѣ контрольной власти, эфоры имѣли и *судебную власть*, а именно у насъ есть указаніе, что въ историческое время эфоры разбирали гражданскія дѣла, въ то время, какъ уголовныя дѣла оставались въ рукахъ герусіи. Та-

ковы свѣдѣнія объ эфоратѣ въ историческое время. Въ виду недостаточности этихъ свѣдѣній *приходится возстанавливать исторію эфората гипотетическимъ путемъ.* Мы уже говорили, какъ различно смотрѣли древніе историки на происхожденіе эфората и что въ современной наукѣ по этому вопросу также большое разногласіе. Въ появившейся въ 1906 г. статьѣ *Неймана* *) эфоратъ датируется тѣмъ-же временемъ, что и другія спартанскія учрежденія. Нейманъ указываетъ и дату его возникновенія: списки спартанскихъ эфоровъ, избиравшихся на одинъ годъ, начинаются съ 754 г., слѣдовательно, къ этой эпохѣ, по мнѣнію Неймана, относится появленіе эфората и другихъ учрежденій, возникавшихъ послѣ завоеванія Лаконіи, которое Нейманъ относитъ къ столь поздней эпохѣ. Но другіе изслѣдователи, напримѣръ, бывшій одесскій профессоръ Э. Р. *фонъ Штернъ* **) и *Думъ* ***), авторъ одного изъ главныхъ изслѣдованій по исторіи эфората, держатся мнѣнія, что эфоратъ болѣе поздняго происхожденіе, чѣмъ другія спартанскія учрежденія. Думъ собралъ много фактовъ, которые указываютъ, что даже въ историческое время можно замѣтить постепенный ростъ власти эфоровъ. Въ VI в. она еще не столь значительна, какъ въ IV и III вв. Значитъ эфоратъ усиливается постепенно. Когда же возникъ эфоратъ? Всѣ спартанскія учрежденія, считавшіяся исконными, встрѣчаются и въ другихъ греческихъ государствахъ, эфоратъ же мы видимъ только въ одной Спартѣ. Онъ, слѣдовательно, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ три гомеровскихъ института—царская власть, герусія и народное собраніе. Ликургова ретра также заставляетъ считать его болѣе позднимъ учрежденіемъ, ибо она не упоминаетъ о немъ. Въ ретрѣ говорится о герусіи изъ 30 лицъ, о народномъ собраніи, но на эфоратъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія. Даже въ позднѣйшемъ добавленіи къ ретрѣ царей Полидора и Ѳеопомпа ничего не говорится о власти эфоровъ. Точно также и приписываемый Тиртею (поэту VII вѣка) отрывокъ ничего не говоритъ о древности эфората. Вотъ текстъ этого отрывка погречески (*Plut.*, Lic., 6):

Φοίβου ἀκούσαντες Πυθωνόθεν οἴκαδ' ἔνεικαν
μαντείας τε θεοῦ καὶ τελέεντ' ἔπεα
ἄρχειν μὲν βουλῆς θεοτιμήτους βασιλῆας,

---

*) См. выше стр. 193.
**) Berliner Studien für klass. Philologie, 1894.
***) *Dum*, Entstehung und Entwicklung des spart. Ephorats. 1878.

οἷσι μέλει Σπάρτας ἱμερόεσσα πόλις,
πρεσβύτας δὲ γέροντας, ἔπειτα δὲ δημότας ἄνδρας,
εὐθείαις ῥήτραις ἀνταπομειβομένους.

Въ русскомъ переводѣ это значитъ: „Выслушавъ Феба, (послы) принесли отъ Пиѳіи домой прорицаніе бога и слѣдующія вѣскія слова: Пусть руководятъ совѣтомъ почтенные богами цари, на которыхъ лежитъ забота о прекрасномъ городѣ Спартѣ, далѣе—старцы-геронты, затѣмъ—мужи изъ народа, отвѣчающіе тѣмъ (царямъ и геронтамъ) справедливыми постановленіями". Этотъ текстъ также умалчиваетъ объ эфоратѣ. Итакъ мы должны будемъ признать, что объ эфоратѣ въ древнѣйшее время нѣтъ даже упоминанія, и поэтому болѣе правы тѣ, кто считаетъ эфоратъ учрежденіемъ, развившимся позднѣе.

Различіе первоначальной и позднѣйшей компетенціи эфоровъ. Эфорамъ приписывалась компетенція судей по гражданскимъ дѣламъ. Изъ „Политики" Аристотеля мы знаемъ, что гражданскія дѣла были въ вѣдѣніи эфоровъ. Клеоменъ III, спартанскій царь III в., въ своей рѣчи, содержавшей предложеніе ослабить власть эфоровъ, указываетъ на то, что Ликургъ вмѣстѣ съ царями учредилъ геронтовъ, а, такъ какъ впослѣдствіи цари, почти все время находясь въ походахъ, не имѣли свободнаго времени для внутренняго управленія, то замѣстителями оставляли нѣсколькихъ гражданъ, давъ имъ названіе эфоровъ. Сначала эфоры стоятъ ниже царей, доказательствомъ чего служитъ, по мнѣнію Клеомена, то обстоятельство, что и въ его время при двухъ первыхъ требованіяхъ эфоровъ явиться къ нимъ цари имѣютъ право отказаться; прежде, слѣдовательно, цари совсѣмъ не являлись на зовъ эфоровъ. Эфоры въ началѣ—только гражданскіе судьи и лишь впослѣдствіи усиливаютъ свою власть. Можетъ быть, то обстоятельство, что эфоры, какъ судьи, появились очень рано, и дало поводъ считать эфоратъ учрежденіемъ, появившимся одновременно съ такъ называемыми „Ликурговыми" учрежденіями. *Итакъ, функціи эфоровъ, какъ гражданскихъ судей, можетъ быть, сравнительно древняго происхожденія: что же касается ихъ власти, какъ главныхъ контролеровъ въ государствѣ, то она, вѣроятно, появилась позднѣе.* Отсюда и различіе датъ, къ которымъ древніе историки относили возникновеніе эфората: пока древніе писатели не задумывались надъ вопросомъ о происхожденіи политической власти эфоровъ, то, имѣя въ виду ихъ судебныя функціи, они считали разсматриваемое учрежденіе очень древнимъ; когда-же стали задумы-

ваться надъ происхожденіемъ политической, а не судебной власти эфоровъ, то стало ясно, что эта послѣдняя относительно поздняго происхожденія. Можно допустить, что политическое вліяніе эфоровъ впервые возникло во время мессенскихъ войнъ. Дѣло въ томъ, что *эфоратъ въ историческое время является учрежденіемъ демократическимъ*. Герусія избиралась изъ знати, эфоры же, по Аристотелю, избирались изъ всего народа, и Аристотель даже вполнѣ отчетливо и ясно говоритъ, что иногда это званіе носили люди очень бѣдные: демократизмъ эфората ясенъ, и недаромъ относили его происхожденіе къ эпохѣ мессенскихъ войнъ. Въ это время въ Спартѣ, какъ мы видѣли, происходила борьба между демосомъ и аристократіей, и изъ нея побѣдителемъ вышелъ демосъ: онъ окрѣпъ. Попытка царей Полидора и Ѳеопомпа ограничить его власть рухнула, и демосъ воспользовался существовавшей и ранѣе въ качествѣ чисто судебной власти демократической должностью эфоровъ, выбиравшихся изъ числа всѣхъ гражданъ, и придалъ эфорату политическое значеніе: сдѣлалъ эфоровъ своими представителями на подобіе римскихъ народныхъ трибуновъ. Число эфоровъ было 5, и какъ разъ здѣсь очень остроумныя соображенія выдвинулъ Нейманъ, хотя во многихъ другихъ отношеніяхъ съ нимъ и нельзя согласиться: Нейманъ связалъ это число съ пятью территоріальными филами Лаконіи. Послѣ созданія Спартанскаго государства въ Лаконіи, по мнѣнію Неймана, помимо 3-хъ дорійскихъ родовыхъ филъ, было образовано 5 территоріальныхъ. Каждая фила имѣла представителя въ лицѣ эфора. Итакъ, можетъ быть, для разбора гражданскихъ дѣлъ эфоратъ создался очень рано, но въ эпоху мессенскихъ войнъ демосъ воспользовался этимъ демократическимъ учрежденіемъ для ограниченія аристократіи и, дѣйствительно, роль эфоровъ усиливается. Думъ ясно показалъ, какъ эфоры въ слѣдующіе вѣка пользовались раздорами царей для усиленія своей власти: царей было два; ихъ неизбѣжными разногласіями дѣла тормозились, чѣмъ и пользовались эфоры. Власть эфоровъ постепенно росла и въ концѣ концовъ она сдѣлалась контролирующей и руководящей магистратурой.

Демократизмъ Спарты и *аристократизмъ Лаконіи*. Съ усиленія эфората до V в.,—во всякомъ случаѣ, *до персидскихъ войнъ* и отчасти даже до пелопоннесской войны—*Спарта, какъ городская община, является государствомъ демократическимъ*. Каждый спартіатъ имѣетъ клеръ, обладаетъ гражданскими и политическими правами. Но если мы, оставивъ

предѣлы города Спарты, взглянемъ на Лаконію въ цѣломъ, то увидимъ, что о демократіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи: большая часть населенія Лаконіи почти не пользуется гражданскими правами, и еще бо́льшая—не пользуется правами политическими.

Въ IV и III вв. дѣло мѣняется: къ этому времени и въ самой Спартѣ развивается имущественная аристократія, такъ что нужно твердо помнить, что *Спарта съ VII в. до Пелопоннесской войны—это государство одного типа* (демократизмъ въ городѣ Спартѣ, аристократизмъ въ Лаконіи), *послѣ нея—другого* (аристократизмъ и въ Спартѣ, и въ Лаконіи). Демократическій характеръ государственнаго строя перваго періода выражается и въ вышеупомянутой клятвѣ, которую заключали ежемѣсячно эфоры съ царями за всю спартанскую общину.

Расширеніе вліянія Спарты въ Пелопоннесѣ *). Со времени учрежденія эфората аристократія долгое время не выставляетъ новыхъ притязаній, она болѣе уступчива, и нѣтъ зависимости демоса отъ аристократіи, такъ какъ демосъ обезпеченъ клерами и крѣпостнымъ трудомъ. Его дѣлало независимымъ и лагерное положеніе Спарты: Спарта отовсюду была окружена врагами, и это заставляло аристократію быть уступчивой. Вотъ почему въ то время, когда другія государства Греціи служатъ ареной усиленной классовой борьбы, которая часто приводила къ тиранніи, такой борьбы среди общества спартіатовъ мы не видимъ. Въ Спартѣ въ это время идетъ борьба, но она ведется не между самими гражданами, а лишь между спартіатами и подчиненнымъ крѣпостнымъ населеніемъ Лаконіи. Это даетъ Спартѣ возможность расширить свое вліяніе—въ Греціи и въ частности въ Пелопоннесѣ.

Аграрное устройство Спарты было таково, что потребность въ землѣ время отъ времени ощущалась вновь. Дѣйствительно, для поддержанія военной общины необходимо было постоянно поддерживать и достаточное число клеровъ. Вотъ почему послѣ завоеванія Мессеніи мы видимъ стремленіе Спарты захватить Арголиду. Въ VIII—VI вв. ведется война за южную Арголиду (Кинурію), и въ концѣ концовъ Спартѣ удается сдѣлать новое территоріальное пріобрѣтеніе, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ было желательно (Ѳиреатиду). Въ 650—620 г. до Р. Х. Спартѣ приходится подавлять возстаніе въ Мессеніи (2-я Мессенская война). Послѣ этого мы видимъ стремленіе захватить Тегею

---

*) Ср. *Busolt*, Die Lakedaimonier und ihre Bundesgenossen, Bd. I, 1878; *Gilbert*, Handb. d. griech. Staatsalt. II. B., 2. Aufl., стр. 90—101

(въ юж. Аркадіи), окончившееся неудачей. Оказалось, что силъ Спартанской общины стало недостаточно для покоренія сосѣднихъ общинъ. Пришлось удовольствоваться тѣмъ земельнымъ запасомъ, который былъ пріобрѣтенъ ранѣе и котораго пока еще хватало.

Во 2-й половинѣ VI вѣка съ Тегеей заключили союзъ. Тегея обязалась не оказывать поддержки врагамъ Спарты.

Война съ Тегеей послужила основаніемъ къ измѣненію внѣшней политики Спарты: до сихъ поръ ея политика заключалась въ стремленіи увеличить земельный запасъ, теперь спартіаты переходятъ къ политикѣ заключенія договоровъ и союзовъ. Спарта стремится объединить около себя сосѣднія государства. Детально прослѣдить этотъ процессъ довольно затруднительно.

Къ концу VI в. Спарта объединила около себя весь Пелопоннесъ, кромѣ Арголиды и ахейскихъ округовъ: такъ создался *Пелопоннесскій союзъ*. Онъ былъ первымъ значительнымъ союзнымъ соединеніемъ Греціи въ историческое время (я оставляю въ сторонѣ государства эгейскаго періода). Пелопоннесскій союзъ включилъ почти всѣ государства Пелопоннеса.

Соглашеніе союзныхъ государствъ было такого рода, что всякое государство, вновь присоединившееся къ союзу, заключало договоръ со Спартой. Союзныя государства обязывались разрѣшать разногласія между собой третейскимъ судомъ и оказывать другъ другу поддержку противъ внѣшнихъ враговъ. Общія дѣла рѣшались на съѣздѣ ихъ представителей. Что касается обязанностей по отношенію другъ къ другу, то онѣ не шли дальше военной помощи; во внутренія дѣла союзная организація не вмѣшивалась. Въ случаѣ войны, угрожавшей извнѣ, каждое государство выставляло опредѣленный контингентъ войска: если война предполагалась въ предѣлахъ даннаго государства, то выставлялось все войско, если внѣ его, то—$^2/_3$ войска. Мы не видимъ, чтобы до пелопоннесской войны существовали постоянные денежные взносы; мы знаемъ, что они дѣлались въ общую казну только по мѣрѣ надобности. Какъ бы то ни было, Спартѣ удалось объединить почти весь Пелопоннесъ. Она была равнымъ членомъ союза, отличіе же отъ другихъ союзниковъ заключалось лишь въ томъ, что ей было поручено приводить въ исполненіе постановленія общаго съѣзда, и ей же принадлежало главенство (гегемонія) въ войскѣ. Это дало ей возможность въ началѣ греко-персидскихъ войнъ играть руководящую роль. Позднѣе съ ней стали конкурировать Аѳины.

Критъ.

Сходныя со Спартой общины, созданы были дорянами на Критѣ.

Детально исторія завоеванія Крита дорянами неизвѣстна. Они явились, главнымъ образомъ, изъ Пелопоннеса (см. выше стр. 87 и 91). Здѣсь выдвинулись города Кноссъ, Гортина и Кидонія (*Κυδωνία*). Это—главные города Крита, всѣхъ же ихъ насчитывалось нѣсколько десятковъ. Они рѣдко объединялись въ одно значительное государство. Такіе моменты, когда прекращались раздоры между критскими городами, и происходило сліяніе ихъ (синкретизмъ) въ одно болѣе значиительное государство, случались, но они въ исторіи Крита довольно рѣдки и имѣли мѣсто лишь въ позднюю эпоху (преимущественно въ эллинистическій періодъ). Обычно мы встрѣчаемъ здѣсь разрозненныя общины, въ управленіи и организаціи которыхъ много общаго со спартанскими порядками. Свободное населеніе Крита организовано въ филы, гетеріи (соотвѣтствующія фратріямъ) и роды. Военная единица (*στάρτος*) основана на родовомъ принципѣ. Члены филы связаны и нѣкоторыми имущественными интересами (см. выше стр. 125). Сельское населеніе поставлено въ крѣпостную зависимость. Однако здѣсь два рода крѣпостныхъ. Одни принадлежатъ государству, сидятъ на государственныхъ доменахъ и называются *ἡ μνοία*—это государственные крѣпостные, подобные гелотамъ. Частные крѣпостные назывались *ἀφαμιῶται*, это, повидимому, тѣ, которые въ Гортинскихъ законахъ (нач. V в.) назывались *ϝοικέες*. Эти крѣпостные нѣсколько отличаются отъ спартанскихъ гелотовъ, они имѣютъ нѣсколько больше правъ; критскій крѣпостной могъ жениться на свободной, но нужно считаться и съ тѣмъ, что онъ былъ обязанъ извѣстнымъ постояннымъ оброкомъ въ пользу господина, не могъ выступать на судѣ (вмѣсто него—господинъ), не могъ носить оружія. У каждаго критскаго государства-города была группа такихъ крѣпостныхъ.

Гортинскіе законы показываютъ существованіе на Критѣ и полныхъ рабовъ (*δοῦλοι*) и кабальныхъ за долги (Горт. законы X 25 сс.).

Особая часть населенія Крита—составляютъ афетайры (*ἀπέταιροι=ἀφέταιροι*), т. е. стоящіе внѣ гетеріи. Гортинскіе законы и другія данныя показываютъ, что это—или неполноправные жители городовъ, или крестьяне, оставшіеся свободными. Господствующій классъ—это полноправные свободные граждане (*ἐλεύθεροι*).

Высшія должностныя лица въ критскихъ общинахъ избирались не изъ всѣхъ полноправныхъ гражданъ, но только изъ аристократическихъ родовъ (*Arist.* Polit. II, 7, 5). На Критѣ, слѣдовательно, какъ и въ другихъ греческихъ государствахъ, изъ массы свободныхъ гражданъ выдѣлилась аристократія. Когда тамъ исчезла царская власть, мы не знаемъ (преданіе о Миносѣ показываетъ, что она нѣкогда существовала), но позднѣе мы видимъ выборныхъ магистратовъ—10 космовъ (*κόσμοι*), избиравшихся всѣми гражданами, но только изъ среды знати *).

Рядомъ съ ними стоитъ совѣтъ старѣйшинъ (*βουλή*), тоже изъ аристократовъ ибо сюда попадали космы, отслужившіе свой срокъ **). Критское народное собраніе имѣло очень ограниченныя права, оно выступало только для принятія постановленій совѣта и космовъ ***).

Сами граждане были организованы въ военную общину и вели казарменный образъ жизни, какъ и въ Спартѣ. Юношеству давалось военное воспитаніе. Взрослые критяне жили вмѣстѣ и участвовали въ сисситіяхъ которыя на Критѣ назывались андріи (*ἀνδρεῖα*). Сходство со Спартой, какъ мы видимъ, значительное, только не имѣетъ смысла искать его въ особенностяхъ дорійскаго духа, какъ это дѣлалъ К. О. Мюллеръ. Военная организація общинъ на Критѣ возникла, какъ слѣдствіе того положенія, въ какое побѣдители попали по отношенію къ туземному населенію. Крѣпостное населеніе заставило покорителей сорганизоваться въ военныя государственныя общины. Только на Критѣ крѣпостные были спокойнѣе, чѣмъ въ Лаконіи (*Aristot.* Polit. II 7, 8), потому что ихъ положеніе на Критѣ было лучшее.

Съ теченіемъ времени начинается демократизація государственнаго строя разсмотрѣнной группы государствъ, но этотъ процессъ относится къ болѣе позднему—эллинистическому періоду.

XI. Періодъ классической или городской Греціи. 2. Борьба греческихъ государствъ-городовъ съ сосѣдями (греко-персидскія войны).

Источники.

Къ источникамъ разсматриваемой эпохи относятся, прежде всего, нѣкоторые изъ логографовъ. Современникомъ греко-персидскихъ войнъ Гекатеемъ Милетскимъ была изложена ихъ

*) *Aristot.* Polit. II 7, 5.

**) Ibid.

***) Ibid. II 7, 4.

исторія, но отъ его сочиненій дошли до насъ только незначительные отрывки, и поэтому въ данномъ случаѣ приходится пользоваться болѣе поздними историками. Имѣетъ значеніе, напр., изложеніе *Діодора Сицилійскаго* (въ XI кн.), основанное гл. обр. на Эфорѣ (см. выше стр. 17 и 19). Большое значеніе имѣютъ *Плутарховы* біографіи Аристида, Ѳемистокла и Кимона, основанныя на разнообразныхъ источникахъ *). Но главнымъ источникомъ для событій 500—479 г. является *Геродотъ* **).

Біографія Геродота. Самое происхожденіе Геродота таково, что у него должно было создаться общегреческое (панэллинское) міросозерцаніе. Родомъ онъ былъ изъ Галикарнасса,—колоніи дорійскаго происхожденія, но расположенной на рубежѣ съ іонійскими колоніями и въ своемъ составѣ имѣвшей много іонійцевъ (Геродотъ и писалъ на іонійскомъ нарѣчіи). Эти послѣдніе приходили въ постоянное соприкосновеніе съ Галикарнассомъ, и у Геродота не могло создаться какой-либо исключительности—дорійской, или іонійской; онъ былъ болѣе или менѣе одинаково близокъ къ обоимъ племенамъ. Нужно считаться также и съ тѣмъ, что онъ познакомился и съ другими греческими поселеніями,—это очень важный фактъ, способный объяснить его племенную безпристрастность и, если пристрастіе у него есть, то на другой почвѣ. Точно опредѣлить время его жизни нельзя. Приблизительно онъ жилъ между 485 и 425 гг. Галикарнассъ въ пору юности Геродота былъ раздираемъ классовой и, въ связи съ ней, партійной борьбой. Какъ и въ другихъ греческихъ городахъ, здѣсь происходила борьба между демократической и аристократической партіями. Какъ разъ въ эпоху Геродота тутъ устанавливается тираннія, и онъ участвуетъ въ борьбѣ противъ нея, въ силу чего ему пришлось удалиться на о. Самосъ. Такимъ образомъ у него вполнѣ естественно зарождается антипатія къ тиранніи, и создаются демократическія симпатіи. Позднѣе Геродотъ возвращается на родину и помогаетъ сверженію тиранніи, послѣ чего отправляется путешествовать. Онъ посѣтилъ много греческихъ поселеній,

---

*) См. объ этомъ *Пёльманъ*, Очеркъ греческой исторіи, 1910. стр. 117.

**) Характеристика Геродота дана у *Бузескула.* Введеніе, изд. 3, стр. 57—82. Литература указана тамъ же и у *Пёльмана*, Очеркъ, пер. съ 4 изд., стр. 113—115. Русскій переводъ Геродота принадлежитъ бывшему профессору Казанскаго Университета *Ѳ. Г. Мищенко* (2-е изд., М. 1888, 2 тома). Ему же принадлежатъ и цѣнныя статьи о Геродотѣ, приложенныя къ переводу.

напр., былъ въ черноморскихъ колоніяхъ, причемъ имѣлъ возможность познакомиться съ бытомъ и нравами скиѳовъ, долгое время жилъ въ Европейской Греціи, особенно въ Аѳинахъ, гдѣ вращался, повидимому, въ кружкѣ Перикла, былъ въ Египтѣ, Сиріи, въ Финикіи, въ Сѣв. Аравіи—въ области Набатейскаго племени; странствовалъ въ Месопотаміи, хотя нельзя точно сказать, какія мѣстности онъ здѣсь посѣтилъ; нельзя также съ увѣренностью сказать, былъ ли онъ въ Вавилонѣ; то же самое относится и къ Экбатанѣ. Во всякомъ случаѣ, путешествуя, онъ познакомился какъ съ эллинскимъ, такъ и съ варварскимъ міромъ.

Затѣмъ мы видимъ Геродота участникомъ въ выводѣ колоніи въ Ѳуріи (въ южн. Италіи). Гдѣ умеръ Геродотъ—въ Аѳинахъ или въ Ѳуріяхъ,—неизвѣстно. Прослѣдить детальнѣе его жизнь не представляется возможнымъ.

Гораздо болѣе можно сказать объ его сочиненіи. Оно интересно, какъ историческій источникъ и для предшествующей исторіи Греціи, и для того періода, къ которому мы сейчасъ приступаемъ. Кромѣ того, оно—важный источникъ для оріэнталистовъ, для исторіи Египта и Передней Азіи; очень интересно оно также и для характеристики греческой мысли вообще, такъ какъ характеризуетъ эпоху перелома въ міросозерцаніи древнихъ грековъ. Геродотъ болѣе связанъ съ прошлой Греціей, чѣмъ съ будущей. Какъ историкъ, онъ тѣсно примыкаетъ къ логографамъ, и поэтому можно возражать противъ присвоеннаго ему титула „отца исторіи“: отцомъ научной исторіи будетъ гораздо правильнѣе считать Ѳукидида. У Геродота—мы замѣчаемъ лишь слабые зачатки научной исторической мысли. Цѣль его труда, какъ онъ самъ указываетъ, заключается въ томъ, чтобы сохранить отъ забвенія дѣянія прошлаго и особенно событія борьбы грековъ съ варварами.

Планъ сочиненія Геродота. Во первыхъ главахъ (I 1—5), какъ это дѣлаютъ и логографы, Геродотъ останавливается на миѳическомъ періодѣ, перечисляетъ миѳы, гдѣ рѣчь идетъ о столкновеніяхъ эллиновъ съ варварами и здѣсь проявляется его довольно наивный раціонализмъ, но затѣмъ онъ переходитъ къ историческому періоду, гдѣ его изложеніе уже отличается отъ упомянутыхъ писателей. Онъ начинаетъ съ исторіи Лидіи, Мидіи и Персіи, такъ какъ именно съ этими государствами пришлось особенно много бороться грекамъ. Затѣмъ, когда онъ переходитъ къ исторіи Персіи въ эпоху завоеванія Ассиріи и Вавилона, то попутно даетъ очеркъ исторіи этихъ послѣднихъ государствъ

въ предшествующее время. Таково содержаніе I книги.—Точно также останавливается Геродотъ на исторіи и современномъ ему состояніи Египта (II кн.), когда доходитъ до завоеванія его Камбизомъ. Послѣ очерка завоеванія Египта Геродотъ снова возвращается къ Персіи, повѣствуетъ о Лже-Смердисѣ и о Даріи (III кн.). Въ 4-ой книгѣ онъ излагаетъ исторію похода Дарія противъ скиѳовъ и по этому поводу даетъ подробное описаніе Скиѳіи, т. е. юга Россіи. Только въ 5-ой книгѣ онъ обращается къ исторіи греко-персидскихъ войнъ, которую доводитъ въ 5 книгахъ (5-я—9-я) до занятія греками Сеста, т. е. до 479 г.

Таковъ планъ сочиненія Геродота. Его послѣдовательность только хронологическая. Когда онъ доходитъ до событія, въ которомъ замѣшано какое-либо государство или племя, то онъ дѣлаетъ громадныя отступленія, являющіяся какъ бы исторической справкой, и въ этомъ отношеніи напоминаетъ простого разсказчика.

Эпоха написанія труда Геродота опредѣлена въ точности быть не можетъ. *) Болѣе основаній думать, что послѣднія книги были закончены въ первые годы Пелопоннесской войны.

Геродотъ пользуется самыми различными источниками. Особенно интересны и важны свѣдѣнія, которыя онъ сообщаетъ на основаніи *собственнаго наблюденія*. Онъ былъ во многихъ странахъ, многое видѣлъ, и поэтому личныя его впечатлѣнія интересны, но и ихъ слѣдуетъ провѣрять не изъ недовѣрія къ правдивости автора, а по той простой причинѣ, что языка многихъ посѣщенныхъ имъ странъ онъ не зналъ и очень часто вынужденъ былъ пользоваться услугами переводчиковъ, какъ, напр., въ Египтѣ—услугами жрецовъ. Но переводчики часто говорили очень плохо, многое искажали, многое сообщали на память и извращали факты. То же самое, что испытываетъ современный путешественникъ пользуясь услугами гидовъ, но только еще въ большей степени, долженъ былъ испытывать и Геродотъ.

Такимъ образомъ, при пользованіи его данными, намъ придется провѣрять все сообщенное имъ. Тамъ, гдѣ видно, что онъ излагаетъ собственныя наблюденія,—вѣрить ему можно; если

---

*) См. о полемикѣ по этому вопросу у *Пёльмана*, о. с., 4 изд., рус. пер., стр. 113—114.

же онъ просто замѣчаетъ, что то или другое онъ слышалъ отъ кого-либо, достовѣрность его сообщенія очень колеблется.

Кромѣ личныхъ наблюденій, матеріалъ для сочиненія Геродотъ бралъ также изъ *устной традиціи*. Очень часто Геродотъ говоритъ о томъ, что слышалъ, и поэтому, какъ указываетъ Пельманъ, въ его сочиненіи отразились недостатки его источника—устной традиціи. Здѣсь часто имѣетъ мѣсто вымыселъ или извѣстныя преувеличенія въ силу національныхъ симпатій (напр., греки преувеличивали количество персовъ, вторгавшихся въ Элладу). Нужно считаться и съ тѣмъ, что въ устной традиціи гораздо яснѣе даетъ себя чувствовать не только національная, но и классовая и политическая тенденціи.

Такимъ образомъ личное наблюденіе и устная традиція—основа Геродота, но онъ не игнорируетъ и *предшествующую ему литературу*: онъ знакомъ съ логографами (съ Гекатеемъ Милетскимъ II 143, V 36 и VI 137), знакомъ съ поэтами (Гомеромъ и лириками), но историческая литература въ то время была еще очень бѣдна.

Что касается *документальнаго матеріала*, то онъ ссылается на надписи, на памятники, но нельзя сказать, чтобы онъ пришелъ къ мысли о необходимости изучать эти документы—это ему не по силамъ, и является у него не правиломъ, а рѣдкимъ исключеніемъ.

Насколько же *критиченъ* Геродотъ въ отношеніи къ своимъ источникамъ? Въ этой области нашлись очень большіе хулители Геродота, его прямо обвиняли въ сознательномъ искаженіи фактовъ, но этого въ дѣйствительности не было. Въ VII кн., 152 гл., онъ говоритъ: „Я обязанъ передавать то, что говорятъ, но вѣрить всему не обязанъ; это замѣчаніе имѣетъ силу относительно всего моего повѣствованія“. Таковъ основной принципъ Геродота. Онъ передаетъ то, что слышалъ, но не считаетъ себя обязаннымъ критически провѣрять сообщаемое, а читателя—въ это сообщаемое вѣрить. Но, не смотря на указанное заявленіе, мы всетаки, видимъ у Геродота зарожденіе критики. Уже у логографовъ встрѣчается примитивный раціонализмъ; есть онъ и у Геродота; напр., извѣстно, какъ онъ описываетъ прекращеніе бури около Сепіада; онъ говоритъ, что вѣтеръ утихъ, потому что его успокоили маги жертвами, а, можетъ быть, прибавляетъ онъ, онъ унялся самъ собой (VII 191). У него пробуждается критическое отношеніе, но оно еще не окрѣпло. Мало того, по своимъ философско-религіознымъ взглядамъ Геродотъ склоненъ къ вѣрѣ въ чудесное. У него

нѣтъ потребности отвергать чудесное въ исторіи, такъ какъ онъ допускаетъ его въ своемъ общемъ міросозерцаніи. Однако чудесное играетъ роль у Геродота главнымъ образомъ въ разсказѣ о давнопрошедшихъ временахъ: чѣмъ его разсказъ ближе къ современности, тѣмъ менѣе въ немъ сверхъестественнаго элемента. Такимъ образомъ. Геродотъ страдаетъ не сознательнымъ искаженіемъ дѣйствительности, а недостаточной критичностью. Поэтому, не отвергая его въ цѣломъ, къ каждому отдѣльному свидѣтельству его должно прилагать критическій анализъ, особенно къ показаніямъ о древнихъ событіяхъ.

Но нельзя и преувеличивать скептическаго отношенія къ традиціи, сообщаемой Геродотомъ: весьма многое въ его сообщеніяхъ получаетъ подтвержденіе въ новыхъ археологическихъ и историческихъ изслѣдованіяхъ *).

Конструированіе Геродотомъ историческаго матеріала и его общее міросозерцаніе. До сихъ поръ мы говорили о томъ, какъ собирался Геродотомъ матеріалъ, о томъ, насколько онъ провѣрялъ его, но сверхъ того, важно знать, какъ фактическій матеріалъ имъ группировался, связывался въ одно цѣлое. При этомъ важно обратить вниманіе на его общее міросозерцаніе. Оно имѣетъ религіозную окраску:—онъ вѣритъ въ боговъ, и его можно называть провиденціалистомъ, такъ какъ, по его мнѣнію, судьбами человѣка управляютъ боги или рокъ, которому подчиняются и сами боги. Его сочиненія проникнуты той же идеей, что и произведенія греческихъ трагиковъ; надъ міромъ царитъ Немезида, воздающая каждому должное (I 34). Карающая рука Немезиды видна и на судьбѣ Креза, который возгордился и былъ за это наказанъ, и на судьбѣ спартанскаго царя Клеомена,—вотъ примѣры, характеризующіе вѣру Геродота въ воздаяніе, и они не единственные. Съ другой стороны боги ставятся имъ почти на одну доску съ Гомеровскими:—они завистливы, и губятъ человѣка, движимые этой страстью; судьба тиранна самосскаго Поликрата результатъ зависти божества. Боги вмѣшиваются въ ходъ исторіи и измѣняютъ какъ судьбы отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ. Однако вѣра въ возможность вторженія сверхъестественныхъ силъ, чудесный элементъ въ объясненіи хода событій проникаетъ сочиненіе Геродота лишь въ тѣхъ его частяхъ, которыя относятся къ отдаленнымъ временамъ. Какъ мы уже сказали, въ разсказахъ о

---

*) Ср. мои замѣчанія въ предисловіи къ изслѣдованію *В. Ө. Смолина,* О передвиженіяхъ геродотовскихъ скиѳовъ, Казань, 1915.

недавнемъ прошломъ, Геродотъ очень мало вводитъ въ свое изложеніе сверхъестественныхъ элементовъ: онъ здѣсь дѣлается почти реалистомъ. Но говоря вообще по общему своему міросозерцанію, придется ближе къ старой эпохѣ—до-Перикловой, чѣмъ къ новой—ко времени Перикла и эпохѣ, послѣдующей за нимъ.

Политическіе взгляды Геродота. Въ III кн., 80 гл., Геродотъ приводитъ разговоръ трехъ персовъ предъ избраніемъ на престолъ Дарія Гистасла. Здѣсь собесѣдники высказываютъ свои взгляды на формы государственнаго управленія. Первый персъ демократъ Отанъ, второй аристократъ Мегабизъ и, наконецъ, третій—Дарій Гистаспъ—сторонникъ монархіи. Демократъ указываетъ на самовластіе, царящее въ монархіи, и на равномѣрность участія всѣхъ гражданъ въ управленіи, составляющую достоинство демократіи, Аристократъ отмѣчаетъ, что при самодержавіи царитъ самовластіе, при демократіи же—разнузданность народа, напротивъ, при аристократическомъ режимѣ управленіе находится въ рукахъ лучшихъ людей. Представитель монархической точки зрѣнія указываетъ на борьбу честолюбія въ аристократіи, доводящую до кровопролитія, а, съ другой стороны, на силу монарха и на способность его управлять націей. Самъ народъ, по мнѣнію Дарія, часто отрекался отъ своей власти, чтобы передать ее достойнѣйшему. Такъ характеризуетъ Геродотъ положительныя и отрицательныя стороны различныхъ формъ правленія. У него самого нельзя искать строгой опредѣленности политическихъ воззрѣній. Мы видѣли, что въ личной жизни онъ обнаружилъ отвращеніе къ тиранніи и склонность къ Аѳинамъ эпохи Перикла. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ находился подъ вліяніемъ кружка Перикла, онъ сочувствовалъ равенству и свободѣ. Говоря о побѣдахъ аѳинянъ послѣ Клисѳена, Геродотъ (V 78) заявляетъ: „Не одинъ только этотъ, но вообще всѣ случаи доказываютъ, какъ драгоцѣнно равноправіе (ἰσηγορίη). Дѣйствительно, находясь подъ гнетомъ тиранніи, аѳиняне не могли одолѣть въ военномъ дѣлѣ никого изъ своихъ сосѣдей, а, освободившись отъ тиранновъ, заняли безспорно первенствующее мѣсто. Это показываетъ, что, будучи порабощены тираннами, они были нерадивы, какъ бы работая на господина; напротивъ, по достиженіи свободы каждый изъ нихъ сталъ работать усердно для собственнаго благополучія“.

Иногда можно замѣтить, что въ трудѣ Геродота отражаются взгляды извѣстной партіи; замѣтно сочувствіе Алкмеонидамъ (родичамъ Перикла); въ то же время Геродотъ настроенъ про-

тивъ Ѳемистокла (Ѳемистоклъ былъ во враждѣ съ Алкмеонидами). Геродотъ сочувствуетъ аѳинянамъ, цѣнитъ спартанцевъ, но не любитъ ѳиванцевъ, ставшихъ на сторону Персіи во время греко-персидскихъ войнъ.

Ходъ греко-персидскихъ войнъ.

Обращаемся къ разсмотрѣнію хода греко-персидскихъ войнъ. Уже самый процессъ колонизаціи долженъ былъ привести грековъ къ столкновенію съ персами. Пока въ М. Азіи не было большихъ государствъ, греческія колоніи сохраняли независимое существованіе, но постепенно, послѣ пережитого Ассирійской монархіей кризиса, здѣсь образуется въ началѣ VII в. Лидійская монархія, пріобрѣтающая большое значеніе въ VI вѣкѣ. Мы видимъ, какъ Лидійское царство уже въ VII в. начинаетъ подчинять себѣ одну за другой греческія колоніи въ Малой Азіи. Крезъ въ срединѣ VI в. докончилъ это дѣло (*Herod.* I 27). Лидійцы довольствуются только небольшой данью колоніи и не вмѣшиваются во внутренне управленіе грековъ. Дѣло мѣняется, когда Лидійское царство было завоевано персами. Киръ, не ограничиваясь покореніемъ Малой Азіи, наложилъ свою тяжелую руку и на греческія колоніи, ихъ зависимость отъ персовъ становится очень значительной. Завоеваніе греческихъ колоній являлось для персовъ необходимостью. Для поддержанія такого огромнаго государства, какъ Персидская монархія, требовались большіе рессурсы, колоніи же были очень богаты. Необходимость завоеванія обусловливалась также стремленіемъ Персидскаго царства къ своей естественной границѣ—къ морю. Съ 40-хъ гг. VI вѣка греческія колоніи подпадаютъ подъ владычество персовъ, и эти послѣдніе поддерживаютъ здѣсь тотъ строй, какой имъ кажется болѣе выгоднымъ,—именно тираннію. Этихъ тиранновъ слѣдуетъ отличать отъ болѣе раннихъ греческихъ тиранновъ VII и VI вѣковъ. Тираннія въ малоазійскихъ колоніяхъ возникаетъ не просто на почвѣ классовой борьбы, а является искусственнымъ созданіемъ побѣдителей: тиранны этой эпохи—ставленники персовъ. Жизнь въ колоніяхъ стала тяжела.

Въ эпоху Дарія Персидская монархія простирается отъ предѣловъ Нильской долины и западнаго побережья М. Азіи до Сыръ-и Аму-Дарьи и до Инда. Зарождается стремленіе къ еще большему расширенію.

Персамъ пришлось защищать свои границы отъ кочевниковъ, обитавшихъ въ степяхъ южной Россіи и въ степныхъ

пространствахъ, примыкавшихъ съ сѣвера къ Ирану (вообще исторія Ирана—это исторія борьбы съ кочевниками). Дарій думалъ подчинить скиѳовъ, кочевавшихъ въ степяхъ южной Россіи, но этотъ походъ окончился въ 513 г. полной неудачей. Персы не могли справиться со скиѳами, такъ какъ персидское войско было слишкомъ удалено отъ родины и мало приспособлено къ борьбѣ при тамошнихъ географическихъ условіяхъ. Персы должны были возвратиться съ большимъ урономъ.

Каковы же были послѣдствія этого похода? Онъ подорвалъ престижъ персовъ: малоазійскіе греки видятъ, что съ персами можно бороться. Съ другой стороны сами персы послѣ этого похода усилили репрессіи по отношенію къ азіатскимъ грекамъ. Правительство обезпокоилось; усиливается тираннія.

Какъ отвѣтъ на репрессіи, въ іоннійскихъ колоніяхъ вспыхиваетъ возстаніе (ок. 500 г.), центромъ котораго дѣлается Милетъ. Малоазійскіе греки стали просить помощи у своихъ европейскихъ собратевъ. Аѳиняне прислали имъ 20, эретрійцы—5 тріэръ. На этотъ разъ персы справились съ возставшими, но вполнѣ естественно, что они должны были подумать объ европейскихъ грекахъ. Въ интересахъ безопасности своихъ границъ персамъ было необходимо покончить съ ними, такъ какъ персы видѣли, что, пока европейскіе греки не будутъ подчинены, не будетъ прочнымъ ихъ господство надъ малоазійскими соплеменниками грековъ: европейскіе греки все время будутъ вносить броженіе въ среду малоазійскихъ, а малоазійскіе будутъ надѣяться на своихъ европейскихъ собратьевъ. Такимъ образомъ, то же самое естественное стремленіе укрѣпить свои границы приводитъ персовъ къ борьбѣ съ европейскими греками.

Первое выступленіе персовъ противъ грековъ въ 492 г., когда ихъ войско подъ предводительствомъ Мардонія (зятя персидскаго царя), перешло черезъ Геллеспонтъ, а ихъ громадный флотъ двигался по сѣверному побережью Эгейскаго моря, кончилось неудачей: персидскій флотъ потерпѣлъ крушеніе при Аѳонскомъ мысѣ, а сухопутное войско, страдавшее отъ ѳракійцевъ, лишившись связи съ Азіей, должно было вернуться.

Слѣдующая экспедиція была предпринята въ 490 г. Персидское войско переправляется на корабляхъ прямо въ Аттику и высаживается у Мараѳона. Греки потомъ сильно преувеличивали количество персидскаго войска, высадившагося въ Аттикѣ. Цифра въ 200,000 персовъ противъ 10 т. аѳинянъ кажется невѣроятной. Самый фактъ переправы персидскаго войска на корабляхъ показываетъ, что оно не могло быть такъ велико,

въ виду несовершенства тогдашнихъ перевозочныхъ средствъ. Такимъ образомъ, врядъ ли персовъ высадилось у Мараѳона такъ много, и врядъ ли они имѣли большое численное преимущество надъ греками. Морская переправа для персовъ была неудобна и тѣмъ, что они не могли переправить въ Грецію лучшую часть своего войска—конницу, которая была представлена здѣсь слабо. Пѣхотное войско, состоявшее изъ воиновъ разныхъ національностей, оказалось менѣе приспособленнымъ къ бою, чѣмъ сплоченная фаланга аѳинскихъ гоплитовъ. Умѣлый пріемъ Мильтіада привелъ къ побѣдѣ надъ персами. Причинами пораженія персидскаго войска являются, такимъ образомъ, малое количество персидской конницы и превосходство аѳинской пѣхоты. Походъ кончился неудачей и персы долго не предпринимаютъ новой экспедиціи, аѳиняне же послѣ мараѳонской побѣды не дремлютъ.

Въ ближайшіе годы послѣ этого событія они предпринимаютъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ па стратегическія цѣли. Въ Аѳинахъ до этого времени флотъ былъ незначителенъ,—теперь создается сильный флотъ. Это мѣропріятіе не обошлось конечно безъ внутренней борьбы.

Аѳины въ 490—480 гг. Обзоръ исторіи Аѳинъ мы довели до эпохи Клисоена. Клисѳенъ болѣе, чѣмъ Солонъ, создалъ фундаментъ для демократіи, но не создалъ строго-демократическихъ учрежденій, оставивъ въ силѣ старыя учрежденія эпохи Солона. Эти учрежденія еще не были приспособлены къ демократическому строю, и дѣятельность вождей демоса стала сводиться именно къ тому, чтобы приспособить учрежденія къ новымъ политическимъ и соціальнымъ потребностямъ. Демократія торжествуетъ. Аристократическая, землевладѣльческая партія стушевывается на нѣкоторое время. Правда, присутствіе Гиппія въ персидскомъ войскѣ показываетъ, что тираны желали вернуться въ Аттику и, можетъ быть, аристократическая партія принимала въ этомъ нѣкоторое участіе, но въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, что аристократія отъ удара, нанесеннаго ей реформой Клисѳена, долго не могла оправиться.

Намъ приходится считаться съ наличностью двухъ демократическихъ вождей въ эту эпоху: Ѳемистокла и Аристида, находившихся въ борьбѣ между собою. Плутархъ утверждалъ, что Ѳемистоклъ былъ демократъ, а Аристидъ—аристократъ. Но это совершенно невѣрно. Точно также неправильно мнѣніе, что борьба между ними обуславливалась тѣмъ, что Ѳемистоклъ былъ представителемъ и защитникомъ интересовъ городской демократіи, а Ари-

стидъ—сельской, что Ѳемистоклъ желалъ перенести политику Аѳинъ на море, а Аристидъ стоялъ за континентальную политику. Мы знаемъ, что Аристидъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи Аѳинскаго морского союза. Вѣроятнѣе всего, что разница въ программахъ Аристида и Ѳемистокла сводилась гл. обр. къ размѣру программъ: морская программа Ѳемистокла была шире. А еще болѣе значительно было различіе въ тактикѣ: Аристидъ былъ сторонникомъ „чистыхъ средствъ", Ѳемистоклъ часто руководствовался принципомъ, что цѣль оправдываетъ средства. Но Ѳемистоклъ былъ выдающійся по способностямъ человѣкъ, съ полной рѣшительностью указавшій Аѳинамъ путь къ ихъ дальнѣйшему прогрессу. Ѳукидидъ, относившійся къ Ѳемистоклу безпристрастнѣе, чѣмъ Геродотъ, симпатизировавшій Алкмеонидамъ (а Ѳемистоклъ былъ врагомъ Алкмеонидовъ), говоритъ о Ѳемистоклѣ (I 138), что онъ прекрасно оцѣнивалъ положеніе момента и точно угадывалъ событія будущаго. Въ 483 г. борьба окончилась остракисмомъ Аристида,—остракисмъ становится орудіемъ политической партійной борьбы. Такимъ образомъ, торжествуетъ политика Ѳемистокла. Онъ добился того чтобы доходы съ Лаврійскихъ серебряныхъ рудниковъ были направлены на созданіе военнаго флота. На эти средства было построено около 100 тріэръ (большихъ кораблей). Затѣмъ, старую Фалерскую гавань, открытую и плохо защищенную, Ѳемистоклъ замѣняетъ новой гаванью, удобной для защиты—Пирейской, которая позднѣе играетъ главную роль въ Аттикѣ, Пирейская замкнутая бухта сильно укрѣпляется. Этимъ Ѳемистоклъ создаетъ базу для развитія аѳинскаго морского могущества. Когда потомъ, въ 480 г., возобновилась борьба съ персами, аѳиняне оказались къ ней прекрасно подготовленными. Прежде они могли вести только оборонительную войну, теперь же они сами переходятъ въ наступленіе, хотя борьба первоначально и на этотъ разъ начинается съ политики оборонительной. И планъ персовъ теперь былъ иной.

Нашествіе Ксеркса. Въ 480 г. войско Ксеркса шло инымъ путемъ, чѣмъ въ 490 г. Морская переправа, въ виду необходимости сокращать при ней численность войска, была признана неудобной. Войско переправляется окружнымъ путемъ, сначала черезъ Геллеспонтъ, а потомъ сухопутьемъ по ѳракійскому побережью, флотъ же персидскій въ это время движется вдоль берега. Назначеніемъ флота было поддержаніе сношеній войска съ родиной и доставленіе ему провіанта, когда проходимая войскомъ страна оказывалась не въ состояніи прокормить его.

Возникаетъ вопросъ о численности персидскаго войска, такъ какъ она повліяла на исходѣ борьбы. Геродотъ, говоритъ, что въ войскѣ персовъ было до 1,700,000 пѣхоты и 80,00 всадниковъ, общая же численность его, вмѣстѣ съ обозомъ, флотомъ и пр., доходила до 5 милліоновъ и даже превышала эту цифру. Белохъ очень остроумно замѣчаетъ, что если бы эта цифра была вѣрна, то получилась бы такая картина: въ то время, какъ авангардъ приближался къ Ѳермопиламъ, арьергардъ долженъ былъ только выходить изъ Сардъ: такимъ образомъ, выходитъ, что персидское войско растянулось бы отъ центра М. Азіи до Ѳермопилъ,—несомнѣнная нелѣпость. Вотъ примѣръ, насколько ложной оказывается устная традиція. Даже показанію Ктесія, что персидское войско состояло изъ 800 тысячъ воиновъ, основанному на персидской традиціи, довѣрять нельзя. По вычисленію Дельбрюка, численность персидской арміи колебалась между 45—50 тысячами. Эта цифра, повидимому, ближе подходитъ къ дѣйствительности; скорѣе, даже Дельбрюкъ преуменьшаетъ дѣйствительную цифру, которая могла доходить до 60—100 тысячъ.

Какъ извѣстно изъ предшествовавшаго географическаго очерка Греціи, цѣлый рядъ горныхъ цѣпей могъ служить грекамъ базой для обороны: Камбунійскій хребетъ, защищавшій входъ въ Ѳессалію, Оѳрисъ, Эта, оканчивавшаяся Ѳермопильскимъ проходомъ, горы Аттики—Парнесъ и Киѳеронъ,—и, наконецъ, горы Истма. Грекамъ нужно было выбрать одну изъ этихъ базъ. Они отказываются отъ защиты Ѳессаліи и сосредоточиваютъ часть силъ у Ѳермопилъ. Причина этого заключается въ ненадежности ѳессалійцевъ, въ виду подозрительнаго поведенія ихъ аристократическаго правительства. Впослѣдствіи это подозрѣніе оправдалось: ѳессалійцы открыто перешли на сторону персовъ. И позднѣе мы видимъ, что отсталыя аристократическо-земледѣльческія общины не оказываютъ сопротивленія персамъ и даже переходятъ на ихъ сторону, торговыя же общины борются гораздо активнѣе. Общины Беотіи, Фокиды, и Локриды (послѣ Ѳермопильской битвы) тоже встали на сторону персовъ. Причина этого интереснаго съ соціально-политической точки зрѣнія явленія заключаются въ томъ, что эти земледѣльческія государства не имѣли такихъ интересовъ на морѣ, какіе имѣли торгово-промышленныя греческія общества, и поэтому упорная борьба съ персами не имѣла почвы въ жизненныхъ интересахъ обществъ первой категоріи, тогда какъ для торгово-промышленныхъ государствъ она была, до извѣстной степени,

вопросомъ жизни. Съ другой стороны, въ указанныхъ земледѣльческихъ областяхъ уже возникла борьба партій, и аристократическія группы думали найти въ персахъ опору для своего владычества. Къ двумъ указаннымъ мотивамъ слѣдуетъ причислить еще соперничество Ѳивъ съ Аѳинами. Такимъ образомъ, полной солидарности у грековъ мы не видимъ, значительная часть ихъ встаетъ на сторону персовъ. Прочіе греки продолжаютъ борьбу,—и не только приморскія, но и континентальныя государства Пелопоннеса, не будучи непосредственно заинтересованы въ борьбѣ морскихъ государствъ, принимаютъ, однако, участіе въ отраженіи варваровъ, такъ какъ не хотятъ рисковать своей независимостью, которой грозила бы большая опасность, если бы аѳиняне были побѣждены.

Какъ сказано выше, греки безъ борьбы оставили охранительную горную линію въ Ѳессаліи и сосредочили свои силы у Ѳермопилъ, гдѣ греческіе отряды подъ предводительствомъ Леонида оказываютъ упорное сопротивленіе. Греческій флотъ, несмотря на успѣшность сраженія при Артемисіи (у сѣверныхъ береговъ Эвбеи), долженъ былъ послѣ пораженія сухопутнаго войска отступить къ югу. Персидское войско вторгается въ Аттику. Населеніе ея вмѣстѣ съ имуществомъ переправляется на о. Саламинъ, граждане же, способные носить оружіе, садятся на корабли, такъ какъ теперь аѳинскій флотъ былъ очень значителенъ. Но если до сихъ поръ интересы союзниковъ, боровшихся противъ персовъ, были солидарны, то теперь интересы морскихъ и континентальныхъ государствъ расходятся: аѳиняне и островитяне (руководимые Ѳемистокломъ) стоятъ за то, чтобы дать персамъ бой у Саламина, государства же Пелопоннеса съ лакедемонянами во главѣ защищаютъ ту точку зрѣнія, что сопротивленіе врагу слѣдуетъ оказать только на Истмѣ. Вполнѣ понятно, что пелопоннесцы настаиваютъ именно на этомъ планѣ, такъ какъ для нихъ-то собственно важно не допустить персовъ вторгнуться въ Пелопоннесъ. Итакъ, одни настаиваютъ на томъ, чтобы изгнать персовъ изъ средней Греціи и сокрушить ихъ флотъ, а другіе, зная, что персы могутъ проникнуть къ нимъ исключительно черезъ Истмъ, настаиваютъ на оборонѣ Истма. Верхъ, благодаря ловкости Ѳемистокла, одерживаетъ политика аѳинянъ. Происходитъ морская битва у *Саламина*, которая оканчивается побѣдой небольшихъ греческихъ кораблей надъ большими неповоротливыми кораблями персовъ, неприспособленными для битвы въ тѣсномъ пространствѣ. Какъ извѣстно, Ксерксъ долженъ былъ покинуть свое войско,

средняя Греція была очищена персидскимъ войскомъ, отправившимся на зимнія квартиры въ Θессалію.

Въ 479 г. греки одержали надъ персами двѣ побѣды; при Платеяхъ (въ Беотіи) и при Микале (въ М. Азіи), первую—сухопутную (герой ея — спартанскій полководецъ Павсаній), вторую—морскую. Послѣ этихъ ударовъ персы должны были удалиться въ предѣлы своего государства. Этимъ закончилась главная часть борьбы грековъ съ персами. Однако столкновенія продолжаются и послѣ 479 года. Борьба перешла на море. Прежде греки придерживались оборонительной тактики, теперь они сами переходятъ въ наступленіе. Цѣль борьбы—очистить Эгейское море отъ персовъ и освободить Геллеспонтъ отъ персидской опасности. Постепенно аθиняне овладѣли рядомъ пунктовъ на сѣверномъ (Θракійскомъ) берегу и по Геллеспонту. Когда персы позднѣе попытались вновь остановить движеніе аθинскаго флота, имъ Кимонъ нанесъ тяжелое пораженіе у южныхъ береговъ М. Азіи у устья рѣки Эвримедонта (ок. 470 г.). Тогда довольно скоро и западное побережье М. Азіи примкнуло къ Аθинамъ. Спорадическія столкновенія съ персами имѣли мѣсто и въ 60-хъ годахъ V вѣка. Въ 459 г. аθиняне дѣлали даже попытку утвердиться на Кипрѣ, но безъ прочнаго успѣха. Тогда они пытаются уязвить персовъ въ очень чувствительное мѣсто: они отправили 200 кораблей на помощь египтянамъ, возставшимъ противъ персовъ. Но послѣ долгой борьбы эта экспедиція окончилась гибелью аθинскаго флота (454 г.). Эта неудача заставила аθинянъ прекратить дальнѣйшую борьбу съ персами, хотя въ 449 г. они одержали блестящую побѣду надъ персидскимъ флотомъ у береговъ Кипра около города Саламина (не смѣшивать съ островомъ того же имени).

Остается неяснымъ, былъ ли послѣ египетскаго пораженія и кипрской побѣды заключенъ аθинянами съ персами формальный договоръ (такъ наз. Кимоновъ миръ). Въ IV в. въ Аθинахъ былъ въ ходу текстъ этого договора (*Plut.* Kim. 13), но уже тогда этотъ текстъ нѣкоторые считали подложнымъ (напр., за таковой его считалъ историкъ Θеопомпъ) *).

Подъ вліяніемъ греко-персидскихъ войнъ произошли перемѣны во внѣшнемъ положеніи Аθинъ, во взаимныхъ отношеніяхъ другихъ греческихъ государствъ и, наконецъ, во вну-

*) Fr. 167 и 168 въ Fr. Hist. Gr. См. литературу Busolt'a, III 1, 349, прим. 1. Самъ Бузольтъ признаетъ договоръ подлиннымъ (ib. 346—356).

треннемъ строѣ Аѳинъ: значительная часть государствъ Эгейскаго моря объединилась подъ властью Аѳинъ, хозяйственная жизнь здѣсь пошла быстрымъ темпомъ, Аѳины превратились въ полную демократію *).

Не нужно, однако, и преувеличивать значеніе побѣды эллиновъ: *Персія и послѣ этой побѣды осталась сильнымъ государствомъ*, которое еще не разъ въ V и IV вѣкахъ выступало вершителемъ греческихъ дѣлъ.

XII. Періодъ классической или городской Греціи. 3. Эпоха „пятидесятилѣтія“ (479—431 г. до Р. Х.): Аѳинская держава и расцвѣтъ демократіи въ Аѳинахъ.

Эпоха, занимающая приблизительно полустолѣтіе между битвой при Платеяхъ и началомъ Пелопоннесской войны, обычно называется „пятидесятилѣтіемъ“ или „пентеконтаэтіей“ (*πεντηκονταετεία*). Это—время образованія первой значительной федераціи государствъ-городовъ въ Греціи (Аѳинская держава) и время расцвѣта демократическаго строя въ Аѳинахъ.

Источники. Бурное время государственнаго строительства эпоха пятидесятилѣтія не дала ни одного крупнаго историческаго повѣствованія, изображавшаго это время. Крупнѣйшій историкъ, писавшій въ это время, Геродотъ—посвятилъ свой трудъ изображенію героической борьбы грековъ съ персами. Другой гигантъ эллинской исторіографіи *Ѳукидидъ*—сосредоточилъ свое вниманіе на болѣе позднемъ времени—на изображеніи Пелопоннесской войны. Онъ самъ отмѣчалъ этотъ пробѣлъ въ исторіографіи (I 97. 2) и потому счелъ нужнымъ дать цѣн-

---

*) Я не останавливаюсь подробно на личной судьбѣ Ѳемистокла. Этотъ крупный государственный дѣятель послѣ Саламинской побѣды былъ около 10 лѣтъ руководителемъ аѳинской политики. Онъ чувствовалъ, что надвигается столкновеніе со Спартой и, видимо, былъ противъ затягиванія борьбы съ Персіей. Но здѣсь онъ вступилъ въ конфликтъ съ Кимономъ, стоявшимъ за энергичное продолженіе борьбы съ персами, и по предложенію родича Кимона Алкмеонида Леобота былъ изгнанъ остракисмомъ (ок. 470 г.). Послѣ скитаній и тягостнаго разрыва съ родиной, гдѣ былъ возбужденъ процессъ объ измѣнѣ Ѳемистокла, этотъ герой греко-персидскихъ войнъ нашелъ пріютъ у персидскаго царя, который далъ ему въ управленіе городъ Магнесію. Здѣсь Ѳемистоклъ и умеръ (разсказъ о его самоубійствѣ, сообщенный Плутархомъ, врядъ ли соотвѣтствуетъ дѣйствительности).

ный, но очень краткій очеркъ исторіи пентеконтаэтіи во введеніи къ своему труду (I 89—96; также 128—138). Другія современныя этой эпохѣ произведенія, изображавшія событія того времени, имѣли характеръ тенденціозный. Это были или мемуары, весьма субъективные, какъ вообще литература этого типа *), или политическіе памфлеты **).

При такомъ положеніи дѣла мы должны обращаться главнымъ образомъ къ позднѣйшимъ источникамъ. Не малое значеніе имѣютъ соотвѣтственныя главы (23—28) въ „Аѳинской политіи“ *Аристотеля*, хотя и здѣсь есть слѣды пользованія тенденціозной литературой (см. выше стр. 145). Извлеченіе изъ *Эфора* легло въ основу соотвѣтствующей части разсказа *Діодора Сицилійскаго* (XI 37—XII 28), хотя, слѣдуетъ замѣтить, Эфоръ самъ слѣдовалъ гл. обр. Ѳукидиду, и потому изложеніе Діодора мало-что прибавляетъ къ Ѳукидиду, а въ то же время запутываетъ его сбивчивой хронологіей.

Гораздо болѣе цѣнными являются біографіи, написанныя *Плутархомъ*. Сюда относятся біографіи Аристида, Ѳемистокла, Кимона и Перикла. Плутархъ пользовался очень разнообразнымъ матеріаломъ, и вопросъ объ его источникахъ является однимъ изъ самыхъ трудныхъ въ современной историіографіи. Изъ литературныхъ источниковъ слѣдуетъ еще упомянуть „*Аѳинскую политію*“, приписывавшуюся Ксенофонту. Здѣсь имѣются цѣнныя свѣдѣнія о политикѣ аѳинянъ, особенно объ организаціи Аѳинской державы ***).

Для исторіи организаціи Аѳинскаго союза и Аѳинской державы главнымъ источникомъ являются *надписи*. Здѣсь особенно важны такіе документы, какъ постановленіе аѳинскаго народнаго собранія, опредѣляющее организацію города Эриѳръ, вошедшаго

---

*) Ἐπιδημίαι („Странствованія“) *Іона Хіосскаго*, автора ряда поэтическихъ произведеній, были пристрастны въ пользу Кимона и въ пользу Спарты и враждебны Периклу. Ими пользовался Плутархъ въ біографіяхъ Кимона и Перикла.

**) *Стесимбротъ Ѳасосскій* написалъ памфлетъ: „О Ѳемистоклѣ, Ѳукидидѣ и Периклѣ“. Здѣсь проявляется недоброжелательное отношеніе къ вождямъ демократической партіи Ѳемистоклу и Периклу и сочувствіе аристократическому вождю Ѳукидиду, сыну Мелесія, родственнику Кимона (котораго не нужно смѣшивать съ историкомъ Ѳукидидомъ). Памфлетъ былъ переполненъ сплетнями, ходившими по городу относительно демократическихъ вождей. Плутархъ пользовался и Стесимбротомъ, хотя признавалъ тенденціозность подобной литературы (Pericl. 13).

***) См. выше стр. 16 и 142. Рус. пер. А. А. Захарова въ „Сборникѣ въ честь В. П. Бузескула“, Харьковъ, 1914

въ составъ Аѳинской державы *). Такое же значеніе имѣютъ постановленія аѳинскаго народнаго собранія относительно Халкиды на Эвбеѣ **) и объ основаніи колоніи Бреи во Ѳракіи ***). Очень важны документы, характеризующіе систему обложенія союзниковъ данью. Таковы отрывки постановленія относительно податной переписи и взысканія дани 425—4 до Р. Х. ****). До насъ дошли списки дани союзниковъ,—точнѣе списки одной шестидесятой части этой дани, которая шла въ храмъ Аѳины. Эти списки содержатъ названія городовъ и цифры взносовъ и съ перерывами дошли отъ 454 до 424 г. (отъ послѣдующихъ годовъ сохранились фрагменты) *****).

Весьма важно, что интересъ къ документальному матеріалу возникъ уже въ древности: еще въ IV в. нѣкто *Кратеръ* составилъ сборникъ постановленій народнаго собранія (Frag. Hist. Graec. II, 617).

Политическія слѣдствія греко-персидскихъ войнъ.

Первый Аѳинскій союзъ ******). До персидскихъ войнъ на территоріи Греціи было лишь одно значительное политическое соединеніе: Пелопоннесскій союзъ. Но этотъ союзъ не былъ сплоченнымъ государствомъ,—это было международное соглашеніе разныхъ государствъ.

Въ періодъ греко-персидскихъ войнъ, именно послѣ Платей и Микале, въ этомъ отношеніи происходитъ большая перемѣна: за это время образуется новое государство. Сначала это тоже международное соглашеніе, но потомъ изъ него создается новое государственное соединеніе—Аѳинская держава.

---

*) I. G., I 9—11.

**) I. G., I Suppl. 27 a (=C. I. A. IV, 1, 27 a).

***) I. G. I 31.

****) I. G., I 37—38 и Suppl. (=C. I. A. IV 1), p. 54; 2, p. 66 и 3, p. 140.

*****) I. G., I 226—272.

******) Уже *А. Бёкъ* подвергалъ обработкѣ извѣстный въ его время матеріалъ по финансовой исторіи Аѳинскаго союза (Staatshaushaltung der Athener, 1817). Но основное изслѣдованіе по этому вопросу принадлежитъ *Кёлеру* (*Köhler*, Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte des delisch-attischen Bundes, 1869—въ Abh. der Berl. Akad.). Позднѣе матеріалъ Кёлера былъ дополненъ новыми находками надписей и подвергнутъ обработкѣ съ новыхъ точекъ зрѣнія *Кирхгофомъ* (въ журналѣ Hermes 1876 г.), *Бузольтомъ* (журн. Philologus 1882 г.). *Белохомъ* (см. ниже) и др. Болѣе подробныя свѣдѣнія о литературѣ по исторіи союза до 1897 г. приведены у *Busolt*'а въ Gr. Gesch. I, 1, стр. 37 и 194, а болѣе поздней у *Пёльмана*, Очеркъ, рус. пер., 1910, стр. 148, пр. 3 и 153, пр. 2. См. также *Cavaignac*, Etudes sur l'histoire financière d'Athènes au V-e siècle, Paris, 1908.

Для борьбы съ персами приморскія государства на Балканскомъ полуостровѣ (преимущественно въ средней Греціи), колоніи на берегахъ Эгейскаго моря и острова—объединяются подъ гегемоніей Аѳинъ. Выше были указаны причины, заставившія эти государства оказывать сопротивленіе персамъ: персы угрожали ихъ независимости и подрывали ихъ морскую торговлю. И вотъ, уже въ 478 г. подъ гегемоніей Аѳинъ образуется обширный союзъ. Онъ скоро охватилъ почти всѣ города сѣвернаго побережья Эгейскаго моря отъ Олимпа и до Геллеспонта. почти все побережье Малой Азіи и острова Эгейскаго моря до Родоса, кромѣ Ѳеры, Мелоса и Эгины. Это—союзъ обширныхъ размѣровъ,—конечно, съ точки зрѣнія того времени, по сравненію съ маленькими греческими государствами: въ эпоху своего расцвѣта союзъ включалъ свыше 200 городскихъ общинъ. Большую роль въ организаціи союза сыгралъ *Аристидъ*: онъ руководилъ работами по распредѣленію взносовъ на союзныя нужды *).

Спарта, напротивъ, въ это время теряетъ свое руководящее положеніе. Какъ мы уже видѣли, какъ только борьба съ персами стала сосредоточиваться на морѣ (съ 480 г.), пелопоннесцы со Спартой во главѣ стали менѣе активными, главную роль стали играть морскія государства, особенно Аѳины.

Для утраты Спартой руководящаго положенія имѣло значеніе и то обстоятельство, что Спарта была раздираема внутренней борьбой: спартанскій полководецъ (не царь) *Павсаній* проявилъ стремленіе къ деспотизму и былъ обвиненъ въ сношеніяхъ съ Персіей.

Сначала около Аѳинъ образовался именно союзъ, основывавшійся на свободномъ соглашеніи и преслѣдовавшій цѣли борьбы съ персами. Первоначальная цѣль этого соединенія— вытѣснить персовъ съ Эгейскаго моря, освободить отъ ихъ владычества малоазійскихъ грековъ и не дать первымъ возможности овладѣть остальными греческими общинами. На первыхъ порахъ въ этомъ союзѣ аѳинянамъ принадлежала только гегемонія. Всѣ союзные города имѣли право голоса на конгрессѣ (σύνοδος), который собирался не въ Аѳинахъ, а на о. Делосѣ (*Thuc.* I 96, 2). Члены союза обязаны были выставлять опредѣленное количество кораблей вмѣстѣ съ экипажемъ и солдатами. Мелкія государства однако съ самаго начала **) замѣняли поставку ко-

---

*) *Arist.* 'Αθ. π. 23, 5.

**) Существовало мнѣніе, что натуральная повинность поставки кораблей была сначала всеобщей, т. е. всѣ союзники выставляли корабли (такъ думалъ

раблей извѣстнымъ денежнымъ взносомъ (Thuc. 96, 1). Это вызывалось тѣмъ, что стратегическія соображенія требовали однородной эскадры, а мелкіе корабли, которые стали бы доставлять маленькія государства, не дали бы возможности составить таковую. Общая касса хранилась тоже не въ Аѳинахъ, а на о. Делосѣ,—это очень важное обстоятельство, которое ясно показываетъ, что аѳинянамъ принадлежала только гегемонія, а не какая-либо иная роль. Очень скоро и другія, болѣе крупныя, государства во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ предпочли замѣнить натуральную повинность денежными взносами, по примѣру мелкихъ членовъ союза. Постепенно этотъ новый порядокъ охватилъ всѣхъ членовъ союза, и къ эпохѣ Пелопоннесской войны только Хіосъ, Лесбосъ (а до 439 г.—еще Самосъ) сохраняли право выставлять корабли, всѣ же остальные члены союза перешли на денежные взносы въ общую Делосскую казну. Общая сумма взносовъ уже въ 470-хъ годахъ простиралась до 460 талантовъ (*Thuc.* I 96).

Замѣна натуральной повиности денежною, первоначально вполнѣ добровольная, совершавшаяся безъ принужденія, впослѣдствіи повела къ тому, что союзники превратились изъ равноправныхъ въ подчиненыхъ, изъ союзниковъ сдѣлались подданными—*ὑπήκοοι*—Аѳинъ. Этотъ процессъ объясняется тѣмъ, что, когда аѳиняне получили въ свои руки денежныя средства, то стали ими распоряжаться болѣе произвольно, чѣмъ прежде, когда въ ихъ распоряженіи были только союзные корабли; аѳиняне стали теперь тратить средства по своему усмотрѣнію. Помимо только что указанной причины, сами союзники способствовали паденію своей самостоятельности, отказавшись отъ развитія собственнаго военнаго флота въ пользу развитія военнаго флота Аѳинъ. Этотъ отказъ повелъ къ тому, что потомъ союзники уже были не въ состояніи дать отпоръ захватнымъ стремленіямъ Аѳинъ (*Thuc.* I 99, 3).

Дѣйствительно, очень скоро аѳинская демократія показываетъ свои когти союзникамъ. Въ 460-хъ годахъ происходитъ возстаніе на островѣ Наксосѣ, гдѣ аѳиняне хотятъ вмѣшаться во внутреннюю жизнь этого государства. Аѳиняне производятъ здѣсь извѣстную экзекуцію и обращаютъ накососцевъ, бывшихъ

Кирхгофъ), но Белохъ показалъ, что большинство государствъ съ самаго начала вносили деньги. См. объ этомъ *Busolt*, Griechische Geschichte, III, 1 (1897), 78. пр. 1.

равноправными членами союза, въ подданныхъ Аѳинскаго государства.

Очень скоро (въ 465 г.) послѣ этого происходитъ возстаніе на о. Ѳасосѣ, одномъ изъ самыхъ крупныхъ членовъ союза. Ѳасосцы оказали сопротивленіе аѳинянамъ, которые стали конкурировать съ жителями Ѳасоса во ѳракійской торговлѣ и въ эксплоатаціи рудниковъ на рѣкѣ Стримонѣ *). Ѳасосцы послѣ продолжительной борьбы были усмирены, обязались уплатить военныя издержки и впередъ приняли на себя обязательство платить дань аѳинянамъ (463 г.). Золотые рудники во Ѳракіи отошли къ Аѳинамъ.

Затѣмъ аѳинянамъ пришлось имѣть дѣло съ островомъ Эгиной. Послѣдняя не желала вступить въ союзъ съ самаго начала, а теперь (457 г.) была вынуждена къ тому силой. Въ 440 г. возсталъ Самосъ; въ слѣдующемъ году возстаніе было подавлено, и Самосъ былъ лишенъ правъ самостоятельнаго члена союза. Такимъ образомъ, аѳиняне переходятъ къ политикѣ правителей, и *Аѳинскій морской союзъ преобразовывается въ Аѳинскую державу—ἀρχή. Это уже не международный союзъ, а федеративное государство, члены котораго не равноправны, самостоятельность ихъ значительно урѣзана, и роль Аѳинъ по отношенію къ нимъ—роль господина.* Теперь намъ предстоитъ познакомиться съ этой формой греческихъ государственныхъ соединеній, до сихъ поръ еще нами не встрѣчавшейся, такъ какъ Пелопоннесскій союзъ былъ только международнымъ соглашеніемъ.

Организація Аѳинской державы. Если въ Аѳинскомъ союзѣ (συμμαχία), организовавшемся въ 478 г., отношенія покоились на принципѣ равноправія Аѳинъ и союзниковъ, то, начиная съ 460-хъ годовъ, въ Аѳинской державѣ (ἀρχή) дѣла сложились иначе. Аѳины заняли положеніе верховной власти. Мы уже ничего не знаемъ о дѣятельности союзнаго конгресса. Рѣшающую роль въ бывшемъ союзѣ играютъ теперь аѳинское народное собраніе и аѳинскій совѣтъ 500.

Общаго конституціоннаго акта члены Аѳинской державы не имѣли: отношенія ихъ къ Аѳинамъ регулировались отдѣльными договорами и отдѣльными постановленіями (псефисмами) аѳинскаго народнаго собранія (нѣкоторые изъ этихъ актовъ дошли до насъ—напр., постановленія относительно Эриѳръ составленныя въ 460-хъ годахъ, или относительно Халкиды на

---

*) *Thuc.* I 100. Ср. *Busolt*, o. c., III, 196 cc.

Эвбеѣ 440-хъ годовъ *). Поэтому въ этихъ отношеніяхъ было нѣкоторое разнообразіе. Иные союзники сохранили большую автономію, другіе — меньшую. Какъ мы видѣли, наибольшей свободой пользовались Хіосъ, Лесбосъ и (до 439 г.) Самосъ: они сохраняли право выставлять контингенты флота, и даже на Самосѣ (до 439 г.) и въ Митиленѣ (до 427 г.) удержалось умѣренно олигархическое правленіе **). Въ другихъ государствахъ Аѳины въ большей или меньшей степени вмѣшивались во внутреннія отношенія. Онѣ поддерживали въ этихъ государствахъ демократію ***). Надписи показываютъ, что Аѳины регулировали и детали внутренняго устройства союзныхъ государствъ: такъ мы видимъ, что въ Эриѳрахъ регулировалось устройство совѣта. Въ Милетѣ онѣ ввели клисѳеновы филы ****). Во многихъ городахъ Аѳины держали свои гарнизоны, предоставляя ихъ начальникамъ (фрурархамъ) и извѣстныя права по отношенію къ гражданскому управленію. Иногда же аѳиняне посылали и гражданскихъ чиновниковъ-наблюдателей (*эпископовъ*—*ἐπίσκοποι*).

Очень существеннымъ ограниченіемъ автономіи союзниковъ являлось перенесеніе въ Аѳины цѣлаго ряда *судебныхъ* процессовъ: 1) аѳинскіе суда разбирали процессы, касающіеся отношеній союзниковъ къ союзу, какъ цѣлому; таковы—были дѣла объ измѣнѣ, о нарушеніи союзныхъ обязанностей, особенно о неправильностяхъ въ уплатѣ дани; 2) важные уголовные процессы, грозившіе смертной казнью, изгнаніемъ или потерей гражданскихъ правъ (атимія), тоже разбирались въ аѳинскихъ судахъ. Мѣстнымъ судамъ въ союзныхъ городахъ былъ оставленъ, такимъ образомъ, лишь разборъ менѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ и гражданскихъ дѣлъ, возникающихъ между гражданами даннаго государства.—Что касается дѣлъ, которыя возникали между отдѣльными аѳинянами и союзниками, то относительно такихъ случаевъ Аѳины заключали съ союзниками особые договоры. Повидимому, обычно такія дѣла разбирались по мѣсту жительства обвиняемаго, чтобы затруднить послѣднему возможность уклониться отъ суда. Въ разборѣ гражданскихъ дѣлъ аѳиняне дѣлали серьезныя уступки союзникамъ, потому что при постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ между Аѳинами и союзниками

---

*) См. выше стр. 227.

**) *Thuc.* I 115; III 27; 47. *Arist.* Ἀθ. πολ. 24, 2.

***) *Ps.-Xenoph.* Ἀθ. π. I, 14 сс.; III 10.

****) *Busolt*, III, 1, стр. 225, пр. 5.

являлась настоятельная потребность обезпечить правильность правосудія въ торговыхъ дѣлахъ: иначе пострадали бы торговыя отношенія.

Авторъ политическаго памфлета конца V в., направленнаго противъ аѳинской демократіи, остроумно характеризуетъ цѣли, преслѣдовавшіяся аѳинянами, когда послѣдніе ограничивали судебную компетенцію союзниковъ *): „Прежде всего, аѳиняне ежегодно получаютъ доходъ отъ судебныхъ пошлинъ; далѣе, они, сидя дома и не посылая кораблей, управляютъ союзными государствами, оправдываютъ сторонниковъ демократіи и обвиняютъ ея противниковъ“. Послѣднее замѣчаніе относится, конечно, главнымъ образомъ къ политическимъ процессамъ **).

Аѳиняне позволяли союзникамъ чеканить *монету*, но пользовались каждымъ случаемъ, чтобы привить свою монетную систему.

Вся эта сложная организація отношеній между Аѳинами и союзными городами преслѣдовала преимущественно двѣ цѣли: 1) усилить военную мощь Аѳинъ и 2) увеличить ихъ финансовое благополучіе.

Что касается *военной силы*, то Аѳины обязывали союзниковъ въ случаѣ необходимости выставлять военные контингенты пѣхотинцевъ (очень немногіе выставляли корабли) ***). Рѣшающій голосъ принадлежалъ здѣсь аѳинскому народному собранію, но въ исключительныхъ случаяхъ могли отдавать распоряженіе о мобилизаціи и аѳинскіе стратеги.

Гораздо болѣе сложной была *финансовая* организація державы. Члены союза должны были платить дань (форосъ—*φόρος*) аѳинянамъ. Впервые раскладка взносовъ между союзниками была установлена еще въ 478 г., причемъ руководителемъ этой работы былъ Аристидъ ****) Сначала эта раскладка производилась, конечно, по взаимному соглашенію союзниковъ, но затѣмъ (въ 460-хъ годахъ) дѣло взяли въ свои руки аѳиняне. Раскладка производилась каждые четыре года, причемъ взносы отдѣльныхъ союзниковъ могли понижаться и повышаться. Сумма взносовъ въ первые года существованія союза, по раскладкѣ Аристида, равнялась *460 тал.*, т. е. болѣе 1,000,000 руб. (*Thuc.* I 96).

*) *Ps.-Xenoph.* Ἀθ. πολ. I, 16.

**) Ср. *Busolt*, o. c., III, 1, стр. 230, пр. 2.

***) *Thuc.* II 9: τούτων ναυτικὸν παρείχοντο Χῖοι, Λέσβιοι, Κορκυραῖοι, οἱ δ'ἄλλοι πεζὸν καὶ χρήματα.

****) *Arist.* Ἀθ. π. 23, 5. *Thuc.* V, 18.

Въ послѣдующіе годы цифра то нѣсколько повышалась (гл. обр. вслѣдствіе увеличенія числа союзниковъ), то понижалась *). Наканунѣ Пелопоннесской войны она достигала уже 600 тал., т. е. почти 1.500.000 рублей. Рѣзкое повышеніе произвели аѳиняне по настоянію Клеона въ 424 г., въ разгаръ Пелопоннесской войны, возвысивъ взносы почти до 1000 талантовъ, т. е. до 2 мил. рублей **).

Эти цифры по масштабу тогдашнихъ греческихъ государствъ представлялись очень значительными. На насъ онѣ не произведутъ такого впечатлѣнія: съ ними теперь конкурируютъ бюджеты современныхъ крупныхъ городовъ.

Предварительныя работы по раскладкѣ взносовъ вели особые чиновники (*τάκται*), избираемые въ аѳинскомъ народномъ собраніи. Конечно, эти *такты* провѣряли матеріалъ относительно доходовъ каждаго государства, который представляли сами эти государства. Очень немногіе члены союза сохранили право самостоятельно составлять проектъ своего обложенія въ пользу Аѳинъ (повидимому, это тѣ государства, которые въ податныхъ спискахъ именуются: *πόλεις αὐταὶ φόρον ταξάμεναι*) ***). Всѣ эти предварительные проекты, будь они составлены тактами или самими союзниками, подлежали утвержденію аѳинскаго совѣта 500. На рѣшеніе совѣта союзники могли аппеллировать,— однако тоже въ Аѳины же: въ судъ присяжныхъ (геліэю).

Въ 443 г. аѳиняне раздѣлили свою державу для удобствъ раскладки и сбора податей на 5 податныхъ округовъ: Островной (острова Эгейскаго моря), Ѳракійскій, Геллеспонтскій, Іонійскій (средняя часть Малоазійскаго побережья) и Карійскій (юго-западное побережье М. Азіи). Для податныхъ работъ въ каждомъ округѣ народное собраніе выбирало по 2 такта (слѣд., всего ихъ было 10).

Для совмѣстной пересылки взносовъ въ Аѳины сосѣднія общины или колоніи съ метрополіями часто составляли соединенія (*синтеліи*—*συντέλειαι*).

До 454 г. дань поступала въ союзную кассу на о. Делосѣ, съ 454 г. касса перенесена была въ Аѳины. Завѣдывали кассою

---

*) Въ 454 г. цифра сборовъ по эпиграфическимъ даннымъ равнялась 525 тал. (Cavaignac, p. XLIII), а въ 441 г.—только 435 тал. (ib. 92).

**) *Cavaignac*, p. 131.

***) Хотя относительно этого термина существуютъ и другія мнѣнія въ наукѣ. См. *Busolt*, o. c., III, 1, 207—209, пр. 4.

и на Делосѣ, и въ Аѳинахъ 10 эллинотаміевъ (*ἑλληνοταμίαι*— „казначеи эллиновъ"—*Thuc.* I 96, 2). Эти эллинотаміи съ самаго начала существованія союза выбирались аѳинскимъ народнымъ собраніемъ сообразно 10 клисѳеновымъ филамъ. Эллинотаміи производили и расходованіе денегъ согласно распоряженіямъ совѣта и народнаго собранія.

Но въ Аѳинахъ, кромѣ этой союзной кассы, существовало еще болѣе древнее центральное казначейство, именовавшееся *сокровищницей Богини Аѳины* (*'Οπισθόδομος*). Сюда поступали различныя суммы: 1) $^1|_{60}$ часть (1 мина съ каждаго таланта)— взносовъ союзниковъ, 2) штрафныя суммы, 3) $^1|_{10}$ часть стоимости конфискованныхъ имуществъ, 4) $^1|_{10}$ военной добычи, 5) арендныя деньги съ храмовыхъ имуществъ и т. п. Сюда же шли и всѣ избытки изъ союзной кассы *). Управляли этой сокровищницей особые 10 казначеевъ Богини (*οἱ τῆς θεοῦ ταμίαι*), избираемые народнымъ собраніемъ по одному на филу изъ класса пентикосіамедимновъ (эта должность существовала уже въ эпоху Солона—см. выше стр. 177). Изъ сокровищницы Богини государство по постановленію народнаго собранія могло дѣлать займы, по которымъ оно платило проценты. Такимъ образомъ сокровищница Богини въ Аѳинахъ играла роль какъ бы банка по отношенію къ Аѳинскому государству.

Очень важное значеніе имѣло образованіе Аѳинскаго союза, а затѣмъ Аѳинской державы въ экономическомъ отношеніи. Установленіе единой власти на всемъ пространствѣ Эгейскаго моря, конечно, весьма способствовало оживленію морскихъ сношеній. Полезно было и то, что аѳиняне распространяли свою монетную систему и прививали единство мѣры и вѣса. Аѳинскіе суды способствовали установленію единообразія въ правѣ.

Однако слѣдуетъ считаться съ тѣмъ, что аѳиняне въ своей торговой политикѣ преслѣдовали и своекорыстныя цѣли. Такъ

---

*) Относительно сокровищницы Богини въ наукѣ нѣтъ полнаго согласія. *Кирхгофъ*, *Бузольтъ* и др. склонны считать это казначейство не государственнымъ. Но еще *А. Бёкъ* (см. выше стр. 27) доказывалъ, что это казначейство было государственнымъ. Точку зрѣнія Бёка съ большимъ успѣхомъ защищалъ *Ю. Белохъ* въ Rhein. Mus. XXXIX (1884) и XLIII. *Cavaignac* (p. 92) полагаетъ, что государственное казначейство и сокровищница Богини слились около 440 г., что и дало возможность Ѳукидиду (II 13) говорить объ общей суммѣ фондовъ, равной 6000 тал. Б. Д. Грековъ очень удачно проводитъ параллель между ролью Дома св. Софіи въ Новгородѣ и кассы Аѳинъ въ Аѳинахъ, какъ государственныхъ казначействъ („Домъ св. Софіи", Пт., 1914 стр. 236).

они запретили вывозить съ о. Кеоса тамошнюю желѣзную руду куда-либо кромѣ Аѳинъ; они не допускали выдачи ссудъ подъ корабли, которые везли товары не въ Аѳины.

Такъ на Эгейскомъ морѣ создалось значительное, по тогдашнему масштабу, государство, рѣзко измѣнившее картину политическихъ отношенiй въ этомъ культурномъ районѣ.

Экономическiя перемѣны въ Грецiи подъ влiянiемъ побѣдъ надъ Персами.

Кромѣ полическихъ слѣдствiй греко-персидскiя войны имѣли существенныя послѣдствiя и въ хозяйственной жизни грековъ. Освобожденiе iонiйскихъ колонiй въ М. Азiи установило болѣе тѣсный торговый обмѣнъ между восточнымъ и западнымъ побережьемъ Эгейскаго моря. Далѣе, война ослабила значенiе персидскихъ подданныхъ—финикiянъ на морѣ и усилила значенiе грековъ. Наконецъ, образованiе могущественной Аѳинской державы, обладавшей сильнымъ военнымъ флотомъ, обезпечило, какъ мы уже видѣли, свободный торговый обмѣнъ на Эгейскомъ морѣ и даже за его предѣлами. Но не всѣ греки одинаково выиграли отъ этихъ результатовъ войны: политически отрѣзанные отъ внутреннихъ областей М. Азiи iонiйскiе города утратили прежнее значенiе. Напротивъ, европейская Грецiя (Аѳины, Эгина, Коринѳъ) выиграла, благодаря развитiю своихъ морскихъ силъ и въ отношенiи торговли (большую роль сыграло и то обстоятельство, что какъ разъ въ V вѣкѣ начинаютъ особенно быстро развиваться западныя колонiи, отъ оживленiя торговыхъ сношенiй съ которыми выигрываетъ именно европейская Грецiя). *Лишь съ этихъ поръ Аѳины вполнѣ превращаются изъ земледѣльческаго въ торгово-промышленное государство.* Хлѣбъ Аѳины и другiе торгово-промышленные центры получаютъ теперь съ нынѣшняго юга Россiи, изъ Сицилiи и даже изъ Египта.

Мы увидимъ, что вслѣдствiе этого военныя предпрiятiя Аѳинъ стали простираться и на Египетъ, и на югъ Россiи, и на Сицилiю.

Сицилiя также стала выдвигаться экономически вслѣдствiе роста торговыхъ сношенiй съ бассейномъ Эгейскаго моря.

Демократизацiя аѳинскаго строя.

Подъ влiянiемъ персидскихъ войнъ, съ одной стороны, а съ другой—подъ влiянiемъ превращенiя Аѳинъ изъ небольшой области въ пространную Аѳинскую державу произошли довольно серьезныя перемѣны во внутреннемъ строѣ Аттики.

Что же произошло въ Аттикѣ въ изучаемый періодъ времени? Происходитъ *дальнѣйшее развитіе демократіи*, но нельзя думать, что оно идетъ послѣдовательно, безъ скачковъ.

Въ 470-хъ руководителями аѳинской демократической партіи были, какъ мы видѣли выше, Аристидъ и Ѳемистоклъ. Въ 460-хъ годахъ вождемъ демократической партіи дѣлается Эфіальтъ, а аристократической—руководитель борьбы съ персами этого періода Кимонъ, сынъ Мильтіада. Сначала, пока опасность со стороны персовъ была еще значительна, партійная борьба не обострялась чрезмѣрно, хотя и приводила къ такимъ фактамъ, какъ изгнаніе Ѳемистокла (ок. 470 г.). Но послѣ побѣды при Эвримедонтѣ (ок. 470 г.), когда непосредственная опасность со стороны персовъ была устранена, демократическая партія взяла рѣшительный верхъ.

Демократизація архонтата и реформа ареопага. Уже между Мараѳонской битвой и нашествіемъ Ксеркса былъ сдѣланъ существенный шагъ въ сторону демократизаціи аѳинскихъ учрежденій: въ 487 г. *возстановлено избраніе архонтовъ по жребію.* (*Arist.* *'Aϑ π.* 22, 5). Жеребьевка была въ употребленіи еще при Солонѣ, но Писистратъ, руководствуясь интересами своей личной политики, отмѣнилъ этотъ способъ избранія, замѣнивъ его системой выборовъ. Теперь жеребьевка возстановляется, и примѣненіе жребія при выборахъ стало разсматриваться, какъ одна изъ важнѣйшихъ опоръ демократическаго строя, хотя прежде жребій не имѣлъ этого значенія (см. выше стр. 178, пр. 1). Въ эпоху пентеконтаэтіи въ избраніи архонтовъ мы видимъ еще болѣе важную перемѣну. Въ 457 г., какъ это выяснено у Аристотеля въ „Аѳинской Политіи“ (26, 2), къ архонтату стали *допускаться и зевгиты*, которые по Солоновой конституціи къ этой магистратурѣ доступа не имѣли. Теперь зевгиты, соотвѣтствующіе по своему имущественному положенію крестьянству, въ этомъ отношеніи уравниваются съ двумя высшими классами. Что касается 4-го класса, то юридически никогда ѳеты не были допущены къ архонтату, но фактически къ эпохѣ Аристотеля они допускались къ этой должности; только при докимасіи, т. е. при опредѣленіи права даннаго лица занимать должность, они не должны были называть себя ѳетами (*'Aϑ. π* 7, 4). Такимъ образомъ фактически и ѳеты впослѣдствіи допускались къ архонтату. Позднѣе—въ какомъ году, неизвѣстно—выборы архонтовъ по жребію были распространены и на вторую стадію выборовъ. Прежде архонты выбирались по жребію изъ 100 кандидатовъ

выбранныхъ не жребьевкой, а голосованіемъ по филамъ, но позднѣе и въ филахъ стала употребляться жеребьевка. Время этого измѣненія неизвѣстно,—можно думать только, что оно имѣло мѣсто въ эпоху расцвѣта демократіи и было уже на лицо при Аристотелѣ. Такимъ образомъ, въ архонты сначала допускается третій классъ, позднѣе неизвѣстно, въ какое время,— 4-ый. Жеребьевка вводится сначала во 2-ой стадіи, потомъ распространяется и на первую. Таковы перемѣны въ положеніи архонтата въ эпоху 60-лѣтія отъ Мараѳонской битвы до начала пелопоннесской войны.

Далѣе, слѣдуетъ остановиться на *реформѣ ареопага*. Благодаря трактату Аристотеля (гл. 25, 1) стало ясно, что въ эпоху греко-персидскихъ войнъ пріобрѣло вліяніе учрежденіе, которое съ эпохи Солона было, повидимому, обречено на ослабленіе,—это ареопагъ. Причина его новаго возвышенія заключается въ томъ, что ареопагъ былъ сравнительно болѣе централизованнымъ учрежденіемъ, число членовъ его было не такъ многочисленно, и поэтому въ эпоху борьбы съ персами, когда потребовалась централизація силъ, онъ сдѣлался объединяющимъ и направляющимъ органомъ аѳинской политики. Однако онъ продолжалъ оставаться нѣкоторымъ оплотомъ аристократическаго теченія въ обществѣ. Конечно, ареопагъ къ этой эпохѣ нѣсколько демократизировался, но нужно помнить что съ эпохи Писистрата онъ пополнялся не жребьевкой, а изъ лицъ избранныхъ голосованіемъ. Какъ мы говорили ранѣе, въ ареопагъ вступали архонты, отслужившіе свой срокъ, а эти послѣдніе съ эпохи Писистрата до 487 г. избирались голосованіемъ, а не жеребьевкой. Отсутствіе жеребьевки вело къ тому, что члены его являлись людьми болѣе независимыми, не случайно попавшими сюда, такъ какъ въ архонты избирали до 487 г. лицъ болѣе вліятельныхъ. Такъ какъ докимасія членовъ ареопага принадлежала самому же ареопагу, то, значитъ, онъ оказывалъ вліяніе на самопополненіе. Все это вело къ тому, что въ эпоху греко-персидскихъ войнъ ареопагъ выдвинулся, какъ наиболѣе централизованное и вліятельное учрежденіе. Естественно, что вожди аѳинской демократіи направляютъ свое вниманіе на борьбу съ нимъ. Эту борьбу предпринимаетъ *Эфіальтъ* около 462, т. е. ранѣе допущенія зевгитовъ къ жребьевкѣ въ архонты. Предложенная имъ реформа была принята и сводилась къ тому, что у ареопага была отнята функція блюстителя законовъ, онъ лишается права привлекать гражданъ къ отвѣтственности за ихъ нарушеніе. Съ этихъ поръ ареопагъ продолжаетъ существовать

только, какъ уголовный судъ о предумышленномъ убійствѣ; что же касается его функцій по отношенію къ наблюденію за законами, то онѣ переходятъ частью къ совѣту, частью къ расширенному въ то время институту присяжныхъ (*геліастовъ*).

Зачатки этого института видимъ еще въ эпоху Солона въ формѣ дикастерій, но до V в. о функціяхъ ихъ свѣдѣній мы не имѣемъ. Въ V в. является судъ присяжныхъ—знаменитая *аѳинская геліея* (члены геліеи назывались геліастами). Рядомъ съ народнымъ собраніемъ это самый важный органъ аѳинской демократіи, и съ нимъ придется считаться въ разныхъ сферахъ жизни аѳинскаго государства. Ежегодно выбиралось по жребію по филамъ 6000 гражданъ (по 600 изъ каждой филы): изъ нихъ было 5000 очередныхъ присяжныхъ засѣдателей и 1000 запасныхъ. 5000 очередныхъ присяжныхъ раздѣлялись на 10 палатъ, такъ называемыхъ, дикастерій, такъ что въ каждую дикастерію входило по 500 человѣкъ. Къ геліеѣ переходятъ всѣ функціи ареопага, кромѣ дѣлъ о предумышленномъ убійствѣ. Въ то же время она играетъ весьма важную роль въ области законодательства: ей же принадлежитъ контроль надъ должностными лицами. Аѳинское собраніе можетъ дѣлать только „постановленія"—псефисмы (*ψηφίσματα*), законы же (**νόμοι**) проходятъ чрезъ комиссію геліеи.

Вѣроятно, въ связь съ ограниченіемъ судебной компетенціи ареопага можно поставить и возстановленіе института „*судей по демамъ*" (**δικασταὶ κατὰ δήμους**), введенныхъ еще Писистратомъ, но затѣмъ исчезнувшихъ. Этотъ доступный для населенія дешевый судъ былъ возстановленъ въ 453 г.

Вскорѣ послѣ реформы ареопага (ок. 461 г.) Эфіальтъ палъ отъ руки убійцъ; есть основаніе предполагать, что убійство было организовано аристократической партіей, которой были ненавистны реформы Эфіальта. Но съ его смертью дѣло его не умерло, онъ нашелъ себѣ продолжателя въ лицѣ *Перикла*—своего сотрудника. Аристократическая партія потерпѣла напротивъ уронъ: ея вождь Кимонъ былъ изгнанъ остракизмомъ и четыре года (461—457 г.) находился въ изгнаніи. Причины изгнанія Кимона заключались не только въ его противодѣйствіи реформѣ ареопага (*Plut.* Kim. 15), но и въ неудачахъ его примирительной политики по отношенію къ Спартѣ (объ этомъ см. ниже).

Эпоха Перикла (прибл. 457—429 г.).

Пятилѣтіе послѣ смерти Эфіальта и изгнанія Кимона было занято осложненіемъ дипломатическихъ отношеній со Спартой и

борьбой съ Персіей въ далекомъ Египтѣ (объ этомъ см. ниже). Поэтому партійная борьба въ Аѳинахъ, повидимому (наши источники скудны), ослабѣла. Въ 457 г. Кимонъ вернулся изъ изгнанія и сталъ вновь во главѣ аристократической партіи. Противъ него выступаетъ, какъ вождь демократіи, Периклъ (прибл. съ 457 г.). Идетъ ожесточенная борьба между партіями. Однако демократической партіи подъ руководствомъ Перикла удается въ 457 г. провести допущеніе къ архонтату зевгитовъ (см. выше стр. 236), а въ 453—возстановить судей по демамъ (выше стр. 238).

Въ 449 г. *Кимонъ* умеръ, и во главѣ аристократовъ сталъ *Ѳукидидъ, сынъ Мелесія*, родственникъ Кимона. Побѣда, въ концѣ концовъ, осталась всецѣло за Перикломъ. Ок. 449 г. Ѳукидидъ былъ изгнанъ, и послѣ его изгнанія начинается почти безпрепятственная дѣятельность Перикла въ направленіи демократизаціи Аѳинъ.

Периклъ является продолжателемъ Клисѳена, Ѳемистокла, Аристида и Эфіальта. Съ этой точки зрѣнія онъ не можетъ разсматриваться, какъ геніальный основатель аѳинской демократіи, онъ только продолжатель начатаго другими дѣла, но это не значитъ, что Периклъ не внесъ въ демократическое движеніе ничего новаго. Заслуга его въ томъ, что онъ упрочилъ демократическій строй, сдѣлавъ его изъ демократическаго de jure демократическимъ de facto. Событія римской исторіи наглядно показываютъ, какъ далеко можетъ отстоять осуществленіе демократическаго строя на практикѣ отъ признанія его въ теоріи. Въ теоріи въ Римской республикѣ II—I вв. до Р. Х. существовалъ демократическій строй, на практикѣ же власть сосредоточивалась въ рукахъ немногихъ. Причина такого противорѣчія заключалась въ томъ, что только немногіе граждане могли удѣлять значительное количество времени политическимъ дѣламъ. Периклъ въ своей дѣятельности и стремится къ тому, чтобы сдѣлать демократическій строй осуществимымъ на практикѣ, чтобы дать возможность малосостоятельнымъ аѳинскимъ гражданамъ принимать участіе въ управленіи государствомъ, чего онъ достигаетъ путемъ введенія жалованья сначала для присяжныхъ засѣдателей. Отвлекая ежемѣсячно нѣсколько сотъ человѣкъ отъ текущихъ дѣлъ для работы въ геліеѣ (правда, они засѣдали не непрерывно, но зато всегда могли быть отвлечены отъ своего дѣла для участія въ судѣ), Периклъ долженъ былъ обезпечить имъ существованіе, и мы видимъ, что съ эпохи Перикла геліасты получаютъ вознагражденіе (ἡλιαστικόν). Это важный принципъ для развитія аѳинской демократіи.

Приходится думать, что и плата за службу въ совѣтѣ 500 реформированномъ Клисѳеномъ (*βουλευτικόν*), тоже ведетъ свое начало отъ этой эпохи. Дата введенія булевтикона—неизвѣстна но отъ Аристотеля мы знаемъ, что уже въ 411 г. она существовала,—слѣдовательно, возникла, во всякомъ случаѣ, до Пелопоннесской войны: врядъ ли она могла возникнуть въ эпоху войны, когда ощущалась особенная нужда въ деньгахъ.

Периклъ вводитъ также *στρατιωτικόν*, т. е. плату за отправленіе службы въ войскѣ. Ранѣе аѳинская военная организація была тѣсно связана съ имущественнымъ цензомъ, ее можно сравнить съ центуріатной организаціей древняго Рима Военная служба требовала извѣстной состоятельности. Для отбыванія воинской повинности нужно было имѣть своего коня или свое тяжелое вооруженіе. Въ эпоху греко-персидскихъ войнъ пришлось привлечь къ военной службѣ и малоимущіе классы населенія, и вотъ для того, чтобы обезпечить возможность служить въ войскѣ всѣмъ гражданамъ, при Периклѣ вводится жалованіе солдатамъ.

Кромѣ того, слѣдуетъ упомянуть еще новый видъ вознагражденія, такъ называемый ѳеориконъ (*θεωρικόν*)—театральную плату: она важна, какъ симптомъ демократической политики Перикла. Цѣль ея—дать возможность населенію пользоваться театральными зрѣлищами во время праздниковъ. Ѳеориконъ—это небольшая сумма, выдаваемая бѣднѣйшему населенію на посѣщеніе театра.

Это—одна сторона политики Перикла.

Другая сторона ея имѣетъ тоже соціальный характеръ—это его *постройки*. Историки искусства отмѣчаютъ ихъ художественный характеръ. Но Парѳенонъ, Пропилеи, рядъ общественныхъ зданій, сооруженныхъ при Периклѣ, интересны не только съ точки зрѣнія искусства; тутъ была и другая сторона—именно соціальная. Предпринимая свои постройки, Периклъ тѣмъ самымъ давалъ заработокъ мало состоятельнымъ слоямъ населенія,—въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ Писистрата. Эта черта отмѣчается древними историками (*Plut* Pericl. 12) и подтверждается эпиграфическими данными (отчеты по постройкамъ), которыя показываютъ, что Периклъ давалъ возможность получать бѣдному свободному населенію заработокъ

Такое же значеніе имѣлъ и выводъ колоній (*клерухій*)—на о. Эвбею (въ Халкиду) и во многіе союзные города Эгейскаго моря, во Ѳракію (Брея, Амфиполь, Херсонесъ Ѳракійскій), даже на Черное море (Синопъ) и въ Италію (Ѳуріи)

такъ что колонизаціонная дѣятельность Перикла была очень широка. Этимъ путемъ онъ давалъ возможность существовать малоземельнымъ элементамъ населенія, обезпечивая имъ полученіе участковъ земли (отсюда и самое названіе клерухій отъ κλῆρος — участокъ и ἔχω—имѣю). Нарѣзанные въ колоніяхъ участки дѣлились между аѳинскими гражданами по жребію. Правда, союзниковъ эти клерухіи очень раздражали, такъ какъ часто онѣ направлялись въ ихъ владѣнія, по большей части послѣ усмиренія (о. Наксосъ, эвбейскіе города въ 446 г. и проч.).

Чѣмъ обусловливалось вліяніе Перикла? Объяснять его тѣмъ, что Периклъ занималъ опредѣленную должность,—нельзя. Правда, онъ много разъ переизбирался стратегомъ, но вѣдь стратеговъ было 10 человѣкъ, и выдвинуться только благодаря этой должности было бы трудно. Уже въ первые годы своей дѣятельности Периклъ завоевалъ себѣ симпатіи своимъ краснорѣчіемъ, которое было основано не столько на красивыхъ ораторскихъ пріемахъ, сколько на логичности и убѣдительности *), и, затѣмъ, самый характеръ его политики привлекалъ аѳинскій демосъ на его сторону. Его вліяніе вытекало не столько изъ занимаемаго имъ должностнаго, оффиціальнаго положенія, сколько изъ личныхъ его свойствъ и обаянія, которое онъ производилъ на народъ.

Мы уже имѣли возможность убѣдиться, что большую роль въ организаціи аѳинской демократіи сыграли греко-персидскія войны. Напряженіе, которое аѳиняне вынесли въ эпоху этихъ войнъ, заставило привлечь къ несенію воинской повинности, особенно къ службѣ во флотѣ, низшіе слои населенія, и поэтому высшіе его классы принуждены были сдѣлать имъ уступки, какъ, напр., допустить къ архонтату; съ другой стороны, морская побѣда надъ персами упрочила господство Аѳинъ на Эгейскомъ морѣ. Аѳинская торговля на Эгейскомъ морѣ теперь, въ сущности, не имѣетъ конкурентовъ. Увеличеніе торговли и, въ связи съ этимъ, матеріальныхъ средствъ даетъ возможность всѣмъ аѳинскимъ гражданамъ заниматься политикой. Такимъ образомъ, экономическій подъемъ способствовалъ росту демократіи, т. е. доступу къ власти всѣхъ слоевъ безъ различія происхожденія. Превращеніе Аѳинъ въ державу дало возможность перейти къ системѣ вознагражденія.

---

*) Характеръ его рѣчей передаетъ Ѳукидидъ.

На какія же средства Периклъ могъ создать эту систему оплатъ, построекъ и обширной колонизаціи? Эти средства находились въ силу того, что богатѣли сами аѳиняне. Но еще болѣе важный источникъ доходовъ создавался благодаря эксплоатаціи союзниковъ. Дань (φόρος), наполнявшая аѳинскую казну, давала возможность осуществить демократическую форму правленія на практикѣ. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему развитіе демоктатіи въ Аѳинахъ шло полнѣе и быстрѣе, чѣмъ въ другихъ греческихъ государствахъ.

Общая характеристика аѳинской демократіи въ періодъ ея расцвѣта.

Прежде всего приходится подчеркнуть то, о чемъ уже было говорено выше,—именно: когда мы говоримъ, что демократія классической Греціи вполнѣ развилась въ Аѳинахъ, то нужно помнить, что означенное понятіе остается условнымъ. Подсчетъ числа жителей Аттики въ V в., сдѣланный Белохомъ, даетъ цифру 235 тысячъ, но лишь 105.000 изъ этого числа были дѣйствительными гражданами, а 130.000 составляли безправный въ политическомъ отношеніи элементъ населенія: 100.000 приходилось на рабовъ и 30.000 на метековъ. Слѣдовательно, политическими правами пользовалось менѣе половины населенія *). Аттика, конечно, демократическое государство по сравненію, напр., съ Лаконіей, но если сравнить ее съ современными демократіями, то она, конечно, не подойдетъ подъ эту рубрику.

Если мы расширимъ понятіе демократіи и возьмемъ Аѳинскую державу, то увидимъ, что аѳинскіе союзники стали подданными; хотя аѳиняне и поддерживали демократію въ союзныхъ общинахъ, но этотъ демократизмъ не выходилъ за предѣлы данной общины: будучи гражданами своей общины, союзники не были таковыми въ Аѳинской державѣ.

По отношенію къ своимъ союзникамъ аѳиняне были въ сущности аристократами. Такимъ образомъ Аѳинскую демократію не приходится идеализировать, какъ это дѣлалъ Джорджъ Гротъ, но, тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія греческаго госу-

---

*) *Эд. Мейеръ* (въ Forschungen zur alten Geschichte и въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 3-е изд., подъ словомъ Bevölkerung) въ своихъ вычисленіяхъ нѣсколько повышаетъ эти цифры. Онъ опредѣляетъ число жителей Аттики въ 350,000, изъ нихъ гражданъ—170,000, метековъ 40,000 и рабовъ 100—150 тысячъ. Но отношеніе числа гражданъ къ числу негражданъ и у него почти то же, что у Белоха.

дарственнаго права, аѳинская демократія была демократіей, такъ какъ всѣ граждане имѣли одинаковое участіе въ осуществленіи государственной власти.

Всѣ, включенные въ гражданскую общину, имѣютъ гражданскія права, но эта община крайне эгоистична. Въ 450 г. аѳинской демократіей въ періодъ ея расцвѣта проведена мѣра мало демократическая. При Клисѳенѣ былъ облегченъ доступъ въ ряды гражданъ негражданамъ, много метековъ и даже рабовъ включено было въ филы. Теперь аѳинскій демосъ очень стѣсняетъ доступъ въ свою среду. Моммзенъ говорилъ, что римскіе граждане разсматривали свое право гражданства, какъ акцію, которая даетъ право участвовать въ прибыли. То-же можно сказать и объ аѳинскихъ гражданахъ: они не желали дѣлиться выгодами своего положенія съ другими *). Въ 450 г., по предложенію Перикла, послѣдовалъ пересмотръ гражданскихъ правъ лицъ, претендовавшихъ на права аѳинскаго гражданства **). Было постановлено, что гражданами могутъ считаться только тѣ лица, у которыхъ отецъ и мать были аѳиняне. Многіе имѣли только одного изъ родителей аѳинянина, и поэтому до 5000 лицъ лишились правъ гражданства. Многимъ пришлось удалиться изъ Аѳинъ. Аѳинская община крайне ревниво заботится о равноправіи своихъ членовъ, но недоброжелательно относится къ поступленію въ ея среду постороннихъ.

Всѣ эти оговорки нужно помнить, но были стороны, которыя позволяютъ считать Аѳинское государство демократіей: 1) всѣ граждане участвовали въ главныхъ аѳинскихъ органахъ законодательства, управленія и суда; 2) по большей части практиковалось избраніе на должности по жребію, что являлось мѣрой вполнѣ демократической ***); 3) въ Аѳинахъ практиковали принципъ вознагражденія за несеніе государственныхъ функцій. Все это ведетъ къ тому, что аѳинское государство V вѣка, съ греческой точки зрѣнія, приходится считать демократіей.

Кромѣ упомянутыхъ выше видовъ вознагражденія гражданъ за отправленіе различныхъ государственныхъ функцій, слѣдуетъ указать еще на вознагражденіе за посѣщеніе народнаго собранія (*ἐκκλησιαστικόν*). Послѣ окончанія пелопоннесской войны,

---

*) Ораторъ IV в. Эсхинъ въ одной изъ своихъ рѣчей (*Aesch.* III 251) говоритъ, что аѳиняне возвращаются изъ народнаго собранія точно съ засѣданія товарищества, на которомъ они дѣлили прибыль.

**) *Aristot.* Ἀθ. π. 26. 4; *Plut.* Pericl. 37.

***) О значеніи избранія по жребію см. выше стр. 178, пр. 1.

съ 395 г., устанавливается вознагражденіе даже за посѣщеніе народнаго собранія—первоначально въ размѣрѣ 1 обола въ день, позднѣе оно было увеличено до 3-хъ оболовъ, а въ эпоху Аристотеля достигало уже 1 драхмы *) за посѣщеніе очередного собранія и 1½ др. за посѣщеніе прочихъ **).

Такимъ образомъ всѣ виды отправленія политическихъ обязанностей неимущими гражданами оплачивались.

Въ результатѣ получилось, что въ Аѳинахъ ежегодно кормилось отъ государства въ качествѣ членовъ совѣта, судей, другихъ должностныхъ лицъ въ Аттикѣ и союзныхъ городахъ, стражниковъ, воиновъ очень большое количество лицъ. Аристотель насчитываетъ ихъ число до 20,000 чел. (*Ἀθ. π* 24. 3) и называетъ эти отношенія—„кормленіемъ народа“ (*ἡ μὲν οὖν τροφὴ τῷ δήμῳ διὰ τούτων ἐγίγνετο*—ib. 25, 1).

Однако не нужно и преувеличивать значеніе оплаты должностей для аѳинской демократіи. Система оплатъ дѣйствительно давала возможность небогатымъ гражданамъ принимать участіе въ государственномъ управленіи. Но теперь выяснено ***), что такое вознагражденіе, какъ 5 оболовъ, которыя платили члену совѣта въ эпоху Аристотеля (*Ἀθ. π* 62, 2; пританамъ платилась 1 драхма), было достаточно для существованія лишь холостого человѣка; для большинства же взрослыхъ аѳинянъ, обзаведшихся семьей, этого вознагражденія хватало лишь въ томъ случаѣ, если они имѣли еще какіе-либо доходы помимо личнаго труда, которымъ они не могли заниматься во время пребыванія въ должности. Поэтому руководство государственными дѣлами въ Аѳинахъ находилось по большей части въ рукахъ средняго класса, и немалую роль здѣсь играли люди прямо богатые. Даже въ народныхъ собраніяхъ пролетаріатъ вовсе не былъ господствующимъ, ибо семейные бѣдняки не могли посѣщать регулярно народное собраніе, слишкомъ часто собиравшееся. *Только въ моменты острыхъ экономическихъ кризисовъ городской пролетаріатъ бралъ верхъ и занималъ руководящее положеніе.* Подобные моменты имѣли мѣсто въ эпоху пелопоннесской войны. Въ такіе моменты занимали даже неоплачиваемую должность стратега люди бѣдные ****). Но какъ

---

*) Въ драхмѣ было 6 оболовъ, 100 драхмъ составляли мину, 60 минъ—1 талантъ. Драхма въ эту эпоху=прибл. 40 коп.

**) *Arist.* Ἀθ. π. 41, 3 и 62, 2.

***) *Francotte*, L'industrie dans la Grèce ancienne, I 340.

****) См. цитируемое ниже сочиненіе *Sundwall'я*, стр. 21, пр. 4.

только миновалъ моментъ кризиса, возстановленіе обычныхъ экономическихъ отношеній вело къ тому, что средній классъ и зажиточные люди опять занимали руководящее положеніе. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей *) на основаніи обширнаго эпиграфическаго матеріа (списковъ членовъ совѣта и т. п.) IV в. доказалъ, что зажиточные люди составляли въ этомъ вѣкѣ значительную часть совѣта, что стратеги выбирались почти всегда изъ богатыхъ людей, что въ мѣстномъ самоуправленіи въ демахъ тоже руководящее положеніе занимали люди зажиточные.

Такимъ образомъ введеніе принципа оплаты должностей вовсе не создавало въ Аѳинахъ постояннаго господства пролетаріата.

Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію организаціи аѳинской демократіи въ частностяхъ. Главнымъ органомъ ея было *народное собраніе—экклесія* (**ἐκκλησία**), число засѣданій которой первоначально равнялось десяти. Впослѣдствіи 10-ти очередныхъ народныхъ собраній оказалось недостаточно, и число ихъ было увеличено до 40. Отсюда видно, какъ важно было введеніе въ Аѳинскомъ государствѣ оплаты исполненія политическихъ обязанностей: такъ часто отрывать отъ обычной работы малоимущихъ гражданъ безъ всякаго вознагражденія было нельзя. Нужно принять въ разсчетъ и то обстоятельство, что, кромѣ очередныхъ собраній (**νόμιμαι, κύριαι**), можно было созывать и экстренныя (**σύγκλητοι, κατάκλητοι**). Экклесія созывалась герольдами. За 5 дней до открытія совѣтъ (собственно одна десятая часть его) долженъ былъ выставить списки дѣлъ, подлежащихъ обсужденію въ народномъ собраніи. Предсѣдательствованіе въ собраніи фактически принадлежало пританіи,—коллегіи изъ 50 членовъ совѣта, т. е. одной десятой его части, которую въ слѣдующій мѣсяцъ смѣняла другая пританія и т. д. Въ самой экклесіи право голоса принадлежало каждому гражданину, который былъ „эпитимосъ“ (**ἐπίτιμος**), т. е. обладалъ всѣми гражданскими правами (**ἄτιμοι**—назывались граждане, лишенные гражданскихъ правъ). Участвующіе въ народномъ собраніи пользовались полной свободой слова. Запрещалось только употребленіе бранныхъ выраженій, также непристойныхъ и угрожающихъ жестовъ, за каковые проступки говорящій могъ быть лишенъ слова и даже подвергнутъ штрафу до 50 драхмъ.

---

*) **Sundwall**, Epigraphische Beiträge zur sozial-politischen Geschichte Athens im Zeitalter des Demosthenes—4. Beiheft къ журн. Klio, 1906.

Народное собраніе вѣдало всѣ крупныя дѣла: 1) подъ его контролемъ находились международныя сношенія, отъ него зависѣло заключеніе договоровъ, объявленіе войны и заключеніе мира; 2) въ народномъ же собраніи обсуждался бюджетъ, вотировались налоги, опредѣлялись статьи расходовъ; 3) народному собранію принадлежало право принятія новыхъ лицъ въ среду гражданъ, а также 4) дарованіе наградъ, какъ аѳинскимъ гражданамъ, такъ и иностранцамъ, напр., выдача вѣнковъ, постановка статуй, раздача проксеній *). 5) Народное собраніе, далѣе, издавало постановленія относительно культа, напр., о введеніи новыхъ культовъ, новыхъ празднествъ. 6) Народному собранію принадлежало право избранія всѣхъ должностныхъ лицъ, которыя не избирались по жребію (напр., стратеговъ); наконецъ, 7) въ особенно важныхъ случаяхъ оно выступало въ роли судьи (напр., разбирало доносы по особенно важнымъ государственнымъ преступленіямъ; такіе доносы назывались исангеліей—εἰσαγγελία). Итакъ, компетенція народнаго собранія была весьма разнообразна.

Порядокъ законодательства. Принятыя собраніемъ рѣшенія не были однако законами, постановленія его назывались псефисмами (ψηφίσματα, ед. число—ψήφισμα). Псефисма не есть законъ, не есть νόμος. Что касается законовъ въ собственномъ смыслѣ слова, то въ V в. въ основѣ законодательства лежали законы Дракона, Солона, Клисѳена; если же нарождалась потребность въ новыхъ законахъ, то на этотъ случай существовала особая процедура.

Что псефисма не есть законъ видно изъ того обстоятельства, что если постановленіе—псефисма—народнаго собранія нарушало существовавшіе, ранѣе изданные νόμοι, то всякому гражданину было предоставлено право подать γραφὴ παρανόμων (графе паранómонъ), т. е. обвиненіе въ нарушеніи законовъ. Оно подавалось архонту ѳесмоѳету и затѣмъ шло въ судъ присяжныхъ. Если онъ находилъ это γραφή правильнымъ, т. е. если постановленіе нару-

---

*) Проксеномъ называлось лицо, не принадлежавшее къ составу данной общины, но тѣмъ не менѣе оказавшее ей услугу, за что ему и давалось названіе проксена, т. е. друга даннаго народа. Но проксенія налагала извѣстныя обязанности, правда, чисто моральнаго характера на лицо, получившее ее. Въ своемъ государствѣ проксенъ долженъ былъ оказывать защиту гражданамъ государства, давшаго ему это почетное званіе. Если. напр., аѳиняне давали званіе проксена милетцу, то послѣдній обязанъ былъ защищать аѳинянина въ своемъ отечествѣ—Милетѣ. Такимъ образомъ проксенію можно отчасти сравнить съ современнымъ институтомъ консульства.

шало ранѣе изданные законы, то псефисма признавалась незаконной, не имѣющей силы, а лицо, предложившее это постановленіе и проведшее его, какъ введшее въ обманъ народное собраніе, могло быть приговорено къ высокому штрафу и даже въ особо важныхъ случаяхъ—къ смертной казни. Но если лицо, внесшее обвиненіе, при голосованіи въ судѣ присяжныхъ собирало менѣе одной пятой части голосовъ, то оно въ свою очередь подвергалось штрафу въ 1000 драхмъ. Если три обвиненія со стороны какого-нибудь лица признавались неосновательными, то данное лицо теряло на будущее время право возбуждать *γραφὰς παρανόμων*. Такимъ путемъ народное собранія гарантировалось отъ поступленія вздорныхъ обвиненій. Вотъ какія мѣры принимались въ Аѳинской республикѣ противъ возможности легкомысленнаго законодательства; всякій долженъ былъ помнить, что если его предложеніе противорѣчитъ существующимъ законамъ, то онъ можетъ подвергнуться преслѣдованію. Но, чтобы не убить окончательно всякой инициативы и избавить лицо, проведшее то или иное постановленіе отъ непріятнаго положенія человѣка, надъ которымъ виситъ Дамокловъ мечъ обвиненія, было постановлено, что возбудить преслѣдованіе противъ лица, проведшаго хотя бы противозаконное постановленіе, можно только въ теченіе перваго года послѣ того, какъ оно было проведено, но никакъ не позднѣе и, кромѣ того, обвинитель подъ страхомъ штрафа долженъ былъ обосновать свое обвиненіе *).

Но вѣдь общество не стоитъ на одномъ уровнѣ, общественная жизнь постоянно развивается, возникаютъ новыя потребности, запросы, старыя законодательныя нормы перестаютъ удовлетворять предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ,—что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Какъ разрѣшить возникающее, при наличности вышеупомянутаго постановленія, затрудненіе, когда законы не соотвѣтствуютъ новымъ потребностямъ и когда ихъ нужно замѣнить новыми? Вѣдь если прямо внести предложеніе объ измѣненіи закона, то лицо, внесшее его, подвергнется преслѣдованію по *γραφῇ παρανόμων*, такъ какъ своимъ предложеніемъ оно нарушаетъ существующіе законы. Конечно нуженъ выходъ. И вотъ съ теченіемъ времени была создана *процедура изданія новыхъ законовъ*—процедура, по своей сложности не

*) Γραφὴ παρανόμων существовала уже въ эпоху Пелопоннесской войны—*Arist.* Ἀθ. π. 29, 4; *Thuc.* VIII 67. Нѣкоторые связываютъ появленіе этого института съ реформой ареопага 462 г. (см. *Busolt*, III, 1. 279, пр. 3).

уступающая системѣ современныхъ парламентовъ, гдѣ приняты самыя строгія мѣры противъ легкомысленнаго изданія законовъ, въ видѣ, напр., двухъ палатъ, утвержденія законопроектовъ верховной властью, предварительныхъ комиссій, нѣсколькихъ чтеній законопроекта въ каждой палатѣ и т. п.

Уже въ V в. Аѳинская демократія принимала мѣры, чтобы избѣжать легкомысленнаго изданія законовъ. Кромѣ существованія *γραφὴ παρανόμων*, уже въ эпоху пентеконтаэтіи принимались при выработкѣ новыхъ законовъ такія мѣры. Если выяснялась необходимость изданія новаго закона, народное собраніе обычно поручало выработку законопроекта цѣлой комиссіи (*συγγραφεῖς*), которую само и выбрало. Законопроектъ, выработанный этой комиссіей, поступалъ на заключеніе совѣта и лишь послѣ этого шелъ вновь въ народное собраніе, рѣшеніе котораго и было окончательнымъ.

Съ теченіемъ времени законодательная процедура стала еще болѣе сложной и выработавшаяся къ IV вѣку процедура изданія новыхъ законовъ въ Аѳинахъ была такова:

Въ *первомъ очередномъ собраніи*, засѣдавшемъ 11-го гекатомбеона, каждому гражданину предоставлено право безнаказанно вносить предложенія новыхъ законовъ, лишь бы только параллельно съ новыми проектами были указаны и отмѣняемыя статьи старыхъ законовъ. Это первое очередное собраніе въ принципѣ голосовало только,—заслуживаетъ ли данный проектъ вниманія, или нѣтъ. Если собраніе находило проектъ не заслуживающимъ вниманія, то оно могло прямо отвергнуть его; если же, по мнѣнію собранія, проектъ заслуживалъ вниманія, то оно, всетаки, не имѣло права принять его. Въ послѣднемъ случаѣ предложеніе шло въ *совѣтъ*, который и обсуждалъ его. Изъ совѣта предложеніе, вмѣстѣ съ пробулевмой, т. е. съ заключеніемъ совѣта, возвращалось *обратно въ народное собраніе*, именно, въ 3-е собраніе даннаго года, которое второй разъ принципіально высказывалось за или противъ законопроекта. Въ послѣднемъ случаѣ оно могло его отвергнуть, но если высказывалось за него, то принять его всетаки не могло; законопроектъ поступалъ тогда въ *комиссію номоѳетовъ*, состоявшую изъ одной или двухъ дикастерій, т. е. палатъ геліеи (500—1000 чел.). Народное собраніе выбирало 5 синдиковъ (*σύνδικοι* или *συνήγοροι*), на обязанности которыхъ лежало защищать старые законы, предлагаемые къ отмѣнѣ, а авторъ законопроекта долженъ былъ защищать его. Такимъ образомъ въ этой комиссіи, состоящей изъ одной или двухъ дикастерій, происходитъ

нѣчто въ родѣ судебнаго разбирательства: съ одной стороны — авторъ защищаетъ свой проектъ, съ другой—выбранные синдики выступаютъ защитниками старыхъ законовъ, противныхъ новому проекту,—происходитъ нѣкоторое подобіе суда надъ старыми законами. Комиссія номоѳетовъ постановляла окончательное рѣшеніе: предложеніе или отвергалось ею окончательно, или принималось и въ такомъ случаѣ уже дѣлалось закономъ—νόμος. Но и послѣ этого можно было возбудить γραφὴ παρανόμων въ теченіе года, если будетъ обнаружено, что авторъ прошедшаго νόμος'а не перечислилъ всѣ противорѣчившіе ему прежніе законы, пропустилъ нѣкоторые изъ нихъ или не отмѣтилъ. По истеченіи года γραφὴ παρανόμων тоже можно было возбудить, но оно могло повести лишь къ отмѣнѣ закона, а не къ отвѣтственности автора законопроекта.

Такимъ образомъ, аѳинская демократія принимала уже въ V в. мѣры противъ поспѣшнаго законодательства. Потрясенія же, которыя ей пришлось пережить (какъ мы увидимъ ниже) въ эпоху пелопоннесской войны, сдѣлали демосъ еще болѣе осторожнымъ, что и повело къ созданію въ эпоху послѣ пелопоннесской войны только что описанной сложной законодательной процедуры: чтобы сдѣлаться закономъ, проектъ долженъ былъ пройти и быть принятымъ: въ народномъ собраніи, въ совѣтѣ, второй разъ въ народномъ собраніи, затѣмъ—въ комиссіи номоѳетовъ и, всетаки, противъ автора его можно было возбудить γραφὴ παρανόμων.

Существовалъ и другой порядокъ измѣненія законовъ. Дѣло въ томъ, что на архонтовъ-ѳесмоѳетовъ была возложена обязанность слѣдить, чтобы всѣ законы были въ порядкѣ, чтобы не было противорѣчій въ законодательствѣ, и въ силу этого полномочія архонты ежегодно пересматривали дѣйствующіе законы и, если находили противорѣчія, то докладывали объ нихъ народному собранію, которое тогда уже въ выше описанномъ порядкѣ рѣшало,—слѣдуетъ ли ихъ измѣнить или оставить.

Такова процедура измѣненія старыхъ и введенія новыхъ законовъ. Мы видимъ, что судъ присяжныхъ игралъ важную роль, кромѣ чисто судебной, и въ законодательствѣ.

Что касается *совѣта* 500 (βουλή), то онъ избирался по клисѳеновымъ филамъ, по 50 членовъ отъ каждой (всѣхъ филъ было 10). Изученіе надписей, гдѣ перечисляются члены совѣта, подтверждаетъ то мнѣніе, что выборы въ совѣтъ производились такимъ образомъ, что принималась во вниманіе величина представляемыхъ демовъ. Демы, на которые распадались

клисѳеновы филы, были представлены въ совѣтѣ пропорціонально числу гражданъ. Совѣтъ дѣлился на 10 *пританій*, которыя чередовались въ отправленіи своихъ обязанностей. Предсѣдательствовалъ въ пританіи эпистатъ (*ἐπιστάτης*) и 8 симпроэдровъ (*συμπρόεδροι*). Эти 9 лицъ (*πρόεδροι*) избирались жребіемъ. Они же предсѣдательствовали въ экклесіи съ эпистатомъ во главѣ. Совѣтъ велъ всѣ текущія дѣла, разрабатывалъ дѣла, имѣющія поступить въ экклесію (предварительное постановленіе совѣта—*βουλή*—называлось *προβούλευμα*), онъ же наблюдалъ за осуществленіемъ постановленій экклесіи. Кромѣ того, совѣтъ наблюдалъ за соблюденіемъ законовъ и за исполненіемъ обязанностей должностными лицами. Онъ могъ принимать частныя жалобы на должностныхъ лицъ. Въ связи съ этими наблюдательными функціями совѣта стояла и его довольно широкая судебная компетенція, дававшая совѣту право налагать штрафы, арестовывать и даже казнить (это послѣднее право въ эпоху Аристотеля у совѣта было уже отнято—*Ἀθ. π* 45).

Должностныя лица. Изъ нихъ, прежде всего, слѣдуетъ назвать 9 архонтовъ, которые путемъ жребьевки выбирались изъ кандидатовъ, выбранныхъ голосованіемъ по филамъ; какъ мы видѣли, позднѣе была введена система двухъ жребьевокъ: выбирались по жребію не только сами архонты изъ кандидатовъ, но и кандидаты по филамъ тоже выбирались по жребію. Введеніе жребьеваго порядка выборовъ на должности архонтовъ вело къ тому, что архонтатъ утратилъ свое руководящее значеніе. Архонты предсѣдательствовали въ большинствѣ судебныхъ комиссій, вели текущія дѣла, но уже не могли играть большой роли, такъ какъ жребьевка, будучи дѣломъ случая, часто передавала эту должность въ руки лицъ малоспособныхъ.

Стратеги, выбиравшіеся не по жребію, а голосованіемъ (поднятіемъ рукъ—*χειροτονία*), въ V и IV вв. имѣли больше значенія, нежели архонты. Сначала они вели только чисто военныя дѣла, но потомъ къ нимъ перешла часть финансовыхъ исполнительныхъ функцій, вслѣдствіе того, что сборъ войска и его продовольствіе были тѣсно связаны съ финансовыми вопросами. Кромѣ того, такъ какъ между функціями стратеговъ, какъ военачальниковъ, и внѣшней политикой также существовала тѣсная связь,—то впослѣдствіи къ нимъ перешло и руководство внѣшней политикой подъ контролемъ совѣта и народнаго собранія.

Судебная организація. Мы видѣли, что судебную компетенцію имѣли народное собраніе и совѣтъ 500. Но эти учрежденія вѣдали гл. обр. или особенно важныя политическія дѣла

(исангелія, графѐ паранóмонъ), или преступленія по должности. Что касается обычной уголовной компетенціи, то часть уголовныхъ дѣлъ, именно, о предумышленномъ убійствѣ, о поджогахъ, разбиралась *ареопагомъ*. Это, въ сущности, единственная важная функція ареопага, оставшаяся нетронутой.

Дѣла объ убійствѣ непредумышленномъ, дозволенномъ, каковыми считались случаи убійства при самообоpонѣ и тому подобныя,—такія дѣла разбирались въ коллегіи пятидесяти одного эфета, засѣдавшихъ въ четырехъ палатахъ, о которыхъ было говорено подробнѣе по поводу законовъ Дракона *).

Для разбора болѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ существовалъ *судъ присяжныхъ* (геліея—ἡλιαία). Ежегодно избиралось по жребію шесть тысячъ присяжныхъ, изъ нихъ одна тысяча была запасными и пять тысячъ—очередными. Послѣдніе дѣлились на десять палатъ или дикастерій. Обыкновенно дѣла разбирались одной палатой, и только въ особенно важныхъ случаяхъ засѣдали вмѣстѣ двѣ и даже болѣе палатъ. Иногда напротивъ палаты дробились (засѣдало 200—400 человѣкъ). Порядокъ засѣданій палатъ опредѣлялся жребіемъ, такъ что нельзя было напередъ знать, какая изъ нихъ будетъ разбирать то или другое дѣло, чѣмъ устранялась возможность подкуповъ.

Судъ присяжныхъ, какъ это мы видѣли выше, принималъ участіе и въ законодательствѣ. Ему принадлежала также *докимасія* кандидатовъ въ должностныя лица, избираемыхъ по жребію; только докимасія членовъ совѣта принадлежала самому совѣту (докимасія архонтовъ производилась передъ геліэею и совѣтомъ вмѣстѣ—*Arist.* Ἀϑ. π 45, 3). Докимасія сводилась къ тому, чтобы опредѣлить, имѣетъ ли данное лицо право занимать извѣстную должность по своему возрасту, имущественному положенію, не подвержено ли оно лишенію нѣкоторыхъ или всѣхъ правъ (частичной или полной атиміи—ἀτιμία) и проч. Здѣсь мы видимъ нѣкоторую аналогію порядковъ въ аѳинскомъ государствѣ съ порядками современныхъ намъ конституціонныхъ государствъ. Въ наше время въ такихъ государствахъ судебныя власти имѣютъ большое участіе въ оцѣнкѣ избирательныхъ правъ гражданъ. Это имѣетъ мѣсто и у насъ при выборахъ въ Государственную Думу.

Затѣмъ, уже было указано, что геліэя—судъ присяжныхъ—разбирала не только дѣла аѳинскихъ гражданъ, но также и нап-

---

*) См. выше стр. 172 с.

болѣе серьезныя гражданскія дѣла союзниковъ, что служило довольно значительнымъ источникомъ доходовъ для Аѳинъ.

Для мелкихъ дѣлъ внѣ Аѳинъ въ эпоху пятидесятилѣтія („пентеконтаэтіи"), въ 453 году, были возстановлены *судьи по демамъ*, (*δικασταὶ κατὰ δήμους*), которые первоначально были введены *Писистратомъ*. Это—разъѣзжіе судьи, разбиравшіе маловажныя дѣла на мѣстахъ. Такимъ путемъ судъ приближался къ населенію, былъ всѣмъ доступенъ и не сопровождался издержками. Число *δικαστῶν κατὰ δήμους* было равно 30, и можно думать, что оно совпадало съ числомъ триттій.

Въ заключеніе характеристики аѳинской демократіи въ эпоху ея расцвѣта необходимо напомнить, что въ ней существовало широко развитое *мѣстное самоуправленіе демовъ* (см. выше стр. 188 с.) *).

Культурный расцвѣтъ въ эпоху „пятидесятилѣтія".

Поэзія и философско-научная мысль развились въ VII и VI вѣкахъ болѣе въ мало-азійскихъ поселеніяхъ грековъ, чѣмъ въ Европейской Греціи, ибо вообще мало-азійское побережіе развивалось въ ту пору быстрѣе. Но теперь, вмѣстѣ съ перемѣщеніемъ экономическихъ центровъ, и культурные—передвинулись къ западу, въ Европейскую Грецію: только при накопленіи матеріальныхъ богатствъ здѣсь явились общественные круги, не всецѣло поглощенные борьбою за существованіе и имѣвшіе достаточный досугъ для культурной работы. Каждое слѣдующее поколѣніе V вѣка въ смыслѣ интенсивности культурныхъ интересовъ превосходило предшествующее. Главными центрами философіи, литературы и изобразительныхъ искусствъ сдѣлались Аѳины, а на западѣ—Сиракузы. Вѣкъ Перикла въ Аѳинахъ является эпохой культурнаго расцвѣта, но и во время пелопоннесской войны духовная жизнь не изсякла, хотя, конечно, столь интенсивнаго прогресса, какъ до войны, не было; замѣчаются даже нѣкоторые признаки пониженія культурнаго уровня аѳинской массы (процессы Анаксагора, Фидія, Сократа). Однако не нужно забывать, что какъ разъ во время войны въ Аѳинахъ ставили трагедіи Эврипида и комедіи Аристофана. Послѣ же войны, въ IV в., культурное развитіе Аѳинъ вновь пошло быстрымъ темпомъ впередъ.

Въ очеркѣ соціальной и политической исторіи необходимо обратить вниманіе на измѣненіе въ общемъ міросозерцаніи значительной части греческаго культурнаго общества. Подъ влія-

---

*) *Haussoullier*, La vie municipale en Attique, 1884.

ніемъ усложненія культуры старое религіозное міропониманіе стало колебаться и уступать мѣсто новому, сложившемуся подъ вліяніемъ философскихъ системъ. Весьма рельефнымъ примѣромъ этого перелома представляется сравненіе міросозерцанія Геродота и Өукидида, раздѣленныхъ лишь однимъ поколѣніемъ. Особенно сильное вліяніе на современниковъ Перикла и поколѣніе, развившееся въ эпоху пелопоннесской войны, оказала *софистика*; скептицизмъ софистовъ не остался безъ вліянія на тѣ политическіе перевороты, которые имѣли мѣсто во время войны. Теорія права сильнаго стала играть особую роль въ политической жизни. Но скоро возникла и реакція противъ скептицизма въ лицѣ *Сократа* и его ученика *Платона* которые стали искать положительныхъ основъ для новаго міросозерцанія и для новаго моральнаго уклада.

XIII. Періодъ классической или городской Греціи. 4. Борьба Аөинъ со Спартой за преобладаніе (пелопоннесская война и ея предвѣстники).

Источники для исторіи пелопоннесской войны.

Өукидидъ *). Главнымъ источникомъ для данной эпохи является Өукидидъ. Точно годы рожденія и смерти его неизвѣстны, но приблизительно можно считать, что онъ родился около 460 г., слѣдовательно въ эпоху Перикла, а умеръ около 399 г. или между 399 и 396 гг. Свѣдѣнія о жизни Өукидида содержатся отчасти въ его сочиненіи (хотя это только намеки, которыхъ къ тому же немного), отчасти, въ позднѣйшихъ біографіяхъ, главнымъ образомъ въ біографіи Маркеллина, которая написана гораздо позднѣе той эпохи, въ которую жилъ Өукидидъ, заключаетъ въ себѣ явныя неточности и поэтому требуетъ критическаго отношенія къ себѣ.

Өукидидъ принадлежалъ къ аристократическому роду. Съ одной стороны его родъ связывали съ өракійскими царями, съ другой—указывали па связь съ родомъ Кимона, руководившаго Аөинами въ первую половину пентеконтаэтіи. Өукидидъ былъ богатъ, онъ владѣлъ золотыми пріисками во Өракіи около Амфиполя. Онъ не чуждался государственной дѣятельности и осо-

---

*) Литература о Өукидидѣ указана во „Введеніи" *В. П. Бузескула*. Русскій переводъ съ обширными статьями былъ сдѣланъ проф. *Ө. Г. Мищенко*, а теперь переработанъ и снабженъ новыми статьями проф. С. А. Жебелевымъ (2 тома. М., 1915).

бенно близкое участіе принималъ въ военной жизни. Спеціалисты-военчые, изучавшіе его сочиненія, обнаруживаютъ у него большія познанія въ военномъ дѣлѣ. Мы знаемъ изъ его сочиненія, что онъ принималъ участіе въ первой части пелопоннесской войны. Во время войны за Амфиполь (424 г.) Ѳукидидъ командовалъ одной изъ аѳинскихъ эскадръ, но ему не удалось воспрепятствовать Брасиду овладѣть Амфиполемъ, и за это пораженіе Ѳукидидъ былъ изгнанъ изъ Аѳинъ.

Во время изгнанія онъ много путешествовалъ, посѣтилъ многія мѣстности, служившія театромъ военныхъ дѣйствій во время пелопоннесской войны; есть предположеніе, что онъ посѣтилъ даже и Сицилію, въ пользу чего говоритъ довольно вѣрное описаніе мѣстностей на этомъ островѣ, данное въ его сочиненіяхъ. Послѣ конца пелопоннесской войны Ѳукидидъ былъ возвращенъ въ Аѳины. Умеръ онъ между 399 и 396 г.

Въ какомъ порядкѣ писалъ Ѳукидидъ свое сочиненіе и въ какомъ его издавалъ,—это спорный вопросъ. Нынѣшнее дѣленіе на книги произвольно. Ясно, что первая часть сочиненія охватываетъ первый періодъ войны (431—421 г.). Ѳукидидъ отчетливо отмѣчаетъ окончаніе этой части въ V кн. 25 гл. Сочиненіе осталось неоконченнымъ, и послѣдняя (VIII) книга обработана лишь вчернѣ. Изложеніе доведено до 411 г.

Намъ нужно познакомиться съ *источниками*, какими пользовался Ѳукидидъ; нужно опредѣлить, насколько Ѳукидидъ критиченъ и объективенъ, чѣмъ отличается его анализъ историческихъ событій отъ таковаго же, даннаго Геродотомъ

Главнымъ матеріаломъ Ѳукидида были, во-первыхъ, его личныя впечатлѣнія и, во-вторыхъ, разсказы очевидцевъ описываемыхъ событій. Ѳукидидъ принималъ различныя мѣры, чтобы получать матеріалъ для возстановленія хода событій пелопоннесской войны въ видѣ разсказовъ и т. п. Слѣдовательно, онъ поступалъ совершенно такъ же, какъ поступилъ бы и современный намъ историкъ. Въ-третьихъ, помимо указанныхъ источниковъ Ѳукидидъ пользуется и документальнымъ матеріаломъ. У него не мало текстуально приведенныхъ документовъ, какъ напр. договоръ между аѳинянами и спартанцами на 10-мъ году войны (такъ называемый Никіевъ миръ) и другіе договоры, о которыхъ уже по одному характеру ихъ стиля можно сказать, что они подлинны. 4) Ѳукидидъ знакомъ съ предшествующими писателями и историками: съ Гомеромъ, логографами, къ которымъ онъ впрочемъ относится отрицательно, такъ какъ они занимались миѳическимъ періодомъ, въ высшей степени недостовѣрнымъ. Затѣмъ видно,

что онъ знакомъ съ Геродотомъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненія Ѳукидида проглядываетъ скрытая полемика съ его предшественникомъ (напр., тамъ, гдѣ Ѳукидидъ повѣствуетъ о заговорѣ Килона, или о заговорѣ Гармодія и Аристогитона, на чемъ Ѳукидидъ по случайному поводу подробно останавливается, хотя это и не входитъ въ его задачу въ узкомъ смыслѣ слова). 5) Ѳукидидъ пользуется и вещественными памятниками, особенно въ первыхъ главахъ своего труда, въ такъ называемой „Археологии“, т. е. въ первыхъ 21 главѣ первой книги, гдѣ онъ даетъ свѣдѣнія, относящіяся къ періоду до греко-персидскихъ войнъ. Таковы источники Ѳукидида.

Какъ онъ къ нимъ относится? *Критиченъ ли онъ*? Самъ Ѳукидидъ опредѣляетъ свою задачу словами: *ἡ ζήτησις της ἀληθείας* (I 20), т. е. „исканіе истины“; слѣдовательно, задачу историка Ѳукидидъ опредѣляетъ совершенно такъ же, какъ и современные изслѣдователи; задача это—установленіе истины. Цѣль своего труда онъ сжато опредѣляетъ такимъ образомъ: ***Κτῆμά τε ἐς αἰεὶ μᾶλλον ἢ ἀγώνισμα ἐς τὸ παραχρῆμα ἀκούειν ξύγκειται***, т. е. „Составленный мною трудъ не столько предметъ состязанія для временныхъ слушателей, сколько достояніе на вѣки“ (I 22). Онъ имѣетъ въ виду установить нѣчто вѣчное, а не доставить удовольствіе временнымъ слушателямъ, такъ какъ эту послѣднюю цѣль преслѣдуютъ поэты и логографы, серьезнаго же историка она не достойна.

Ѳукидидъ точно опредѣляетъ пріемы своей критики. Главнымъ источникомъ для Ѳукидида, помимо его личныхъ наблюденій, являются разсказы очевидцевъ, къ которымъ, согласно его взгляду, необходимо относиться критически: „Что касается совершившихся въ теченіе этой войны событій, то я не считалъ себя въ правѣ записывать то, что узнавалъ отъ перваго встрѣчнаго, или то, что только казалось мнѣ, но записывалъ событія, свидѣтелемъ которыхъ былъ самъ, или то, что слышалъ отъ другихъ, однако каждый разъ послѣ возможно точной провѣрки съ помощью разспросовъ. Изысканія были трудны, потому что сами очевидцы различныхъ событій передавали объ одномъ и томъ же неодинаково, какъ каждый могъ по силѣ сочувствія той или другой сторонѣ или по памяти. Быть можетъ, изложеніе мое, чуждое басенъ, покажется менѣе пріятнымъ для слуха; за то найдутъ его полезнымъ всѣ тѣ, которые хотятъ поразмыслить о достовѣрномъ прошломъ, могущемъ по свойству человѣческой природы повториться когда-либо въ будущемъ въ томъ самомъ или подобномъ видѣ,—а этого для меня доста-

точно. Составленный мною трудъ не столько предметъ состязанія для временныхъ слушателей, сколько достояніе на вѣки“ (I 22). Такова задача Өукидида: это задача современной исторіографіи. Онъ требуетъ строгой провѣрки источниковъ и въ этомъ отношеніи рѣзко разнится отъ Геродота: здѣсь отчетливое представленіе о необходимости критики, у Геродота же лишь наивные зачатки ея.

Степень достовѣрности показаній Өукидида въ области документальнаго матеріала въ настоящее время можно провѣрить довольно точно. Въ V книгѣ онъ приводитъ договоръ Аөинъ съ Аргосомъ, Мантинеей и Элидой (418 г.); теперь найдена подлинная надпись, содержащая этотъ договоръ. Сопоставляя этотъ договоръ въ передачѣ Өукидида съ подлинникомъ, можно опредѣлить, насколько правильно онъ передаетъ документы. Производя это сопоставленіе, мы находимъ только кое-какія стилистическія измѣненія, которыя можно считать допустимыми даже для современнаго историка, если онъ заявляетъ, что передаетъ только содержаніе того или иного документа.

Теперь возникаетъ другой вопросъ,—*насколько объективенъ Өукидидъ?* Какъ современникъ описываемыхъ событій, онъ, конечно, имѣлъ на нихъ свои личныя взгляды, свои симпатіи и антипатіи,—иначе и быть не могло. Онъ пережилъ событія пелопоннесской войны, самъ въ ней участвовалъ, пострадалъ отъ аөинской демократіи; онъ не былъ-бы человѣкомъ, если бы у него не было симпатій и антипатій. И дѣйствительно, мы знаемъ, что онъ симпатизируетъ Периклу, Никію и не сочувственно относится къ Клеону. Но имѣть симпатіи—одно дѣло, а быть объективнымъ въ изображеніи описываемыхъ событій—другое. Сказать, что Өукидидъ достигъ полной объективности—нельзя, но нельзя сказать и того, что въ угоду личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ онъ намѣренно искажалъ истину. Несознательное искаженіе у него отчасти наблюдается. Какъ современникъ описываемымъ событіямъ, онъ имѣлъ отношеніе къ борющимся партіямъ. Самъ Өукидидъ, насколько объ этомъ можно судить по наименѣе обработанной VIII книгѣ его труда, былъ *сторонникомъ умѣренной цензовой демократіи:* онъ одобряетъ этотъ строй *). Многіе пра-

*) VIII 97, 2: καὶ οὐχ ἥκιστα δὴ τὸν πρῶτον χρόνον ἐπί γ᾽ἐμοῦ Ἀθηναῖοι φαίνονται εὖ πολιτεύσαντες. μετρία γὰρ ἥ τε ἐς τοὺς ὀλίγους καὶ τοὺς πολλοὺς ξύγκρασις ἐγένετο, т. е. „Мнѣ кажется, что аөиняне первое время послѣ этого имѣли наилучшее на моей памяти управленіе: создалось вѣдь умѣренное смѣшеніе олигархіи и демократіи“.

вильно отмѣчаютъ, что въ VIII кн. онъ проявилъ болѣе субъективизма, чѣмъ въ какой либо другой, такъ какъ она необработана окончательно; при окончательной же отдѣлкѣ этотъ субъективый элементъ могъ бы быть устраненъ. Правда, есть возраженія противъ той точки зрѣнія, по которой Өукидидъ считается сторонникомъ ограниченной демократіи, сводящіяся, главнымъ образомъ, къ тому, что онъ очень *симпатизируетъ Периклу*, основателю полнаго народовластія въ Аөинахъ. Указываютъ на рѣчь, которую Өукидидъ влагаетъ въ уста Перикла,—рѣчь надъ павшими воинами,—этотъ блестящій панегирикъ аөинской демократіи: спрашиваютъ, какъ могъ Өукидидъ, будучи сторонникомъ умѣренной демократіи, симпатизировать стороннику,—болѣе того, вождю неограниченной демократіи? В. П. Бузескулъ въ своемъ „Введеніи въ исторію Греціи", и также въ ранѣе вышедшемъ трудѣ высказывался въ томъ смыслѣ, что Өукидидъ сочувствуетъ Периклу не какъ стороннику неограниченной демократіи, а какъ человѣку, ограничившему демократію своимъ личнымъ вліяніемъ. Өукидидъ такъ характеризуетъ эпоху Перикла (II 65, 9): ***εγίγνετό τε λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχή*** („По имени это была демократія, на дѣлѣ же—господство перваго человѣка"). Отсюда слѣдуетъ выводъ, что Өукидидъ сочувствовалъ Периклу въ виду того, что Периклъ руководилъ демократіей и не давалъ ей доходить до крайности.

Нужно еще сказать нѣсколько словъ о пріемахъ *реконструкціи событій у Өукидида*. Мы видимъ, что Өукидидъ предвосхитилъ нѣкоторые пріемы новѣйшей исторіографіи,—это особенно наблюдается въ его „Археологіи". Онъ уже понимаетъ значеніе ретроспективнаго метода, значеніе аналогіи, хотя и не можетъ точно формулировать ихъ сущность. Желая возстановить культуру грековъ въ древнѣйшую эпоху, онъ сопоставляетъ ее съ современнымъ ему бытомъ варварскихъ и отсталыхъ греческихъ племенъ,—это пріемъ, напоминающій современный методъ аналогіи. Въ послѣднее время подчеркиваютъ то, что Өукидидъ сумѣлъ обратить вниманіе на роль географическаго и экономическаго факторовъ; конечно, у него здѣсь нѣтъ системы, но значеніе этихъ факторовъ онъ понимаетъ.

Что касается *истолкованія событій*, объясненія происхожденія фактовъ, то здѣсь онъ стоитъ на строго-исторической точкѣ зрѣнія. Вездѣ онъ ищетъ причинности, отдѣляетъ причины общія отъ частныхъ, отличаетъ причины отъ ближайшихъ поводовъ (***πρόφασις*** и ***αἰτία***). Онъ ищетъ причинъ даннаго явленія въ предшествующихъ событіяхъ и такимъ путемъ иногда

доходитъ почти до соціологическаго анализа. Однако въ общемъ онъ не идетъ такъ далеко, ограничиваясь указаніемъ ближайшихъ причинъ событія. Вѣры въ чудесное у него нѣтъ,—здѣсь онъ стоитъ на *строго раціоналистической точкѣ зрѣнія.* Онъ не допускаетъ возможности вмѣшательства какой-либо сверхъестественной силы въ ходъ историческихъ событій и въ ходъ жизни отдѣльныхъ личностей.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что Өукидидъ въ общемъ историкъ надежный.

Остается сказать нѣсколько словъ по поводу *рѣчей,* которыя онъ влагаетъ въ уста историческихъ лицъ, какъ и другіе древніе историки, жившіе до и послѣ него. Онъ самъ заявляетъ, что излагаетъ рѣчи такъ, какъ онѣ всего скорѣе по обстоятельствамъ времени могли быть сказаны, и при этомъ старается передать ихъ по возможности такъ, какъ онѣ въ дѣйствительности были произнесены. Именно Өукидидъ говоритъ: „Что касается рѣчей, произнесенныхъ отдѣльными лицами или въ пору приготовленія къ войнѣ или во время самой войны, то для меня трудно было запомнить сказанное со всею точностью—и то, что я слышалъ самъ, и то, что передавали мнѣ съ разныхъ сторонъ другіе. Рѣчи составлены у меня такъ, какъ по моему мнѣнію, каждый ораторъ, сообразуясь съ обстоятельствами, скорѣе всего могъ говорить о настоящемъ положеніи дѣлъ; притомъ же я держался возможно ближе общаго смысла дѣйствительно сказаннаго“ (I, 22). Конечно, неточность рѣчей—недостатокъ, но у Өукидида онъ гораздо менѣе ощутителенъ, нежели у другихъ древнихъ историковъ, напр., у Т. Ливія, который влагаетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ длиннѣйшія рѣчи, не имѣя для ихъ построенія рѣшительно никакихъ основаній.

Современные хулители Өукидида. Должно замѣтить, что въ послѣднія десятилѣтія выдвигались другіе взгляды на значеніе Өукидида. Это взгляды Мюллера-Штрюбинга и Юлія Шварца. Въ общемъ ихъ взгляды теперь должно считать опровергнутыми, только нѣкоторыя частныя замѣчанія сохранили свое значеніе. Мюллеръ-Штрюбингъ въ своей книгѣ объ Аристофанѣ и изслѣдованіяхъ о Өукидидѣ старался доказать, что Өукидидъ всегда пристрастенъ, что онъ только желаетъ скрыть свое пристрастіе, утаить его. Но примѣры, приводимые Штрюбингомъ, неубѣдительны. Шварцъ упрекаетъ Өукидида въ томъ что его исторія—это описаніе отдѣльныхъ военныхъ событій, что онъ мало останавливается на внутренней исторіи. Однако, аргументы Шварца прямо натянуты, и своей критикой онъ производитъ

впечатлѣніе человѣка, непремѣнно желающаго сказать что-нибудь оригинальное. Конечно, Шварцъ правъ, что Ѳукидидъ преимущественно военный историкъ, но, вѣдь и самъ Ѳукидидъ прямо говоритъ, что онъ пишетъ исторію пелопоннесской войны. Упрекъ Шварца, въ такомъ случаѣ, можно было-бы отнести ко всякому военному историку. Упрекать Ѳукидида въ томъ, что онъ военный историкъ, нельзя, можно только сожалѣть, что онъ не всегда достаточно останавливается на событіяхъ внутренней исторіи, такъ что упрекъ относится не столько къ самому Ѳукидиду, сколько къ его задачѣ. Нужно имѣть въ виду и то, что область внѣшней исторіи, разрабатываемая Ѳукидидомъ, такъ же важна, какъ и область внутренней исторіи. Нельзя, кромѣ того, предъявлять Ѳукидиду мѣрку современной исторіографіи, какъ это правильно подчеркиваетъ В. П. Бузескулъ.

Ксенофонтъ *). Ѳукидидъ не успѣлъ довести свое изложеніе до конца пелопоннесской войны: онъ остановился на событіяхъ 411 года. Продолженіе труда Ѳукидида взялъ на себя Ксенофонтъ. Его „Гелленика́“ (*Ἑλληνικά*—„Греческая исторія“) начинается съ событій 411 года и доводитъ изложеніе до битвы при Мантинеѣ 362 г.

„Гелленика́“ по характеру изложенія распадается на двѣ части. Въ первой части (исторіи пелопоннесской войны—до II кн. 3, 10) Ксенофонтъ старается быть ближе къ характеру изложенія Ѳукидида. Вторая часть его сочиненія имѣетъ скорѣе характеръ мемуаровъ.

Здѣсь авторъ останавливается не на всѣхъ историческихъ событіяхъ, а только лишь на тѣхъ, которыя его лично интересуютъ. Такъ, напр., такой важный фактъ, какъ образованіе новаго Аѳинскаго союза у него обойденъ молчаніемъ и, если бы въ нашемъ распоряженіи не было другихъ источниковъ, то мы о немъ могли бы ничего не знать. Зато о событіяхъ исторіи Спарты, которая его особенно интересовала, онъ говоритъ подробно, особенно о дѣятельности своего друга спартанскаго царя Агесилая. Такимъ образомъ, его сочиненіе въ меньшей части— это хроника послѣднихъ годовъ пелопоннесской войны, а въ большей части—мемуары, доводящіе изложеніе до битвы при Мантинеѣ включительно.

Теперь возникаетъ вопросъ о *степени достовѣрности* этого источника. Этотъ вопросъ приходится ставить при зна-

*) Рус. пер. *Янчевецкаго*. О Ксенофонтѣ см. *Пёльманъ*, о. с. стр. 170 с. и 217 и *В. П. Бузескулъ*, Введеніе, 112—126. Для насъ менѣе важно повѣствованіе Ксенофонта о его службѣ въ Персіи у Кира Младшаго („Анабасисъ“).

комствѣ со всякимъ источникомъ вообще, но теперь онъ становится особенно важнымъ въ виду мемуарнаго характера разбираемаго сочиненія.

Ксенофонтъ родился около 2-го года пелопоннесской войны, т. е. около 430 г., умеръ около 355 г. въ глубокой старости. Точнѣе опредѣлить эти даты невозможно, но для нашей цѣли достаточно и приблизительной точности. Значитъ, Ксенофонтъ свою молодость прожилъ въ ту эпоху, когда въ Аѳинахъ разгоралась реакція противъ демократіи. Это отразилось и на его политическихъ взглядахъ: въ его сочиненіяхъ довольно ясно выражена аристократическая тенденція. Ксенофонтъ противникъ аѳинской демократіи, болѣе того: онъ является сторонникомъ Спарты, „лаконистомъ“, какъ выражались тогда. Ксенофонтъ былъ близокъ съ Агесилаемъ, спартанскимъ полководцемъ, долгое время находился въ рядахъ спартанскихъ войскъ, долго жилъ въ имѣніи близъ Олимпіи въ Скиллунтѣ, которое онъ получилъ въ даръ отъ спартанцевъ. Его близость къ Спартѣ проявляется въ томъ, что онъ болѣе останавливается на событіяхъ, ближе касающихся исторіи Спарты, нежели исторіи Аѳинъ. Ксенофонтъ вращался въ кругу Сократа, но, какъ показываютъ его „Воспоминанія о Сократѣ“, по складу своего практическаго ума не былъ въ состояніи вникнуть въ сущность этого ученія. Судьба Сократа должна была однако еще больше оттолкнуть Ксенофонта отъ аѳинской демократіи. Мы должны съ тѣмъ большей необходимостью, принимая во вниманіе обстоятельства жизни Ксенофонта, рѣшить вопросъ, насколько правдивъ и достовѣренъ этотъ источникъ. Приходится признать, что Ксенофонтъ событіямъ, которыя онъ излагаетъ, придаетъ иногда своеобразную окраску, обусловленную его симпатіями къ Спартѣ, но въ то же время детальный анализъ его сочиненія не показалъ, чтобы авторъ сознательно искажалъ дѣйствительность, такъ что въ общемъ пользоваться его трудомъ можно, дополняя недостающее другими источниками.

Кратко Ксенофонта можно охарактеризовать такимъ образомъ: блестящій стилистъ, занимательный разсказчикъ-мемуаристъ, но историкъ съ очень ограниченнымъ кругозоромъ. Въ смыслѣ *истолкованія событій*, объясненія фактовъ—Ксенофонтъ стоитъ далеко позади Ѳукидида и скорѣе приближается къ Геродоту. Онъ религіозенъ, даже суевѣренъ, допускаетъ вмѣшательство въ ходъ человѣческой жизни высшихъ силъ, такъ, напр., неудачу Спарты онъ объясняетъ вмѣшательствомъ боговъ, карающихъ спартанцевъ за ихъ ошибки. Какъ человѣкъ суевѣр-

ный, Ксенофонтъ постояно прибѣгаетъ къ жертвоприношеніямъ, при этомъ у него обнаруживается не та искренняя дѣтская вѣра, которая свойственна грекамъ Гомера, а вѣра человѣка, стоящаго на перепутьи. Онъ не прочь даже провести боговъ: такъ, напр., извѣстенъ случай, когда онъ долженъ былъ обратиться къ оракулу съ вопросомъ,—слѣдуетъ ли ему отправиться въ походъ, или нѣтъ (какъ человѣкъ религіозный, Ксенофонтъ очень часто прибѣгаетъ къ совѣтамъ оракуловъ); такъ какъ ему сильно хотѣлось отправиться въ походъ и такъ какъ при простой постановкѣ вопроса могъ получиться нежелательный для него отвѣтъ, то Ксенофонтъ ставитъ вопросъ иначе: именно онъ спрашиваетъ, какому богу слѣдуетъ принести жертву, чтобы невредимымъ вернуться изъ похода; такая постановка вопроса, выгодная для вопрошающаго, болѣе нравилась и оракулу, такъ какъ послѣдній предпочиталъ, конечно, неопредѣленные отвѣты на неопредѣленные вопросы, а не наоборотъ.

Ѳеопомпъ и Оксиринхскій папирусъ. У Ѳукидида былъ другой продолжатель, болѣе крупный, чѣмъ Ксенофонтъ, это—*Ѳеопомпъ* (см. выше стр. 17). До настоящаго времени мы знали его только по небольшимъ отрывкамъ, теперь же, повидимому, имѣемъ о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Въ 1904 г. въ числѣ папирусовъ, найденныхъ на мѣстѣ древняго Оксиринха въ Египтѣ, былъ найденъ очень большой отрывокъ неизвѣстнаго автора, содержаніе котораго относится къ 396 и 395 гг. Событія въ немъ излагаются довольно подробно. Это, повидимому, одинъ изъ продолжателей Ѳукидида. Есть серьезныя основанія предполагать въ авторѣ этого отрывка Ѳеопомпа, по крайней мѣрѣ большинство историковъ и филологовъ высказались именно въ этомъ смыслѣ (нѣкоторые ученые, впрочемъ, приписываютъ этотъ отрывокъ другому продолжателю Ѳукидида: Кратиппу). Отрывокъ этотъ интересенъ и важенъ по той причинѣ, что матеріалъ источниковъ, относящійся къ данной эпохѣ, очень ограниченъ.

Событія внутренней исторіи Аѳинъ въ концѣ пелопоннесской войны (переворота 411—410 г. и тиранніи тридцати) изображены, какъ было указано ранѣе, въ „Аѳинской политіи“ *Аристотеля.*

Сжатый разсказъ о событіяхъ разсматриваемаго періода изъ вторыхъ рукъ даетъ *Діодоръ Сицилійскій.* Онъ пользовался *Эфоромъ*, который въ свою очередь положилъ въ основу Ѳукидида; можно также предполагать пользованіе Ксенофонтомъ. Дополнялъ Діодоръ эти источники сицилійскими историками.

Большое значеніе для исторіи пелопоннесской войны имѣютъ *Плутарховы біографіи*: Перикла, Никія, Алкивіада и Лисандра, основанныя на Өукидидѣ, Ксенофонтѣ, Эфорѣ, Өеопомпѣ и на сицилійскихъ историкахъ (Тимей и др.—см. выше стр. 18). Врядъ ли Плутархъ изучалъ всѣхъ этихъ авторовъ непосредственно,—вѣрнѣе онъ пользовался многими изъ нихъ чрезъ посредство предшествующаго біографическаго писателя.

Своеобразный источникъ для изучаемой эпохи представляютъ комедіи *Аристофана*. Онѣ написаны на политическія и общественныя злобы дня: здѣсь фигурируютъ государственные и общественные дѣятели въ карикатурномъ освѣщеніи. Аристофанъ не сочувствуетъ демократіи, и потому Периклъ, Клеонъ и другіе вожди народа у него высмѣиваются. Такимъ образомъ пользоваться Аристофаномъ для возстановленія фактовъ, какъ они были на самомъ дѣлѣ,—мы не можемъ, но его комедіи очень цѣнны, какъ источникъ для характеристики *настроенія* различныхъ общественныхъ группъ.

Общественное настроеніе отражается также въ нѣкоторыхъ трагедіяхъ *Эврипида*, рѣчахъ *Лисія* и др. ораторовъ и въ политическихъ памфлетахъ въ родѣ „*Аѳинской политіи*", приписываемой Ксенофонту (см. выше стр. 16, 142 и 226). *Надписи* очень важны и для этой эпохи.

Греческій міръ запада.

Въ исторіи греческаго міра второй половинѣ V в. видную роль играютъ греческія поселенія въ Сициліи и Италіи. Поэтому, прежде чѣмъ переходить къ исторіи великой борьбы Аѳинъ и Спарты, необходимо сказать хотя бы нѣсколько словъ объ этихъ колоніяхъ запада.

Въ то время, какъ въ восточной части греческаго міра слагалась значительная Аѳинская держава, среди греческихъ поселеній запада, въ Сициліи (см. выше стр. 158), стали слагаться тоже значительныя *Сиракузское* и *Акрагантское* государства. Особенно важную роль уже въ первыя десятилѣтія V в. стали играть сиракузскіе тиранны: Гелонъ и Гіеронъ. И подобно тому, какъ восточнымъ грекамъ пришлось вступить въ борьбу съ сосѣднимъ сильнымъ негреческимъ государствомъ—Персіей, такъ Сиракузамъ и Акраганту пришлось выдержать борьбу съ обширной финикійской колоніальной державой—*Карѳагеномъ* и могущественнымъ племенемъ средней Италіи — этрусками. Борьба съ карѳагенянами была столь же успѣшна, какъ и борьба съ Персіей (побѣда при Гимерѣ въ 480 г.). Сиракузы распростра-

нили свою власть и на многіе города Южной Италіи, а въ 474 г. Гіеронъ Сиракузскій нанесъ пораженіе въ Кампаніи этрускамъ. Послѣ паденія тиранніи и торжества демократіи (60-е года V вѣка), Сиракузы на время потеряли господствующее положеніе на островѣ Но попытка возстанія туземцевъ подъ предводительствомъ Дукетія (460—440 г.) не имѣла устойчиваго успѣха, а затѣмъ, когда демократія въ Сиракузахъ окрѣпла, Сиракузы опять вернули себѣ господство. Часть греческихъ колоній стала уже въ срединѣ V вѣка искать поддержки противъ Сиракузъ у Аѳинъ, вступивъ въ союзъ съ послѣдними.

Международныя отношенія Аѳинъ и другихъ греческихъ государствъ послѣ побѣды надъ Персами и образованія Аѳинскаго Союза.

Образованіе Аѳинскаго союза, а затѣмъ державы—очень серьезно повліяло на международныя отношенія какъ греческихъ государствъ бассейна Эгейскаго моря, такъ и болѣе отдаленной периферіи: Персіи, Египта, грековъ Запада и грековъ и варваровъ Чернаго моря.

Что касается грековъ бассейна Эгейскаго моря, то здѣсь центромъ международной политики являются отношенія двухъ федерацій: Пелопоннесскаго соглашенія со Спартой во главѣ и Аѳинскаго союза. Въ первую федерацію входили по преимуществу континентальныя государства Пелопоннеса съ перевѣсомъ континентальныхъ хозяйственныхъ интересовъ (мѣстное сельское хозяйство); во второй—нашли себѣ мѣсто почти исключительно морскія торговыя государства. Были однако и исключенія: торговыя государства, съ которыми Аѳины конкурировали, примкнули къ Пелопоннесскому союзу: такъ поступилъ Коринѳъ.

Различіе въ экономическихъ интересахъ большинства государствъ обѣихъ федерацій само по себѣ могло бы и не вызвать между ними конфликтовъ. Напротивъ земледѣльческія и торгово-промышленныя государства могутъ прекрасно уживаться другъ съ другомъ, такъ какъ они могутъ снабжать другъ друга недостающими имъ продуктами. Но дѣло въ томъ, что здѣсь за экономическими различіями скрывался глубокій соціальный и политическій антагонизмъ. Въ эту эпоху, какъ мы видѣли выше, почти всюду въ Греціи шла борьба между старой аристократіей и низшими слоями населенія. Мы обращали уже вниманіе на то, что въ государствахъ, захваченныхъ экономическимъ переворотомъ, гдѣ развились промышленность и торговля, классовой антагонизмъ былъ значительнѣе, чѣмъ въ государ-

ствахъ, сохранившихъ старый земледѣльческій строй. Естественно поэтому, что въ земледѣльческихъ государствахъ Пелопоннесскаго союза старая аристократія была сильнѣе, и здѣсь господствовалъ олигархическій строй. Спарта поддерживала олигархію и искусственно (такъ было въ Коринѳѣ). Напротивъ, въ торговыхъ государствахъ Аѳинскаго союза шла сильная классовая борьба, и здѣшнія демократическія партіи искали поддержки и находили ее въ Аѳинахъ. Такъ соотношеніе Аѳинскаго и Пелопоннесскаго союзовъ превратилось въ борьбу олигархическихъ и демократическихъ государствъ (эту сторону отношеній подчеркиваетъ и Ѳукидидъ).

Конфликтъ между союзами назрѣлъ не сразу. Даже послѣ рѣшительной побѣды надъ Персами при Эвримедонтѣ (ок. 470 г.) въ Аѳинахъ все еще существовали боязнь Персіи и стремленіе поддерживать согласіе со Спартой. Это теченіе главнымъ образомъ шло изъ консервативной партіи, руководимой *Кимономъ*. Поддерживать дружбу со Спартой было нелегко: это государство и его союзники очень недовѣрчиво относились къ образованію Аѳинскаго союза. Еще когда Ѳемистоклъ началъ укрѣплять Аѳины стѣнами и укрѣпленіями (479 г.), спартанцы и ихъ союзники заявили протестъ, не имѣвшій однако успѣха. И проницательный умъ Ѳемистокла, конечно, уже тогда предвидѣлъ грядущій конфликтъ со Спартой. Но Кимонъ думалъ иначе. Для него все еще главной опасностью для грековъ кажутся персы, и онъ всѣми силами стремится удержать Аѳины отъ разрыва со Спартой. Эта его политика вырисовалась особенно ярко въ 464 г., когда въ Лаконіи разразилось землетрясеніе, и вспыхнуло продолжительное возстаніе гелотовъ и мессенцевъ. Для Аѳинъ этотъ моментъ могъ показаться благопріятнымъ, чтобы сломить Спарту. На этой точкѣ зрѣнія стоялъ Эфіальтъ. Но Кимонъ добился противоположной политики. Въ 462 г. аѳиняне отправили Кимона съ отрядомъ на помощь Спартѣ въ Мессенію (*Plut.* Kim. 16). Но борьба съ мессенцами затягивалась, и спартанцы стали выражать недовѣріе аѳинянамъ, боясь, что эти послѣдніе завяжутъ отношенія съ возставшими (*Thuc.* I 102, 1). Въ результатѣ аѳинскій отрядъ съ позоромъ удалился, и политика Кимона была ликвидирована (онъ былъ подвергнутъ остракисму въ 461 г., см. выше стр. 238).

Однако и *Периклъ*, выдвинувшійся въ 450-хъ годахъ въ качествѣ руководителя аѳинской политики, не сразу пошелъ на разрывъ со Спартой. Сначала онъ носился съ мыслью о *панэллинскомъ конгрессѣ въ Аѳинахъ*, который долженъ былъ

бы установить между греками миръ и направить ихъ силы на общія дѣла (*Plut.* Pericl. 17: *ἐν εἰρήνῃ καὶ κοινοπραγίᾳ τῆς Ἑλλάδος*). Въ числѣ такихъ дѣлъ предполагалось возстановленіе святилищъ, разрушенныхъ персами, и обезпеченіе безопасности на морѣ. Но Спарта не откликнулась на этотъ призывъ, и идея конгресса рухнула. Поведеніе Спарты вполнѣ объяснимо: удача плана Перикла еще болѣе выдвинула бы Аѳины.

И дѣйствительно ростъ Аѳинской державы уже около 460 г. началъ принимать направленіе, прямо угрожавшее преобладанію Спарты въ Пелопоннесѣ. Мегары, тѣснимыя Коринѳомъ, примыкаютъ къ Аѳинскому союзу. Это имѣло огромное значеніе для Аѳинъ, ибо аѳиняне могли теперь преградить пелопоннесцамъ путь въ Среднюю Грецію. Въ Аргосѣ произошелъ демократическій переворотъ, и Аргосъ также примкнулъ къ Аѳинскому союзу. Такъ, аѳиняне стали продвигаться внутрь Пелопоннеса.

Эти событія вызвали *первое* — въ V в. — *вооруженное столкновеніе Аѳинъ и Спарты*. Чтобы имѣть противовѣсъ движенію Аѳинъ въ Пелопоннесѣ, Спарта направила свои шаги въ Среднюю Грецію, дабы отсюда грозить Аѳинамъ. Спарта рѣшила поддержать пошатнувшееся господство Ѳивъ въ Беотіи. Аѳиняне двинули свое войско въ Беотію, но здѣсь соединенное спартанско-ѳиванское войско разбило аѳинянъ *при Танагрѣ (457 г.)*. Но это была для Аѳинъ лишь временная неудача: аѳиняне въ томъ же году разбили противниковъ (при Энофитахъ—„Виноградникахъ“), и освободившіеся отъ Ѳивъ мелкіе беотійскіе города вступили въ Аѳинскій союзъ (вѣроятно, въ нихъ взяла верхъ демократія см. выше стр. 171). Затѣмъ въ союзъ съ Аѳинами вступаютъ Фокида и восточная (Опунтійская) Локрида. Аѳиняне подчинили себѣ Эгину (457) и, занявши Трэзенъ въ Арголидѣ, еще болѣе прочно утвердились въ Пелопоннесѣ. Около этого времени примкнули къ Аѳинамъ и города Ахайи.

456 годъ является зенитомъ аѳинскаго могущества: Аѳины господствуютъ не только на всемъ побережіи Эгейскаго моря, но и на всемъ востокѣ Средней Греціи и въ Сѣверномъ Пелопоннесѣ.

Трудно сказать, какъ сложились бы ближайшія событія, если бы аѳиняне сами не сдѣлали крупной ошибки. Опьяненные своимъ успѣхомъ, они стали слишкомъ разбрасывать свои силы, пускаться въ слишкомъ рискованныя предпріятія. Такимъ

рискованнымъ предпріятіемъ была ихъ *экспедиція въ Египетъ* (459—454 г.).

Намъ уже приходилось говорить о томъ, что Аѳины нуждались въ привозномъ хлѣбѣ. Черноморскія (Понтійскія) колоніи и Сицилія снабжали ихъ недостающимъ имъ хлѣбомъ. Такой же житницей могъ служить имъ и поразительно плодородный Египетъ, торговыя сношенія съ которымъ существовали издавна. Но Египетъ былъ подъ персидской властью, и въ эпоху борьбы съ Персами торговыя сношенія съ нимъ были затруднены. Когда въ Египтѣ *Инаръ* поднялъ знамя національнаго возстанія противъ Персіи (462 г.), аѳиняне послали инсургентамъ помощь въ 200 тріэръ и около 35,000 человѣкъ *),—преимущественно изъ союзниковъ (459 г.). Сначала персы терпѣли пораженіе, но, когда они получили подкрѣпленіе, инсургенты должны были сдаться. Инаръ попалъ въ плѣнъ, и лишь небольшая часть аѳинскаго войска уцѣлѣла и выговорила себѣ свободное отступленіе. Флотъ погибъ.

Эта *катастрофа* остановила дальнѣйшее развитіе аѳинскаго могущества. Совершившійся въ 454 г. переносъ союзной казны съ о. Делоса въ Аѳины можно объяснять тѣмъ, что ослабленный аѳинскій флотъ уже не могъ защищать казну на Делосѣ съ прежней увѣренностью.

Послѣдствіемъ египетской катастрофы было отпаденіе отъ Аѳинъ тѣхъ государствъ, которыя съ ними были слабо связаны. Въ началѣ 440-хъ годовъ отпали аргивяне, заключившіе 30-лѣтній миръ со Спартой, отпала Беотія, гдѣ опять восторжествовали *Ѳивы* и олигархическія партіи (пораженіе аѳинянъ при Коронеѣ въ 447 г.), отпали фокидяне и локрійцы. Такимъ образомъ новыя пріобрѣтенія начала 450-хъ годовъ были утрачены.

Тогда стали дѣлать попытки отпасть и другіе члены Аѳинскаго союза. Въ 446 г. возстали *эвбейскіе города* и *Мегары*. (На Эвбеѣ подняли возстаніе олигархи). Имъ помогли лакедемоняне и ихъ союзники. Такъ вспыхнула *2-я война Аѳинъ со Спартой* (446 г.). Пелопоннесцы вторгались даже въ Аттику, но почему-то скоро отступили (въ Спартѣ ихъ вождь царь Плейстоанаксъ былъ обвиненъ въ подкупѣ и лишенъ власти). Аѳинянамъ удалось справиться съ возстаніемъ, и на Эвбею были посланы аѳинскіе клерухи **).

---

*) *Busolt* III, 1, 331.

**) Къ этому времени относится псефизма относительно Халкиды. См. выше стр. 227.

Однако описанныя событія повели къ тому, что аѳиняне при раскладки дани въ 450 и 446 г. понизили платежи союзниковъ.

Зимой 445 г. со Спартой и ея союзниками былъ заключенъ „тридцатилѣтній міръ". Аѳиняне отказались отъ Мегаръ, пелопоннесскихъ владѣній и союзниковъ въ Пелопоннесѣ. Эгина сохраняла автономію, но должна была платить дань Аѳинамъ; въ остальномъ оба союза сохраняли status quo. Повидимому, договоръ включалъ соглашеніе о свободной торговлѣ между членами Аѳинскаго и Пелопоннесскаго союзовъ *).

Стѣсненныя въ своихъ имперіалистскихъ тенденціяхъ въ Греціи, отрѣзанныя отъ Египта,—Аѳины устремляютъ свое вниманіе на Италію и Сицилію. Именно къ этой эпохѣ относится основаніе колоніи Ѳуріи въ южной Италіи. Нѣсколько ранѣе установились сношенія Аѳинъ съ нѣкоторыми городами Сициліи **). Здѣсь, на Западѣ, Аѳины расчитывали найти хлѣбъ, котораго они не добились въ Египтѣ, и мѣста для колонистовъ.

Потребностью въ хлѣбѣ объясняется и предпринятая Перикломъ приблизится около 440 г. *экспедиція на Черное море* (*Plut.* Pericl. 20). Здѣсь аѳиняне утвердились на южномъ берегу въ Синопѣ и Амисѣ, на Мраморномъ морѣ основали колонію Астакъ и завязали тѣсныя сношенія съ Босфорскимъ царствомъ, гдѣ въ Пантикапеѣ (нынѣшняя Керчь) правила сначала (прибл. съ 480 г.) династія Археанактидовъ, а затѣмъ (съ 438 г.)—Спартокидовъ. Фрагменты одного изъ списковъ платежей дани въ Аѳинскомъ союзѣ даютъ право заключить, что Нимфей (около Керчи), Ольвія и нѣкоторые греческіе города нынѣшняго юга Россіи вошли въ Аѳинскій союзъ. Сюда аѳиняне сбывали произведенія своей промышленности (росписныя вазы, металлическія издѣлія, ткани и проч.), а взамѣнъ получали хлѣбъ, рыбу и т. п.

Во время возстанія Самоса въ 441—439 г. (см. выше стр. 230) Спарта и Пелопоннесскій союзъ послѣ обсужденія вопроса на союзномъ сеймѣ рѣшили соблюдать нейтралитетъ (*Thuc.* I 40, 5 и 41, 2).

Однако миръ со Спартой, установившійся въ 445 г., не могъ быть прочнымъ: слишкомъ серьезны были причины для антагонизма.

---

*) *Thuc.* I 144, 2; ср. 67, 4.

**) Есть большія основанія думать, что римское посольство для выработки писанныхъ законовъ дѣйствительно въ срединѣ V вѣка являлось въ Аѳины. См. *Busolt* III 1, 522, пр. 1.

Пелопоннесская война (431—404 г.).

Причины пелопоннесской войны. Антагонизмъ Аѳинъ со Спартой имѣлъ какъ мы видѣли, очень глубокія причины. Мы видѣли, во первыхъ, что здѣсь можно констатировать *соціально-политическія* противорѣчія: борьбу демократіи и олигархіи. Далѣе, исторія пятидесятилѣтія показываетъ, что *экономическія* потребности толкали аѳинянъ къ расширенію своего вліянія: имъ нужны были мѣстности, откуда они могли бы получать сырье, особенно хлѣбъ, и куда они могли бы взамѣнъ сбывать продукты своей промышленности. Эти потребности влекли ихъ на Іоническое море, въ Сицилію и Италію, а такое продвиженіе аѳинянъ поставило бы Спарту и ея пелопоннесскихъ союзниковъ въ опасное положеніе: Пелопоннессъ почти со всѣхъ сторонъ оказался бы окруженнымъ владѣніями аѳинянъ и ихъ союзниковъ.

Если такимъ образомъ широкія политическія задачи аѳинянъ подготовляли конфликтъ, то вопросы ежедневной текущей политики дѣлали этотъ конфликтъ неизбѣжнымъ. Дѣло въ томъ, что ближайшими сосѣдями аѳинянъ по направленію къ Пелопоннесу были ихъ конкуренты и въ торговлѣ и отчасти въ колонизаціи. Я имѣю въ виду Мегары и Коринѳъ. Невозможность примирить интересы этихъ сосѣдей съ интересами Аѳинъ вызывала у Мегаръ и Коринѳа тяготѣніе къ Спартѣ, а это создавало для Аѳинъ, помимо экономической, и чисто политическую опасность: границы и пути въ южномъ и юго-западномъ направленіи была необезпечены. Вспомнимъ, что и на западѣ Аѳины имѣли ненадежнаго сосѣда: Ѳивы и беотійскіе города.

Столкновенія Аѳинъ съ ближайшими сосѣдями: Мегарами и Коринѳомъ—и дали непосредственные поводы къ возникновенію пелопоннесской войны. Поводы были слѣдующіе.

1) Коркира и Коринѳъ нѣкогда совмѣстно вывели колонію въ Эпидамнъ. Между ними возникаетъ борьба изъ-за обладанія этой колоніей. Коркиряне нашли помощь у аѳинянъ, а коринѳяне у пелопоннесцевъ. Эти событія произошли въ 435—433 гг. Столкновеніе коркирянъ и коринѳянъ переходитъ такимъ образомъ въ столкновеніе Аѳинскаго союза съ Пелопоннесскимъ.

2) Въ слѣдующемъ году борьба осложняется столкновеніемъ изъ-за Потидеи на полуостровѣ Халкидикѣ. Потидея вошла въ Аѳинскій союзъ, но такъ какъ она была коринѳской колоніей, то и получала чиновника изъ метрополіи, такъ называемаго эпидеміурга. Пока отношенія Аѳинъ съ Коринѳомъ были мирныя, Аѳины не протестовали противъ этого совмѣстительства власти.

Теперь же аѳиняне стали требовать, чтобы коринѳскій эпидеміургъ былъ удаленъ изъ Потидеи. Потидейцы отложились и нашли помощь не только у Спарты, но и у македонскаго царя Пердикки. Это еще болѣе осложнило столкновеніе Аѳинъ съ Коринѳомъ и Спартой.

3) Наконецъ, послѣдней каплей, переполнившей чашу, было столкновеніе изъ-за Мегаръ. Аѳиняне въ 432 г. запретили мегарянамъ посѣщать свою страну и запретили сношенія со всѣми портами Аѳинскаго союза. Это запрещеніе наносило страшный ударъ торговлѣ Мегаръ. Спарта принимаетъ сторону мегарянъ.

Вотъ главныя столкновенія Аѳинъ съ членами Пелопоннесскаго союза, предшествовавшія пелопоннесской войнѣ.

Ходъ войны. Первый періодъ пелопоннесской войны, продолжавшійся 10 лѣтъ, сопровождался рядомъ вторженій спартанцевъ въ Аттику, что заставляло ея жителей скучиваться въ Аѳинахъ. Результатомъ этого было развитіе повальной болѣзни, можетъ быть, сыпного тифа (во всякомъ случаѣ это—не чума), отъ которой многіе умерли. Умеръ отъ нея и Периклъ (429 г.), въ послѣднее время перенесшій много бѣдствій. Противъ его друзей былъ возбужденъ рядъ процессовъ. Такъ философъ Анаксагоръ былъ обвиненъ въ безбожіи, скульпторъ и архитекторъ Фидій—въ утайкѣ казеннаго золота, подруга Перикла Аспасія—въ безбожіи и сводничествѣ. Процессы эти кончились, повидимому, ничѣмъ, за исключеніемъ процесса Анаксагора, который покинулъ Аѳины. Наконецъ, самъ Периклъ въ 430 г. былъ привлеченъ къ суду, отрѣшенъ отъ должности стратега и присужденъ къ штрафу. Правда, уже въ 429 г. онъ былъ вновь избранъ стратегомъ, но скоро умеръ.

Позднѣе военныя дѣйствія сосредоточиваются болѣе въ Пелопоннесѣ, аѳиняне захватываютъ лучшую пелопоннесскую гавань Пилосъ *) (425 г.); спартанцы дѣлаютъ ложный шагъ: они занимаютъ островъ Сфактерію, находящійся противъ Пилоса. Аѳиняне блокируютъ Сфактерію и овладѣваютъ отборнымъ спартанскимъ гарнизономъ, находившимся на островѣ. Тогда спартанцы посылаютъ отрядъ подъ начальствомъ Брасида для занятія аѳинскихъ колоній на ѳракійскомъ побережьѣ. Этотъ походъ оканчивается тѣмъ, что и спартанскій полководецъ Брасидъ и аѳинскій Клеонъ пали въ битвахъ и кампанія оставалась нерѣшенной (422—1 г.) **).

---

*) Пилосъ—это тотъ самый Наваринъ, около котораго въ 1827 г. соединенные русскій, французскій и англійскій флоты разбили турокъ, освобождая грековъ.

**) Въ 424 г. историка Ѳукидида, бывшаго тогда стратегомъ, и постигла неудача подъ Амфиполемъ (см. выше стр. 254).

Въ 424 г. аѳиняне, истощенные войной были вынуждены поднять обложеніе союзниковъ вдвое (до 1000 тал., т. е. почти до 2,500,000 руб.).

Въ эти же годы война получила дальнѣйшее расширеніе. Тѣснимые Сиракузами сицилійскіе города, осоюзившіеся съ аѳинянами, нашли помощь у нихъ: аѳиняне отправили свой флотъ въ Сицилію (*первая сицилійская экспедиція 427—424 г.*). Но аѳиняне здѣсь не имѣли успѣха.

Обоюдное истощеніе и аѳинянъ и пелопоннесцевъ повело къ тому, что въ *421 г.* воюющія стороны заключили миръ (такъ наз. *Никіевъ миръ*). Въ главныхъ чертахъ былъ возстановленъ status quo ante bellum.

Такъ кончилась первая часть войны, занявшая 10 лѣтъ (431—421 г.) и называемая часто по имени спартанскаго царя, неоднократно вторгавшагося въ Аттику, *Архидамовой войной*.

Но, если сама Спарта могла удовлетвориться условіями мира, то они не удовлетворили ея союзниковъ. Коринѳъ, Мегары, Ѳивы отказались признать условія мира, такъ какъ эти условія не обезпечивали ихъ интересовъ. Хозяйственный кризисъ въ Пелопоннесѣ, вызванный войной, увеличилъ недовольство въ народѣ. И вотъ во многихъ городахъ возникло сильное демократическое теченіе (Аргосъ, Мантинея, Элида). Рядъ государствъ отпалъ отъ Спарты и составилъ коалицію противъ нея. Правда, Коринѳъ скоро вернулся въ Пелопоннесскій союзъ. Но демократически настроенныя государства *Аргосъ, Мантинея и Элида заключили союзъ съ Аѳинами* (420 г.). Однако въ 418 г. Спарта разбила силы пелопоннесскихъ своихъ враговъ при Мантинеѣ. Въ Пелопоннесѣ началась олигархическая реакція, кромѣ *Аргоса*, гдѣ демократія восторжествовала (417 г.).

Аѳины не могли примириться съ создавшимся положеніемъ. Тѣ причины, которыя и ранѣе влекли аѳинянъ на западъ (торговые интересы), заставляютъ ихъ въ 415 г. вновь вмѣшаться въ дѣла Сициліи и выступить здѣсь противъ все растущаго могущества Сиракузъ. По настоянію *Алкивіада* аѳиняне отправляютъ въ Сицилію большой флотъ (*вторая Сицилійская экспедиція 415—413 г.*). Но поддержка, полученная сиракузянами отъ *Спарты* и большинства греческихъ городовъ Сициліи, вовсе не желавшихъ аѳинскаго господства,—все это повело къ уничтоженію аѳинскаго флота и войска *). Аѳинскіе полководцы Никій и Демосѳенъ были казнены сиракузянами.

---

*) Начатый въ самомъ началѣ экспедиціи аѳинскими демагогами процессъ противъ Алкивіада (процессъ объ уничтоженіи изображеній Гермеса на

Отъ сицилiйской катастрофы Аѳины уже не могли оправиться. Возобновившаяся въ 414 г. изъ-за сицилiйской экспедицiи война со Спартой тянулась однако еще 10 лѣтъ, но кончилась пораженiемъ Аѳинъ. Въ самой Аттикѣ въ *Декелеѣ* утвердился постоянный спартанскiй гарнизонъ, который непрерывно тормозилъ сообщенiе внутри Аттики. Союзники—одинъ за другимъ—стали отпадать отъ Аѳинъ (412 г.).

Причины пораженiя аѳинянъ.

Чтобы выяснить причины неудачъ, постигшихъ Аѳины во второй перiодъ войны (415—404 г.), важно обратить вниманiе на слѣдующiя обстоятельства.

Во первыхъ, слѣдуетъ считаться съ распаденiемъ Аѳинскаго союза. Возможность его распаденiя должна была выясниться изъ предшествующаго изложенiя. Эксплоатацiонный характеръ политики Аѳинъ по отношенiю къ союзникамъ долженъ былъ, въ концѣ концовъ, привести къ возмущенiю эксплоатируемыхъ противъ Аѳинъ (какъ мы видѣли, въ 424 г. аѳиняне увеличили дань союзниковъ). Эта политика эксплоатацiи и послужила причиной того, что союзъ распался. Мало того: союзники перешли даже на сторону Спарты. Мы видѣли, что Аѳинскiй союзъ составился главнымъ образомъ подъ влiянiемъ общихъ причинъ: экономическiе и политическiе интересы влекли приморскiя торговыя государства къ объединенiю, именно въ силу того, что эти интересы у нихъ были солидарны. Однако своекорыстный характеръ политики Аѳинъ по отношенiю къ союзникамъ вызвалъ на время отклоненiе отъ этого пути, парализовавъ дѣйствiе указанныхъ общихъ причинъ. Аѳинскiй союзъ временно распадается. Мы увидимъ, что послѣ того, какъ эти привходящiя причины перестали дѣйствовать, возобновилось влiянiе основного фактора: солидарность морскихъ торговыхъ государствъ снова проявилась, и союзъ (въ IV в. до Р. Х.) вновь возникъ, хотя и въ другой формѣ. Въ данный же моментъ (въ эпоху пелопоннесской войны) эксплоатацiонная политика Аѳинъ повлекла за собой временное распаденiе союза и способствовала побѣдѣ надъ Аѳинами пелопоннесцевъ вообще и Спарты въ частности.

Другой причиной, оказавшей влiянiе на исходъ войны, въ неблагопрiятномъ для Аѳинъ смыслѣ, явилось вмѣшательство персовъ: во вторую половину пелопоннесской войны играли важ-

---

улицахъ Аѳинъ) повелъ къ тому, что этотъ даровитый, но безпринципный человѣкъ перешелъ на сторону Спарты.

ную роль отношенія воюющихъ державъ къ Персіи. Въ свое время, излагая исторію греко-персидскихъ войнъ, я указывалъ на то, что не слѣдуетъ преувеличивать значенія одержанной греками побѣды. Историки стараго времени представляли дѣло въ такомъ видѣ, что будто бы могущество персовъ было окончательно сломлено,—въ дѣйствительности было только поколеблено ихъ вліяніе на Эгейскомъ морѣ и побережьѣ Малой Азіи—и то лишь на время. Начиная со второй половины пелопоннесской войны, т. е. спустя 60 лѣтъ послѣ побѣды надъ Персіей, это огромное государство выступаетъ рѣшающимъ факторомъ въ борьбѣ греческихъ государствъ между собою: исходъ пелопоннесской войны былъ обусловленъ ихъ вмѣшательствомъ.

Слѣдуетъ сказать, что въ Спартѣ еще въ теченіе VI и значительной части V вѣка держалось натуральное хозяйство. То обстоятельство, что въ теченіе долгихъ историческихъ періодовъ тамъ существовала неуклюжая желѣзная монета, служитъ доказательствомъ, что внутренній обмѣнъ въ Спартѣ былъ развитъ весьма слабо. Со вступленіемъ Спарты въ сферу широкихъ международныхъ сношеній оказалось невозможнымъ удержать старыя хозяйственныя формы. Не обладая денежными капиталами, необходимыми для самостоятельной международной политики, Спарта въ послѣднюю четверть V вѣка должна была или по примѣру Аѳинъ начать матеріальную эксплоатацію своихъ союзниковъ, или воспользоваться денежной помощью со стороны: вотъ почему Спарта прибѣгаетъ къ поддержкѣ Персіи,—поддержкѣ, не столько военной, сколько денежной. Это дало матеріальный перевѣсъ Спартѣ надъ истощенными войной Аѳинами.

Таковы рѣшающіе факторы, опредѣлившіе печальный для Аѳинъ исходъ пелопоннесской войны.

Внутренняя исторія Аѳинъ въ эпоху пелопоннесской войны.

Обратимся теперь къ внутренней исторіи Аѳинскаго государства за этотъ періодъ.

Поворотнымъ моментомъ во внутренней исторіи Аѳинскаго государства была сицилійская экспедиція. Уже было говорено о причинахъ, вынудившихъ аѳинянъ къ этой экспедиціи. Нужно считаться съ тѣмъ, что она не была простымъ капризомъ Алкивіада, что своимъ проектомъ онъ вовсе не ввелъ въ заблужденіе аѳинское народное собраніе. Расширеніе торговыхъ сношеній толкало аѳинянъ, а также и другихъ торговыхъ членовъ союза на западъ. Вмѣстѣ съ этимъ естественно возникало движеніе, направленное къ обезпеченію и политическаго вліянія

на западѣ. Такимъ образомъ, сицилійская экспедиція была вызвана вполнѣ опредѣленными причинами, но оказалось, что, предпринимая ее, аѳиняне не разсчитали своихъ силъ. Хотя туземное населеніе было по большей части на сторонѣ аѳинянъ, всетаки оказалось, что послѣдніе были не въ состояніи поддержать тамъ свое господство. Уже въ началѣ экспедиціи процессъ объ оскорбленіи гермъ, вызовъ Алкивіада изъ Сициліи на судъ въ Аѳины, бѣгство его въ Спарту—все это сообщало колеблющійся характеръ и внѣшней политикѣ Аѳинъ. Энергія сиракузцевъ и лакедемонянъ парализовала временные успѣхи аѳинянъ. Извѣстіе о гибели аѳинской эскадры вызвало панику въ Аѳинахъ. Правда, Ѳукидидъ говоритъ, что аѳиняне не пали духомъ и рѣшили продолжать дѣйствовать въ томъ же направленіи; оставшіяся деньги были употреблены ими на сооруженіе новой эскадры; но этотъ фактъ повелъ къ тому, что партіи, враждебныя существующему государственному строю, подняли голову.

Партіи въ Аттикѣ. Слѣдуетъ ознакомиться съ группировкой партій въ разсматриваемый періодъ. Въ Аѳинскомъ государствѣ въ это время можно отмѣтить 4 борющихся группы. Прежде всего нужно считаться съ настроеніемъ аѳинскаго крестьянства. Вспомнимъ характеръ перваго періода пелопоннесской войны, такъ называемой Архидамовой войны. Каждую весну и лѣто спартанское войско появляется въ Аттикѣ и производитъ опустошенія. Крестьянское населеніе Аттики принуждено перебирается въ городъ Аѳины, гдѣ отъ скученности и тѣсноты появляется повальная болѣзнь, унесшая много человѣческихъ жизней. Сельское хозяйство въ Аттикѣ, въ силу указанныхъ причинъ, было въ полномъ разстройствѣ. крестьяне обѣднѣли, естественно, что поэтому они являются сторонниками мира. Этотъ мотивъ очень отчетливо проводится въ комедіяхъ Аристофана. Идеалъ аѳинскаго крестьянина таковъ, что онъ желалъ бы сохранить старое: пусть впредь будетъ такъ же, какъ было и прежде; война вредна,—поэтому ее слѣдуетъ прекратить. Въ комедіяхъ Аристофана дается такая характеристика настроенія аѳинскаго крестьянства: „Тихая жизнь въ маленькомъ имѣньи, свобода отъ рыночной толчеи, мирное обладаніе парой воловъ, блеяніе овецъ, журчанье вина, льющагося въ кубокъ, на закуску—птицы. Не нужно ждать рыбы, три дня назадъ купленной изъ третьихъ рукъ торговца“. Занятіе своимъ хозяйствомъ и мирная жизнь, чуждая военныхъ тревогъ,—таковы мечты, постоянно проглядывавшія въ настроеніи аѳинскаго крестьянина.

Другую партію составляютъ отпрыски старыхъ аристократическихъ родовъ. Эта группа, имѣя нѣкоторое сходство въ настроеніи въ крестьянской, въ то же время существенно отличается отъ нея. Крестьяне стоятъ за миръ, но они не желаютъ внутреннихъ переворотовъ. Крестьянинъ мало заботится о политикѣ, трудно всколыхнуть его консерватизмъ. Другое дѣло—аристократы: они—враги аѳинской демократіи. Во что бы то ни стало, они желаютъ уничтожить ее и перейти даже къ досолонову строю. Вождемъ этой партіи послѣ сицилійской экспедиціи былъ Писандръ, а позднѣе—во время тиранніи 30—Критій. Аристократы желаютъ мира и установленія олигархическаго строя.

Что касается городского населенія, то его можно подраздѣлить на двѣ группы: это, во-первыхъ, группа пролетаріата и мелкой буржуазіи. Эта группа желаетъ сохраненія демократическаго строя въ томъ видѣ, какъ онъ создался въ періодъ пятидесятилѣтія, и желаетъ продолженія войны, потому что отъ успѣха войны зависѣло упроченіе аѳинской торговли, дававшей заработокъ множеству аѳинянъ. Кромѣ того, еще съ эпохи Перикла эта часть городского населенія кормилась подачками отъ казны, что было возможно, главнымъ образомъ благодаря господству надъ союзниками, поддержать же такое господство можно было опять таки только путемъ войны: это—вторая причина, побуждавшая эти слои населенія желать продолженія войны. Правда, неудачи вызываютъ панику среди приверженцевъ войны, и ихъ настроеніе особеннымъ постоянствомъ не отличается. Аристофанъ намъ рисуетъ такую сцену: когда сторонники войны изъ низшихъ слоевъ населенія слышатъ о военныхъ неудачахъ, то они тотчасъ же высказываются противъ войны; но стоитъ только появиться слухамъ, что сардинки стали дешевле, какъ ихъ настроеніе опять мѣняется въ пользу войны. Конечно, это—карикатура — однако карикатура, имѣющая значительныя реальныя основанія. Во главѣ этой группы стояли кожевникъ Клеонъ (до 422 г.), изготовитель лампъ Гиперболъ (былъ подвергнутъ остракисму ок. 417 г.), мастеръ музыкальныхъ инструментовъ Клеофонтъ (въ концѣ пелопоннесской войны).

Наконецъ, четвертая группа это средняя и частью крупная буржуазія. Вождемъ этой группы былъ Никій, который пользуется большими симпатіями Аристотеля и котораго послѣдній причисляетъ къ лучшимъ аѳинскимъ вождямъ. Позднѣе мы познакомимся и съ другимъ вождемъ этой группы—Ѳераменомъ. Эта группа стоитъ за войну, но только вплоть до разумнаго компромисса со Спар-

той. Она считаетъ невозможнымъ отказаться отъ войны, такъ какъ живетъ торговыми интересами. Что касается внутренней политики, то, примѣняя современную терминологію, данная группа придерживается точки зрѣнія буржуазной демократіи: она стоитъ за демократическій строй, но ограниченный извѣстнымъ цензомъ; свой идеалъ она отождествляетъ то съ Клисѳеновымъ, то съ Солоновымъ строемъ.

Такимъ образомъ, мы различаемъ четыре группы, изъ нихъ крестьяне и аристократы объединяются своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ войнѣ, городскія же группы сближаются тѣмъ, что желаютъ войны; но мы видимъ и разницу: такъ крестьяне не желаютъ внутреннихъ переворотовъ, аристократы, наоборотъ, желаютъ олигархической революціи; низшіе городскіе классы являются сторонниками полной демократіи, высшая же буржуазія и часть средней—желаетъ демократіи, ограниченной извѣстнымъ цензомъ.

Борьба этихъ партій замѣчается еще въ первой половинѣ пелопоннесской войны, хотя въ болѣе слабой степени, послѣ же сицилійской катастрофы она обостряется.

Политическая философія. Политическая борьба въ эту эпоху приняла крайне ожесточенный характеръ. Прежде всего продолжительная война притупила чувство жалости и воспитала общество въ смыслѣ пренебреженія нравственными принципами. Ѳукидидъ мастерски рисуетъ моральное одичаніе эллиновъ этой эпохи (III 82 с). Мы находимъ у него описаніе такихъ симптомовъ огрубѣнія аѳинянъ, какъ казнь 1000 митиленскихъ аристократовъ (427 г.), или избіеніе мужского населенія о. Мелоса, отказавшагося вступить въ Аѳинскій союзъ, продажа въ рабство тамошнихъ женщинъ и дѣтей и раздѣлъ острова между аѳинскими клерухами (416 г.).

Съ этимъ одичаніемъ, вызваннымъ войной, гармонируетъ и та нравственная философія, которая господствовала въ это время въ Аѳинахъ. Ростъ культуры подорвалъ старую религію, а *софистическое движеніе* выставило принципъ полнаго субъективизма въ нравственности. Протагоръ (480—411 г.) провозгласилъ общее теоретико-познавательное положеніе, что каждый „человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей,—существующихъ, что онѣ существуютъ, и не существующихъ, что ихъ нѣтъ“ (*πάντων χρημάτων μέτρον ἄνθρωπος, τῶν μὲν ὄντων ὡς ἔστι, τῶν δὲ μὴ ὄντων ὡς οὐκ ἔστιν*). Отсюда вытекало и торжество субъективизма въ морали, отрицаніе какихъ бы то ни было принциповъ нрав-

ственности. Право сильнаго провозглашалось, какъ основа дѣятельности отдѣльной личности. Оно же является въ это время и популярной политической теоріей. У Өукидида мы неоднократно находимъ въ рѣчахъ аѳинскихъ ораторовъ и пословъ провозглашеніе принципа права сильнаго, какъ руководящаго начала государственной жизни. Аѳинскіе послы въ Спартѣ такъ оправдываютъ свое господство надъ союзниками: „Никто еще не ставилъ права выше своихъ выгодъ" (*Thuc.* I 76). Философію эту, по словамъ Платона *), раздѣляли тысячи людей, хотя не всѣ рѣшались высказывать такія сужденія открыто. Сократъ потратилъ всю свою жизнь на борьбу съ этой этической безпринципностью.

Типичнымъ государственнымъ дѣятелемъ, проникнутымъ софистическимъ міропониманіемъ былъ *Алкивіадъ*. Это былъ человѣкъ, ни во что не вѣрившій, державшійся взгляда: ubi bene ibi patria **). Глубоко презирая демократію (онъ называлъ ее „доказанной глупостью") ***), онъ служилъ ей, пока это было выгодно, и покидалъ ее, когда не видѣлъ своего торжества ****).

Въ такой психологической средѣ и разыгрывались событія партійной борьбы въ Аѳинахъ въ эпоху пелопоннесской войны.

Олигархическое движеніе 413—410 годовъ. Послѣ неудачи сицилійской экспедиціи олигархическая партія и партія умѣренной буржуазіи подняли голову. Онѣ выдвигаютъ проекты реформъ демократическаго строя, и демосъ, подавленный неудачами, принимаетъ эти проекты.

Первый шагъ, сдѣланный этими партіями, заключался въ предложеніи (413 г.) установить коллегію изъ 10 пробуловъ (по одному отъ каждой филы), которые должны были взять въ свои руки руководство государственными дѣлами. Детальныхъ свѣдѣній о дѣятельности и функціяхъ этой коллегіи нѣтъ, но самое названіе показываетъ, что эта коллегія должна была быть контролирующимъ органомъ съ правомъ предварительнаго обсужденія дѣлъ. Появленіе коллегіи пробуловъ указываетъ на то, что демосъ уже идетъ на извѣстныя уступки.

---

*) *Resp.* II 358 C.

**) *Thuc.* VI 92.

***) Ὁμολογουμένη ἄνοια—*Thuc.* VI 89.

****) Блестящая характеристика этого міросозерцанія дана у *Пёльмана* въ его „Исторіи античнаго соціализма". Ср. также характеристику Алкивіада у него въ „Очеркѣ", рус. пер., 199 с.

Дальнѣйшія военныя неудачи, постигшія Аѳины, повели къ тому, что олигархи и умѣренные демократы стали дѣйствовать рѣшительнѣе. Олигархи пока еще не играли такой серьезной роли, какъ умѣренные демократы. Вождями были, — съ одной стороны, Писандръ, съ другой—Ѳераменъ. Послѣдній, подобно Никію также пользовался симпатіями Аристотеля и, кромѣ того, Ѳукидида, который Ѳераменову конституцію считалъ наилучшей.

Въ это время выдвигаются проекты реформъ. Мы обратимъ вниманіе лишь на основныя особенности этихъ проектовъ. Характеризуя аѳинскую демократію, я нарочно подчеркнулъ три основныхъ ея особенности: 1) всѣ лица, имѣвшія права гражданства, имѣли и одинаковое участіе въ осуществленіи верховной власти, почему, съ тогдашней точки зрѣнія, это была полная демократія; 2) существовало жалованіе за отправленіе государственныхъ обязанностей и 3) широко примѣнялась жеребьевка. Это я подчеркнулъ сейчасъ потому, что партіи, враждебныя демократіи, высказывались противъ этихъ особенностей государственнаго строя, за ихъ ослабленіе или даже окончательное уничтоженіе. Соотвѣтственно тремъ характернымъ особенностямъ аѳинскаго демократическаго строя и проекты олигархіи и умѣренной демократіи сводились, во 1-хъ, къ тому, чтобы участіе въ осуществленіи верховной власти принадлежало не всѣмъ гражданамъ безъ различія состоянія, а только группѣ лицъ, имѣвшихъ имущественный цензъ и которыхъ насчитывалось приблизительно около 5 тысячъ. Граждане, не удовлетворявшіе указанному требованію, т. е. не бывшіе въ состояніи вооружаться на свой счетъ, сохраняли за собой только лишь гражданскія права, не имѣя никакихъ политическихъ правъ. Изъ этихъ 5 тысячъ гражданъ долженъ былъ быть выбранъ совѣтъ 400, изъ числа членовъ котораго должны выбираться лица для замѣщенія болѣе важныхъ должностей, въ то время, какъ для замѣщенія менѣе важныхъ магистратуръ можно было выбирать и другихъ лицъ, т. е. не входящихъ въ составъ совѣта 400, но пользующихся политическими правами.

Второе ограниченіе демократіи сводилось къ ограниченію числа платныхъ должностей, къ ослабленію системы вознагражденія за несеніе государственныхъ обязанностей. Правда, пріостановка вознагражденія введена было только на время войны. Жалованіе должно было быть сохранено только за архонтами и пританами, т. е. очередными членами совѣта, въ размѣрѣ $^1/_2$ драхмы

въ день. Такимъ образомъ число платныхъ должностей очень сильно ограничивается.

Третья особенность предлагаемыхъ проектовъ сводилась, если не къ окончательному уничтоженію жеребьевки, то во всякомъ случаѣ къ значительному ограниченію примѣненія этой системы.

Помимо этой чисто-практической стороны, новое движеніе имѣло и свою идеологію: сторонники его говорили, что осуществленіе ихъ проектовъ поведетъ къ возстановленію стараго „*отеческаго устройства*" (ἡ πάτριος πολιτεία). Они старались усилить значеніе своихъ плановъ ссылками на то, что они предлагаютъ не что иное, какъ исконное аѳинское устройство, или, пожалуй, истинно-аѳинскій строй, который совпадалъ съ Солоновымъ строемъ. Конечно, въ этихъ заявленіяхъ есть доля истины, напр., тутъ и тамъ замѣчается сходство въ цензовой системѣ, но вѣдь, если придерживаться подобной точки зрѣнія и быть послѣдовательнымъ, то можно было дойти до провозглашенія истинно-аѳинскимъ строемъ патріархальнаго гомеровскаго строя.

Въ связи съ провозглашеніемъ этого строя появляется туча *памфлетовъ*. Такое явленіе не составляетъ особенности только аѳинской исторіи: оно наблюдается во всѣхъ странахъ при переходѣ отъ одной государственной формы къ другой (напр., въ исторіи англійской или французской революціи вы увидите то же самое явленіе). Между прочимъ среди этой памфлетной литературы возникъ, приписываемый *Ксенофонту*, трактатъ, извѣстный подъ названіемъ „Псевдо-ксенофонтовой Аѳинской Политіи", гдѣ сильно замѣтны олигархическія стремленія, умѣряемыя однако демократической струей. Относительно происхожденія этого произведенія выставлялось много гипотезъ, разбирать которыя здѣсь я не буду, скажу только, что нѣкоторые находили въ этомъ олигархическомъ трактатѣ позднѣйшія демократическія интерполяціи (покойный проф. А. Н. Шварцъ), другіе находили, что авторъ его желалъ установленія олигархическаго строя, но, считаясь съ историческими условіями, не находилъ возможнымъ его осуществленія и дѣлалъ уступку духу времени и т. д. Изъ памфлетной литературы этого времени вышла, вѣроятно, и *4 глава „Аѳинской Политіи" Аристотеля,* глава о реформѣ Дракона, которая очень близка по содержанію къ проектамъ олигархической партіи 411 года. Одинъ изъ олигархическихъ памфлетовъ былъ написанъ *Критіемъ*, однимъ изъ 30 тиранновъ 404 г.

Эти планы реформъ были приняты. Была выработана конституція на будущее время, а также временная конституція, каковой власть передавалась совѣту 400. Сначала было выбрано только 100 человѣкъ, которые уже сами пополнили число членовъ совѣта до законной нормы, такъ что власть временно перешла въ руки 400.

Пока партіи олигархическая и умѣренной демократіи дѣйствовала солидарно. Вождь послѣдней—Ѳераменъ входитъ въ соглашеніе съ олигархами. Въ виду этого Ѳерамена упрекали въ двойственности, въ томъ, что онъ готовъ былъ служить и нашимъ и вашимъ. Дѣйствительно Ѳераменъ — сторонникъ компромиссной политики: онъ стоитъ за умѣренную демократію, но его нельзя упрекать въ измѣнѣ своимъ взглядамъ: яснымъ доказательствомъ этого служитъ хотя бы то обстоятельство, что за свои взгляды онъ позднѣе поплатился жизнью.

Въ 411 г. Ѳерамену пришлось столкнуться съ Писандромъ и его приверженцами (Антифонтомъ, Фринихомъ). Эта группа желала установить чисто олигархическій строй и вовсе не хотѣла передавать власть 5000 гражданъ. Олигархи, желая сохранить управленіе за 400, замедляютъ составленіе списка „пяти тысячъ", пользующихся политическими правами. Ѳераменъ выступаетъ противъ нихъ и требуетъ, чтобы, имѣющіе, возможность вооружаться на свой счетъ (*ὁπόσοι ὅπλα παρέχονται*), были занесены въ списокъ полноправныхъ гражданъ и чтобы имъ была передана власть.

Въ то же время дѣла на морѣ у аѳинянъ идутъ неважно. Попытка олигарховъ начать переговоры со спартанцами окончательно подрываетъ у демоса довѣріе къ нимъ. Сначала демосъ вѣрилъ, что проводимыя олигархами реформы улучшатъ положеніе дѣлъ, теперь же онъ увидѣлъ свою ошибку и захотѣлъ исправить ее. Главная военная сила аѳинянъ — флотъ, стоявшій у о. Самоса, составленный главнымъ образомъ изъ демократическихъ элементовъ, — начинаетъ проявлять рѣзко-демократическій тонъ и демонстрировать противъ олигарховъ. Тогда эти послѣдніе входятъ въ соглашеніе съ *Алкивіадомъ*, котораго ставятъ во главѣ флота въ качествѣ стратега. Положеніе ихъ колеблется, они боятся потерять флотъ и идутъ на уступки. Временно власть переходитъ въ руки лицъ, могущихъ вооружаться на свой счетъ, хотя, насколько правильно были составлены списки ихъ,—мы не знаемъ.

Итакъ, Ѳераменъ взялъ верхъ, но потомъ возвращеніе Алкивіада ведетъ къ тому, что Ѳераменъ теряетъ власть, ибо Алкивіадъ находитъ выгоднымъ для себя стать на сторону полной демократіи. Въ Аѳинахъ возстановляется демократія (410 г.).

Конецъ пелопоннесской войны и тираннія тридцати. Послѣ крушенія попытокъ произвести олигархическій переворотъ въ Аѳинахъ борьба аѳинянъ съ пелопоннесцами шла съ перемѣннымъ успѣхомъ. Аѳинскій флотъ одержалъ въ 410—408 гг. рядъ побѣдъ надъ пелопоннесскимъ—въ сѣверныхъ водахъ (взятіе Византія въ 408 г.): пелопоннесцы сосредоточили здѣсь свой флотъ, желая отрѣзать доступъ въ Аѳины черноморскому хлѣбу. Алкивіадъ съ тріумфомъ вернулся въ Аѳины и былъ объявленъ единоличнымъ стратегомъ (ἡγεμὼν αὐτοκράτωρ—*Xen.* Hell. I 4, 20). Но эти успѣхи были непродолжительны. Спартанскій наварх (начальникъ флота) *Лисандръ*, даровитый, рѣшительный и независимый человѣкъ, склоняетъ военное счастье на сторону Спарты. Послѣ первыхъ неудачъ аѳиняне въ 407 г. лишаютъ Алкивіада полномочій (послѣ ряда скитаній онъ удаляется въ Персію, гдѣ и гибнетъ).

Аѳиняне нуждаются въ деньгахъ, Спарта же получаетъ энергичную денежную поддержку отъ Персіи. Въ іонійскихъ городахъ, благодаря политикѣ Лисандра, растетъ олигархическое движеніе.

Наблюдавшаяся еще раньше деморализація аѳинскаго общества теперь подъ вліяніемъ продолжительной войны проявляется еще въ большей степени. Мы нерѣдко видимъ въ Аѳинахъ проявленія жестокости. Мы видѣли, что еще ранѣе аѳиняне производили довольно жестокія расправы съ своими противниками, напр., съ мелосцами, нѣсколько сотъ которыхъ было казнено за сопротивленіе, а остальные проданы въ рабство. Такая же жестокость демоса обнаруживается въ процессѣ аргинузскихъ побѣдителей въ 406 г. Въ этомъ году при *Аргинузскихъ островахъ* аѳиняне одержали блестящую побѣду,—разбили спартанскій флотъ. Стратеги съ честью вышли изъ сраженія, но къ концу его разыгралась буря, нѣсколько кораблей аѳинскихъ было разбито. Много матросовъ и солдатъ погибло; спасти ихъ не удалось. Это вызываетъ негодованіе въ родственникахъ погибшихъ. Начинаютъ раздаваться нареканія на полководцевъ, что они-де не приняли мѣръ для спасенія погибавшихъ. Въ аѳинскомъ народномъ собраніи идутъ разговоры о неправильномъ поведеніи аргинузскихъ побѣдителей. Въ пылу страстей ихъ предаютъ суду, причемъ разбираютъ дѣло здѣсь же—

въ народномъ собраніи, чѣмъ нарушается обычный порядокъ судопроизводства. Дѣло оканчивается тѣмъ, что стратеговъ присуждаютъ къ смертной казни и конфискаціи имущества. Между прочимъ Сократъ высказывался противъ такого приговора. Однако результатомъ была казнь нѣсколькихъ способныхъ полководцевъ. Немного дней спустя, у народа появилось раскаяніе, но было уже поздно: мертвыхъ не вернуть! Изъ этого процесса ясно видно, какъ сильно былъ деморализованъ аѳинскій народъ продолжительной войной. Подобное явленіе наблюдается часто при продолжительныхъ войнахъ, таковъ, напр., былъ результатъ 30-лѣтней войны въ Германіи.

Затѣмъ аѳиняне терпятъ новыя пораженія, обусловленныя, кромѣ общихъ причинъ, еще и тѣмъ, что во главѣ спартанскаго флота всталъ такой видный полководецъ, какъ Лисандръ. Онъ стремится прервать торговлю Аѳинъ съ Чернымъ моремъ и лишить ихъ подвоза хлѣба. Особенно чувствительнымъ было пораженіе, которое Лисандръ нанесъ аѳинянамъ въ 405 г. на сѣверѣ Эгейскаго моря,—на рѣкѣ Эгоспотамосѣ („Козья рѣчка“) на берегу Ѳракійскаго Херсоннеса. Пять мѣсяцевъ спартанцы осаждали Аѳины. Аѳиняне, доведенные до крайности, отрѣзанные отъ моря, въ концѣ концовъ принуждены были согласиться на миръ. Согласно договору были разрушены длинныя стѣны Пирея, и отошли отъ Аѳинъ всѣ внѣшнія владѣнія. Аѳины были вынуждены вступить въ пелопоннесскій союзъ (404 г.).

Результатомъ этого пораженія было то, что власть вновь переходитъ въ руки олигарховъ. При содѣйствіи Спарты была выбрана комиссія 30, въ которую вошли олигархи и вожди умѣренной демократіи. Эта комиссія, которой поручено было выработать новую конституцію въ духѣ конституціи 411 года, получила названіе 30 *тираннов*ъ. Конечно, этотъ терминъ можно примѣнять здѣсь лишь условно. Это—не тиранны въ собственномъ смыслѣ словъ, какъ мы обычно понимаемъ этотъ терминъ, это не демагоги, захватившіе власть, опираясь на низшіе слои населенія, а ставленники Спарты, вожди олигархической партіи. Предполагалось, что власть не останется въ ихъ рукахъ, а будетъ передана въ руки аѳинскихъ гражданъ на основаніи имущественнаго ценза. Но оказалось, что, по предложенію Критія, гражданскія права получили только 3000 лицъ, при чемъ списки составлялись олигархами крайне произвольно. Признакомъ правомочности служилъ не имущественный или какой либо другой въ этомъ же родѣ цензъ, а просто политическая благонадежность. Политическія права получили только тѣ,

которые считались надежными въ глазахъ Критія и его сподвижниковъ. Ѳераменъ выступаетъ противъ Критія. Онъ попрежнему стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что въ составъ гражданъ должны войти всѣ тѣ, кто въ состояніи служить государству „на конѣ и со щитомъ", какъ говорили въ то время (*Xen*. Hell. II 3, 48).

Вотъ эти два теченія и вступаютъ борьбу. Пока одерживаютъ верхъ олигархи.

Управленіе 30 тиранновъ носитъ террористическій характеръ. Число жертвъ доходитъ до 2000, при этомъ имущество жертвъ обычно конфискуется. Казнятъ всѣхъ безъ разбора, какъ бѣдныхъ, такъ и зажиточныхъ, послѣднихъ даже больше,—съ цѣлью пополнить опустѣвшую казну. Результатомъ террора было повальное бѣгство.

Критій, вождь олигархической партіи, желаетъ сохранить власть въ рукахъ 30 лицъ. Столкновеніе его съ Ѳераменомъ приводитъ къ тому, что Критій незаконно предаетъ Ѳерамена казни. Это обстоятельство показываетъ, насколько стойко Ѳераменъ придерживался своихъ взглядовъ до конца жизни и насколько несправедливы упреки въ двуличности по его адресу.

Послѣ гибели Ѳерамена положеніе олигарховъ начинаетъ колебаться. Они опирались не на внутреннее соотношеніе силъ, а на Спарту, на внѣшнюю поддержку, а какъ разъ въ это время въ Спартѣ начинаются раздоры: царь Павсаній (авторъ памфлета, о которомъ шла рѣчь на стр. 196) выступаетъ противъ наварха Лисандра, ратовавшаго за замѣну наслѣдственной монархіи—выборной.

Спарта начинаетъ эксплоатировать своихъ союзниковъ: посылаетъ къ нимъ гармостовъ, ставитъ ихъ въ зависимое положеніе, облагаетъ данью. Въ результатѣ этой эксплоатаціи—начались волненія среди союзниковъ Спарты. Даже олигархическія Ѳивы даютъ пріютъ аѳинскимъ бѣглецамъ—демократамъ, чтобы этимъ досадить Спартѣ.

Составляется войско сторонниковъ аѳинской демократіи съ Ѳрасибуломъ во главѣ; демократы берутъ сначала крѣпость Филу, а затѣмъ захватываютъ Пирей и начинаютъ осаждать самыя Аѳины. 30 удаляются и замѣняются комиссіей изъ 10 лицъ. Царь Павсаній, смѣнившій въ предводительствованіи Лисандра, заключаетъ соглашеніе съ аѳинскими демократами. Затѣмъ въ архонтство Эвклида въ 403 г. возстановляется вполнѣ демократическій строй. Элевсинъ, куда бѣжали 30 тиранновъ, признанъ былъ особымъ государствомъ. Была объявлена амнистія

всѣмъ участникамъ послѣднихъ переворотовъ, которая не коснулась комиссій 30 и 10 и комиссіи, приводившей въ исполненіе приговоры 30.

Весьма знаменательно то обстоятельство, что Элевсинъ признанъ особымъ государствомъ. Я прежде говорилъ, что по нѣкоторымъ даннымъ (линія укрѣпленій, особая монета) Элевсинъ примкнулъ къ синойкизму аттическихъ общинъ довольно поздно. Приведенный выше фактъ является лишнимъ аргументомъ въ пользу выставленнаго предположеиія: даже въ такую позднюю эпоху, какъ конецъ V в., Элевсинъ является на нѣкоторое время обособленнымъ политическимъ цѣлымъ. Однако въ 402—401 гг. Элевсинъ былъ опять присоединенъ къ Аѳинамъ.

Этимъ оканчивается исторія пелопоннесской войны.

XIV. Періодъ классической или городской Греціи. 5. Внутренній кризисъ въ государствахъ-городахъ (классовая борьба) и попытки новыхъ государственныхъ образованій въ первую половину IV вѣка.

Источники.

Основнымъ источникомъ для исторіи Греціи въ первую половину IV в. до 362 г. является *Ἑλληνικά* Ксенофонта (см. выше стр. 259 сс). Для событій 396—5 гг. очень важенъ оксиринхскій папирусъ, вѣроятно, представляющій отрывокъ изъ *Ѳеопомпа* (см. выше стр. 261). Большое значеніе имѣютъ 14 и 15 книги *Діодора* и біографіи Лисандра, Агесилая и Пелопида, написанныя *Плутархомъ*. Для характеристики экономической жизни важны ораторы. *Надписи* особенно важны для исторіи 2-го Аѳинскаго союза.

Экономическая жизнь греческаго полиса въ концѣ V и IV вѣкахъ.

Плотность населенія. Вычисленія Белоха *) привели къ выводу, что густота населенія въ Аттикѣ въ V в. равнялась приблизительно 90 чел. на кв. километръ, а въ IV в., когда Аѳины стали играть менѣе центральную роль,—80 чел. Такимъ образомъ въ этой наиболѣе передовой—въ хозяйственномъ смыслѣ слова—области Греціи плотность населенія немного уступала таковой въ Кіевской и Московской губ. или въ нѣкоторыхъ

*) *Beloch.* Bevölkerung, стр. 100.

провинціяхъ Австріи, превышала густоту населенія въ Казанской губерніи (ок. 45 чел. на кв. кил.) и современной Греціи (ок. 42 чел. на кв. кил.), но уступала густотѣ населенія почти всей Западной Европѣ нашего времени.

Изъ вычисленій того же Белоха *) слѣдуетъ, что въ V и IV вв. только въ двухъ городахъ: Аѳинахъ и Сиракузахъ число жителей нѣсколько превышали 100,000. Коринѳъ имѣлъ, вѣроятно, около 70,000. Приблизительно таково было количество жителей въ IV в. въ малоазійскихъ городахъ Галикарнассѣ и Эфесѣ. Около 8 городовъ въ IV в. могло имѣть 40—50 тыс. жителей (Ѳивы, Спарта, Аргосъ, Мегалополь, Олинѳъ, Родосъ и др.).

Въ общемъ по вычисленіямъ Белоха Греція IV в. по числу и размѣрамъ населенныхъ пунктовъ нѣсколько уступала Италіи XVI в. по Р. Х. (въ расцвѣтъ Ренессанса) **).

Сельское хозяйство. Хлѣбопашество въ Греціи въ V и IV вв. было маловыгоднымъ занятіемъ. Дѣло въ томъ, что привозный хлѣбъ изъ плодородныхъ мѣстностей былъ настолько дешевъ, что переходъ къ интенсивной культурѣ въ Греціи былъ невыгоденъ. Поэтому здѣсь держалось по большей части двухпольное хозяйство и—рѣдко—трехпольное (Ѳеофрастъ упоминаетъ о яровой пшеницѣ и яровомъ ячменѣ) ***). Даже въ одномъ арендномъ контрактѣ III в. съ о. Аморга рѣчь идетъ о двухпольномъ хозяйствѣ ****).

При такомъ положеніи дѣлъ понятно, что землевладѣльцы нерѣдко продавали свои участки и вкладывали вырученныя деньги въ торговыя или кредитныя предпріятія. О такихъ операціяхъ говоритъ Ксенофонтъ въ своемъ трактатѣ о „Государственныхъ доходахъ" *****): „Когда появляется на рынкѣ много хлѣба и вина, и плоды дѣлаются дешевыми,—земледѣліе становится настолько убыточнымъ, что многіе продаютъ землю и направляютъ свои силы на оптовую или розничную торговлю и на кредитныя операціи".

---

*) Гл. обр. Bevölkerung, 478 и passim.

**) Atene e Roma, 1898, col. 257—278.

***) *Olck*, Ackerbau въ Real-Encyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft, изд. *Pauly-Wissowa*, I 268.

****) *Dittenberger*, Sylloge inscr. graec., 2 ed., № 531. *В. Л. Богаевскій*, Очеркъ земледѣлія Аѳинъ, Пг., 1915, стр. 75—77.

*****) *Xenoph.* De vectigalibus IV 6.

Нѣсколько прибыльнѣе было разведеніе винограда*), фруктовыхъ деревьевъ (смоковницъ) **), особенно оливокъ: ***) послѣднія были продуктомъ массоваго потребленія какъ въ видѣ плодовъ, такъ и переработанныя въ масло, и во многихъ мѣстностяхъ служили предметомъ экспорта.

Промышленность. Въ Аѳинахъ въ IV в. мы находимъ не только ремесленниковъ гомеровскаго типа (см. выше стр. 114), но и небольшія мануфактуры. Такъ у Лисія и его брата Полемарха была мастерская для изготовленія щитовъ съ 120 рабочими ****). У отца Демосѳена были двѣ мастерскія съ 20—30 рабочими. Одна изъ нихъ изготовляла мечи, другая—столярныя издѣлія. Въ первой работали 33 раба, во второй—20 *****). Другія мануфактуры были значительно меньше. Такъ, нѣкто Тимархъ, по свидѣтельству Эсхина ******), имѣлъ кожевенную мастерскую съ 10—11 рабочими, а нѣкто Кердонъ, по словамъ поэта Геронда,—башмачную съ 13 рабочими *******).

Эти цифры не должны казаться слишкомъ незначительными. Мануфактуры XVI и XVII вѣковъ въ Западной Европѣ рѣдко бывали больше по своимъ размѣрамъ. Парижскіе мастера въ концѣ XVI в. имѣли по 6 подмастерьевъ и по 6—8, самое большее—по 16 учениковъ. Въ XVII в. въ Парижѣ мастерская съ 15 рабочими считалась значительной. Въ 1721 г. около Граца (въ Австріи) проектировалось открытіе мануфактуры, гдѣ должно было работать 150—200 человѣкъ ********). Такимъ образомъ развитіе промышленности въ Греціи въ IV в. выдерживаетъ сравненіе съ размѣрами промышленности въ Западной Европѣ въ XVI—XVIII вв.

Въ ремеслѣ большую роль играетъ *свободный трудъ*: города наполнены множествомъ свободныхъ ремесленниковъ. Но въ болѣе значительныхъ мастерскихъ съ теченіемъ времени въ V и IV вв. значительное примѣненіе сталъ находить и *рабскій трудъ* (таковы были рабочіе въ отмѣченныхъ выше мануфактурахъ).

---

*) *В. Л. Богаевскій*, о. с., 112 сс.

**) Ib. 106—112.

***) Ib. 100—105.

****) *Lys.* XII 19.

*****) *A. Schäfer*, Demosthenes und seine Zeit, I², стр. 272.

******) I 97.

*******) VII 44.

********) Литература указана у *Кулишера*, Эволюція прибыли на капиталъ, I, 540; 607; 614.

Однако главной основой хозяйство рабскій трудъ не сталъ даже въ это время.

Торговля. Развитію промышленности, конечно, соотвѣтствуетъ и развитіе обмѣна. Обмѣнъ внѣшній—между различными странами—пріобрѣтаетъ большіе размѣры. Особенно значительны были хлѣбныя спекуляціи. Ксенофонтъ въ своемъ „Домостроѣ" (*Οἰκονομικός*) говоритъ (20, 27): „Купцы изъ большой любви къ хлѣбу (здѣсь у Ксенофонта сознательныя иронія: *φιλεῖν τὸν σῖτον*), какъ только услышатъ, что гдѣ-либо хлѣба скопилось много, плывутъ туда, переправляясь черезъ Эгейское море, и черезъ Эвксинъ (Черное море), и черезъ Сицилійское море. Потомъ, купивъ какъ можно больше хлѣба, везутъ его по морю, нагрузивъ на корабль, въ которомъ плывутъ сами. А, когда имъ нужны деньги, они выгружаютъ хлѣбъ не гдѣ придется, а продаютъ его тамъ, гдѣ, по слухамъ, онъ стоитъ дороже и гдѣ въ немъ люди особенно нуждаются".

Большіе размѣры начала принимать въ это время и торговля съ Востокомъ. Именно въ это время восточные товары начинаютъ находить сбытъ въ Греціи. Если уже Геродотъ (III 110) знаетъ о существованіи корицы, то только въ сочиненіи IV вѣка, неправильно приписываемомъ врачу Гиппократу, говорится о ея употребленіи въ Греціи *). Перецъ входитъ въ употребленіе въ Греціи тоже съ IV вѣка, какъ это видно изъ медицинскихъ сочиненій школы того же Гиппократа. Очень немногіе восточные товары проникали въ Грецію до IV в. (такъ мирра упоминается у греческихъ лириковъ VII в., а ладанъ—съ VI в.). Въ Грецію эти индійскіе и аравійскіе товары проникали чрезъ посредство финикіянъ.

Откупныя компаніи. Во многихъ государствахъ и въ частности въ Аѳинахъ капиталисты помѣщали свои средства въ операціи по откупу налоговъ. На откупъ (*ὠνή*) отдавался въ Аѳинахъ сборъ косвенныхъ налоговъ. Во второй половинѣ V вѣка на откупѣ была 2%-ная пошлина (*πεντηκοστή*) со стоимости ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ; во Ѳракійскомъ Боспорѣ аѳиняне взимали болѣе высокую—10-процентную пошлину съ товаровъ (*δεκάτη*). Существовалъ налогъ на куплю-продажу (*ἐπώνιον*), налогъ на метековъ (*μετοίκιον*) и много болѣе мелкихъ налоговъ. Всѣ эти налоги сдавались откупщикамъ (*τελώνης*), и откупныя операціи развились уже во вторую половину V в. Откупа слабо контро-

---

*) См. *М. Хвостовъ*, Исторія восточной торговли греко-римскаго Египта. Казань, 1907, стр. 92.

лировались государствомъ, заботившимся лишь о томъ, чтобы откупщикъ правильно вносилъ суммы, которыя онъ обязался вносить. Для обезпеченія правильности своихъ платежей откупщикъ вносилъ залогъ (*προκαταβολή*). За неисправность въ платежахъ откупщикъ подвергался ограниченію въ правахъ (атиміи) и тюремному заключенію, а имущество его конфисковалось. Хотя въ Аѳинахъ государство имѣло обыкновенно дѣло съ однимъ откупщикомъ, но этотъ послѣдній обычно привлекалъ товарищей, влагавшихъ въ дѣло свои капиталы (*μέτοχοι, κοινωνοί*).

На откупъ сдавались и государственныя имущества: земли, рудники и т. п.

Такъ какъ откупное дѣло требовало сложной организаціи, большого персонала, то въ Аѳинахъ создался особый классъ откупщиковъ-профессіоналовъ. Подобное явленіе должно было имѣть мѣсто и въ другихъ государствахъ. Однако въ греческихъ республикахъ откупщики не достигли того вліянія, какого они достигли въ Римѣ: греческія республики не имѣли огромныхъ и богатыхъ провинцій, подобныхъ римскимъ, откуда римскіе откупщики (publicani) во II и I вв. до Р. Х. извлекали свои огромные доходы.

Кредитное дѣло. Въ IV в. развивается и банковое дѣло, существовавшее въ Вавилонѣ во всякомъ случаѣ уже въ VI в. (банкъ Игиби). Банки древняго міра создавались не для торговаго и промышленаго кредита подобно многимъ современнымъ банкамъ, а гл. обр какъ мѣняльныя лавки и мѣста для храненія денегъ и производства платежей (депозитныя операціи). Мѣняльныя операціи развились очень быстро, потому что разнообразіе монетныхъ системъ на Востокѣ Средиземнаго моря очень затрудняло всякіе платежи и при растущемъ обмѣнѣ способствовало развитію мѣняльнаго дѣла. И депозитныя операціи въ видѣ храненія денегъ у банкировъ (*τραπεζῖται*) и платежей чрезъ ихъ посредство—тоже развивались, такъ какъ при постоянныхъ войнахъ и внутреннихъ смутахъ очень не безопасно было хранить деньги дома и въ особенности перевозить ихъ на разстояніе. Купцы предпочитали дѣлать вклады банкирамъ, имѣть у нихъ личные счеты и чрезъ ихъ посредство производить платежи. Но греческимъ банкамъ (*τράπεζαι*) не были чужды и кредитныя операціи: отдача денегъ въ заемъ подъ процента. Исократъ (*Τραπεζιτικός*) и Демосѳенъ (Pro Phormione, contra Steph. и др.) сообщаютъ намъ свѣдѣнія о банкирѣ Пасіонѣ. Это лицо въ молодые года было рабомъ, занятымъ въ банкирскомъ предпріятіи Антисѳена и Архестрата. За вѣрную службу Пасіону была да-

рована свобода. Впослѣдствіи онъ ведетъ свое собственное банковое дѣло и пріобрѣтаетъ репутацію честнаго банкира не только въ Аѳинахъ, но и вообще въ Греціи. Онъ составилъ себѣ крупное состояніе, выступалъ какъ благотворитель и получилъ въ Аѳинахъ права гражданства. Послѣ его смерти дѣло его велъ его вольноотпущенникъ Форміонъ, женившійся на его вдовѣ. Въ 371 г. банкъ Пасіона имѣлъ капиталъ въ 50 талантовъ (ок. 120,000 руб.),—сумма, по тогдашнему времени очень крупная. Кромѣ банкирскаго дѣла, Пасіонъ имѣлъ еще мастерскую щитовъ съ 60 рабочими, которую послѣ его смерти арендовалъ у его наслѣдниковъ Форміонъ, платя за нее 60 минъ арендной платы.

Крупныя банковыя операціи вели храмы Аполлона на о. Делосѣ и въ Дельфахъ, Артемиды въ Эфесѣ и др. Делоскому храму въ 377 г. были должны государства и частные лица 47 тал. (ок. 112,000 руб).

Большимъ тормазомъ для правильнаго развитія экономической жизни этого времени является отсутствіе правильно организованнаго и дешеваго кредита: малѣйшія хозяйственныя затрудненія губили и сельскихъ хозяевъ, и промышленниковъ, и торговцевъ, затягивая ихъ въ долги. Вотъ почему долговой вопросъ въ IV вѣкѣ и позднѣе занимаетъ центральное мѣсто въ хозяйственной и соціальной жизни греческихъ государствъ-городовъ.

Говоря вообще, *капитализмъ въ Греціи V и IV вѣковъ растетъ, но находится еще въ первоначальной стадіи развитія.*

Тѣмъ не менѣе народное хозяйство въ греческихъ полисахъ IV вѣка настолько усложнилось, что, какъ мы скоро увидимъ, политическая организація государства-города перестала удовлетворять новымъ экономическимъ потребностямъ: *все растущій обмѣнъ между различными частями греческаго міра требовалъ созданія болѣе значительныхъ государственныхъ соединеній. Внутри демократическихъ полисовъ тѣ группы населенія, въ рукахъ которыхъ былъ торговый и промышленный капиталъ, желали такой политической организаціи, которая болѣе бы обезпечивала ихъ интересы, чѣмъ городская демократія.*

Классовая борьба въ концѣ V и въ IV в.

Уже событія въ Аѳинахъ во вторую половину пелопоннесской войны показываютъ, какъ обострились отношенія между классами

въ Аттикѣ и какъ трудно было поддерживать внутреннюю устойчивость въ государствѣ-городѣ. Въ то же время эта эпоха показала, какъ трудно было каждому государству-городу создать себѣ независимое положеніе среди другихъ: Аѳины выбрали путь насилія по отношенію къ другимъ полисамъ и потерпѣли крушеніе.

Та классовая борьба, которая имѣла мѣсто въ Аттикѣ, проявляется и въ другихъ городахъ. Такъ, *въ Аргосѣ*, въ 370 г. вспыхнуло возстаніе низшихъ классовъ противъ имущихъ. Здѣсь 1500 человѣкъ были избиты палками,—многіе до смерти („возстаніе палочниковъ"—*σκυταλισμός*) *). Въ Ѳивахъ еще ранѣе, въ 379 г., произошелъ демократическій переворотъ, о которомъ рѣчь идетъ ниже.

Классовая борьба проявилась и въ Спартѣ.

Спарта въ V и IV вѣкахъ.

Мы видѣли, что спартанское общество было обществомъ земледѣльческимъ, въ которомъ земля сосредоточивалась въ рукахъ небольшого числа полноправныхъ жителей города Спарты. Земельные участки (*κλῆροι*)—недѣлимые и неотчуждаемые—обрабатывались крѣпостнымъ трудомъ гелотовъ. Остальное населеніе состояло изъ лично свободныхъ, но безправныхъ жителей періэкскихъ общинъ.

И внѣшняя политика Спарты была политикой земледѣльческаго государства. Чтобы поддерживать аграрный строй, необходимый для ея существованія, Спарта въ эпоху, предшествующую греко-персидскимъ войнамъ, направляла всѣ усилія на пріобрѣтеніе новыхъ земельныхъ владѣній. Мы знакомы съ завоеваніемъ Мессеніи, съ борьбой съ Арголидой. Ростъ числа полноправныхъ гражданъ Спарты требовалъ новыхъ надѣловъ. Аграрный строй основывался не только на равенствѣ участковъ, но и былъ направленъ на поддержаніе хозяйственнаго равновѣсія между семьями спартіатовъ, а между тѣмъ естественныя условія нарушали это равновѣсіе: естественный ростъ населенія велъ къ тому, что семьи увеличивались неравномѣрно, трудъ гелотовъ тоже былъ неравномѣренъ. Хозяйственныя неудачи, какъ, напримѣръ, неурожай, неодинаково поражали ту или иную гелотскую семью. Но всѣ эти естественныя причины роста неравенства можно было ослаблять тѣмъ, что новымъ гражданамъ давали участки на завоеванныхъ земляхъ.

---

*) *Isocrat.*, Philipp., 52. *Diod.* XV 58.

Однако къ срединѣ VI вѣка, нѣсколько раньше греко-персидскихъ войнъ, государства, окружавшія Спарту, достаточно консолидировались, и Спарта уже не могла бороться съ ними и отнимать у нихъ земли. Пріобрѣтеніе новыхъ земель прекратилось, и, благодаря дѣйствію естественныхъ силъ, равенство между спартіатами стало нарушаться, что установлено данными уже по отношенію къ VI в. Позднѣе результатъ дѣйствія этихъ причинъ сталъ еще замѣтнѣе.—такъ въ эпоху Аристотеля число гражданъ, владѣвшихъ земельными участками, сводится къ 1000 ч., а въ III в.—къ 700 ч., и только 100 ч. имѣли земли сверхъ обычнаго надѣла *).

Такимъ образомъ, число гражданъ Спарты, сохранившихъ свои земельныя владѣнія, все уменьшается. Хозяйственное благосостояніе колеблется; одни были богаче, другіе—бѣднѣе, у однихъ спартіатовъ благосостояніе гелотовъ не такъ поколебалось, какъ у другихъ.

Но какъ могло случиться, что многіе спартіаты прямо утратили землю, когда мы знаемъ, что эти участки были недѣлимы и неотчуждаемы? Недѣлимость и неотчуждаемость стали превращаться въ юридическую фикцію. Когда норма права перестаетъ удовлетворять потребности, то она, хотя и держится, но теряетъ реальное значеніе, и всегда находится обходный путь. Такъ случилось и въ Спартѣ.

Участки продолжались считаться недѣлимыми и неотчуждаемыми, но разъ спартіатъ, въ силу указанныхъ выше причинъ, чувствовалъ нужду въ средствахъ, онъ дѣлалъ заемъ, который могъ обезпечить только своимъ земельнымъ участкомъ. Но кто дастъ въ заемъ, если нельзя продать участокъ? Обходили законъ такимъ образомъ: закладывали не землю, а доходъ, получаемый съ нея. Собственникомъ оставался спартіатъ, но доходъ съ этого участка шелъ кредитору. Эта форма гипотеки существовала, какъ мы видѣли, и въ Аттикѣ, гдѣ она получила названіе антихрезы. Фактически спартіатовъ, сохранившихъ свои земли, осталось немного, и земельная собственность сосредоточивалась въ рукахъ немногихъ лицъ. По внѣшности размежеваніе участковъ остается прежнимъ, но фактически дѣло обстоитъ иначе. Въ первую половину IV в. и эта юридическая фикція исчезаетъ. При эфорѣ Эпитадеѣ былъ проведенъ законъ, по которому по прежнему запрещается купля-продажа участковъ,

---

*) См. *М. М. Хвостовъ*, Хозяйственный переворотъ въ древней Спартѣ **въ Учен.** Зап. Каз. Ун. 1901 и отдѣльно.

но разрѣшаются дареніе и завѣщаніе. Смыслъ этого закона таковъ: нельзя изъ корыстныхъ цѣлей отчуждать участки. Ничего не стоило этотъ законъ превратить въ такой порядокъ, что стала возможна и купля-продажа подъ видомъ даренія и завѣщанія. Масса обѣднѣвшихъ спартіатовъ потеряла свои участки въ силу своей задолженности, и участки въ эпоху Аристотеля сосредоточивались въ рукахъ 1000 спартіатовъ, а позднѣе въ эллинистическій періодъ (III в.) въ рукахъ 700 ч. Такимъ образомъ, въ Спартѣ происходитъ концентрація земельной собственности, что не могло не отразиться и на политическомъ строѣ. Мы знаемъ, что здѣсь правами обладали только граждане, дѣлавшіе взносы въ сисситіи. Чтобы дѣлать эти взносы, надо было обладать извѣстнымъ имущественнымъ благосостояніемъ; прекращая взносы, спартіатъ терялъ свои политическія права.

Изъ этого экономическаго переворота вытекалъ и политическій переворотъ,—власть политическая сосредоточивалась въ рукахъ немногихъ, и Спарта превращалась изъ демократіи въ олигархію. Главную политическую силу стали представлять эфоры, выбиравшіеся изъ числа полноправныхъ спартіатовъ. Въ эпоху пелопоннесской войны громадное вліяніе пріобрѣтаютъ полководцы (Лисандръ). Цари, власть которыхъ очень урѣзана; борятся съ этимъ порядкомъ (царь Павсаній и его пафлетъ см. выше стр. 191), но рѣдко имѣютъ успѣхъ. Этотъ процессъ начался въ V в., а достигъ высшихъ размѣровъ въ IV и III вв.

Измѣняется и внѣшняя политика Спарты. Когда власть была въ рукахъ всѣхъ спартіатовъ, они обращали особое вниманіе на пріобрѣтеніе новыхъ земель. Теперь политическая власть находится въ рукахъ немногихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые въ землѣ больше не нуждаются и заботятся не о пріобрѣтеніи земли, но о пріобрѣтеніи денегъ. Теперь, когда политика выходитъ за предѣлы Пелопоннеса, спартіаты заботятся о томъ, чтобы сосредоточить въ рукахъ государства денежныя средства въ интересахъ, какъ государства, такъ и частныхъ лицъ. Спартанскіе гармосты стараются о пріобрѣтеніи денегъ, какъ честнымъ, такъ и нечестнымъ путемъ. Платонъ въ своемъ діалогѣ „Алкивіадъ" называетъ Спарту самымъ богатымъ государствомъ послѣ Персидской монархіи. Такимъ образомъ картина Спарты совершенно мѣняется. Теперь Спарта—олигархія, въ которой граждане, потерявшіе свои участки, превратились въ *ὑπομείονες* („опустившіеся").

Въ результатѣ организуется заговоръ *Кинадона* въ 399 г., вызванный „опустившимися" спартіатами противъ спартанской

земельной аристократіи. Этотъ заговоръ удалось подавить. Вожди заговорщиковъ были казнены. Мы видимъ здѣсь не только борьбу гелотовъ и спартіатовъ, но и соціальную рознь среди самихъ спартіатовъ.

Спарта въ эту эпоху перестаетъ быть исключительно земледѣльческимъ государствомъ. Есть указанія на развитіе въ Лаконіи промышленности *), но земледѣліе всетаки преобладаетъ.

Мы увидимъ, что въ эллинистическій періодъ на почвѣ классоваго антагонизма вспыхиваютъ революціи, причемъ во главѣ „опустившихся" становятся цари Агисъ III (245—241 г.) и Клеоменъ III (235—219 г.). Они играютъ роль демагоговъ. Они стремятся возстановить прежній аграрный порядокъ, увеличить число спартіатовъ и сломить силу эфоровъ.

Наемныя войска.

Характерной особенностью IV вѣка является развитіе *наемныхъ войскъ*. Непрерывныя войны, изъ которыхъ многія носили характеръ не борьбы для защиты границъ страны, а характеръ колоніальныхъ экспедицій (походы аѳинянъ во Ѳракію и на Мраморное море, походы Агесилая спартанскаго въ М. Азію),—повели къ появленію профессіональныхъ полководцевъ и солдатъ, нанимающихся на службу за деньги: граждане неохотно принимаютъ участіе въ этихъ отдаленныхъ походахъ. Развитіе военной техники, усложнившее военную выучку, тоже способствовало развитію военнаго наемничества. Въ V в. господствуетъ фаланга гоплитовъ. Теперь Ификратъ вводитъ вмѣсто тяжеловооруженныхъ гоплитовъ *пельтастовъ*, вооруженныхъ сравнительно болѣе легко. Эпаминондъ вводитъ новый тактическій пріемъ—*косой строй*. Все это тоже ведетъ къ тому, что профессіональные солдаты начинаютъ выдвигаться сравнительно съ обычнымъ гражданскимъ ополченіемъ.—Соціальный кризисъ тоже способствовалъ развитію наемныхъ войскъ: масса пролетаріевъ шла въ военные наемники. Особенно много такихъ профессіоналовъ стала давать Спарта. Видные полководцы въ родѣ Ификрата или Хабрія (эпоха 2-го Аѳинскаго союза) не гнушаются стоять во главѣ наемныхъ войнъ. Спартанскій царь Агесилай со своимъ отрядомъ нанимается на службу къ Тахосу, ставшему во главѣ египтянъ, возставшихъ противъ персовъ, потомъ переходитъ служить къ его сопернику Нектанебу, котораго возводитъ

---

*) См. мою цитированную выше (стр. 290 пр.) статью.

на престолъ (360—359). Возникшія въ IV в. новыя монархіи еще болѣе способствуютъ развитію наемничества: не полагаясь на гражданское ополченіе, новыя династіи охотно берутъ къ себѣ на службу наемныя греческія войска. Напр., мы видимъ такія войска на службѣ у сиракузскаго тиранна Діонисія Старшаго въ началѣ IV в. наемныя войска мы находимъ въ IV в. въ Тарентѣ (въ Италіи), у Мавсола въ Галикарнассѣ. И персидскіе сатрапы пользовались греческими наемниками (ср. походъ 10,000 грековъ на помощь Киру Младшему, описанный Ксенофонтомъ въ „Анабасисѣ").

Нужно замѣтить, что формированіе новыхъ государствъ весьма часто влекло за собой явленіе, аналогичное греческому наемничеству IV в. Такъ мы видимъ кондотьеровъ въ итальянскихъ государствахъ XIV—XV вв. или ландскнехтовъ въ Германіи въ XV—XVI вв.

Отношенія греческихъ государствъ между собою въ первой половинѣ IV вѣка. Роль Персіи. 2-й Аѳинскій союзъ.

Спартанская гегемонія, установившаяся въ концѣ пелопоннесской войны, оказалась непрочной. Вскорѣ послѣ побѣды надъ Аѳинами, среди новыхъ спартанскихъ союзниковъ начинается броженіе противъ Спарты. Мы видѣли, что бывшіе аѳинскіе союзники присоединились къ Спартѣ потому, что аѳиняне ихъ очень эксплуатировали, вымогая деньги. Господство Спарты казалось имъ менѣе тяжелымъ, такъ какъ Спарта вела другую политику: она не облагала своихъ союзниковъ постоянными денежными взносами. Но послѣ пелопоннесской войны политика обоихъ государствъ круто измѣнилась и, какъ слѣдствіе этого, мы видимъ отпаденіе союзниковъ отъ Спарты. Союзники Спарты начинаютъ объединяться съ Аѳинами. Въ 395 г. къ Аѳинамъ присоединяются Ѳивы, Коринѳъ, Аргосъ и эвбейскіе города и дѣлаютъ добровольные взносы въ союзную кассу.

Персія вновь выступаетъ рѣшающимъ факторомъ. Это государство деньгами и флотомъ поддерживаетъ коалицію противъ Спарты, ибо оно не желаетъ, чтобы Спарта заняла то положеніе, которое прежде занимали Аѳины. Несмотря на успѣшныя дѣйствія спартанскаго царя Агесилая противъ персовъ въ Азіи, Спарта не можетъ бороться. При Книдѣ *Кономомъ*, аѳиняниномъ, бывшимъ на службѣ у персовъ, было нанесено въ 394 г. пораженіе спартанцамъ, которые теряютъ господство на морѣ. Другой полководецъ *Ификратъ* успѣшно борется со спартанцами на сушѣ въ Пелопоннесѣ. Но когда Спарта была доста-

точно ослаблена, Персія, боясь чрезмѣрнаго усиленія Аѳинъ, перемѣнила фронтъ и перешла на сторону Спарты. Война кончилась Анталкидовымъ миромъ въ 387 г. Этотъ миръ вернулъ мало-азійскихъ грековъ подъ власть персовъ. Другое условіе мира требовало, чтобы Аѳинскій союзъ былъ разрушенъ, такъ какъ всѣ общины были признаны автономными.

Но въ 378 г. Аѳинскій союзъ, разрушенный Анталкидовымъ миромъ, вновь возрождается. Былъ заключенъ союзъ съ большинствомъ государствъ Эгейскаго моря и городами ѳракійскаго побережья. До насъ дошелъ, въ видѣ надписи, подлинный текстъ этого договора, заключеннаго въ архонство Навсиника *). Этотъ 2-ой Аѳинскій союзъ (Белохъ называетъ его 3-мъ, такъ какъ вторымъ считаетъ кратковременный союзъ передъ Анталкидовымъ миромъ) отличается отъ перваго союза по своей первоначальной организаціи. Этотъ союзъ, какъ мы знаемъ изъ указанной надписи и сепаратныхъ договоровъ, былъ организованъ на началахъ равноправія. Всѣ союзники посылали *σύνεδροι* (т. е. засѣдателей), изъ которыхъ каждый имѣлъ одинъ голосъ въ общемъ союзномъ совѣтѣ (синедріонъ—*συνέδριον*). Этотъ совѣтъ разсматривалъ всѣ союзныя дѣла, опредѣлялъ внѣшнюю политику союза, количество кораблей и войска, которое должна выставлять каждая союзная община, опредѣлялъ союзные „взносы“ *συντάξεις*: нарочно употреблялось это слово вмѣсто слова *φόρος* („дань“), съ именемъ котораго соединялось воспоминаніе о вымогательствахъ аѳинянъ во время существованія 1-го Аѳинскаго союза. Эти взносы дѣлались по добровольному соглашенію всѣхъ союзныхъ общинъ. Аѳинамъ принадлежала гегемонія,— они командовали всѣми военными силами. Кромѣ того, постановленія синедріона должны были пройти черезъ аѳинскій совѣтъ 500 и экклесію, чтобы получить полную силу. Если какое-нибудь постановленіе синедріона отвергалось совѣтомъ или народнымъ собраніемъ, то оно силы не пріобрѣтало. Аѳинамъ принадлежала руководящая роль въ союзѣ: они могли наложить свое veto на постановленія синедріона, но не отъ нихъ зависѣла раскладка податей. Если синедріонъ не соглашался съ предложеніемъ аѳинскаго народнаго собранія или совѣта, то аѳиняне тоже должны были подчиняться. Мало того: аѳиняне въ союзныхъ договорахъ отказались отъ политики клерухій, т. е. вывода колоній во владѣнія своихъ союзниковъ. Мы видѣли что

---

*) I. G. II 17=*Dittenberger*. Syll. I² 80; ср. также Dittenb. I² 79; 81—84. Diod. XV 28—29.

во время Перикла эти клерухіи приводили къ тому, что аѳиняне держали въ земляхъ своихъ союзниковъ военные гарнизоны.

Однако цѣлый рядъ причинъ привелъ къ тому, что и этотъ союзъ сталъ вырождаться. Внѣшняя политика стала сводиться къ тому, къ чему и политика 1-го союза,—къ захвату рынковъ и къ ихъ защитѣ, что требовало содержанія постояннаго флота и денегъ. Аѳиняне старались поэтому увеличивать взносы союзниковъ. Кромѣ того, они не прочь были употреблять средства союзной казны на собственныя нужды; такимъ путемъ Аѳины постепенно перешли къ политикѣ вымогательствъ. Между тѣмъ въ это время опасность со стороны Спарты уже миновала (побѣды ѳиванцевъ надъ Спартой,—см. ниже), и вотъ противъ Аѳинъ возстаетъ Византія, затѣмъ Коркира, Хіосъ, Родосъ, Лесбосъ, Косъ и др. Въ 357 г. возникаетъ *Союзническая война*, которая кончается въ 355 г. распаденіемъ 2-го Аѳинскаго союза.

Преобладаніе Беотіи.

Постоянные раздоры Аѳинъ и Спарты повели къ тому, что во вторую четверть IV в. выдвинулась область, до сихъ поръ игравшая второстепенную роль. Я говорю о Беотіи, во главѣ которой стоялъ городъ Ѳивы *).

Какъ мы видѣли (стр. 171 и 266), въ теченіе второй половины V в. бо́льшая часть беотійскихъ городовъ съ Ѳивами во главѣ стояла на сторонѣ Спарты. Здѣсь господствовала старая родовая знать, къ которой примкнули наиболѣе богатые люди, обладавшіе всадническимъ цензомъ. И въ Ѳивахъ и въ другихъ беотійскихъ городахъ эта олигархическая партія поддерживала главенство Ѳивъ въ союзѣ: олигархи другихъ городовъ находили всегда поддержку въ беотійской аристократіи.

Рѣшительная побѣда спартанцевъ надъ аѳинянами въ 404 г. измѣнила положеніе въ Беотіи: старый врагъ беотійцевъ—ихъ опасные по своей силѣ ближайшіе сосѣди аѳиняне—былъ сломленъ. Аггрессивная политика Спарты по отношенію къ ея союзникамъ оттолкнула отъ Спарты и беотянъ, и въ результатѣ въ большинствѣ беотійскихъ городовъ лаконофильская олигархія должна была уступить мѣсто буржуазной партіи, установившей для полноправныхъ гражданъ цензъ, но болѣе низкій, чѣмъ цензъ эпохи олигарховъ. Эта буржуазная демократія оказываетъ

---

*) *С. Я. Лурье*, Беотійскій союзъ. 238 сс.

съ 403 г. поддержку Аѳинамъ въ ихъ борьбѣ со Спартой и съ 397 г. вступаетъ съ этой послѣдней въ открытую борьбу, соединившись съ Коринѳомъ, Аѳинами и др. Однако Антилкидовъ миръ 387 г., благодаря помощи, оказанной Спартѣ со стороны Персіи, ликвидировалъ это антилаконское движеніе. Въ Ѳивахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ беотійскихъ городахъ восторжествовали вновь олигархи, находившіе по прежнему поддержку въ Спартѣ. Беотійскій союзъ распался.

Однако это торжество олигархіи было непродолжительно. Какъ мы видѣли выше (стр. 289 сс.), Спарта все болѣе слабѣла, и въ 379 г. въ Ѳивахъ, а затѣмъ и въ другихъ беотійскихъ городахъ произошли политическіе перевороты, выдвинувшіе уже не цензовую, какъ въ 404 г., а крайнюю демократію. Беотійскій союзъ былъ возобновленъ. Во главѣ стали Ѳивы *). Немногіе города Беотіи, не желавшіе подчиниться Ѳивамъ (Платеи, Ѳеспіи, Орхоменъ) были присоединены къ союзу силой. Руководителемъ этого объединительнаго движенія былъ ѳиванецъ Пелопидъ.

Аѳины сначала оказывали поддержку Ѳивамъ, но, когда Беотійскій союзъ сталъ рости, онѣ вмѣстѣ со Спартой стали къ нему въ оппозицію (374 г.). На съѣздѣ представителей греческихъ государствъ въ Спартѣ (371 г.) Спарта и Аѳины добивались подтвержденія условій Анталкидова мира и, слѣдовательно, разрушенія Беотійскаго союза, но представитель ѳиванцевъ на конгрессѣ Эпаминондъ отказался подчиниться этому требованію. Спартанцы вторглись въ Беотію, но были разбиты въ 371 г. при Левктрахъ.

Послѣ этой побѣды съ беотійцами заключили союзъ обѣ Локриды, Фокида, Этолія, Акарнанія, города Эвбеи. Такимъ образомъ Средняя Греція, за исключеніемъ Аттики, объединилась въ обширный союзъ.

Ѳиванцы стремятся укрѣпить свое вліяніе и въ Ѳессаліи (370 г.) и въ то же время предпринимаютъ рядъ походовъ въ Пелопоннесъ, чтобы окончательно сломить Спарту. Аѳиняне подорвали спартанское могущество на морѣ, а ѳиванцы на сушѣ.

Итакъ, одновременно съ развитіемъ 2-го Аѳинскаго морского союза развивается сухопутный Ѳиванскій союзъ.

Въ Пелопоннесѣ Аркадія, до тѣхъ поръ разрозненная, объединяется. Здѣсь образуется новый городъ *Мегалополь*, около

---

*) Для исторіи Беотіи въ эту эпоху очень цѣнныя свѣдѣнія даетъ отрывокъ изъ Ѳеопомпа на Оксиринхскомъ папирусѣ (см. выше стр. 261).

котораго объединяется вся Аркадія (370 г.). Такимъ образомъ, положеніе Спарты все ухудшается.

Наконецъ, Эпаминонду удается нанести Спартѣ ударъ, отъ котораго она никогда больше не могла оправиться: онъ отнимаетъ отъ нея Мессенію, которою Спарта кормилась; въ 370 г. Мессенія получаетъ самостоятельность.

Спарта навсегда превращается во второстепенное государство. Даже въ Пелопоннесѣ она теряетъ свое значеніе. Аркадія, Мессенія и Арголида вступаютъ въ Беотійскій союзъ.

Въ 362 г. при Мантинеѣ ѳиванцы нанесли новый ударъ Спартѣ, но въ этой битвѣ палъ Эпаминондъ. Потеря такого вождя была очень тяжела для Ѳивъ; а затѣмъ ихъ постигли новыя неудачи. Пелопоннесцы не хотѣли болѣе поддерживать ѳиванцевъ, такъ какъ Спарта была уже вполнѣ ослаблена. А затѣмъ начались раздоры и въ Средней Греціи: Ѳивы вступили въ борьбу съ непокорной Фокидой. Такъ какъ для полученія средствъ для войны вождь фокидянъ Филаменъ воспользовался сокровищами Дельфійскаго храма, а ѳиванцы объявили себя защитниками храма, то война получила названіе „Священной“ (354 г.).

Итакъ, въ 355 г. распался Аѳинскій морской союзъ, а послѣ 362 г. сталъ постепенно распадаться и Ѳиванскій. Такимъ образомъ, въ срединѣ IV в. мы видимъ въ Европейской Греціи тотъ же сепаратизмъ, какъ и раньше. Такое положеніе не могло продолжаться,—долженъ былъ найтись какой нибудь выходъ. Этотъ выходъ дѣйствительно нашелся, но не тотъ, о которомъ мечтали греки эпохи пелопоннеской войны: Священная война дала поводъ вмѣшаться въ дѣла Средней Греціи новой политической силѣ—Македоніи.

XV. Краткій очеркъ эллинистическаго періода.
I. Македонское завоеваніе.

Источники.

Основнымъ источникомъ для періода времени съ 360-хъ годовъ до 302 г. является *Діодоръ Сицилійскій* (XVI—XX книги).

Для эпохи *Филиппа Македонскаго* въ основѣ Діодора лежали „Филиппики“ *Ѳеопомпа* (см. стр. 17 и 261); возможно, что Діодоръ пользовался также *Эфоромъ*, который служилъ ему главнымъ источникомъ въ предшествующихъ книгахъ.

Ѳеопомповыми „Филиппиками“ воспользовался для своей всемірной исторіи историкъ эпохи Августа *Трогъ Помпей*, со-

чиненіе котораго (тоже подъ заглавіемъ „Филиппики") дошло до насъ, къ сожалѣнію, лишь въ видѣ конспекта, составленнаго нѣкимъ *Юніаномъ Юстиномъ.* Трогъ Помпей пользовался и другими источниками, кромѣ Ѳеопомпа.

Существеное значеніе для эпохи Филиппа Македонскаго имѣютъ *Плутарховы* біографіи Демосѳена и Фокіона.

Если такимъ образомъ дошедшій до насъ отъ эпохи Филиппа матеріалъ историческихъ сочиненій очень невеликъ, то тѣмъ болѣе приходится цѣнить матеріалъ другого рода, дошедшій до насъ отъ этого времени. Я имѣю въ виду публицистическія сочиненія и политическія рѣчи. До насъ дошелъ рядъ сочиненій публициста того времени *Исократа,* развивавшаго въ своихъ произведеніяхъ новыя политическія идеи (объединительныя, а отчасти монархическія). Очень важны политическія рѣчи вождя противомакедонской партіи въ Аѳинахъ *Демосѳена* и одного изъ лидеровъ партіи македонской *Эсхина* (*Αἰσχίνης*). Эти рѣчи даютъ, конечно, тенденціозное освѣщеніе событій, но за-то представляютъ яркую картину партійныхъ теченій эпохи. Судебныя рѣчи *Демосѳена* и другихъ ораторовъ въ частныхъ процессахъ являются очень важнымъ источникомъ для экономической исторіи, исторіи быта и исторіи права.

Время *Александра Македонскаго* оставило намъ еще меньше современныхъ источниковъ, но сохранившіяся болѣе позднія историческія повѣствованія даютъ намъ возможность прослѣдить главныя теченія въ исторической литературѣ, современной Александру и непосредственно за нимъ слѣдовавшей.

Съ одной стороны мы имѣемъ *оффиціальную версію.* При главной квартирѣ Александра велся оффиціальный дневникъ (*ἐφημερίδες*), который вмѣстѣ съ другими оффиціальными документами легъ въ основу повѣствованій сподвижниковъ Александра. Таковы были мемуары одного изъ его генераловъ *Птолемея* (впослѣдствіи—царя Египта) и нѣкоторыхъ другихъ (Аристобула, Неарха и пр.) *).

Оффиціальная версія легла въ основу дошедшаго до насъ труда историка II в. по Р. Х. *Арріана* (*Ἀνάβασις* и *Ἰνδική*).

Но рядомъ съ оффиціальной традиціей существовала и другая, выходившая изъ круговъ, *оппозиціонныхъ* Александру, недовольныхъ его покровительствомъ варварамъ. Слѣды этой традиціи проглядываютъ въ латинскомъ трудѣ историка I в. по

---

*) Эти повѣствованія до насъ не дошли.

Р. Х. *Квинта Курція*, несмотря на общій панегирическій характеръ этого сочиненія.

Рядомъ съ этими, такъ сказать, политическими теченіями уже при жизни Александра, а еще болѣе послѣ его смерти стала вырабатываться *популярная* традиція, въ основѣ своей проникнутая паѳосомъ по отношенію къ подвигамъ царя. Начало этой традиціи положилъ *Каллисѳенъ*, литераторъ, сопровождавшій Александра въ его походахъ, но впослѣдствіи впавшій въ немилость. Эта же традиція лежала въ основѣ труда *Клитарха* (вѣроятно, конца IV в. до Р. Х.). Названныя произведенія до насъ не сохранились, но отмѣченная популярная традиція легла въ основу большинства дошедшихъ до насъ историческихъ произведеній, изображающихъ эпоху Александра: 17-й книги *Діодора Сицилійскаго*, *Трога Помпея* (Юстина—см. выше стр. 298), *Квинта Курція Руфа*, *Плутарха* (въ біографіи Александра).

Дополнительныя данныя для этой эпохи даютъ *надписи и монеты*.

Объединительныя теченія въ греческомъ обществѣ въ первой половинѣ IV вѣка.

Мы видѣли, что въ теченіе долгаго времени (VII—пол. IV в.) нормальной государственной формой въ Греціи было государство-городъ, полисъ. Оно заключало въ себѣ или городскую общину или, какъ Аттика и Лаконія, маленькую область съ господствующимъ городомъ. Лаконія и Аттика были, пожалуй, самыми крупными изъ такихъ областей. Съ ними могла конкурировать лишь Беотія въ тѣ эпохи своего существованія, когда она объединялась подъ главенствомъ Ѳивъ, но, какъ мы видѣли (стр. 171), такое объединеніе не было устойчивымъ. Элида въ Пелопоннесѣ, несмотря на свою сравнительно обширную территорію, никогда не была въ состояніи играть самостоятельной политической роли: самое ея объединеніе произошло не безъ поддержки Спарты *).

Еще до греко-персидскихъ войнъ имѣла мѣсто попытка образовать болѣе значительное государственное соединеніе. Я имѣю въ виду Пелопоннесскій союзъ. Но это соединеніе имѣло характеръ лишь международнаго соглашенія государствъ, слабо связанныхъ между собою. Это не было сплоченнное государство (стр. 209 с.).

---

*) *Strab.* VIII 358; ср. *Beloch*, Gr. Gesch. I² 386.

Позднѣе, въ эпоху греко-персидскихъ войнъ, появляется новая федерація, превращающаяся въ объединенное государство—Аѳинскую державу. Потомъ мы видимъ, какъ къ концу пелопоннесской войны прежніе союзники Аѳинъ группируются вокругъ Спарты, но союзъ этотъ непроченъ, и опять Аѳины дѣлаютъ попытки возстановить объединеніе государствъ подъ своею гегемоніей. Въ результатѣ создается 2-й Аѳинскій союзъ, держащійся почти четверть вѣка. Въ то же время Средняя Греція и часть Пелопоннеса объединяются подъ главенствомъ Ѳивъ, но и эта федерація рушится.

Менѣе грандіозныхъ попытокъ объединенія было еще больше. Въ концѣ V в. Родосъ съ прилегающими маленькими островами объединяется въ Родосское государство *). Затѣмъ мы знаемъ, какъ Аркадія объединилась въ 370 г. вокругъ Мегалополя (стр. 296). Ѳессалія объединяется на короткое время (374—370) вокругъ г. Феръ подъ властью ферскаго тиранна Ясона. Такимъ образомъ мы видимъ цѣлый рядъ попытокъ создать болѣе значительныя соединенія путемъ или синойкизма или федераціи. Синойкистическія соединенія, т. е. окончательныя сліянія мелкихъ, близь лежащихъ другъ къ другу общинъ часто удаются; федеративныя государства, напротивъ, непрочны.

Во всѣхъ случаяхъ мы должны сдѣлать выводъ, что въ эллинскихъ общинахъ къ IV в. назрѣла тенденція къ объединенію.

Что же вызвало эти стремленія? Очевидно старыя формы городского государства перестали удовлетворять новымъ потребностямъ. Новыя экономическія потребности вызываютъ созданіе крупныхъ государствъ, ведущихъ торговый обмѣнъ на большихъ территоріяхъ. Возросшія торговыя сношенія не могли быть удовлетворены маленькими городскими республиками, такъ какъ послѣднія могли давать защиту только на небольшихъ пространствахъ, между тѣмъ какъ обмѣнъ доходилъ до Египта и до южной Италіи, до колоніи Массиліи (Марсель) и до Тавриды. Нужны были болѣе значительныя политическія соединенія, которыя могли бы дать защиту торговымъ интересамъ на болѣе значительныхъ пространствахъ. Это одна причина, вызывавшая созданіе новыхъ государственныхъ формъ, но были и другія причины, сущность которыхъ мы увидимъ, заглянувъ во внутреннюю жизнь государствъ-городовъ.

---

*) *Diod.* 13, 75; *Strabo* XIV 655.

Соціальная борьба проникла даже внутрь лагернаго государства спартанцевъ. Такая же борьба происходила въ Аѳинахъ и въ другихъ государствахъ, крупныхъ и мелкихъ; вездѣ видимъ глубокую классовую дифференціацію, столкновенія имущихъ съ неимущими, земледѣльцевъ съ землевладѣльцами, пролетаріата съ капиталистами. Такимъ образомъ, во всѣхъ государствахъ безъ различія государственныхъ формъ идетъ классовая борьба, принимающая нерѣдко очень суровыя формы, кончающаяся иногда даже частичнымъ истребленіемъ побѣжденныхъ или продажей ихъ въ рабство. Такая классовая борьба, осложненная международными столкновеніями, создавала полную необезпеченность личности и имущества. Классовая борьба со стороны низшихъ классовъ велась подъ лозунгомъ „уничтоженія долговыхъ обязательствъ и передѣла всѣхъ земель“ (*χρεῶν ἀποκοπὴ καὶ γῆς ἀναδασμός*). Гдѣ только демократія одерживала верхъ, старались провести оба эти пункта. Такого рода экономическій переворотъ отражался и на экономическомъ положеніи государства, такъ какъ масса долговыхъ обязательствъ была связана съ международными отношеніями. Часто вскорѣ происходила реакція; сами народныя массы, не добившись желаемаго, отказывались отъ своихъ вождей. Брала верхъ партія имущихъ и мстила демократіи. Экономическій строй продолжалъ основываться на неравенствѣ.

При такихъ условіяхъ государство-городъ перестаетъ удовлетворять массу населенія и особенно имущіе классы. Среди послѣднихъ видимъ тенденцію въ сторону созданія новыхъ государственныхъ формъ. Еще въ эпоху пелопоннесской войны мы видѣли въ Аѳинахъ проектъ олигархическихъ партій, желавшихъ созданія умѣренной демократіи или господства немногихъ богатыхъ группъ населенія. Но эти проекты, какъ мы знаемъ, рухнули.

Новые политическіе идеалы.

Въ концѣ V и началѣ IV в. въ зажиточныхъ слояхъ населенія мы видимъ лихорадочное стремленіе къ новымъ политическимъ идеаламъ. Эти идеалы постепенно оформливаются и въ нихъ все чаще проглядываютъ *монархическія тенденціи*, раньше чуждыя греческимъ государствамъ. Напримѣръ, *Ксенофонту* принадлежитъ назидательный политическій романъ „Киропедія“, героемъ котораго является Киръ Старшій, основатель Персидской монархіи. Ксенофонтъ рисуетъ типъ просвѣщеннаго государя, который желаетъ блага своему народу и проводитъ

эту идею въ жизнь. Также у *Платона*, написавшаго два чисто-политическихъ сочиненія „Государство“ и „Законы“, гдѣ онъ стоитъ за господство интеллигентныхъ слоевъ,—вѣра въ монархію была настолько сильна, что онъ является при дворѣ Діонисія Старшаго, тиранна сиракузскаго, а затѣмъ его преемника Діонисія Младшаго и мечтаетъ осуществить чрезъ ихъ посредство свои политическіе идеалы, но это ему не удается. Въ діалогѣ „Политикъ“ мы видимъ у Платона опредѣленную защиту монархическаго принципа, но съ условіемъ, чтобы монархъ правилъ по законамъ: „Итакъ монархія, основанная на хорошихъ писанныхъ правилахъ, которыя мы именуемъ законами, есть изъ всѣхъ шести формъ (басилейя, тираннія, аристократія, олигархія, правильная и неправильная демократіи)—наилучшая“ (*Plut.* Politic. 302 e). *Исократъ*, учитель краснорѣчія первой половины IV в., проводитъ тоже въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ („Никоклъ“ и „Къ Никоклу“) монархическія тенденціи. У *Аристотеля*, близкаго македонскому двору Филиппа и Александра, мы видимъ, что онъ, не будучи исключительнымъ приверженцемъ монархіи, тѣмъ не менѣе считаетъ возможнымъ признать монархію одной изъ лучшихъ формъ, если поставить во главѣ государства лучшаго человѣка (Polit. III 11, 12). Монархія привлекаетъ Аристотеля также тѣмъ, что, по его мнѣнію, она можетъ стать надъ классовой борьбой (V 8, 6). Ему кажется, что даже тираннъ можетъ стремиться къ благу не отдѣльнаго класса, а къ благу всѣхъ, что монархъ можетъ возвыситься надъ партійными раздорами (V 9, 19). Аристотель признаетъ, что демократія имѣетъ много за себя, но имѣя передъ собой только единственную форму демократіи,—государство-городъ, онъ ею не вполнѣ удовлетворяется. Додуматься до конституціоннаго государства онъ не могъ; за то онъ допускаетъ мысль о просвѣщенной монархіи, какъ одной изъ правильныхъ формъ.

Итакъ, жизнь греческихъ обществъ IV в. требуетъ болѣе прочной и ослабляющей классовую борьбу формы государства. Одна изъ болѣе сильныхъ формъ достигается федераціей государствъ-городовъ,—отсюда тенденція къ образованію городскихъ союзовъ, а ослабленіе классовой борьбы достигается, какъ кажется многимъ, въ монархіи. Это стремленіе къ надклассовому господству вноситъ въ жизнь монархическую тенденцію.

Такія реальныя и идейныя условія создали для Македоніи возможность основать свою власть надъ Греціей.

Возвышеніе Македоніи и подчиненіе Греціи.

Что внѣшняя сила могла пріобрѣсти вліяніе въ Греціи, это мы видимъ по той роли, которую играла Персія во время пелопоннесской войны и позднѣе. Но въ Персіи въ данное время происходятъ внутренніе безпорядки и неурядицы. Ея мѣсто занимаетъ Македонія: она ближе къ Европейской Греціи и не отдѣлена отъ нея моремъ. Македонія—очень патріархальное государство, что сослужило для нея большую службу. Передъ эпохой Филиппа мы находимъ въ Македоніи чисто земледѣльческое общество; преобладающее населеніе сельское: крестьянство рядомъ съ землевладѣльческой военной аристократіей. Надъ ними возвышается царская власть въ духѣ гомеровскихъ поэмъ,—царь военачальникъ, жрецъ и судья.—На Өракійскомъ побережьѣ была масса греческихъ торговыхъ поселеній. Македонскіе цари, видя раздробленность греческихъ городовъ, стараются захватить крупные центры побережья. Потидея, Амфиполь, Пидна, Олинөъ являются лакомымъ кускомъ для Македоніи. Филиппъ, по вступленіи на престолъ, видя раздоры во 2-мъ Аөинскомъ союзѣ, начинаетъ дѣйствовать противъ этихъ городовъ. Въ 357 г. онъ начинаетъ захватывать ихъ въ свои руки. Когда дѣло доходитъ до Амфиполя и Олинөа, вступаются Аөины, боявшіяся усиленія Македоніи. Они оказываютъ городамъ помощь, но она запаздываетъ, и въ 348 г. Олинөъ былъ взятъ. Но Филиппъ, дѣйствуя противъ приморскихъ государствъ, въ то же время заглянулъ и внутрь средней Греціи. Онъ вмѣшивается въ дѣла Дельфійской Амфиктіоніи,—союза городовъ, защищавшаго храмъ Аполлона Дельфійскаго. Филиппъ выступаетъ, какъ благожелательный союзникъ Амфиктіоніи, когда онъ рѣшаетъ дѣйствовать противъ нарушителей правъ этого союза (фокейцевъ). Онъ беретъ на себя наказаніе нарушителей, но это даетъ ему возможность утвердить свое вліяніе въ Средней Греціи; онъ, какъ бы выполняя святое дѣло (защиту Дельфійскаго храма), въ то же время упрочиваетъ свою политическую власть.

Почти во всѣхъ греческихъ государствахъ между 357 и 348 годомъ образуются двѣ партіи,—*македонская и антимакедонская.* Чтобы понять характеръ этихъ партій, нужно считаться съ политикой Филиппа; она очень осторожна,—онъ хочетъ выступать въ качествѣ сторонника эллинизма. Если община не оказываетъ сопротивленія, онъ присоединяетъ ее на началахъ равноправія, а если оказываетъ, то онъ караетъ ее, только когда этого требуютъ реальныя политическія соображенія. Поэтому часть грековъ Средней Греціи, видя, что Филиппъ не

врагъ греческой націи, а хочетъ объединить Грецію,—готова признать его народнымъ вождемъ. Это показываетъ проницательность Филиппа и знаніе психологіи грековъ: въ республикахъ больше всего боялись принципа подчиненія, больше всего стояли за идею автономіи, хотя бы чисто формальной.

Въ буржуазныхъ зажиточныхъ слояхъ начинается движеніе въ пользу Филиппа. Въ рѣчахъ Исократа (которыя никогда не произносились, а распространялись въ письменной формѣ) до появленія Филиппа проводится мысль, что грекамъ надо объединиться для борьбы съ персами, но когда появляется Филиппъ, то въ рѣчи: „Филиппъ" Исократъ прямо призываетъ этого царя стать во главѣ грековъ, а грековъ объединиться вокругъ Филиппа и создать эллинскую націю. Мы видимъ, что многіе видные вожди грековъ—сторонники македонской политики (напримѣръ, аѳинскій полководецъ Фокіонъ).

Напротивъ, Демосѳенъ—врагъ македонской партіи. Онъ становится въ Аѳинахъ во главѣ ея противниковъ; онъ обвиняетъ своихъ политическихъ враговъ въ томъ, что они подкуплены Филиппомъ, но доказать этого ему не удавалось: среди нихъ были такіе безукоризненные люди, какъ Фокіонъ. И Исократа также надо назвать патріотомъ,—только онъ патріотъ панэллинскій, а Демосѳенъ—узко-аѳинскій.

Во главѣ антимакедонской партіи становится Демосѳенъ, во главѣ македонской—Эсхинъ. Враги Демосѳена въ свою очередь обвиняли Демосѳена въ томъ, что онъ былъ подкупленъ персидскимъ царемъ. Но повторяю: эти взаимныя обвиненія не доказаны. Правда, извѣстно, что позднѣе, въ 335 г., Демосѳенъ получилъ отъ персидскаго царя крупную сумму въ 300 тал., однако эти деньги были употреблены имъ на нужды Аѳинъ, которыя готовились къ борьбѣ съ Македоніей.

Демосѳенъ, желая сохранить демократическій строй, но считаясь съ интересами буржуазіи, старается распредѣлить повинности, падавшія только на богатыхъ, болѣе равномѣрно,—напримѣръ, въ отношеніи снаряженія кораблей.

Аѳиняне, руководимые въ данный моментъ Демосѳеномъ, сами вызываютъ борьбу съ Филиппомъ. Филиппъ пока предпочелъ бы жить съ ними въ мирѣ, потому что у него очень слабый флотъ; онъ не хочетъ начинать съ ними войны раньше, чѣмъ не укрѣпится на сушѣ и не обратитъ вниманія на море. Но Демосѳенъ понимаетъ, что если начинать войну, то надо начинать ее немедленно. Въ 344 г. Демосѳенъ предпринимаетъ путешествіе по Пелопоннесу, желая объединить грековъ для

борьбы съ Филиппомъ. Это ему не удается. Большинство желаетъ сохранить хорошія отношенія съ Филиппомъ; однако мелкія государства Средней Греціи онъ объединяетъ.

Вскорѣ Филиппъ долженъ вмѣшаться въ дѣла Средней Греціи: Амфиктіонія поручаетъ ему военную экзекуцію противъ строптивой Амфиссы. Выступленіе Филиппа было угрозой для всей Средней Греціи. Тогда къ Аѳинамъ примкнули и Ѳивы. При *Херонеѣ* въ 338 г. произошла битва. Съ одной стороны стояли войска Филиппа, съ другой войска аѳинянъ, беотійцевъ и мелкихъ государствъ Средней Греціи. Филиппъ нанесъ союзникамъ пораженіе и такимъ образомъ сталъ владыкой Греціи. Беотійскій союзъ онъ разрушилъ и этимъ наказалъ Ѳивы. Въ Аѳинахъ создалась паника, но аѳиняне скоро оправились: они поняли, что ихъ морскія силы не сломлены; Филиппъ также понималъ это и поспѣшилъ заключить миръ съ Аѳинами.

Послѣ этого мира Филиппъ производитъ коренную реорганизацію Греціи. Греческія государства-города перестаютъ существовать изолированно; они объединяются въ союзъ подъ властью Филиппа. Только Спарта не вошла въ этотъ союзъ и была наказана отнятіемъ всѣхъ областей, кромѣ долины Эврота. Такимъ образомъ Лаконія была страшно урѣзана,—это уже отнынѣ третьестепенное государство.

Въ Коринѳѣ созывается синедріонъ,—союзный совѣтъ. Всѣ греческія государства признаны равноправными,—они посылаютъ по одному представителю въ синедріонъ и должны поставлять Филиппу военные контингенты. Внутреннее управленіе городовъ Филиппъ оставилъ въ томъ видѣ, какъ оно было ранѣе, только запретилъ измѣненіе государственнаго строя. Филиппъ опирался на буржуазію; собственность онъ объявилъ неприкосновенною. Такъ стали создаваться новыя формы греческаго государства. Съ этого момента греческія государства-города постепенно превращаются въ большія эллинистическія государства, представляющія изъ себя или монархіи, или прочные союзы.

Эпоха Александра Македонскаго *).

Филиппъ готовился къ дальнейшему расширенію своего государства: къ покоренію Персіи. Это государство было слишкомъ

---

*) По исторіи Александра и эллинистическихъ государствъ кромѣ литературы, указанной на стр. 35, слѣдуетъ отмѣтить еще *Niese*, Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chäronea, I—III,

опаснымъ сосѣдомъ, у котораго греческіе полисы всегда могли получить поддержку (и дѣйствительно мы знаемъ, что Аѳины въ 335 г. искали поддержки у Персіи противъ Македоніи). Въ виду этого борьба Македоніи съ Персіей рано или поздно дѣлалась неизбѣжной.

Персія была огромнымъ государствомъ, богатымъ и деньгами, и живой людской силой. Однако внутри этого государства многое было очень неблагополучно. Мы уже видѣли (стр. 266) какъ непрочно было персидское господство въ Египтѣ. Съ начала IV в. Египетъ пріобрѣлъ независимость (28—30 династіи Манеѳона), причемъ новые египетскіе національные цари опирались, какъ на главную военную силу,—на греческихъ наемниковъ. Царь персидскій Артаксерксъ III Охъ (362—338 г.) принималъ героическія усилія для покоренія Египта, но безуспѣшно. Положеніе его затруднялось тѣмъ, что противъ Персіи возстала Финикія, возсталъ Кипръ. Независимость Кипра Артаксерксу пришлось признать, Финикія была вновь покорена (350 г.). Только послѣ этого царь могъ предпринять походъ противъ Египта, завершившійся, наконецъ, новымъ покореніемъ этой страны персидскому игу (344 г.) *). Однако всѣ эти событія показываютъ, какъ непрочно связаны были отдѣльныя части Персидскаго государства.

Однако тонкій дипломатъ Филиппъ не сразу выступилъ противъ Персіи: пока греки не были сломлены, онъ напротивъ заключилъ съ Персіей союзный договоръ **). Близорукіе руководители персидской политики пошли въ эту ловушку, мечтая такимъ образомъ легче справиться съ непокорными вассалами. Аѳинянамъ, просившимъ у него помощи въ 340 г., Артаксерксъ въ помощи отказалъ ***). Филиппъ такимъ образомъ имѣлъ полную возможность довести дѣло до Херонейской битвы (338 г.) и разгромить грековъ.

Теперь онъ сталъ готовится къ походу противъ Персіи. На Коринѳскомъ конгрессѣ онъ заручился обѣщаніемъ поддержки со стороны послушныхъ ему греческихъ государствъ (см. выше стр. 305).

1893—1903; это сочиненіе цѣнно массой фактическаго матеріала, но вызвало много критическихъ замѣчаній, особенно въ силу узости кругозора автора.

*) Борьба за Египетъ изображена у *Діодора* (XVI 40—51).

**) Объ этомъ можно заключить изъ *Arrian*, Anab. II 14, 2. См. *Kärst*, Gesch. d. hellenist. Zeitalters, I, 189.

***) *Kärst*, l. c.

Уже въ началѣ 336 г. македонское войско переправляется въ Малую Азію, гдѣ греческіе города встрѣчаютъ его съ удовольствіемъ, ожидая отъ него освобожденія отъ персидскаго ига.

Незадолго до этого скончался Артаксерксъ III (337 г.), начались придворныя смуты, въ результатѣ которыхъ престолъ занялъ отпрыскъ боковой линіи Ахеменидовъ подъ именемъ Дарія Кодомана.

Однако и Филиппъ не намного пережилъ Артаксеркса: въ разгаръ малоазійской экспедиціи онъ палъ отъ руки одного изъ своихъ тѣлохранителей (336 г.). Повидимому, это убійство стояло въ связи съ удаленіемъ отъ двора жены Филиппа Олимпіады (матери Александра Великаго) и съ женитьбой Филиппа на Клеопатрѣ.

Новый царь *Александръ* не сразу могъ приступить къ завоеванію Персіи. Началось броженіе въ разныхъ частяхъ его государства,—особенно въ вассальной Греціи. Александру пришлось съ войскомъ появиться въ Ѳессаліи и Беотіи, чтобы смирить грековъ. Въ Коринѳѣ былъ вновь собранъ конгрессъ, на которомъ былъ подтвержденъ договоръ грековъ съ Филиппомъ. Но Александру пришлось еще обратиться на сѣверъ во Ѳракію и Иллирію, гдѣ были неспокойны варвары. Отсутствіе Александра опять вызвало броженіе въ Греціи. Ѳивы возстали. Но Александръ форсированнымъ маршемъ въ теченіе 14 дней сумѣлъ перебросить свое войско въ Беотію и неожиданно явился передъ Ѳивами. Городъ былъ взятъ и *разрушенъ*, жители частью отведены въ Македонію, частью —проданы въ рабство. Аѳины, сочувствовавшія ѳиванскому движенію, притихли, и Греція покорилась (335 г.)

Весною 334 г. Александръ получилъ возможность лично выступить черезъ Геллеспонтъ противъ Персіи, имѣя при себѣ около 30,000 пѣхоты и 5,000 всадниковъ *). Такой силы, уступающей величинѣ нынѣшняго корпуса, оказалось въ то время достаточно, чтобы начать борьбу съ Персіей. Уже въ первомъ сраженіи недалеко отъ Геллеспонта, при рѣкѣ *Граникѣ*, обнаружились преимущества греко-македонскаго войска Александра передъ разноплеменнымъ войскомъ персидскаго царя, въ которомъ, впрочемъ, тоже видную роль играли греческіе наемники. Персидская армія была разбита. Малоазійскіе греки въ большей своей части стали переходить на сторону Александра, который

*) *Kärst*, o. c., 251.

оказывалъ здѣсь поддержку демократіи противъ олигархическихъ группъ, издавна тяготѣвшихъ къ Персіи. Въ теченіе 334 и 333 г. Александръ покорилъ всю Малую Азію, и только персидскій флотъ имѣлъ успѣхъ на Эгейскомъ морѣ. Къ концу 333 г. произошло рѣшительное столкновеніе между арміей Александра и главными силами Дарія. Около залива, образуемаго малоазійскимъ и сирійскимъ берегами, близъ городка *Исса* войско Дарія было разгромлено. Дарію удалось бѣжать, но семья его попала въ плѣнъ къ Александру. Пока Дарій собиралъ новыя силы, Александръ могъ безъ особаго труда покорить въ теченіе 332 г. Сирію, Финикію и Египетъ (еще ранѣе усилившійся новыми кораблями македонскій флотъ уничтожилъ въ Эгейскомъ морѣ бо́льшую часть персидскаго). Изъ Египта Александръ двинулся внутрь Передней Азіи и здѣсь при *Гавгамелѣ*, недалеко отъ развалинъ древней Ниневіи (331 г.), нанесъ третье крупное пораженіе главнымъ силамъ Дарія, который бѣжалъ въ отдаленные сѣверо-восточные предѣлы своего царства. Александръ движется на востокъ черезъ Мидію до предѣловъ Бактріи (329 г.) и доходитъ до Сыръ-Дарьи (Яксарта). Дарій въ это время погибъ отъ рукъ своихъ подданныхъ. Однако еще два года понадобилось, чтобы окончательно покорить эти отдаленныя области. Въ 327 г. покореніе Персидскаго государства было закончено.

Но Александръ не удовлетворяется этимъ. Онъ, повидимому, носится въ это время уже съ идеей всемірной монархіи. Только такими широкими планами можно объяснить предпринятый имъ въ 326 г. планъ покоренія *Индіи*. Хотя Александръ имѣлъ военный успѣхъ въ своей экспедиціи въ область Инда, но тропическій климатъ этихъ мѣстъ заставилъ его прекратить неосуществимое по своей грандіозности предпріятіе. Онъ самъ съ арміей вернулся сухимъ путемъ, а его флотъ съ адмираломъ Неархомъ во главѣ совершилъ переходъ отъ устьевъ Инда до устьевъ Эвфрата и Тигра (325 г.).

Такова краткая исторія этихъ грандіозныхъ завоеваній.

Однако Александръ не только преслѣдовалъ завоевательныя цѣли, но, несомнѣнно, имѣлъ и широкіе организаціонные планы. Какъ мы уже упомянули, многое говоритъ за то, что успѣхи его завоеваній привели его къ *идеѣ всемірной монархіи* *).

---

*) Это доказываетъ *Керстъ* (*Kärst*, Gesch. d. hellenist Zeitalters, I, стр. 394—406) въ противоположность *Низе* (*Niese*, Zur Würdigung Alexanders des Gross. въ Hist. Zeit., N. F., XLIII, 42 с.), который склоненъ думать, что Александръ мечталъ лишь о завоеваніи Персіи.

Это видно и изъ его индійскаго похода, и изъ тѣхъ обширныхъ географическихъ изслѣдованій, которыя предпринимались по его почину (планъ обслѣдованія береговъ Аравіи, Каспійскаго моря и проч.). Есть указанія на то, что его дипломатическія сношенія простирались до Италіи и Кареагена *). Нѣтъ ничего невѣроятнаго даже въ извѣстіи о появленіи римскаго посольства при его дворѣ **): вѣдь нужно помнить, что вѣкъ спустя римляне уже начинаютъ утверждаться на Балканскомъ полуостровѣ. Мы имѣемъ извѣстіе о томъ, что Александръ проектировалъ планъ покоренія Кареагена ***).

Въ связи съ идеей всемірной монархіи можно поставить и *космополитическую* тенденцію въ политикѣ Александра: онъ стремится смѣшать и соединить національности своего царства. Въ запискахъ (ὑπομνήματα), оставшихся послѣ его смерти, Александръ выражалъ желаніе „произвести соединеніе государствъ и переселить людей изъ Азіи въ Европу и обратно изъ Европы въ Азію, чтобы путемъ браковъ и родственныхъ узъ установить между величайшими материками согласіе и дружбу, какая существуетъ между родственниками“ ****). И при жизни Александръ принималъ мѣры къ широкому *проникновенію македонянъ и эллиновъ въ предѣлы Азіи и къ смѣшенію грековъ съ персами*.

Къ эллинизаціи Передней Азіи почва подготовлялась еще до Александра. Въ первую половину IV в. множество грековъ находилось на службѣ у персидскаго царя не только въ качествѣ воиновъ разныхъ ранговъ, но и спеціалистовъ другого рода (такъ, напр., въ концѣ V и началѣ IV в. при персидскомъ дворѣ находился врачъ Ктесій, написавшій исторію Персіи). Нѣкоторые династы Западной Азіи вполнѣ усвоили греческую культуру. Таковъ былъ Мавсолъ Карійскій (377—353), Эвагоръ Кипрскій (410—374) и проч. Александръ своей дѣятельностью необычайно ускорилъ этотъ процессъ. Главнымъ путемъ въ этомъ направленіи, избраннымъ Александромъ, было *основаніе городовъ* на протяженіи всей его огромной монархіи. Большинство этихъ городовъ получило названіе Александрій. Наиболѣе значительнымъ изъ такихъ городовъ была Александрія въ Египтѣ. Въ очень скоромъ времени этотъ городъ превратился

*) *Diod.* XVII 113; *Iust.* XII 13, 1.
**) *Клитархъ* у *Plin.* Nat. Hist. III 57.
***) *Diod.* XVIII 4, 4; *Arrian.* VII 1, 2.
****) *Diod.* XVIII 4, 4.

въ одно изъ самыхъ крупныхъ поселеній древняго міра и въ значительнѣйшій культурный центръ. Причины заключались въ томъ, что Александрія располагала прекрасно устроенной гаванью, связывавшей страны Средиземнаго моря съ плодороднѣйшей Нильской долиной, которая стала житницей для означенныхъ странъ. Кромѣ того, Александрія была пунктомъ, черезъ который товары, шедшіе изъ Нубіи, Аравіи, Индіи и Китая (шелкъ), въ сыромъ или переработанномъ видѣ проникали на сѣверъ и на западъ *). Александрія, ставъ торговымъ центромъ, скоро стала и центромъ разныхъ отраслей промышленности: ткачества **), обработки металловъ, въ частности золота и серебра, стекляной индустріи, парфюмеріи ***).

Но не только египетская Александрія получила дальнѣйшее развитіе. Цѣлый рядъ городовъ (по б. ч. названныхъ тоже Александріями) былъ основанъ Александромъ въ Азіи вплоть до отдаленныхъ предѣловъ Персидскаго царства. Здѣсь были поселены греки для цѣлей военныхъ, но тѣ изъ этихъ пунктовъ, которые были расположены на торговыхъ путяхъ, не исчезли и позднѣе. Нѣкоторые изъ нихъ до сей поры существуютъ подъ разными именами (Ходжендъ, Гератъ, Кандагаръ) ****). Сюда со времени Александра стали стекаться греческіе купцы, приносившіе съ собою кое-что изъ греческой культуры.

Но Александръ стремился не только къ распространенію греко-македонскаго этническаго элемента въ Египтѣ и Азіи. Онъ старался слить разнородныя національности воедино. Въ этомъ направленіи особенно характерно его стремленіе устраивать браки между высокопоставленными греками и македонянами съ одной стороны и персидской знатью—съ другой. Самъ Александръ подаетъ примѣръ: онъ вступаетъ въ бракъ съ бактріанкой Роксаной, со старшей дочерью Дарія Статирой, съ дочерью Оха Парисатидой. Персы стали привлекаться и къ службѣ въ войскѣ, и на гражданскія должности.

Всѣ эти факты не могли не отразиться и на характерѣ власти Александра. Стремленіе къ міровому владычеству, сбли-

---

*) См. *М. М. Хвостовъ*, Исторія восточной торговли греко-римскаго Египта, Казань, 1907.

**) *М. М. Хвостовъ*, Очерки организаціи промышленности и торговли въ греко-римскомъ Египтѣ, I, Казань, 1914, 22, 50 с.

***) *М. М. Хвостовъ*, Исторія восточной торговли, стр. 162—176.

****) *Kärst*, o. c., I, 343—347.

женіе съ азіатами, желаніе поддерживать свой престижъ среди персовъ и другихъ азіатскихъ племенъ,—все это повело къ тому, что Александръ вноситъ въ свою власть восточные элементы. Онъ превращается изъ наслѣдственнаго вождя македонской знати и народа и изъ признаннаго—съ формальной стороны якобы добровольно—вождя греческихъ республикъ въ царя восточнаго типа; имѣются опредѣленныя указанія на то, что приверженцы Македоніи въ греческихъ республикахъ поднимали вопросъ объ обоготвореніи Александра, и трудно сомнѣваться, что это дѣлалось не безъ давленія со стороны самого Александра *) На монетахъ вмѣсто изображенія божества появляется изображеніе Александра **).

Несмотря на этотъ ростъ восточныхъ элементовъ въ характерѣ власти Александра, послѣдній считался всеже съ формой эллинскаго пóлиса. Въ Европейской Греціи самоуправленіе государствъ-городовъ сохраняется. Повидимому, этотъ принципъ проводится и во вновь основанныхъ городахъ въ Азіи. Но, конечно, это самоуправленіе очень ограничено. Какъ мы сейчасъ увидимъ, даже въ Греціи Александръ проявляетъ постоянное вмѣшательство во внутреннюю жизнь государствъ. Такимъ образомъ съ Александра ведетъ свое начало то сочетаніе центральной военно-бюрократической власти съ самоуправляющимися городскими общинами, которое унаслѣдовали нѣкоторыя эллинистическія монархіи, а затѣмъ Римская имперія ***).

Монархическая политика Александра не могла не вызвать оппозиціи. Къ этому присоединялось недовольство македонянъ недостаточно національной политикой Александра. Еще въ 330 г. былъ открытъ заговоръ, организованный никѣмъ инымъ, какъ начальникомъ царской гвардіи Филотомъ, сыномъ первокласснаго полководца Александра Парменіона. Не только Филотъ былъ казненъ, но Александръ унизился до посылки убійцъ къ Парменіону, который и погибъ отъ ихъ руки. Послѣ индійскаго похода, когда восточныя черты въ политикѣ Александра стали отчетливѣе, оппозиція усилилась. Отъ руки вспылившаго Александра погибъ его генералъ Клитъ, повидимому, защищавшій старомакедонскія традиціи (328). Былъ открытъ заговоръ, въ которомъ былъ замѣшанъ исторіографъ Александра философъ

---

*) *Kärst*, I, 389 сс.
**) Ib. 391—392.
***) См. выше стр. 161.

Каллисѳенъ *). Наконецъ, въ 324 г. вспыхнуло военное возстаніе въ Описѣ (на Тигрѣ). Александръ сталъ даже отпускать македонскихъ ветерановъ на родину, чтобы избавиться отъ ихъ оппозиціоннаго настроенія.

Значительна была оппозиція и въ Европейской Греціи. Александръ вмѣшивался во внутреннюю жизнь полисовъ. Мы видѣли, что онъ черезъ македонскую партію старается провести свои монархическія тенденція въ Грецію. Въ 324 г. онъ требуетъ, чтобы греческія республики вернули всѣхъ политическихъ изгнанниковъ. Все это отнюдь не способствуетъ примиренію антимакедонскихъ партій въ Греціи съ господствомъ Александра.

Еще въ 333 г. спартанскій царь *Агисъ II* началъ войну съ Македоніей и сначала имѣлъ успѣхъ. Но только часть пелопоннескихъ государствъ стала на его сторону,—остальныя не рѣшились. Въ 330 г. Агисъ былъ разбитъ македонскимъ нанамѣстникомъ Александра Антипатромъ и погибъ.

Въ Аѳинахъ противомакедонская партія на это время притаилась. Однако, пользуясь миромъ, Аѳины имѣли возможность возстановить свою торговлю и упорядочить финансы. Послѣднее было достигнуто отчасти вслѣдствіе энергичной дѣятельности извѣстнаго оратора *Ликурга*, который въ теченіе 12 лѣтъ (338—326 г.) стоялъ во главѣ финансоваго управленія. Въ то же время пораженіе при Херонеѣ заставило аѳинянъ обратить особое вниманіе на военное воспитаніе юношества. Молодые люди (*эфебы*) съ этихъ поръ стали призываться къ обязательному обученію военному дѣлу, чтобы имѣть возможность конкурировать съ профессіональными наемными войсками.

Однако антимакедонское настроеніе въ Аѳинахъ не исчезло. Аѳиняне приняли къ себѣ Гарпала казначея Александра, который бѣжалъ отъ царя изъ-за произведенной имъ крупной растраты (324 г.). Онъ привезъ съ собой громадныя деньги (5000 тал., т. е. ок. 12 мил. руб.). Но Александръ потребовалъ выдачи Гарпала. Испуганные аѳиняне заключили Гарпала въ тюрьму (откуда онъ потомъ бѣжалъ), а противъ вождей антимакедонской партіи, въ томъ числѣ противъ Демосѳена, было возбуждено обвиненіе въ принятіи подарковъ отъ Гарпала. Демосѳенъ былъ приговоренъ къ крупному штрафу и бѣжалъ (онъ вернулся въ Аѳины лишь послѣ смерти Александра).

---

*) Сочиненіе Каллисѳена объ Александрѣ было написано въ панегирическомъ тонѣ.

Необычное напряженіе силъ при громадной военной и административной дѣятельности, излишества и нездоровый климатъ Вавилона, гдѣ Александръ основалъ свою резиденцію, подточили силы Александра, онъ внезапно заболѣлъ и на 10-й день болѣзни скончался 32 лѣтъ отъ роду, 13 іюня 323 г.

Александръ началъ энергичную эллинизацію Востока и положилъ начало своеобразнымъ греко-восточнымъ эллинистическимъ государствамъ.

XVI. Краткій очеркъ эллинистическаго періода. 2. Греція въ эллинистическую эпоху.

Источники.

Событія послѣ смерти Александра до конца IV в. (302 г.) описаны въ XVIII—XX книгахъ *Діодоромъ*. Для III в. значеніе имѣетъ *Трогъ Помпей* (Юстинъ см. выше стр. 298). Главнымъ же источникомъ для исторіи Греціи III и первой половины II в. до Р. X. является *Полибій*. Характеристику этого крупнѣйшаго представителя греческой исторіографіи послѣ Ѳукидида я даю въ своемъ курсѣ римской исторіи. Здѣсь достаточно замѣтить, что Полибій (ок. 205—125 г. до Р. X.) главной задачей своего историческаго труда ставилъ изображеніе того процесса, который привелъ Римъ къ объединенію подъ своею властью народовъ Средиземнаго моря. Его изложеніе охватываетъ исторію этихъ народовъ съ первой пунической войны до завоеванія Греціи и Карѳагена (264—146 гг.). Къ сожалѣнію, изъ 40 книгъ труда Полибія полностью дошли лишь первые 5 (до 217 г.), отъ остальныхъ же сохранились только извлеченія,—правда, довольно значительныя. Полибій—послѣдователь Ѳукидида и Аристотеля. Онъ—реалистъ и прагматикъ, старающійся дать объективное изображеніе событій и установить ихъ дѣйствительную причинную связь. Изложеніе Полибія проникнуто уваженіемъ къ мощи Рима.

Важнымъ источникомъ для исторіи Греціи III вѣка являются *Плутарховы* біографіи Димитрія Поліоркета, спартанскихъ царей-революціонеровъ Агиса III и Клеомена III и стратега Арата. Въ послѣднихъ трехъ біографіяхъ Плутархъ пользовался мемуарами самого Арата, но еще больше черпалъ изъ историка III вѣка *Филарха*, изложеніе котораго, не отличаясь точностью, привлекало читателей картиннымъ, иногда даже риторическимъ изображеніемъ событій. Это былъ типичный представитель другого теченія исторіографіи эллинистическаго періода,—теченія, рѣзко отличнаго отъ того, которое представляетъ Полибій.

Эпоха эллинизма.

Эпоха послѣ завоеваній Александра до римскаго завоеванія получила названіе *эллинистической*. Общая характеристика ея выходитъ за предѣлы собственно греческой исторіи. Здѣсь мы остановимся лишь на исторіи Европейской Греціи этого времени *).

Соціальное равновѣсіе не было достигнуто и въ этотъ періодъ; миръ международный тоже не былъ установленъ. Надежды, возлагавшіяся съ эпохи Филиппа частью имущихъ классовъ греческаго общества на Македонію, не оправдались: изъ монархіи Александра возникло нѣсколько государствъ, которыя вели между собою непрерывную борьбу за преобладаніе. Шла не столько борьба народовъ, сколько борьба династовъ между собою. Династы вмѣшивали въ свои междуусобія и греческія общины. Изъ монархіи Александра постепенно образовалось три крупныхъ государства, во главѣ которыхъ стали сподвижники Александра, такъ наз. *діадохи*: Македонское, Сирійское (династія Селевка) и Египетское (династія Птолемея) и нѣсколько менѣе значительныхъ,—тоже со сподвижниками Александра во главѣ (Лисимахъ—во Ѳракіи, Антигонъ—во Фригіи, Евменъ—въ Каппадокіи и Пафлагоніи и проч.). Позднѣе образовалось небольшое, но богатое и культурное Пергамское царство въ М. Азіи. Съ 306 г. діадохи стали принимать царскіе титулы. Антигонъ въ концѣ IV в. пытался занять среди нихъ первенствующее положеніе, но потерпѣлъ пораженіе отъ коалиціи изъ Селевка, Лисимаха, Птолемея и Кассандра (въ битвѣ *при Ипсѣ* въ 301 году Антигонъ былъ побѣжденъ соединенными силами Селевка и Лисимаха, при чемъ и самъ погибъ).

Въ эту эпоху Греціи приходилось болѣе всего считаться съ ближайшей своей сосѣдкой—Македоніей. Партіи, существовавшія внутри греческихъ государствъ, искали опоры то въ томъ, то въ другомъ претендентѣ на македонскій престолъ, а претенденты въ свою очередь желали создать себѣ опору, давая посулы и обѣщанія той или другой партіи въ греческихъ общинахъ. Такъ, послѣ смерти Александра большинство греческихъ государствъ съ Аѳинами во главѣ попытались освободиться отъ македонскаго ига, начавъ борьбу съ намѣстникомъ Александра въ Македоніи Антипатромъ (т. наз. Ламійская война 323—322 г,), но союзъ грековъ по обыкновенію оказался непрочнымъ и сталъ распадаться послѣ первыхъ же неудачъ. Антипатръ вступилъ въ сепаратныя соглашенія съ отдѣльными

---

*) *Ferguson*, Hellenistic Athens, 1911.

общинами, опираясь на зажиточные классы и поддерживая антидемократическія теченія (въ Аѳинахъ вводится имущественный цензъ для полноправнаго гражданства). Демосѳенъ вынужденъ былъ кончить жизнь самоубійствомъ. По смерти Антипатра (319 г.) боровшіеся за владычество въ Македоніи Полисперхонтъ и Кассандръ поддерживаютъ, первый — демократію, а второй—олигархію. Во главѣ Аѳинъ съ 318 - 308 г. находится ставленникъ Кассандра *Димитрій Фалерскій*, поддерживавшій здѣсь олигархію. Затѣмъ въ роли защитниковъ демократіи и „освободителей“ Греціи противъ Кассандра выступаютъ новые претенденты на владычество среди діадоховъ: *Антигонъ* (до 301 года) и его сынъ *Димитрій Поліоркетъ*. Во многихъ укрѣпленіяхъ Греціи македонскіе властители держали свои гарнизоны. Неоднократно македонскій гарнизонъ находился и въ Аттикѣ (преимущ. въ Пиреѣ); такъ, даже „освободитель Аѳинъ“ Димитрій Поліоркетъ держалъ здѣсь гарнизонъ съ 294 г.; лишь послѣ пораженія Димитрія (288 г.) аѳиняне сдѣлали попытку изгнать македонскій гарнизонъ, которая, однако, кончилась неудачей. Въ другихъ мѣстностяхъ Греціи (напримѣръ, въ Коринѳѣ) гарнизоны сына Димитрія Антигона Гонатá (287—240) оставались, несмотря на то, что въ самой Македоніи Антигонъ имѣлъ соперниковъ въ лицѣ Птоломея Керавна (280—276), а затѣмъ Пирра Эпирскаго (273—272). Во многихъ городахъ Греціи Антигонъ поддерживалъ даже *тираннію* (Сикіонъ, Аргосъ, Мегалополь и проч.). Эти смуты привели Грецію къ страшному потрясенію: въ 279 году полудикіе *галлы*, проникшіе изъ сѣверной Италіи на Балканскій полуостровъ, вторглись въ Македонію и Грецію, произведя страшныя опустошенія; наконецъ, Антигонъ Гонатá нанесъ имъ пораженіе; галлы осѣли частью во Ѳракіи, частью въ М. Азіи (Галатское царство).

Около 266 года Аѳины, пользуясь поддержкой Египта, Спарты и другихъ государствъ, попытались свергнуть господство Македоніи въ Греціи, но Антигонъ и тутъ вышелъ побѣдителемъ (Хремонидова война 266—262 г.) и вновь ввелъ гарнизонъ въ Аѳины. Послѣ этихъ событій политическая роль Аѳинъ сводится почти къ нулю: онѣ остаются лишь культурнымъ центромъ. Главнымъ торговымъ пунктомъ на Эгейскомъ морѣ уже съ начала III вѣка становится *Родосская республика*, ведшая особенно интенсивную торговлю съ Египтомъ.

Большую независимость удалось сохранить тѣмъ греческимъ общинамъ, которыя объединились въ *болѣе прочныя федеративныя государства*. Этимъ путемъ до нѣкоторой степени

удовлетворялась потребность въ болѣе твердой государственной власти, которая, какъ мы видѣли, такъ сильно ощущалась въ Греціи уже въ первой половинѣ IV вѣка. Такія федераціи создались въ западной Греціи, до сей поры отстававшей отъ восточной въ своемъ политическомъ развитіи. Эта отсталость отчасти даже была причиной успѣха новыхъ федеративныхъ теченій: здѣсь не успѣли образоваться значительные политическіе центры, подобно Аѳинамъ, Спартѣ, Ѳивамъ, которые могли бы имѣть перевѣсъ надъ другими и, такимъ образомъ, нарушать равенство союзниковъ. Такими федераціями были *Этолійскій союзъ* въ Средней Греціи и *Ахейскій*—въ Пелопоннесѣ. Оба эти союза отличались отъ федерацій прежняго времени—съ Аѳинами, Спартой и Ѳивами во главѣ—равноправіемъ своихъ членовъ (особенно въ Ахейскомъ союзѣ); лишь силой покоренныя общины могли испытывать нѣкоторыя ограниченія. Центральные органы въ союзахъ существовали лишь для охраны внутренняго и внѣшняго порядка. Верховная власть принадлежала въ обоихъ союзахъ народнымъ собраніямъ; здѣсь выбирались должностныя лица и рѣшались важнѣйшія дѣла. Участвовать въ этихъ собраніяхъ могли граждане зрѣлаго возраста всѣхъ общинъ, входившихъ въ составъ союза. Голоса подавались по городамъ (во всякомъ случаѣ, такъ было въ Ахейскомъ союзѣ). Менѣе важныя дѣла рѣшались въ совѣтѣ, состоявшемъ изъ представителей отъ городовъ (организація совѣта яснѣе въ Этолійскомъ союзѣ, чѣмъ въ Ахейскомъ, гдѣ много спорнаго). Текущія дѣла вели должностныя лица, избиравшіяся на годъ. Высшее изъ нихъ въ обоихъ союзахъ именовалось стратегомъ; онъ былъ президентомъ союза и главнокомандующимъ. Въ Ахейскомъ союзѣ при стратегѣ имѣлась еще особая коллегія даміурговъ, а въ этолійскомъ, повидимому,—коллегія апоклетовъ. На общія нужды союзныя общины дѣлали денежные взносы и для военныхъ дѣйствій выставляли контингенты войска. Этолійскій союзъ охватывалъ преимущественно сельскія мѣстности, въ составъ Ахейскаго входили сравнительно значительные города. Фактически въ обоихъ союзахъ, особенно же въ Ахейскомъ, преобладающее значеніе имѣли зажиточные люди, ибо лишь они могли часто являться въ народныя собранія и занимать высшія должности, которыя не оплачивались. На значеніе интересовъ торгово-промышленныхъ классовъ въ каждомъ изъ союзовъ указываетъ также единство монетной системы, мѣръ и вѣса, введенное въ союзныхъ общинахъ.

Этолійскій союзъ уже въ первой половинѣ III вѣка сталъ значительной политической силой въ Средней Греціи. Ахейскій

начинаетъ играть роль въ Пелопоннесѣ съ половины этого вѣка, когда его руководителемъ сталъ сикіонецъ *Аратъ* (251—213 г.), многократно избиравшійся въ стратеги. Цѣлый рядъ городовъ былъ освобожденъ ахейцами отъ македонскихъ гарнизоновъ и отъ тиранновъ. Но дальнѣйшее расширеніе союза въ Пелопоннесѣ встрѣтило противодѣйствіе со стороны *Спарты*.

Это государство, какъ мы видѣли, переживало тяжелый соціальный кризисъ (стр. 289 сс.). И вотъ, въ срединѣ III вѣка здѣсь обнаруживается серьезное реформаціонное теченіе. Молодой царь *Агисъ* III, вступившій на престолъ ок. 245 г., задумалъ широкій планъ реформъ, сущность котораго сводилась къ уничтоженію долговыхъ обязательствъ и къ передѣлу земель съ тѣмъ, чтобы надѣлитьими безземельныхъ спартіатовъ и періэковъ. Уничтоженіе долговыхъ обязательствъ было произведено, но аграрная реформа Агису не удалась вслѣдствіе противодѣйствія правящей группы землевладѣльцевъ. Самъ Агисъ былъ убитъ въ 241 г. Однако, его планъ былъ возобновленъ царемъ *Клеоменомъ III* (съ 235 г.), который, чтобы сломить сопротивленіе правящей группы спартіатовъ, уничтожилъ эфоратъ, ставшій въ эту эпоху изъ демократическаго учрежденія, какимъ онъ былъ въ болѣе древнее время,—органомъ небольшой кучки полноправныхъ спартіатовъ. Клеоменъ произвелъ раздѣлъ земель между безземельными спартіатами и періэками, увеличивъ число полноправныхъ гражданъ до 4500 и поднявъ военную мощь Спарты. Усиленіе Спарты и соціальныя реформы Клеомена напугали буржуазію, господствовавшую въ Ахейскомъ союзѣ. Начатая Клеоменомъ еще до его реформъ продолжительная война съ ахейцами теперь разгорѣлась съ особой силой. Перевѣсъ оказался на сторонѣ Клеомена. Тогда Ахейскій союзъ (Аратъ) обратился за помощью къ Македоніи (царь Антигонъ Досонъ 229—219 г.), съ помощью которой Клеоменъ былъ побѣжденъ (битва при Селласіи 221 г.) и долженъ былъ бѣжать въ Египетъ, гдѣ и погибъ. Македонія вновь вернула себѣ фактическое господство въ Греціи и даже въ Ахейскомъ союзѣ. Только Этолійскій союзъ, Аѳины и Элида остались независимыми. Этолійцы пытались пошатнуть македонское преобладаніе. Но такъ наз. союзническая война (220—217 г.) этолійцевъ съ преемникомъ Антигона Филиппомъ V (219—179), дѣйствовавшимъ въ союзѣ съ ахейцами, не измѣнила положенія. Однако, и преобладанію Македоніи въ Греціи скоро пришелъ конецъ: *у Македоніи явился новый соперникъ. Это былъ Римъ.*

XVII. Періодъ римскаго владычества въ Греціи до эпохи Римской имперіи.

Источники.

Главнымъ источникамъ для исторіи завоеванія Македоніи и Греціи Римомъ былъ *Полибій*, который, къ сожалѣнію, въ этой части дошелъ до насъ лишь въ извлеченіяхъ (см. выше стр. 313).

Для II вѣка также имѣютъ существенное значеніе *Плутарховы* біографіи ахейскаго стратега Филопемена и римскихъ полководцевъ-завоевателей Македоніи и Греціи Эмилія Павла и Фламинина. Для этого же времени очень важно изложеніе историка Рима *Тита Ливія* (21—45 книги), изобразившаго завоеваніе Македоніи римлянами и ихъ вмѣшательство въ дѣла Греціи. Полибій имѣлъ продолжателей, изобразившихъ событія второй половины II и I вѣка до Р. Х. Это были философъ-стоикъ *Посидоній* и географъ *Страбонъ*. Отъ ихъ сочиненій дошли отрывки. Но историческое сочиненіе Страбона отчасти восполняется его „Географіей“ въ 17 книгахъ. Здѣсь дается довольно подробное описаніе извѣстнаго въ то время (эпоха императора Августа) міра, въ томъ числѣ, конечно, и Греціи. Въ это описаніе включено и много историческихъ экскурсовъ.

Важна также *Плутархова* біографія Суллы.

Для исторіи всего эллинистическаго міра, т. е. какъ собственно Греціи, такъ и эллинистическихъ государствъ Азіи и Африки (Египта эпохи Птолемеевъ) огромное значеніе имѣютъ *надписи* *). Для исторіи эллинистическаго Египта еще болѣе цѣнны греческіе *папирусы* (см. выше стр. 9—12).

а) Подчиненіе западныхъ грековъ Риму (282—212 г.).

Греческія общины Южной Италіи, терзаемыя классовой борьбой (Өуріи, Тарентъ), уже въ началѣ III вѣка (282—272 г.) подчинились Римскому государству, покорившему себѣ ранѣе въ теченіе IV в. Среднюю Италію.

Затѣмъ наступила очередь *Сициліи* **). Вскорѣ послѣ борьбы съ Аөинами въ концѣ V вѣка наиболѣе значительное греческое государство здѣсь—Сиракузское—опять перешло подъ власть тиранновъ, опиравшихся на войско и низшіе классы

---

*) Имѣется очень важный сборникъ *Dittenberger*'а: Orientis Graeci Inscriptiones selectae, vol. I—II.

**) *Holm*, Geschichte Siziliens im Altertum, томы, I—III, 1870—1898.

(правленіе *Діонисія Старшаго*, 405—367, и *Діонисія Младшаго*, 367—357 и 346—344 г.). Сравнительная устойчивость тиранніи въ Сициліи въ эту эпоху объясняется въ значительной степени тѣмъ, что борьба съ Кареагеномъ, утвердившимся въ западной части острова, требовала централизаціи власти, особенно военной. Торжество демократіи въ Сиракузахъ въ 344 г. (вождь демократовъ Тимолеонтъ) оказалось непрочнымъ: въ послѣднія десятилѣтія IV вѣка мы видимъ здѣсь вновь ожесточенную борьбу имущихъ, пока, подъ вліяніемъ опасности со стороны Кареагена и утомленія общества отъ соціальной борьбы, власть опять не сосредоточилась въ рукахъ тиранна *Агаеокла* (ок. 320—289 г.), который подчинилъ Сиракузамъ восточную часть Сициліи. Кареагенъ не могъ смотрѣть равнодушно на такое усиленіе Сиракузъ и началъ съ Агаеокломъ ожесточенную борьбу, во время которой Агаеоклъ высаживался даже въ Африкѣ и поставилъ однажды Кареагенское государство въ крайне трудное положеніе. Кареагенъ избѣгъ катастрофы лишь потому, что въ Сициліи вспыхнуло возстаніе противъ Агаеокла. Агаеоклу, однако, удалось заключить миръ съ Кареагеномъ (305 г.) и укрѣпить свое положеніе не только въ Сициліи, но и въ Южной Италіи и даже и на Іонійскомъ морѣ (Коркира). Послѣ его смерти смута въ Сиракузскомъ государствѣ возобновилась, пока ок. 268 г. здѣсь не захватилъ власть *Гіеронъ II* (268—215 г.). Остальная Сицилія въ это время была захвачена римлянами послѣ продолжительной борьбы съ упорно оспаривавшими у нихъ господство на островѣ кареагенянами (*Первая Пуническая война* 264—241 г.). Во вторую половину 2-й Пунической войны послѣ смерти Гіерона (215 г.) Сиракузское государство перешло подъ власть Рима (212 г.). Нѣкоторые города Сициліи сохранили самоуправленіе въ извѣстныхъ предѣлахъ.

б) Борьба Македоніи и восточныхъ грековъ съ Римомъ (ок. 220—146 г.).

Укрѣпленіе римлянъ на югѣ Италіи и въ Сициліи скоро втянуло ихъ и въ дѣла Балканскаго полуострова. Еще въ 228 г. борьба съ иллирійскими пиратами привела ихъ къ захвату Коркиры и утвержденію въ нѣкоторыхъ пунктахъ иллирійскаго побережья Іонійскаго моря. Филиппъ V Македонскій понялъ опасность, возникшую отъ утвержденія Рима на Балканскомъ полуостровѣ, и потому во Вторую Пуническую войну сталъ на сторону Кареагена, хотя и не проявилъ особой энергіи въ военныхъ дѣйствіяхъ (такъ наз. *1-ая Македонская война* ок.

215—205 г.). Уже въ эту войну Римъ нашелъ союзниковъ въ Элладѣ въ лицѣ этолійцевъ, аѳинянъ и Спарты. Въ этой послѣдней установилась демагогическая военная тираннія, сначала въ лицѣ Маханида, а затѣмъ —Набиса. Ахейскій союзъ (стратегъ Филопеменъ) оставался на сторонѣ Македоніи. Притязанія Филиппа на расширеніе своего господства на счетъ этолійцевъ и ихъ союзниковъ повели къ тому, что этолійцы и многія греческія государства стали искать поддержки у римлянъ. Ахейцы сохраняли долгое время нейтралитетъ и лишь позднѣе перешли на сторону Рима. Вспыхнула *2-ая Македонская война* (200—197), кончившаяся побѣдой Рима. Македонія была введена въ старыя границы, греки—объявлены свободными.

Исторія Греціи въ ближайшія десятилѣтія сводится къ соперничеству Ахейскаго союза съ этолійцами и со Спартой и къ ожесточенной классовой борьбѣ внутри греческихъ обществъ. За содѣйствіе, оказанное этолійцами сирійскому царю Антіоху Великому, съ которымъ Римъ велъ войну (Сирійская война 192—190), и за непослушаніе римлянамъ этолійцы были наказаны потерей части владѣній и подчиненіемъ Риму (189 г.). Ахейскій союзъ, напротивъ, временно усилился, распространивъ свое владычество даже на Спарту, хотя это подчиненіе было непрочнымъ, ибо въ Спартѣ была сильна анти-ахейская партія. Въ городахъ Ахейскаго союза на сторонѣ Рима стояли зажиточные элементы, надѣявшіеся, что Римъ устранитъ опасность непрерывныхъ соціальныхъ революцій (еще въ 198 г. Набисъ, захвативши Аргосъ, предпринялъ здѣсь передѣлъ земель и уничтоженіе долговыхъ обязательствъ; въ Спартѣ онъ допустилъ ограбленіе спартіатовъ чернью); напротивъ, за независимость стояли демократическіе элементы, надѣявшіеся найти поддержку противъ Рима въ Македоніи. Новое столкновеніе Рима съ преемникомъ Филиппа *Персеемъ* (*3-я Македонская война* 171—168 г.) кончилась уничтоженіемъ македонской самостоятельности (Македонія была разбита на 4 области, зависимыя отъ Рима). Цѣлый рядъ греческихъ общинъ, ставшихъ на сторону Македоніи въ этой войнѣ, былъ Римомъ жестоко наказанъ: была установлена олигархія, масса демократовъ продана въ рабство. Родосъ за сочувствіе Македоніи понесъ тоже тяжелую кару: римляне объявили порто-франко на *о. Делосъ*, и торговый центръ перемѣстился сюда. Новое столкновеніе Ахейскаго союза со Спартой привело къ новому вмѣшательству Рима, сначала въ роли судьи. Но ахейская демократія, недовольная рѣшеніемъ суда, начала войну, кончившуюся полнымъ разгромомъ Ахейской фе-

дераціи и ея союзниковъ (разрушеніе Коринѳа въ 146 г.). *Македонія*, гдѣ тоже вспыхнуло возстаніе, была превращена въ римскую *провинцію*; значительная часть владѣній Ахейскаго союза (Коринѳъ, Беотія, Эвбея) присоединена къ этой же провинціи и обложена данью въ пользу Рима. Другіе города Греціи тоже стали въ фактическую зависимость отъ римлянъ, хотя сохранили мѣстное самоуправленіе. Особой провинціи изъ Греціи въ это время образовано еще не было *). Внутри городовъ римляне поддерживали *господство имущихъ* (полное право гражданства было основано на цензѣ).

Въ 133—129 г. римляне пріобрѣли Пергамское царство въ Малой Азіи, образовавъ здѣсь *провинцію Азію* и начавъ такимъ образомъ подчиненіе и мало-азійскихъ грековъ.

Такъ греческія общины постепенно вошли въ составъ Римскаго государства. Политическое объединеніе, которое уже съ IV вѣка стало необходимымъ условіемъ для дальнѣйшаго нормальнаго существованія греческихъ общинъ и котораго не создали ни сами греки, ни македоняне, было произведено Римомъ, но оно знаменовало въ то же время и гибель самостоятельности греческихъ государствъ-городовъ.

в) Греція подъ римскимъ владычествомъ.

Еще разъ въ Греціи проявилось движеніе къ независимости въ началѣ I вѣка до Р. Х., когда понтійскій царь *Митридатъ Эвпаторъ*, объединившій подъ своею властью значительную часть восточнаго побережья Чернаго моря отъ береговъ Малой Азіи до береговъ Крыма включительно, началъ борьбу съ римлянами. Большая часть эллинистическихъ городовъ М. Азіи и Европейской Греціи стала на сторону Митридата. Особенно низшіе классы, обремененные римскими налогами, видѣли въ Митридатѣ избавителя. Римскіе капиталисты въ провинціи Азіи были перебиты (88 г.). Но побѣды Суллы вернули грековъ подъ римское владычество.

Въ эпоху борьбы Цезаря съ Помпеемъ, цезаріанцевъ съ убійцами Цезаря и Октавіана съ Антоніемъ—Греція, бывшая неоднократно театромъ военныхъ дѣйствій, очень страдала отъ этихъ смутъ, весьма подрывавшихъ ея экономическое и культурное благосостояніе.

Въ 27 г. Августъ отдѣлилъ Грецію отъ Македоніи и образовалъ особую *провинцію Ахаію*, управлявшуюся римскимъ

---

*) *С. А. Жебелевъ*, Ἀχαΐκά, Въ области древностей провинціи Ахаіи. Спб. 1903; ср. его-же, Изъ исторіи Аѳинъ, 229—31 г. до Р. Х., Спб. 1898.

проконсуломъ, имѣвшимъ резиденцію въ Коринѳѣ (Ахаія была отнесена къ числу сенатскихъ, а не императорскихъ провинцій). Большая часть ея была обложена податями въ пользу Рима. Города сохранили самоуправленіе (одни—въ большей, другіе—въ меньшей степени), а нѣкоторые изъ нихъ были даже освобождены отъ римскихъ налоговъ. Что касается внутренняго устройства городовъ, то Римъ стремился поддерживать господство имущихъ. Греція въ эпоху ранней Имперіи (I—II вѣка) пользуется такимъ спокойствіемъ, какого она не знала ранѣе. Однако, отъ этого мира растетъ экономическое благосостояніе лишь азіатскихъ грековъ. Европейская Греція переживаетъ глубокій экономическій упадокъ. Главная причина заключается въ томъ, что уже въ эллинистическій періодъ торговые пути стали перемѣщаться въ связи съ новымъ направленіемъ торговли, сосредоточившейся, главнымъ образомъ, въ эллинистическихъ монархіяхъ. Экономическій ростъ Рима и римскаго запада еще болѣе отвлекъ торговые пути отъ Европейской Греціи. Большинство здѣшнихъ городовъ превратилось въ маленькія мѣстечки. Даже Аѳины являются въ эту эпоху лишь культурнымъ центромъ, влекущимъ къ себѣ образованныхъ людей въ силу интереса ихъ къ славному прошлому этого города. Торговое значеніе имѣютъ только *Коринѳъ*, расположенный на пути, соединявшемъ Эгейское море съ Іонійскимъ, да еще возстановленныя Августомъ *Патры* и основанный имъ же на мѣстѣ побѣды при Акціи *Никополь* (въ Эпирѣ).

Однако упадокъ Европейской Греціи въ эпоху римскаго владычества отнюдь еще не говоритъ объ упадкѣ греческой націи. Разселеніе грековъ въ Передней Азіи и Сѣверо-восточной Африкѣ продолжается и въ римское время; теперь греки находятъ приложеніе своему труду и на западѣ. Роль грековъ въ культурной жизни Римской Имперіи огромна. Сама римская образованность есть въ значительной мѣрѣ лишь развѣтвленіе эллинистической.

Дальнѣйшая исторія Греціи тѣсно сливается съ исторіей Римской Имперіи, а позднѣе съ исторіей Византіи.

Поправки и дополненія.

Стр. 6, строка 8 сверху. Подробный обзоръ археологическихъ изысканій въ XIX в. даетъ **Михаэлисъ**, Художественно-археологическія открытія за сто лѣтъ, рус. пер. подъ ред. *В. К. Мальмберга*, М. 1913.

Стр 7 строка 2 снизу. Гортинскіе законы правильнѣе относить къ началу или первой половинѣ V в. (см. стр. 113, 122 и 210).

Стр. 9, строка 10 снизу. Наиболѣе важныя въ историческомъ отношеніи надписи собраны въ болѣе доступныхъ по объему сборникахъ, изъ которыхъ особенно цѣнны: 1) два сборника *Dittenbergēr'*a: Sylloge inscriptionum graecarum, томы I—III, 2-е изд., 1898—1901; Orientis graeci inscriptiones selectae, томы I—II, 1903—1905; 2) *Ch. Michel*, Recueil d'inscriptions grecques, Bruxelles, 1900; Supplém., Bruxelles, 1912; 3) *E. L. Hicks und G. F. Hill*, A manual of greek historical inscriptions, 2 изд.. Oxford, 1901; 4) *W. Janell*, Ausgewählte Inschriften griechisch und deutsch, Berlin, 1906 (230 надписей съ нѣмецкимъ переводомъ); 5) *E. Nachmanson*, Historische attische Inschriften, Bonn, 1913 и Historische griechische Inschriften, Bonn, 1913 (двѣ маленькія дешевыя книжки).

Стр. 12, строки 10 и 11. Важнѣйшее пособіе для ознакомленія съ папирологіей: *L. Mitteis* und *U. Wilcken*, Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, 2 тома въ 4 частяхъ 1912. Ср. также маленькій сборникъ: *Helbing*, Auswahl aus griechischen Papyri (Sammlung Göschen), 1912. По остракологіи: *U. Wilcken*, Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien, I—II томы, 1899.

Стр. 35, строка 20 св. О трудѣ *Низе* по исторіи эллинизма см. стр. 305--306 прим.

Стр. 73, къ главѣ VII. Общіе обзоры эгейской культуры даютъ: *Dussaud*, Les civilisations préhelleniques dans le bassin de la Mer Egée, 1910; *Lichtenberg*, Die Aegäische Kultur, 1911 (есть мало обоснованныя гипотезы); *H. K. Hall*, Aegean Archaeology, London, 1915.

Стр. 77, строка 5 св. Шестая шахтообразная гробница находится внѣ круга.

Стр. 95. Прекрасный обзоръ гомеровскаго вопроса и гомеровскаго общества даетъ *Georg Finsler*, Homer, 1908 (передъ войной вышелъ 1-й томъ 2-го изд.).

Стр. 166, строка 5 сверху. Хорошій обзоръ исторіи второстепенныхъ греческихъ государствъ данъ у *Gilbert'*a, Handbuch der griech. Staatsaltertümer, т. II, 1885.

Стр. 225, къ главѣ XII. Интересную характеристику политической и экономической жизни Аѳинъ въ V в. даетъ *A. Zimmern*, The Greek Commonwealth, 2 изд., Oxford, 1915.

Стр. 256, строка 11 сверху. Напечатано: „418 г.“ сл. чит.: „420 г.“.

Стр. 283, строка 11 снизу. Напеч.: „въ концѣ V и IV вѣкахъ“, слѣд. чит.: „въ концѣ V и въ IV вѣкѣ“.

Указатель *).

---

*) Указатель составила О. П. Буличъ.

Оглавленіе.

По обстоятельствамъ времени книга печаталась съ іюня 1915 г. по январь 1917 г.

Цѣна **3** рубля.